

Министерство образования и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРА РОССИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

К 1150-летию российской государственности

Под редакцией

И. Д. Осипова, С. Н. Погодина

Санкт-Петербург
2012

УДК 332
ББК Ф-66
К90

Рецензенты:
Доктор философских наук,
профессор кафедры истории русской философии СПбГУ А. И. Бродский
Доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой конфликтологии
СПбГУ А. И. Стребков

**Культура России и международные отношения.
К 1150-летию российской государственности** / отв. ред.
И. Д. Осипов, С. Н. Погодин. — СПб. : Изд-во Политехн. ун-та,
2012. — 380 с.

Редколлегия монографии:
В. М. Никифоров, О. К. Павлова, И. Р. Тростинская

Коллективная монография посвящена исследованию различных аспектов культурного сотрудничества России с другими странами и посвящается 1150-летию российской государственности. В этой связи рассматриваются экономические, политические и правовые проблемы культурной политики России. Особое внимание уделяется анализу культурных сторон взаимоотношений России с Турцией, Белоруссией, арабскими странами. В монографии также всесторонне рассматриваются историко-культурные традиции международных отношений России, а также феномен культуры русской эмиграции.

Монография имеет междисциплинарный характер и рассчитана на специалистов в области социологии, истории, политологии, культурологии, всех интересующихся российской историей.

Все материалы печатаются в авторской редакции

Компьютерная верстка Н. Л. Балицкой

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

ISBN 978-5-7422-3672-6

© Осипов И. Д., Погодин С. Н.,
научное редактирование, 2012
© Семаш А., оформление обложки, 2012
© СПбГПУ, 2012

Глава 1

Культурные взаимодействия в контексте глобализации

А. С. Матвеевская, С. Н. Погодин

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ
И НАПРАВЛЕНИЯ ИММИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ
В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ**

Миграции сыграли выдающуюся роль в истории человечества, с ними связаны процессы расселения, освоения земли, развития производительных сил, а также смешения рас, языков и народов. В течение XX в. наблюдалось интенсивное расширение миграционных потоков, а к настоящему времени феномен миграции стал составляющим фактором всех глобальных проблем. Сегодня трудно найти этническую группу, которая не испытывала бы на себе воздействие других культур, и, в то же время, не пыталась сохранить собственную самобытность. Миграция именно в XX в. внесла изменения не только в жизнь самих иммигрантов, но также создала новую ситуацию для принимающих государств.

После второй мировой войны некоторые из западноевропейских стран стали центром притяжения тысяч иммигрантов, прибывающих в основном из государств, расположенных за пределами Европейского Союза. Результатом этого явления стала многонациональность государств, принимающих переселенцев, а также поднятые вопросы, касающиеся национального разнообразия, проблемы сохранения культуры иммигрантов. Вопросы, связанные с адаптацией переселенцев, сегодня широко обсуждаются политиками и общественностью, что делает проблему интеграции иммигрантов в ЕС особенно актуальной. Иммигранты, прибывающие в новую для них страну, привносят собственную культуру, традиции, языки. Такие нововведения стали более заметными лишь в XX в., когда миграционные потоки особенно возросли.

Состав иммигрантов разнообразен: постоянные переселенцы и члены их семей, сезонные и временные работники, приграничные трудящиеся, а также иммигранты-правонарушители и лица, ищущие убежища. Неоднозначно сказывается миграция на экономике и, особенно, на социальных изменениях. Расширение иммиграционных потоков за последние пятьдесят лет привели к появлению общества с большим культурным и этническим разнообразием. Мультикультурность является одним из наиболее популярных понятий, которые широко используют средства массовой информации и политики. Существует лишь два пути реакции общества на такое разнообразие: принимать и уважать культуру приезжих, либо пытаться ассимилировать их в той или иной степени. Одним из аспектов, порожденных миграцией, является процесс необходимой адаптации к новым условиям жизни переселенцев. Он обусловлен значительным спектром природно-климатических, экологических, социально-экономических, культурных факторов.

Ряд проблем, связанных с миграцией населения, носят глобальный характер, иные имеют региональную особенность. К первым можно отнести: интенсивную глобализацию экономики, различия в режимах демографического воспроизводства населения, усиливающуюся поляризацию жизненного уровня населения в развитых и развивающихся странах. Миграционные проблемы, имеющие региональный склад, характеризуются различиями в социальных, политических свободах между местным населением и переселенцами, возможными политическими и гражданскими конфликтами, разницей в степени занятости трудоспособного населения и ростом уровня безработицы.

Северная Европа — регион Старого Света, который обладает значительным опытом по отправлению и приему мигрантов. В настоящее время в Скандинавских странах (Швеции, Дании, Норвегии, Исландии), а также и Финляндии проявляются как общеевропейские особенности миграционных процессов, так и специфические для региона и каждой страны в отдельности.

Этот высокоразвитый регион с отлаженной системой социальной защиты, привлекает внимание людей, которые ищут

новые места проживания в надежде обрести мир, работу и социальный комфорт. За последние полтора-два десятилетия регион Северной Европы вошёл в число европейских, а в ряде случаев и мировых лидеров по многим показателям, а именно, по уровню развития экономики, конкурентоспособности, развитию информационных технологий, науки и образования, уровню развития демократических институтов, социальной и правовой обеспеченности населения, борьбы против коррупции, отсутствию криминализации общества. Начиная со второй половины XX в. страны Северной Европы перестраиваются из государств эмигрирующего населения, в государства, принимающие иммигрантов и беженцев, становясь мультиэтническими сообществами. Изменение численности населения по странам за последние два года представлено в таблице 1.

Таблица 1

Численность населения в регионе Северных стран¹

	Дания	Финляндия	Исландия	Норвегия	Швеция
1 января 2008	5 577 124	5 327 637	315 459	4 737 171	9 182 927
Иммигранты	76 751	30 068	10 288	66 961	101 171
Эмигранты	47 950	14 363	9 144	23 615	45 294
Чистая миграция	28 801	15 705	1 144	43 346	55 877
1 января 2010	5 616 691	5 353 770	319 368	4 799 252	9 256 347

Норвегия и Швеция — страны, откуда в поисках лучшей жизни за океаном уехало большое число коренных жителей. Общая численность переселенцев из Норвегии и Швеции за период 1830–1930-х гг., насчитывала миллион с лишним граждан из каждой страны.² По соотношению доли мигрирующих к общему чис-

¹ Nordic Statistical Yearbook. Stockholm, 2009. Vol. 54. P. 73–98.

² Скубий М. И. Социальные проблемы адаптации молодого учителя // Некоторые методологические проблемы общественных наук. Новосибирск: НГУ, 1971. С. 263–275.

лу жителей лидирующие позиции занимают Британские острова, далее Норвегия, Швеция.

В настоящее время общее количество населения стран данного региона составляет 25,4 млн. человек или 0,4% населения мира. Основываясь на данных Центрального статистического бюро, в Норвегии сегодня проживает около 4% иностранцев, 70% которых из неевропейских стран. В Дании лица иностранного происхождения составляют около 8,4% всего населения, в Швеции — их больше 12%, а если прибавить к ним и рожденных иммигрантами детей, то цифра составит около 20%. Самый незначительный показатель иммигрантов в Финляндии — 1,9%, это самый низкий показатель в странах ЕС (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность иммигрантов из разных стран (2010 г.)³

Страна происхождения	Дания	Финляндия	Исландия	Норвегия	Швеция
Всего	127 498	49 020	17 759	125 782	184 489
Дания	—	510	1 719	4 519	10 001
Финляндия	1 047	—	83	1 407	5 215
Исландия	3 486	74	—	681	1 018
Норвегия	5 168	759	285	—	7 372
Швеция	7 417	4 660	456	13 409	—
Балтийские страны	4 527	6 784	1 421	8 021	4 130
Польша	17 190	1 137	7 776	28 593	13 837
Остальная Европа	44 687	17 563	3 774	31 224	51 236
Америка	10 463	2 342	868	6 030	10 527
Африка	3 630	4 324	193	7 936	18 802
Азия	20 038	10 211	989	22 017	60 342
Океания	1 863	406	60	810	1 384
Не известно	542	396	11	1 001	1 243

Наиболее крупной группой переселенцев в странах Скандинавии являются иракцы. В Швеции, Норвегии и Дании выходцы

³ Nordic Statistical Yearbook. Stockholm, 2009. Vol. 54. P. 73–98.

из Ирака прочно удерживают лидирующее положение, составляя в числе беженцев от 30 до 40%. Преобладание выходцев из стран Азии (Ирана, Афганистана, Сирии, Пакистана, Турции) — отличительная черта миграционных потоков стран Северной Европы, при этом значительно количество переселенцев из стран Восточной Европы и СНГ. В основном это выходцы из Югославии, Боснии, России, Казахстана, Армении, Словакии и Беларуси.⁴

В Финляндии 50% беженцев — выходцы из Словакии, в большинстве своем этнические цыгане. Далее следуют поляки, россияне и югославы. Также достаточно крупной является группа выходцев из стран СНГ — более 25 тыс. человек — значительная часть из них этнические русские.⁵ Интересно, что в этой стране русская диаспора начала формироваться гораздо раньше распада Советского Союза, еще в XV в., когда Финляндия являлась частью Российской империи. Тогда на ее территорию были переселены крепостные крестьяне из некоторых центрально-российских губерний — Орловской, Ярославской и Тульской. В то время возникли целые поселения русских — Кююрея (Красное село) и Райвола.

Затем было несколько волн этнической миграции русских в Финляндию. К 1900 г. в стране проживало более 6 тыс. выходцев из России, главным образом в Хельсинки и Выборге. После революции 1917 г. в страну иммигрировало некоторое количество русских из Петрограда, Карелии и других регионов России. Крупной миграционной волной стало переселение 8 тыс. беженцев после Кронштадского мятежа в 1921 г., некоторые из которых «осели» в Финляндии на постоянное место жительства. Вокруг Хельсинки, Турку и Тампере сформировались русские общины, которые принято называть «старыми». В настоящее время они насчитывают 2,5–5 тыс. человек.⁶

⁴ Dorais L.-J. Vietnamese Communities in Canada, France and Denmark // *Jornal of Refugee Studies*. 1998. Vol. 11. No. 2. P. 107–125.

⁵ Рязанцев С. В. Опыт и проблемы регулирования миграционных потоков в странах Западной Европы // РАН, Ин-т социал.-полит. исслед., Центр соц. демографии. М.: ИСПИ, 2001.

⁶ Страны и народы. Научно-популярное географо-этнографическое изд.: в 20 т. / под ред. В. П. Максаковского. М.: Мысль, 1981. Т. 3: Зарубежная Европа. Общий обзор. Северная Европа.

После распада СССР миграционный поток из России в Финляндию существенно вырос в основном по экономическим причинам. Особую группу составляют иммигранты, имеющие финские (ингерманландские) корни, владеющие лучше русским языком, чем финским. Интеграция мигрантов из России сопряжена со значительными сложностями, поскольку многие не могут найти работу, сталкиваются с массой проблем при получении медицинской и юридической помощи, оказываются в языковой, культурной и социальной изоляции.

Балтийский или северный канал нелегальной миграции используются в основном вынужденными мигрантами из развивающихся стран. Это — курды, афганцы, тамилы, бенгальцы, палестинцы, пакистанцы, иранцы. Многие из них проникают первоначально на территорию России или Беларуси, а затем в страны Балтии. Затем оттуда водным путем на лодках через Балтийское море многие пытаются добраться до Швеции (остров Готланд) и Финляндии.⁷

Такие стремительные перемены в составе населения привели к затруднениям во взаимопонимании местного населения и иммигрантов. Процесс интеграции переселенцев становится все более актуальным вопросом в иммиграционной политике этих стран. Местное население северных государств испытывает естественный страх перед потоком иммигрантов, опасаясь со временем потерять свою национальную идентичность. Значительное количество иммигрантов, которым государства из практических соображений предоставляют недорогое жилье в определенных городских районах и пригородах, живет своими общинами и практически не общается с местным населением. Не удивительно, что многим из них так и не удается интегрироваться в общества стран с их устойчивыми традициями.

Изменился и сам характер иммиграции: если более двух десятилетий назад превалировала иммиграция рабочей силы, то в последнее время в основном — это беженцы, ищущие защиты от катаклизмов, происходящих на их родине. Перемена при-

⁷ Рязанцев С. В. Опыт и проблемы регулирования миграционных потоков в странах Западной Европы.

вычной жизни, низкий уровень образования, трудности с трудоустройством осложняют процесс интеграции переселенцев в новое сообщество. По мнению некоторых исследователей, растущее число иммигрантов угрожает безработицей. (Данные о безработных переселенцах представлены на табл. 3.) Лица, иностранного происхождения представляют серьёзную конкуренцию на рынке труда, отбирая у населения рабочие места. Но самым важным фактором интеграции переселенцев является нагрузка на систему социального обеспечения, поскольку общества благосостояния рассматриваемых стран, основаны на принципах эгалитаризма. Эти принципы предполагают равные возможности для местного населения и приезжих в получении социальных благ. В период рабочей миграции 1960-х годов, иностранные граждане исправно платили налоги, которые приносили в казну значительные средства. Сегодня ситуация изменилась. Так, например, в 1970 г. Шведское королевство получало 6 млн. крон от налогов, взимаемых с иммигрантов. В настоящее время выплаты на пособия иностранным гражданам в связи с безработицей и на социальную помощь составляют 20 млн. крон ежегодно.⁸

Таблица 3

Количество БЕЗРАБОТНЫХ по ВОЗРАСТУ (2010 г.)⁹

Возраст	Дания	Финляндия	Исландия	Норвегия	Швеция
Общее	94.4	172.0	5.4	67.0	293.7
16–19	15.9	29.0	1.6	19.0	60.9
20–24	15.7	27.0	1.0	10.0	58.4
25–34	20.3	33.0	1.1	16.0	57.3
35–44	17.4	28.0	0.5	11.0	45.1
45–54	13.5	30.0	0.8	8.0	38.6
55–64	11.7	25.0	0.4	4.0	33.5

В связи с наплывом беженцев и ростом безработицы среди иммигрантов, показатель занятости переселенцев значительно

⁸ Avdelningen för näringsliv och arbetsmarknad Arbetskraftsunders ökningarna, Labour Force Survey, Statistics Sweden. Stockholm, 2008.

⁹ Nordic Statistical Yearbook. Stockholm, 2009. Vol. 54. P. 73–98.

снизился. Объяснением этого могут являться уровень образования приезжих, трудности с адаптацией в сложившиеся общества, а также дискриминация иностранцев, прежде всего прибывших из бедных стран. Даже в Швеции, при сравнении с другими странами региона интеграция иммигрантов в общество несколько лучше, лишь 64% иностранцев обеспечены работой.

В 50–60-е годы прошлого века не отмечалось больших различий в уровне занятости иммигрантов и местных жителей стран Северной Европы, теперь она разительна. Безработица среди иностранных граждан, особенно вновь прибывших, в четыре раза выше, чем у шведов. Уровень безработицы среди группы иммигрантов из неевропейских стран, приехавших в начале 90-х годов XX в., в два раза превышает данный показатель среди тех переселенцев, кто родился в Швеции и европейских иммигрантов.¹⁰

Соотношение между числом рождений и смертей, разность между процессами иммиграции и эмиграции, на севере Европы содействуют увеличению прироста населения. Число рождений превышает число смертей, а иммиграция происходит интенсивнее, чем эмиграция. На прирост населения в Дании, Швеции и Норвегии сильнее влияет иммиграция, а в Финляндии и Исландии ощутимее действует естественный прирост населения.

Политика любого государства в области миграции должна максимально учитывать количественные ориентиры. Эти данные дают возможность определить цели и направления по регулированию миграционных потоков, а также оценить результат работы предпринимаемых шагов, обосновать материальные затраты государства. В каждой стране Северной Европы существует своя система сбора, анализа и оценки данных по миграции, которая основывается на специфических пространственно-временных критериях определения мигрантов и соответствующих законодательных актах.¹¹

¹⁰ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987.

¹¹ Билсбороу Р. Е. Статистика международной миграции: Рекомендации по совершенствованию системы сбора данных. М.: Академия, 1999.

Особенности функционирования систем сбора данных по миграции населения оцениваются по ряду критериев: доступность различных источников, применяемые на практике учетные категории мигрантов, степень отражения проблемы в национальной законодательной базе, объем и структура анализируемой информации и т. д. Одной из эффективных методик сбора данных о миграции является система стран Северной Европы. Основа такой системы состоит в так называемых централизованных регистрах населения, которые ведут учет миграции в государстве. Функционирование регистров опирается на разработанную и постоянно обновляемую законодательную базу, сотрудничество между статистическими и административными органами. Формирование данных регистров населения началось относительно давно. Центральные регистры населения в Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции были учреждены в период с 1964 по 1969 гг. и уже с начала 1970-х гг. данные регистров используются как источник статистики населения.¹²

Данные Центрального регистра населения в Швеции (Registret over totalbefolkningen), в Дании (Det Centrale Person Register, Central Population register), Иммиграционное управление Норвегии (Directorate of Immigration), Управление по иммиграции в Финляндии являются источником статистики населения данного региона. Работа регистра ведется в настоящее время на двух уровнях: общем и муниципальном.¹³

Централизованный регистр с местными офисами гражданской регистрации включает базовый объединяющий показатель — PIN-код (интересно, что использование персонального идентификационного номера было начато в Швеции еще в 1947 г.). Данные регистра используются во всех административных целях: выборы, налоги, здравоохранение, образование. В регистре учитывается иммиграция и эмиграция, иностранное население по гражданству и месту рождения. Иммигранты оформляются в регистре после проживания в стране более года.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 35.

Данные по миграции предоставляются статистическим органам и Иммиграционному ведомству Швеции.

Закон о государственной статистике 2001 г. Швеции, заменивший закон, принятый в 1992 г., устанавливает обязанности государственных и других органов по предоставлению данных для нужд статистики. По закону, государственная статистика должна служить источником информации и быть доступной для проведения научных исследований. Публикации должны осуществляться таким образом, чтобы не допустить раскрытия индивидуальных данных. В Постановлении о государственной статистике (2001 г.) констатируется возможность свободного предоставления и получения статистических данных через электронные информационные сети. Также подробно определяются содержание и рамки статистического анализа, в том числе в области миграции населения. Закон о защите секретности провозглашает принцип конфиденциальности данных, а в Законе о персональных данных разработаны конкретные условия защиты индивидуальной персональной информации. Достаточно разнообразна и открытая статистическая база агентства в Швеции, которая доступна в Интернете с 1997 г.¹⁴

Современная форма он-лайн регистров населения в Скандинавских странах и Финляндии предоставляет новые возможности для исследования процесса миграции. Накапливаемые данные позволяют получать информацию не только о самих мигрантах, но и о поколениях мигрантов. Помимо регистров, непосредственно собирающих информацию о переселенцах, используются и другие источники информации. Повсеместно практикуется такая распространенная форма получения данных как анкетирование. В последнее время такие исследования проводятся по корректровке численности отдельных групп мигрантов (например, мигрантов-учащихся).¹⁵

В странах Северной Европы ещё раньше, чем в Европейском Союзе ощутили необходимость свободного передвижения тру-

¹⁴ Dorais L.-J. Vietnamese Communities in Canada, France and Denmark. P. 107–125.

¹⁵ Билсборроу Р. Е. Статистика международной миграции... С. 45.

довых ресурсов в регионе. С 1954 г. здесь функционирует «Общескандинавский рынок труда», охватывающий в настоящее время все пять стран региона. Его жители имеют право работать в любой скандинавской стране без получения предварительного разрешения от властей. Центром «притяжения» на этом рынке труда и главным импортером рабочей силы, безусловно, является Швеция. Шведское королевство предоставило свободное передвижение иностранным работникам с 1 мая 2004 г., в то время как другие скандинавские страны приняли различные правила временного регулирования. Исландия и Финляндия отменили данное регулирование с 1 мая 2006 г. Дания и Норвегия сохраняют свою либеральную направленность, обеспечивая возможность иностранцам в праве на получение вида на жительство и социальное обеспечение для всех тех, кто смог найти здесь работу.¹⁶

Резкое увеличение числа иммигрантов, рост среди них удельного веса беженцев привел к напряженности в области иммиграционной политики. Механизмы, действовавшие в условиях относительно небольших потоков иммиграции, перестают быть эффективными. Начиная с 70-х годов прошлого века, политика Северных государств по отношению к иммигрантам становится все более ограниченной. В настоящее время въезд в страну разрешен только для беженцев и для въезжающих в связи с воссоединением семей. Несмотря на все усилия правительств, проблемы иммигрантов все более волнуют рядовых избирателей, растут националистические настроения, партии, провозглашающие националистические лозунги, становятся все более популярными. Особенно это касается Дании и Норвегии, где подобные партии (партия прогресса Норвегии и народная партия Дании) не только представлены в парламенте, но имеют успех у избирателей. Партия прогресса на выборах 2005 г., например, увеличила число мандатов с 26 до 38.¹⁷ В сентябре 2010 г. партия «Шведские

¹⁶ *Westin C.* Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism // Migration Information Source, Migration Policy Institute (MPI). Washington DC, 2006. № 7. P. 35–43.

¹⁷ *Ederlund L.* From immigration policy to integration policy. Stockholm, 2007. P. 135.

демократы» всё-таки преодолела 5% барьер и получила места в Риксдаге. Хотя в целом, в Шведском королевстве националистические настроения выражены гораздо слабее, чем в других северных государствах.

Таким образом, хотя регион североевропейских государств имеет множество общих проблем в сфере иммиграционной политики, здесь сохраняются весьма значительные различия по странам. Объяснением этому является не только малочисленность таких стран, как Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия по сравнению с большей по числу жителей Швецией, но и разницей политических культур внутри государств, исторических традиций. Стремление к компромиссу, сохранение нейтралитета у шведов, являющиеся отражением длительного периода неучастия в войнах и благосостояния, наложили отпечаток и на иммиграционную политику. Необходимость воспитания терпимости, уважения по отношению к приезжающим прослеживалось уже в ранних программах по иммиграционной политике. События, связанные с опубликованием карикатур на пророка Мухаммеда, свидетельствуют о различии взглядов простых людей и политиков в северных государствах. Лишь в Швеции эти карикатуры не были перепечатаны центральными газетами. Только небольшая газета националистической партии «Шведские демократы» осмелилась на это, да и то не на первых страницах своего издания. Это пример поведения людей, не желающих конфликта в стране, где проживает большое число выходцев из мусульманских стран.

Все северные страны приняли программы, нацеленные на интеграцию иностранцев в свои общества. В отличие от большинства стран Западной Европы иммигранты, прожившие в Северной Европе от трех до пяти лет в стране, имеют право голоса на коммунальных выборах, а в Норвегии и Швеции и на региональных выборах. Эти законы были приняты уже в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Однако отметим, что возможность политического участия иммигранты используют недостаточно. Они гораздо реже приходят к избирательным урнам, чем местные жители, да и число тех, кто приходит на выборы год от года уменьшается. Так, например, в Норвегии, 59,3% норвежцев участвуют в выбо-

рах, и только 41% иностранных граждан. В Швеции право участия иммигрантов в выборах существовало уже в 1976 г., тогда на выборы пришли 60%, а через 20 лет лишь 40%. Выборы 2002 г. зафиксировали 79% местного населения и всего лишь 35% — иностранного.¹⁸ Это, по-видимому, объясняется изменением контингента переселенцев, испытывающих определенное разочарование в возможностях действенного использования своих политических прав для изменения положения дел и судеб.

Интеграционная политика Норвегии строится на принципе развития мультикультурного общества, где деятельность иммигрантов в жизни страны основана на общепринятых условиях и обязательствах для всех граждан государства. Основными направлениями политики интеграции переселенцев являются, во-первых, организация в области образования иммигрантов, сконцентрированная на изучении норвежского языка и овладении профессиональной квалификацией, во-вторых, предотвращение расовой дискриминации, борьба с расизмом.¹⁹ Ежегодно Статистическое бюро Норвегии проводит исследование, направленное на выявление отношения местного населения к приезжим и иммиграционной политике. По данным исследования 2009 г. — 78% опрошенных, утверждают, что иммигрантам должны быть предоставлены такие же условия трудоустройства, какими обладают остальные граждане; 54% считают, что переселенцы насыщают культурную жизнь страны (процент согласных с данным утверждением выше в Финляндии и Швеции). Утверждение о том, что многие иммигранты злоупотребляют системой социальных пособий, вызвало наибольший диссонанс среди мнения опрошенных.²⁰

Наиболее жесткое законодательство по регулированию миграции действует сегодня в Дании. Права человека здесь культивируются как неоспоримая и первостепенная ценность демо-

¹⁸ Северная Европа. Регион нового развития / под ред. Ю. С. Дерябина, Н. М. Антюшиной. М., 2008. С. 112.

¹⁹ Report on Racism and Xenophobia in the Member States of the EU. FRA 2007. 2008, 14 May.

²⁰ Ibid. P. 132.

кратии. Но так называемый карикатурный скандал еще раз напомнил о пределах свободы слова и об опасности использования такой свободы для разжигания этнической розни и подпитки религиозного фундаментализма. Из-за ухудшения отношения к мигрантам в политических кругах и в обществе в целом сложилось убеждение в провале проводившейся политики интеграции. Ни одна из ведущих партий не выступает против ужесточения иммиграционного законодательства, а сама миграция рассматривается как «угроза будущему благосостоянию страны в экономическом, культурном и религиозном отношении».²¹

В Дании стратегию интеграции определяет тенденция сохранения культурной однородности общества, основанной на процессе ассимиляции переселенцев. Такая политика включения мигрантов в общество определяется их отказом от своих отличительных лингвистических, культурных и социальных характеристик, стремлением стать неотличимыми от большинства населения. Новая программа интеграции в Дании «По направлению к новой политике интеграции» была принята правительством в марте 2002 г.²² Основными целями данной программы явились: экономическая занятость и независимость иммигрантов и беженцев; повышение уровня образования, владение датским языком и профессиональной квалификацией среди новых граждан Дании; увеличение активности иностранцев в демократической и политической жизни государства; продвижение взаимодействия и взаимопонимания между этническими меньшинствами и датчанами. Конечным этапом интеграции для иммигрантов является натурализация и получение гражданства. Главным условием для приобретения гражданства является длительность пребывания иностранца в Дании. Этот период должен составить девять лет. В соответствии с законодательством Дании, знание датского языка, законов и ценностей датского общества, подтвержденно-го сдачей особого экзамена, является условием получения гражданства.

²¹ Dorais L.-J. Vietnamese Communities in Canada, France and Denmark. P. 120.

²² Implementation of the revised recommendations on International statistics. Submitted by Statistics Denmark. 2008.

В соответствии с законодательством Финляндии, политика интеграции основывается на процессе участия иностранцев, которые пребывают в стране законно и постоянно, в экономической, политической и социальной жизни общества. Правительственная программа 1997 г. представляет собой трехуровневую модель формирования политики интеграции, а именно, национальная, муниципальная и индивидуальная политики интеграции.²³

Закон об интеграции иммигрантов, вступивший в силу в 1999 г., является главным документом, в котором прописаны основные меры интеграционной политики Финляндии. Хотя следует отметить, что интеграционная политика государства в известной мере противоречива. В Законе об интеграции главенствует принцип мультикультурализма, но на практике основной тенденцией является приобщение иностранцев к финской культуре, т. е. процесс ассимиляции. Получение иммигрантом финского гражданства можно лишь при наличии необходимых условий, а именно, достижение возраста 18 лет, постоянное проживание в стране более пяти лет, отсутствие судимости, постоянный источник дохода, а также владение финским или шведским языком. Новый проект закона о гражданстве, одобренного парламентом Финляндии в январе 2003 г., внес важные изменения.²⁴

Согласно социальным опросам местного населения по отношению к иммигрантам, проводимым в последнее время, можно отметить в целом достаточно позитивные настроения граждан. В отличие от 1993 г., когда в стране наблюдался экономический кризис и был высок уровень безработицы.²⁵ Отметим, что выходцы их скандинавских и англосаксонских стран составляют большую толерантность по отношению к иммигрантам.

Швецию можно отнести к европейским странам, лидирующим по показателям эффективности осуществления социальной политики в отношении мигрантов. По результатам исследова-

²³ *Westin C.* Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism. P. 35–43.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ Северная Европа. Регион нового развития.

ния, проводимого Британским Советом и Брюссельской группой в 2010 г. среди стран Евросоюза в области успешности интеграционной политики, первенство одержала Швеция.²⁶ Ее «Индекс интеграционной политики» (Migrant Integration Policy Index — MIPEX) составил 83%. Для точного расчета было использовано 148 различных показателей, которые должны отобразить объективную картину в шести основных областях, влияющих на быстроту и успешность адаптации иммигрантов в новой среде. К ним относятся такие показатели как доступность рынка труда; возможность воссоединения семьи; получение вида на жительство; возможность участвовать в политической жизни, выборах, референдумах; получение гражданства; равенство прав иммигрантов и местных жителей. Швеция заняла лидирующие позиции по всем шести основным критериям, и, таким образом, подтвердила статус самой благоприятной страны с идеальными условиями для адаптации иммигрантов.

В 1950–1960-х годах Швеция не имела официальной политики включения переселенцев в жизнь общества. Считалось, что переселенцы из других Скандинавских стран, чья культура является подобной, ассимилируются автоматически. Новая ситуация привела к тому, что в 1975 г. шведский парламент одобрил политику интеграции. Главной причиной стала необходимость решения проблем, связанных с трудовыми мигрантами из стран Южной Европы. Это была радикальная перестройка, определившая отказ от политики невмешательства к новой политике, сконцентрированной на трех основных направлениях: равенство, свобода выбора и сотрудничество. Иммигранты, постоянно проживающие в стране, должны были пользоваться теми же правами, что и граждане Швеции, включая доступ к системе социального обеспечения. В личной жизни, они могли решать, желали бы они ассимилироваться или сохранить их самобытную культуру. Это также подразумевало целенаправленную поддержку языка для переселяющихся детей. Независимо от их предпочтений, это не должно противоречить

²⁶ MIPEX — Migrant Integration Policy Index [Электронный ресурс] // Migrant Integration Policy Index — Режим доступа: <http://www.mipex.eu>.

основным шведским ценностям и нормам сотрудничества. Партнерство подразумевает, среди прочего, право голоса на местных и окружных выборах.

Конституция Швеции 1974 г. подтверждает культурные свободы выбора иммигрантов. Глава 1 статьи 2 гласит: «Возможность содействия в этнических, языковых и религиозных симпатиях меньшинства, сохранение и развитие культурной и социальной жизни». Хотя в главе 2 статьи 15 утверждается: «Нет закона или другого положения, которые могут повлечь за собой неблагоприятные отношения граждан, потому что они принадлежат к группе меньшинства по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения».²⁷ Эти положения Конституции остаются основополагающими и в дальнейшем.

Таким образом, менее чем за двадцать лет Швеция в иммиграционной политике сделала поворот от ассимиляции к новым формам интеграции, с которых начался следующий период. Такие изменения были вызваны рядом причин. Во-первых, в середине 1970-х г. стало очевидным, что некоторым группам переселенцев было не просто ассимилироваться в шведское общество. Как упоминалось ранее, этот период отмечен наибольшим разнообразием миграционных потоков. Во-вторых, инициатива правительства о программах родного языка для иммигрантов была успешной и эффективной. В-третьих, Швеция считалась ответственным государством не только за своих граждан, но и за тех, кто приехал в страну. Наконец, внешнее давление было одним из элементов, которые изменили отношение Шведского правительства к иммигрантам. Это давление, главным образом поступало от финского правительства, которое требовало обеспечить возможность финнам в Швеции сохранить свою культуру и язык.²⁸

В 1985 г. Совет по вопросам иммиграции разработал амбициозную программу интеграции, построенную на основах языковой и профессиональной подготовки, а также определил муниципаль-

²⁷ Lag om andring i utlänningslagen (1954:193) (1975:1358) // Sveriges Rikes Lag. Stockholm.: P.A. Norstedt & soners forlag, 1976. S. 2245.

²⁸ Dorais L.-J. Vietnamese Communities in Canada, France and Denmark. P. 110.

ную ответственность за реализацию этой программы. Муниципалитеты должны были получить субсидии от государства в зависимости от числа беженцев, которых они согласились принять. Программа не была успешной. Поскольку, число лиц, ищущих убежища увеличилось, Совет миграции, столкнулся с большими трудностями при поиске муниципалитетов, которые будут принимать больше беженцев, чем они уже приняли. В 1990-х годах, программа интеграции беженцев была пересмотрена в целях обеспечения большей гибкости в управлении. Беженцы также могут решать, где они хотели бы жить. Это означает большее давление на крупные города с их намного более сильными рынками труда.

Министерство по вопросам интеграции иммигрантов было создано в 1996 г. Швеция была признана в качестве государства, следующего политики мультикультурализма, однако обсуждалась необходимость сохранения «шведского культурного наследия». Уже в 1998 г. политика интеграции была принята в законодательстве, и было создано национальное управление по вопросам интеграции, неся лозунг: «Швеция, будущее и поликультурное общество — от иммиграционной политики к политике интеграции».²⁹ Такая политика интеграции имела ряд целей: сообщество, основанное на разнообразии, равные возможности независимо от происхождения, взаимное уважение и терпимость в обществе.

Политика индивидуальной интеграции и равенства была поддержана рядом анти дискриминационных законов. Швеция не имеет единого закона о не дискриминации — эти положения могут быть найдены в уголовном и гражданском кодексе. Кроме того, существует ряд законов, запрещающих дискриминацию, влекущих наказания и ответственность за дискриминационные действия. Некоторые из них прямо или косвенно относятся к иммигрантам: Гендерный Закон о равенстве (1991), меры по противодействию этнической дискриминации в сфере труда (1999), Закон о равном статусе студентов в системе высшего образования (2001), запрет о дискриминации в Законе (2003). Незаконная дис-

²⁹ Ederlund L. From immigration policy to integration policy. P. 18.

криминация рассматривается также в Уголовном кодексе. Существует ответственность за высказанные акты ненависти в средствах массовой информации или на информационных щитах.

В настоящее время в Швеции действуют около 50 иммигрантских организаций. Национальная вещательная корпорация каждую неделю транслирует по радио или по телевидению передачи для иммигрантов на нескольких языках. На десяти языках выходит газета для иммигрантов, субсидируемая правительством Швеции. Ее выписывают около 10 тыс. человек.³⁰ Вновь прибывающим иммигрантам, не говорящим на шведском языке, предоставляется право изучения на специально организованных курсах, чтобы тем самым ускорить процесс их вхождения в шведское общество. Иммигрантам даже разрешается отсутствовать на работе в часы посещения ими занятий на языковых курсах.

Пример Швеции демонстрирует, что правительство может взять на себя ответственность путем создания различных программ. Однако, само общество должно быть готово к мультикультурализму. В противном случае нагнетание социальной напряженности избежать не удастся. Принятие обществом новичков может и должно быть определено путем создания правовых рамок в области исключения дискриминации и утверждения равенства в социальных правах. Одним из направлений интеграционной политики Швеции является политика по предоставлению помощи нуждающимся в защите, внедрение в общество идей, связанных с доброжелательным и положительным отношением к иностранцам и устранение все возможных предрассудков. Работа в этой области поможет улучшить не только социально-политическую обстановку (снизить преступность, повысить число трудоспособного населения, повысить уровень образования иммигрантов), но и экономическую, в частности, это поможет привлечь больше иностранных инвестиций, предотвратить утечку капитала и крупных производств из стран, которые нередко происходят из-за высоких налогов в этих государствах.

³⁰ *Westin C. Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism. P. 35–43.*

Таким образом, эволюция миграционных процессов явилась одним из определяющих факторов формирования и развития многих глобальных проблем общества в XXI в. Это определило необходимость разработки и внедрения новых подходов в миграционной политике, которая должна способствовать достижению и поддержанию баланса интересов международных акторов, участвующих в процессах миграции.

Усиление социальной мультикультурности определило одну из важных задач политики западных государств в отношении иммиграции после второй мировой войны. Комплекс вопросов, связанных с социальной адаптацией иммигрантов, встает перед большинством социумов, принимающих переселенцев. Особо актуальны вопросы о том, в какой степени следует сохранять идентичность иммигрантов, а также кто должен взять на себя ответственность за ее сохранение — сами иммигранты или принимающие их государства.

Вопрос о создании равноправного мультикультурного общества на сегодняшний день является едва ли не самым трудно решаемым в странах Запада. Общества с единой национальной культурой — явление прошлого, проблемы интеграции иммигрантов — актуальнейшая задача политической жизни. Одним из важных направлений миграционной политики стран Северной Европы является политика по предоставлению помощи нуждающимся в защите, внедрение в общество идей, связанных с доброжелательным и положительным отношением к иностранцам. Работа в этой области поможет улучшить не только социально-политическую обстановку (снизить преступность, повысить число трудоспособного населения) но и экономическую: в частности это поможет привлечь больше иностранных инвестиций, предотвратить утечку капитала и крупных производств из стран, которые очень часто происходят из-за высоких налогов в этих государствах. Таким образом, приток иммигрантов способствует и росту производства и увеличению занятости населения, что делает «страх перед иностранцами» необоснованным.

В. А. Ачкасов

«СЦЕНАРИИ» И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Многие аналитики согласились с тем, что 11 сентября 2001 г. закончился некий этап развития процессов глобализации. Так, по наблюдениям американца К. Калхуна, в 1990-х годах, в период всеобщего энтузиазма по поводу глобализации многие пленялись идеей космополитической демократии, ратовали за культурное многообразие, гибридные идентичности с проницаемыми границами и космополитическую этику, предполагающую обязательства всех перед всеми, и даже утверждали, что мир превращается в единый полис. События следующего десятилетия сделали дискурс глобализации еще более актуальным. Однако если 1989 г. символизировал оптимистические ожидания, то 11 сентября 2001 г. стало олицетворением оборотной стороны глобализации. Вызовы международного терроризма продемонстрировали значимость религиозной и этнической идентичности в мире и выдвинули на первый план проблемы национальной безопасности.¹

В терминах концепции И. Валлерстайна можно сказать, что произошел надлом в процессе американской мировой гегемонии. Начался исторический период, который, используя терминологию синергетиков, можно назвать «точкой бифуркации» — когда система подходит к кризису и у нее появляется максимум вариантов выбора в некоем широком коридоре возможностей.

¹ См.: *Calhoon C. Nations matter. Culture, history, and the cosmopolitan dream.* London; New York, 2007. P. 12.

Не случайно на рубеже веков в исследовательской литературе появляется множество «сценариев» возможного развития мира, как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу.

В частности, И. Валлерстайн, с позиций мир-системного подхода сделал свой прогноз развития капиталистической мир-системы, сформулировав три основных сценария:²

- «неофеодализм» — формирование автаркичных регионов с местными иерархиями; поддержание достаточно высокого уровня технологий для элиты;
- «демократическая диктатура» — мир делится на две «касты»: 20% богатых с более или менее справедливым распределением благ, а остальных держат под жестким контролем. (Валлерстайн считает этот вариант менее вероятным — хотя его аргумент — «где взять диктаторов среди демократов?» — выглядит не слишком убедительно);
- «децентрализованный и справедливый мир» — им связывается с появлением децентрализованных механизмов перераспределения накопленных богатств, которые потребуют реально ограничить потребление и расходы (наиболее утопичный вариант, требующий перехода от капиталистической к социалистической мир-системе).

В то же время, согласно представлениям другого авторитетного исследователя Р. Робертсона, потенциальные последствия глобализации могут быть представлены в виде четырех возможных сценариев развития мира:

- первый сценарий предполагает формирование «всемирной деревни» (М. Маклюэн), где каждый житель с помощью новейших средств массовой коммуникации может стать очевидцем событий мировой важности или происшествий в дальних странах, и где существует общепланетарный консенсус в вопросах, касающихся основополагающих ценностей и идей. «Крупнейшая информационная революция, — писал в свое время М.Маклюэн, — произошла, когда спутник создал новое окружение для всей нашей планеты. Мир природы впервые оказался полностью уложенным в сделанный человеком кон-

² См.: Wallerstein I. Capitalist civilization. New York, 1992.

тейнер. ...Глобальная деревня — это мир повседневных «электрических» взаимосвязей. Он не имеет аналогов в прошлом. Мир этот является перманентно взрывоопасным. Поэтому к нему требуется инженерное, управленческое, менеджериальное отношение».³ Таким образом, «всемирная деревня» это продукт информационной революции. Главное достижение которой — это сокращение расстояний, сближение людей в мировом пространстве, а также такое важное и новое качество их взаимосвязи и общения — интерактивность.

- второй сценарий — мондиалистский — предполагает унификацию национальных государств под эгидой некоего «мирового правительства». Или как пишет Зб.Бжезинский «создание системы глобальной безопасности, ориентированной на новый орган всемирно-политической власти».⁴
- согласно третьему сценарию, мир может представлять собой в недалеком будущем мозаику взаимно открытых суверенных национальных государств, включенных в процесс интенсивного экономического, политического и культурного обмена.
- Наконец, согласно четвертому сценарию мир может превратиться в мозаику закрытых ограниченных сообществ, равноправных и уникальных в своей институциональной и культурной упорядоченности или иерархических с одним ведущим сообществом.

Этот последний сценарий все больше привлекает внимание исследователей.

Наконец, ряд авторов, на основе существующих разработок и прогнозов, выделяет так называемые базовые сценарии глобализации, которые на стадии глобальной неопределенности реализуются одновременно и в различных регионах нашей планеты:

Глобализация = «вестернизация», культурная ассимиляция Западной цивилизацией оставшихся немодернизированных территорий и становление глобальной цивилизации с гомогенизи-

³ Цит по: Глобальная деревня. СПб., 2003. № 2. С. 1.

⁴ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2000. С. 254.

рованной культурой: ценности либерализма и универсализма доминируют, рамку задают глобальные рынки и глобальные финансово-экономические институты — типа ВБ, МВФ и т. п., призванные регулировать конкурентные отношения между корпоративными игроками, в число которых попадают и национальные государства, и межгосударственные образования — федерации, конфедерации, и иные региональные союзы.

Идейный фундамент данного неолиберального сценария глобализации изложен Ф. Фукуямой в его концепции «Конца истории» — означающего общемировую победу либеральных ценностей. Торжество либеральных и демократических ценностей Центральной цивилизации ведет к формированию глобальной цивилизации на основе базовых и универсальных норм Запада с терпимостью и открытостью к другим «невраждебным» культурам. Сложившийся «треугольник сил» — Северная Америка — Европейское сообщество — Восточная Азия должен поддерживать динамическое равновесие в глобальном мире, где главный регулятор глобальный рынок. «Большая восьмерка» наряду с ВТО, ВБ, МВФ, институтами ООН играют роль органов глобального управления и т. д.⁵

Дальнейшее развитие и практическую реализацию этот «сценарий» получил в виде доктрины неформально принятой ведущими капиталистическими странами и последовательно проводимой в жизнь ВБ и МВФ. Речь идет о так называемом «Вашингтонском консенсусе» 1992 г.;

Принципы «Вашингтонского консенсуса» таковы:

- либерализация торговли;
- финансовая либерализация;
- приватизация;

⁵ «...“Светские религии”, которые вели между собой столь кровавые битвы в прошлом веке, сегодня мертвы, — отмечает С. Хоффман. Однако Фукуяма не учитывал того факта, что живее всех живых остается национализм. Более того, он проигнорировал наличие взрывоопасного потенциала религиозных войн, которым чревата значительная часть мусульманского мира» (*Хоффман С. Столкновение глобализаций. Как сделать мир более пригодным для жизни // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1. С. 79*).

- дерегулирование;
- устранение барьеров для прямых иностранных инвестиций ;
- обеспечение прав собственности;
- унифицированные и конкурентные курсы обмена валют;
- сокращение государственных расходов (финансовая дисциплина);
- переключение государственных расходов на первоочередные нужды здравоохранения, образования и развития инфраструктуры;
- налоговая реформа, направленная на расширение налоговой базы, уменьшение предельных ставок налогообложения и установление менее прогрессивной шкалы налогообложения;
- «социальные сети безопасности»;

позднее к этим одиннадцати элементам ВБ и МВФ добавили еще один, связанный с регулированием отношений между трудом и капиталом:

- гибкость рынков труда, предполагающая децентрализацию трудовых отношений на основе сворачивания той нормативно-правовой базы, которая обеспечивает защиту интересов наемных работников и является одной из основ «социального государства».

Последовательное проведение соответствующих социально-экономических реформ и принятие общих стандартов организации и управления экономикой и бизнесом в странах Латинской Америки и других регионах бывшего «третьего мира», с одной стороны вело к тому, что коррумпированные бюрократии стран получающих финансовую помощь на цели национального развития, оказались под жестким контролем международных экономических институтов. В результате субъектами национального развития, фактически, становятся наднациональные органы.

Однако, с другой стороны, вопрос в том, что это за органы и в чьих интересах они действуют? Практика применения неоллиберальных принципов дерегулирования национальных экономик в 1980–1990-е гг. наглядно продемонстрировала, что методы «структурного регулирования» и «шоковой терапии» не могут

гарантировать от серьезных — национальных и международных кризисов. И если с точки зрения механизмов функционирования глобальной экономики, эти кризисы можно рассматривать как болезненное, но полезное «кровопускание», то для отдельных стран, регионов и социальных групп цена «оздоровления» оказывается чрезмерной. Поэтому в целом этот сценарий выгоден почти исключительно элитарным группам стран «золотого миллиарда» и ведет к обществу «одной пятой».

Как пишет российский экономист В. Коллонтай: «Неолиберальная глобализация подталкивает все новые и новые страны на путь экспортоориентированного развития, но при сужающейся хозяйственной роли государства, без существенного перераспределения выгод среди населения. Одновременно неолиберальная глобализация расщепляет национально-хозяйственные комплексы, вытягивает отдельные его звенья, оставляя многочисленные осколки прежних производственных цепочек, которые уже не способны эффективно функционировать. В результате складывается новая модель развития — экспортоориентированная с минимальным социальным перераспределением, с ущербным внутренним рынком и растущим числом неэффективных секторов. Такая модель развития приводит к резкой имущественной дифференциации общества и увеличению доли населения с низкими доходами». Так, по данным Л. Клочковского, по мере вовлечения Мексики в НАФТА (Североамериканская зона свободной торговли) происходит снижение внутренней интегрированности хозяйства страны и рост социальной напряженности». ⁶ К концу 1990-х годов большинство стран Латинской Америки столкнулись с растущим неравенством доходов, тревожным уровнем массовой бедности и социальной фрустрации.

«Такое экономическое развитие приносит и неожиданные эффекты для стран Запада, поскольку неолибералы делали ставку на то, что при резкой дифференциации доходов в периферийных странах появится достаточно многочисленная прослойка

⁶ См.: Коллонтай В. Эволюция западных концепций глобализации (Статья вторая) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 16; 33 (сноска).

богатых людей, которые образуют рынок сбыта для продукции развитых стран. Но отстранение огромных масс населения от активной хозяйственной жизни неминуемо обернется ростом социальной напряженности, свертыванием покупательной способности, а, следовательно, и рынков.⁷

Как отмечал А. И. Неклесса, «...главным обстоятельством времени является находящаяся в становлении система, по выразительному и четкому определению Збигнева Бжезинского, «глобального планирования и долгосрочного перераспределения ресурсов». Современная глобализация, таким образом, — это не мировая экономика и не объединение наций в планетарное гражданское общество, а скорее реализуемая претензия на управление планетой. Понятно, что цели и методы установления подобной системы не могут ограничиваться лишь хозяйственной сферой».⁸

Характеризуя функции, которые выполняют уже существующие глобальные институты, исследователи — неомарксисты отмечают, что подлинной задачей «Всемирной торговой организации» (ВТО) является «...не гарантия, как утверждает, “свободы рынков”, а напротив — сверхзащита монополий (центра) и установление систем производства для периферий как функции от этой основной потребности. Международный валютный фонд (МВФ), который не озадачивает себя заботой об отношениях между тремя основными валютами (долларом, евро и иеной), выполняет функции коллективного колониального денежно-кредитного органа управления Триады (США, ЕС и Япония — прим. авт.). А Всемирный банк является чем-то вроде Министерства пропаганды “Большой семерки”. Другие аналогичные институты осуществляют политический контроль, в частности НАТО, который заменяет собой ООН как рупор мировой общественности».⁹

⁷ Там же.

⁸ Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира / отв. ред. А. И. Неклесса. М., 2002. С. 10.

⁹ Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007. С. 36.

Параллельно, в сфере культуры идет процесс унификации — «макдольдизации» (Дж. Ритцер) — гомогенизации образцов культурной коммуникации и потребления, осуществляемый транснациональными корпорациями под флагом их модернизации=вестернизации=американизации. По мнению французского исследователя Э. Перро в мире идет «процесс интеграции разнообразных культур в единую рыночную логику».¹⁰

Возможные прогнозируемые результаты осуществления этого сценария — «культурный Чернобыль» и «однополярный мир» с США в роли гегемона, а в случае ослабления США — борьба за гегемонию, так как по некоторым прогнозам на 2020 г. экономически лидировать в мире должен уже Китай.¹¹ Этому сценарию примерно соответствует и сценарий «демократической диктатуры» И. Валлерстайна

С середины 1990-х годов, после череды финансово-экономических кризисов и волны массовых протестов в Латинской Америке и Азии, фразеология МВФ и других наднациональных институтов подверглась радикальному пересмотру. На первый план выступили понятия управляемости, предсказуемости, прозрачности и демократии. В числе приоритетных задач стали упоминаться охрана окружающей среды, достижение устойчивого развития, снижение уровня социального неравенства. Изменилось и отношение агентств глобализации к институтам гражданского общества в лице НПО. ВБ и МВФ начали приглашать их представителей на свои ежегодные сессии, создавать специальные смешанные комиссии и форумы. Все это привело к выработке так наз. поствашингтонского консенсуса, зафиксировавшего, в частности, три новых установки: (1) глобализация — слиш-

¹⁰ См.: Кондратьева Т. С. К вопросу о понятии «глобализация» // Актуальные проблемы Европы. Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты. М.: ИНИОН, 2004. С. 13.

¹¹ По другим прогнозам, Китай обгонит Японию к 2015 и Америку — к 2041 г. (см.: Леонард М. XXI — век Европы. М., 2006. С. 241). Однако сегодня, в условиях глобального экономического кризиса, когда и в Китае резко снизились темпы экономического роста, вряд ли кто способен подтвердить эти прогнозы.

ком важное дело, чтобы отдавать его целиком на произвол корпораций; в процесс необходимо ввести элемент управляемости (governance), позволяющий обеспечить предсказуемость, транспарентность, планомерное выстраивание рыночных институтов и сетей социальной страховки; (2) уход государства из социальной сферы должен восполняться не столько рынком, сколько организациями гражданского общества, выражающими подлинные чаяния населения и способными содействовать стабильности в обществе; (3) лишь сильное гражданское общество, направляемое НПО, может укреплять и развивать демократию. Поствашингтонский консенсус, таким образом, знаменовал собой не столько отказ от неолиберальной платформы, сколько ее модификацию, подразумевающую «преодоление» конфликтов с помощью своего рода кризисного управления, в которое НПО включаются в качестве «технического компонента».

Фрагментация — (термин означающий сочетание процессов интеграции и фрагментации — введен Дж. Розенау) — фрагментация современного мира, по Розенау, «отмечена нарастанием процессов, в рамках которых глобальное пространство движется и входит в локальные сферы, а последствия локальных событий в свою очередь отражаются на глобальном уровне».¹² Розенау вычленяет и основные предпосылки и условия фрагментации, к которым отнесены: а) революционные изменения навыков и умений человека; б) бурный рост организаций различного уровня; в) радикальные сдвиги в мобильности людей; г) структурная трансформация, в свою очередь, повлекшая за собой: глобализацию национальных экономик; ослабление национального государства как института; эрозию и размывание государственного суверенитета; децентрализацию государственной власти; усиление влияния неправительственных организаций.

Структурные трансформации означают формирования, наряду с сохранением традиционного государствоцентричного мира

¹² *Rosenau J.* The Future of Politics // Paper Presented at the 1998 Assembly of the World Academy of Art and Science on the Global Century. Vancouver, Canada, 1998, 7 November. P. 3.

с его системой отношений, существующих между государствами, — мультицентричного мира, включающего в себя широкий круг разнообразных акторов мировой политики на локальном, региональном, национальном и глобальном уровнях. В мультицентричном мире действуют индивиды, постоянно вынужденные овладевать новыми навыками и технологиями, организованные и мобильные настолько, что это позволяет им участвовать в политике на всех ее уровнях, вплоть до транснационального. Свойственные для фрагментации бифуркации глобальной структуры создают турбулентные процессы и крайне усложняют систему мировой политики, что приводит и к негативным следствиям. В частности противоречия и неопределенность, непредсказуемость развития структурно раздвоенного мира, процессы политической фрагментации и ослабления национальных государств, а также развитие новых информационных технологий дали толчок развитию международного терроризма и глобальных террористических организаций как акторов мировой политики.¹³

Реализация данного сценария предполагает формирование и укрепление (интеграция) блоков и союзов «национальных государств» в виде сложных иерархических систем, которые и поведут борьбу за скудеющие ресурсы, при этом фрагментация политической карты мира — процесс образования новых национальных государств — продолжится. Бывшие глобальные рынки будут разделены между этими группировками в ходе локальных, которые ООН не способна предотвратить и купировать (скорее всего, ООН ждет судьба Лиги наций). «Интеграция и раздробленность, глобализация и территориализация — это взаимодополняющие процессы. Точнее это две стороны одного процесса: процесса перераспределения суверенитета, власти и свободы действий в мировом масштабе, катализатором (но, ни в коей мере, не причиной) которого стал радикальный скачок в развитии технологий, связанных со скоростью. Совпадение и переплетение синтеза и раздробления, интеграции и распада отнюдь не случайно, и изменить эту ситуацию уже невозможно», — считает, в част-

¹³ См.: *Rosenau J. Along the Domestic — Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997.*

ности, известный британский исследователь Зигмунд Бауман.¹⁴ Культурная поляризация вряд ли позволит сложиться глобальной человеческой цивилизации в многополярном или возможно биполярном мире (противостояние: Север-Юг; христианская — мусульманская цивилизации; конфуцианско-социалистического и капиталистического миров). Этот сценарий наиболее полно и последовательно изложен в известной и активно критикуемой концепции С. Хантингтона «Столкновения цивилизаций» — согласно ей тенденция к глобализации мира заменяется контртенденцией разлома глобальной цивилизации в результате конфронтации цивилизационных «очагов» в борьбе за выживание народов, в первую очередь западно-христианского с исламским и, возможно, с буддистко-синтоистским.¹⁵

По Валлерстайну ему, во многом, соответствует сценарий неофеодализма. В сфере культуры реализуется мегатенденция поляризации, при этом равновесие негативно настроенных по отношению друг к другу культур достигается путем создания сложных иерархических систем соподчинения, контролирующих какой-нибудь сегмент фрагментированного мира.

Локализация — не менее важной признается и другая сторона глобализации — ее неразрывная связь с локализацией, т. е. стремлением к сохранению и поиску различий, особенностей, сохранению и воссозданию локальных идентичностей. Это проявляется в стремлении людей переопределить базовые ценности, исследовать свои корни и культурное наследие. Этот сценарий предполагает консолидацию региональных, этнических и конфессиональных общностей на основе фундаменталистских идеологий, проводящих политику культурной изоляции как суррогатной формы социальной и культурной нетерпимости, что делает невозможным формирование глобальной цивилизации, так как в экономике будут доминировать тенденции восстановления традиционных (автаркических) способов ведения хозяйства,

¹⁴ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 100–101.

¹⁵ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка. М., 1997.

в том числе и под флагом защиты окружающей среды и необходимости экономии природных ресурсов. Сосуществование широкого спектра коллективистских идентичностей (трайбализм, фундаментализм, национализм, фашизм, социализм, коммунизм, коммунитаризм, феминизм, регионализм, экологизм), отличающихся друг от друга степенью радикализма, заведомо порождает ситуацию культурного плюрализма, постоянно нарушаемую притязаниями на исключительность отдельных форм социальной идентификации, т. е. войнами. В сфере культуры реализуется мегатенденция изоляции, обусловленная стремлением к самосохранению различных культурных ареалов с их партикуляристскими системами ценностей. Однако, как отмечает З. Бауман: «Локальность» в глобализируемом мире — это знак социальной обездоленности и деградации. Неудобство «локализованного существования усиливается тем, что в условиях, когда общественные пространства отодвинулись далеко за рамки “локальной” жизни, понятие “локальность” теряет свой смыслообразующий потенциал, все больше попадая в зависимость от направляющих и объясняющих действий, которые на локальном уровне не поддаются контролю».¹⁶

В связи со сценариями фрагментации и локализации на первый план, в частности, выходит вопрос о возможности формирования и природе потенциальных мировых суперрегионов — «идет ли речь о замкнутых торгово-экономических блоках, с явной склонностью к автаркии или опорных конструкциях новой структуры мирового хозяйства. Пока преобладает идея открытого регионализма, когда внутренняя интеграция идет рука об руку с развитием связей между регионами. Некоторые оптимистически настроенные аналитики (А. И. Неклесса) идут дальше. Они полагают, что таким образом закладываются основы нового политического устройства мира. По их мнению, суперрегионы движутся в направлении интегрций — наднациональных политических объединений со своей валютой, моделями экономического регулирования, правовыми институтами, структурами управления, системами безопасности. Поэтому в перспективе можно

¹⁶ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества... С. 11.

говорить если не о государственных, то о квазигосударственных образованиях... Однако, принимающие определенные очертания суперрегионы еще не имеют политического лица (за исключением, возможно, Европейского союза). Так что все впереди».¹⁷

Глокализация — термин «глокализация» появился в социологической литературе в 1990-е годы для обозначения процессов адаптации глобальных экономических процессов к местным условиям, или более широко — для определения процессов переплетения и взаимной адаптации глобальных «поток» и культурных традиций и социальных устоев «мест».¹⁸ Суть этого феномена кратко выразил З. Бауман в своей книге «Индивидуализированное общество»: «Наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако, прежде всего, локальны».¹⁹ Считается, что этот термин предложен руководителем японской корпорации «Сони» Акио Морита, который, в частности, уверен, что век доминирования национального государства подходит к концу. Глокализация предполагает сочетание процессов модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации, что происходит в результате культурной гибридизации (Ян Питерсе), т. е. конструктивного сотрудничества и взаимообогащения культур в рамках культурных регионов, что возможно при условии институализации сетевых форм самоорганизации и межкультурной коммуникации, что, в свою очередь ведет к изменению социальной стратификации мира и формированию новых культурных регионов. «В глокализации центральным является участие в глобальном процессе через адаптацию к местным/региональным условиям. Субъективно это — глобализационная активность, проявляемая в интенциях, стремлениях действиях местных властей».²⁰ Тем не

¹⁷ Кувалдин В. Б. Глобализация — светлое будущее человечества? // Внешняя политика и безопасность современной России: 1991–2002. Хрестоматия: в 4 т. / сост. Т. А. Шаклеина. Т. 1. Исследования. М., 2002. С. 170–171.

¹⁸ См.: Global Modernities // Featherstone M. / eds. S. Lahs, R. Robertson. London, 1995.

¹⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2006. С. 149.

²⁰ Быстрова А. С., Дука А. В., Колесник Н. В., Невский А. В., Тев Д. Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализа-

менее, регулировать развитие глобальной цивилизации должны институты глобального гражданского общества (прообразы их — разнообразные международные неправительственные организации). Глокализации, по Валлерстайну, соответствует сценарий «децентрализованного и справедливого мира». Однако критически настроенные исследователи отмечают верхушечный характер гибридизации культуры — «культуры на глобализированной вершине социальной пирамиды», и выражают серьезную обеспокоенность в связи с усилившимся нарушением связи «...между все более глобализованными, экстерриториальными элитами и остальным населением, “локализация” которого постоянно усиливается».²¹ Сегодня обе основные тенденции «глокализации» — объединение мира, с одной стороны, и дробление традиционных национально-государственных сообществ, с другой, уже достаточно проявили себя, чтобы относиться к ним со всей серьезностью.

Однако мы не знаем, каким темпом они будут реализовываться, насколько полно в конце концов реализуются, а главное, какие катаклизмы случатся на непростом пути их реализации.

В целом же в ситуации «глобальной неопределенности», характерной для современности, нашли определенное выражение все четыре мегатенденции и пока не исключена возможность осуществления ни одного из названных сценариев. Как констатирует российский исследователь: «Человечество «глобализируется» на протяжении всей своей истории, но только сейчас оно начало относиться к этому процессу осознанно, не понимая еще до конца, радоваться ли ему или печалиться и какие выводы следует сделать из этого осознания».²² Особенно проблематичным наше общее будущее стало сегодня в условиях глобального экономического кризиса, выхода из которого никто не знает.

ции // Глобализация в российском обществе / отв. ред. И. И. Елисеева. СПб., 2008. С. 114.

²¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества... С. 11.

²² Гольберт В. В. Глобализация: продукт и/или предмет дискурсивного процесса // Глобализация в российском обществе / отв. ред. И. И. Елисеева. СПб., 2008. С. 514.

В. В. Савчук

МЕДИАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ЖЕРТВЫ

Вопрос о жертве

В свое время, в самом начале 90-х, я не смог решить одну важную для себя проблему, связанную с универсальностью действия выдвинутого закона «Симметрии ран архаического Космоса». Размышляя о феномене жертвы, я пришел к выводу о ее универсальном характере, о том, что она не устранима, существует в истории с момента возникновения человека разумного и до наших дней, что она, наконец, есть «онтологическое условие существования культуры».¹ Симметрия ран исходит из аксиомы, что любой знак ранит то, на что он наносится, у него есть кровавая изнанка, которая сохраняется в процессе эволюции означивания природы: земли, животного, дерева, камня. Рана, насилие, кровь никогда не бывают однонаправленными. Древние это хорошо понимали. Поэтому рана, причиненная окружающей человека природе — той, что окружала род, — уравнивалась жертвоприношением — нанесением раны телу рода. Появившиеся позже субституты при нанесении знаков, — уже не земле и животному, а камню, металлу, бумаге, с одной стороны, и субституты жертвы: животное, пища, вино, деньги — с другой, переносили акт насилия и ранения на безмолвных и неодушевленных посредников, уводя все дальше от изнанок кровоточащих знаков, кровавых жертвоприношений и от столь же болезненной мнемотехники наказания к символическим ценностям — бумажным, а затем и электронным деньгам.

¹ Савчук В. В. Кровь и культура. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 67.

Цифровой знак является заключительным звеном в единой линии поступательного перехода от непосредственного ранения: Земли, животного, дерева, а, соответственно, от сочувствия, — к камню, к глиняной табличке, к папирусу, к пергаменту, к бумаге и, наконец, к экрану компьютера. С последним, как казалось тогда, вышел казус, поскольку изнанка знака всегда «кровоточила», несла на себе следы деформации приложения силы и насилия. Что же тогда происходит с компьютерными знаками на экране? Какие изнанки знака, какие следы в цифровом чреве компьютера или его субституте мы можем увидеть? Где здесь природа? Кого или что здесь ранит знак? И кому приносить жертву за нанесенные знаки? Суммируя, спросим себя: «Кого же или что ранит современник, сидя за компьютером, ставя невесомые знаки на экране компьютера? Есть ли у них изнанка?» Ведь они столь же вездесущи, сколь и атопичны, они столь же реальны, сколь и эфемерны. (Уже сегодня историки и архивисты сожалеют о том, что нет у них в хранении первых электронных писем, первых SMS-сообщений. А если бы и были, то, на каких носителях они хранились бы... Аутентичность репрезентации требует *тех* компьютеров, *тех* экранов и *тех* первых мобильных телефонов, как требуется *та самая* аутентичная рукопись, а не ее копия.) Эти вопросы остались тогда без ответа. Здесь пришло время вновь вернуться к ним.

Знак — рана

Любой поставленный знак ранит, а рана — знак, след воздействия. Если мы говорим о знаке, хотим того или нет, мы не можем игнорировать его материальную составляющую. Он есть оставленный след, который несет на себе означающее. Но и ставящий знак — не вне мира, тела, поверхности. Ставя знак, ставящий *информирует* себя, свое психосоматическое (то есть и внутреннее, и внешнее одновременно) тело, визуально воспринимаемое и бессознательно мотивируемое. Ставя, казалось бы невесомый и нематериальный знак, человек в конечном счете информирует не столько мир, сколько себя, свое тело, свою чувствительность,

свой способ самореализации и представление о мире и себя миру (о чем, впрочем, догадывались издревле, говоря: «à force de forger» — «занимаясь ковкой, человек становится кузнецом»). Косвенным примером, хотя и весьма ярким, является специфическая узнаваемая телесность и расфокусированная фигура современного геймера, или всецело погрузившегося в сеть юзера. Актуальная медиареальность, вобравшая в себя оппозиции духа и тела, физиологии и психики, внутреннего и внешнего, позволяет приблизиться к тайне жертвоприношения, которое платит человек новым технологиям, экранным медиа и цифровой форме аудиовизуальной репрезентации. Если образ воплощается, реализует себя, исполняется в материале, в формах тела, то знак чеканит тело, присваивая ему свое значение. Знак — привычная деталь настоящего — утрачивает тело.

Медиа внутри нас — этот важный вывод аналитики медиареальности выступает объяснительным принципом цифрового ранения. Знаки как шрамы наносятся внутреннему телу и изнутри тела. В жертву приносится биологическая, психосоматическая,

Фрагмент детской площадки (Берлин, 2011)

чувственно-воспринимающая природа человека. Внутренний Космос уподоблен внешнему: часть — целому, а видимое — воображаемому. Экология визуального восприятия требует отказа от агрессивного, манипулятивного, рекламного образа, от агрессивности прямых линий и столь же прямых углов (отказ от них при строительстве детских площадок в Европе и замена естественными, кривыми бревнами и досками — яркий пример воплощения принципов визуальной экологии).

Символическое прочтение дает ветхозаветная притча о «пестрых прутьях Иакова» (Быт. 30:31–43), в которой рассказывается, как Иаков, отказавшись от награды за свой труд, попросил у своего

хозяина Лавана отдать ему по истечении срока скот, имеющий пестрый или крапинный окрас. Получив согласие, Иаков снял кору с прутьев и, сделав белые полосы, положил эти прутья в водопойные корыта, «где скот, приходя пить, зачинал перед прутьями».

Детская площадка (Берлин, 2011)

В итоге, рождались телята и ягнята пестрые и с крапинами. При этом Иаков, когда видел, что «зачинал скот крепкий» — клал пестрые прутья, а когда слабый — нет: «и доставался слабый скот Лавану, а крепкий Иакову» (Быт. 30: 41–42). По сути, Иаков не только нашел средство изменять, — а это образ изменяющий, — окраску животных, но также способ селекции скота, отмечая его пестрым окрасом.² О влиянии образа на видящего указал еще Плотин: «всякая душа является и становится тем, что она созерцает»,³ однако механизмы этого воздействия еще плохо изучены.

Медиареальность снимает противостояние насилия и жертвы в том смысле, в каком нет разделения на субъект и объект, на означающего и означаемого в акте саморанения: аутодеструктивный перформанс, ушибы, ранения экстремального спорта,

² Вариантом библейского сюжета можно считать историю, которую приводит греческий историк и ритор I век до н. э. Дионисий Галикарнасский: «Некоего крестьянина, безобразного на вид, охватил страх, что он станет отцом таких же <безобразных> детей. Этот страх научил его хитрости. Он, показав жене благообразные изображения, приучил ее смотреть на них. После чего, сойдясь с ней, он <в ее глазах> счастливым образом обрел красоту тех изображений (Дионисий Галикарнасский. О подражании / пер. с др.-греч. Е. Алымовой // Античный мимесис / отв. ред. Е. А. Маковецкий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. об-ва, 2008. С. 30).

³ Плотин IV, 3, 8, 15 (цит по: Адо П. Плотин или Простота взгляда. М., 1991. С. 16). Любопытный факт из истории медицины приводит французский историк искусств Даниэль Араасс: «...с момента зарождения пейзажа в XV веке

разбитые в кровь лица «бойцовских клубов» и картины из шрамов при трансформациях тела, тем самым, воскрешает своим телом архаическую по типу жертву.

Жертва и нигилизм

Еще один ракурс жертвы, связанный с медиареальностью, открывает себя в традиционной теме нигилизма; для постижения современной формы нигилизма в его крайней форме — терроризме, аналитикам потребовался мощный объяснительный ресурс архаической жертвы, которая не подвластна ни рациональному измерению, ни этической оценке, ни эстетическому катарсису. Архаическая жертва — условие выживания сообщества, гарантия символического порядка, способ коммуникации с трансцендентным и удостоверение ее высшей ценности, которая уравнивается лишь ценой жизни. Здесь жертва конкретна, жизнетворна, радостна, неразрывна с коллективным телом, которое ее приносит; в архаическом ритуале нет ни иронии, ни сарказма, ни нигилизма. В древнейшей форме жертвоприношения был найден способ обретения устойчивого порядка в круговороте событий, Космоса. В основании культуры всегда обнаруживаем жертву, являющуюся онтологическим условием существования культуры. Жертва всегда персональна и олицетворена, но абсолютная жертва террора — ужасна, имперсональна, разрушительна. Суть ее в отрицании, в негативной оценке, в утверждении ничто. Исподволь происходит подмена понятия жертвы. Сегодня, делает вывод Жак Рансьер, «составилось абсолютное внеюридическое

пейзаж воспринимают и трактуют как источник удовольствия и даже облегчения страданий: даже жар мог спадать у них при созерцании пейзажей с прозрачными речками, фонтанами, озерами», или общее заключение о влиянии образа на природу: «Еще в 1435 году Альберти подчеркивает, что природе “нравится изображать”, когда она воспроизводит в мраморе “кентавров и лики бородатых царей”». «В природе Ренессанса художник, подражающий природе, которая подражает живописи, умножает посредством этой чудодейственной инверсии славу своего искусства» (Арасс Д. Деталь в живописи. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 238, 262).

право жертвы бесконечного Зла. И наследуемо это абсолютное право защитником прав жертвы».⁴ Абсолютная жертва не есть плата и расплата, она освящена непричастностью к злу, невинностью. Но жажда надеть маску жертвы скрывает насилие. Вот как об этом пишет ученик Дитмара Кампера Берн Теренс: «Произшедший террор развязывает Западу руки, освобождает от пропагандистских тезисов, что демократически-капиталистическая власть лучше, моральнее, чем любая другая власть: нападениями на башни-близнецы с лица западной цивилизации сорвана маска, за которой обнаружилась окончательно созревшая воля к продолжению жизни экономической политики и политики силы, которая решает в соответствии со своими интересами кому жить, а кому умереть, кто враг, а кто друг. То, что обнаружилось — это скорее трусливо-наслаждающееся лицо, которое уверяет: я — жертва. И эта жертва, блестяще обслуживаемая ненасытными до трагедий журналистами (которые действуют также в интересах господствующей идеологии), имеет теперь не только свое тело (историю делают победители); в этот раз у нее есть возможность переписать свою старую историю, даже вообще ее стереть. Победитель цивилизации, самый сильный, полностью довольный собой, который интегрировал в себя почти весь мир (как всегда грутально), получает теперь вследствие этих нападений возможность стать собственной противоположностью, чтобы действительно быть всем. Парадокс: чтобы быть действительно полным/тотальным (то есть овладеть миром), требуется неполнота. *Теперь победители будут разыгрывать из себя жертв и при этом все жертвы, принесенные прежними победами, будут преданы забвению, забудутся потому, что теперь можно поставить себя в тот же ряд*».⁵

Приведенные мысли близки трактовке божественного насилия В. Беньямина, которое он противопоставляет мифическому: «Справедливость есть принцип любого божественного целепола-

⁴ Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов. М., 2003. С. 55.

⁵ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль. СПб.: Изд-во РХГА, 2010. С. 123.

гания, власть — принцип любого мифического правополагания... Мифическая манифестация непосредственного насилия в глубине проявляет себя идентично любому правовому насилию и доводит представление о его проблематике до понимания губительности его исторической функции, уничтожение которой тем самым становится непосредственной задачей». ⁶ Он разводит их до противоположности по всем пунктам. Если мифическое насилие — правоустанавливающее, то божественное — правоуничтожающее; если первое устанавливает границы применимости, то второе безгранично и нелегитимно; если мифическое является источником вины и одновременно позволяет искупить вину, то божественное — вне вины, принуждая платить сполна; наконец, первое — грозяще и кроваво, второе — разяще и бескровно.

Божественное насилие не прочитывается Беньямином как правоустанавливающее и тем самым оказывается вне чувства вины. Последнее порождается тем, что Беньямин называет мифическим насилием (первородный грех и тотальное чувство признания вины — краеугольный камень христианской догматики — также не подпадают под юрисдикцию чистого божественного насилия). Обвиняя правовое сознание в том, что оно старательно замалчивает несправедливость, насилие, лежащие в его основании, — Беньямин в стиле классического психоанализа вменяет правовому сознанию чувство вины. Противопоставляя мифическому насилию *чистое* божественное, он выпытывает у правового бессознательного признание того, что своим рождением оно обязано «грязному» насилию.

И сегодня установлению демократической формы права предшествует насилие над стихийно сложившимся порядком. Слова Рокфеллера: «Я могу отчитаться за каждый заработанный мною миллион, кроме первого», — кажутся прямым политическим выпадом и «заказным» банкротством олигарха, когда его просят отчитаться за очередной миллиард. Структуры порядка неизменно и скоро возрождаются после любых смут, и наоборот.

⁶ Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. II. 1. Frankfurt am Main, 1977. S. 199.

В отечественной истории после любых, пусть еще и не устоявшихся форм порядка, столь же рьяно заявляют о себе силы, ведущие к беспорядку. В отношении же вооруженности и обеспеченности мысли трудно не заметить сходство символического накопления концептов с ростом материального благосостояния философа. Не спрашивайте откуда я взял те или иные концепты, смотрите как я от своего лица могу ими пользоваться. Но философия сама есть этот тиранический инстинкт, духовная воля к власти, к «сотворению мира», к «*causa prima*». Претензия на власть из своего места, топоса, тела — дело крайне трудное, требующее самопожертвования, а претензия на власть под видом проведения всеобщих интересов или идеалов, взращенных в другом топосе, — неуместное. Но от этого различия существо претензии на власть не меняется. Понять чужую мысль гораздо проще, чем собственный топос, тем более — внятно и последовательно заявить о его интересах на философском языке.

Казус истории

Но вернемся к жертве. Казус истории в том, что жертва всегда возвращается нам в *неузнанном* виде, что нынешний ее смысл прямо противоположен тому, каков он был изначально. Обращу внимание, что современная форма *индивидуального* самопожертвования изначально была присуща христианской цивилизации, той цивилизации, которая сегодня страдает от порожденного ею же самой вида жертвы. На этом недвусмысленно настаивает Вайгель Зигрид: «В лице воинов джихада (святая борьба), считающих себя мучениками, западная, секуляризированная культура встречается с *возвращением* собственной истории, которая знавала эпизоды эпидемии мученического воодушевления и имеет долгую и устойчивую традицию почитания и представления мучеников. Фигура мученика была унаследована исламом во времена его зарождения из христианства в VII в., в котором она возникла (II–III вв. н. э.) после запрета в 201 г. Римским императором Септимием Севером (146–211 г.) перехода язычников в христианство и иудаизм. Надо заметить, что мучениц в исла-

ме сначала не было, тогда как в христианстве женщины-святые играли значительную роль с самого начала: Перпетуа, Фелиция и др.⁷ Причину этого автор усматривает в том, что исламские мученики были «правоверными» борцами с внешним врагом, тогда как массовое мученичество в христианстве исходило из того, что мученики свидетельствовали⁸ собой страдания Христа и их искупительное значение, они представляли собой фигуры страдания (*passion*), «даже если они сами выбирали путь мученичества и наделяли его значением свидетельства». Возникла массовая *культура имитации страданий Христа*, это была всегда жертва, призванная засвидетельствовать реальность этих страданий. Самоубийцы не признавались мучениками потому, что они не воспроизводили образ Христа и поэтому же не свидетельствовали его. «Доминирование мотива жертвы не позволяет разглядеть в представлениях мучеников христианского общества, каким образом именно фигура мученика связывает между собой традицию и воображаемое, культы и культуру аффектов различных религий... Более того, культура мученичества дает ключ к пониманию взаимоотношений религии и культуры, ибо мученичество играет центральную роль во всех трех монотеистических религиях... а также проясняет связь таких понятий, как “жертва” и “священное”, “насилие” и “культ”, “смерть” и “почитание”, “страдание” (*passion*) и “страсть” (*pathos*)».⁹ Возрождение мученичества зависит от масс-медиаальной формы ее провокации (о чем, впрочем, уже довольно сказано). Скажем так: террорист не представляет себя в будущем, но предоставляет возможность массам созерцать себя в настоящем, говорить о себе в настоящем и производить настоящие события.

⁷ Sigrid W. Schauplaetzte, *Figuren, Umformungen // Märtyrer-Porträts: von Opfertod, Blutzeugen und heiligen Kriegerern* / hrsg. Sigrid Weigel. München: Wilhelm Fink Verlag, 2007. S. 11.

⁸ *Martys* (греч.) значит свидетель.

⁹ Sigrid W. Schauplaetzte, *Figuren, Umformungen*. S. 12.

Привлекательное имя жертвы

В специфическом контексте сложной проблемы национальной памяти Ганс-Георг Деггау размышляет сегодня о смысле жертвы в современном обществе. Он задается вопросами: «Почему понятие жертвы имеет сегодня такой высокий статус? и в каких обстоятельствах статус жертвы становится столь привлекательным?»¹⁰. Вспомним, что и Джордж Буш, и исламские фундаменталисты, каждый со своей стороны считали, что жертвы именно они: одни — коварной террористической атаки, другие — насильственной американизации (глобализации, голливудизации, идеалов общества потребления), ведущей к разрушению традиций, верований, образа жизни. Сложность и многовекторность современного мира состоит в том, что в нем «развернута» борьба за имя жертвы (Израиль — Палестина, повстанцы — режим власти, государство — сепаратисты). Ответ на этот весьма острый вопрос, в том числе и в связи террористами-смертниками, надлежит искать в исторической роли и существовании жертвы; человек возникал одновременно, благодаря и в связи с жертвоприношением. Нет народа, в истоках истории которого отсутствовали бы кровавые жертвоприношения. В христианстве жертва приобретает новое качество — *сознательности*

¹⁰ Deggau H.-G. Das Opfer in der Moderne Gesellschaft // Merkur. Deutsche Zeitschrift fuer europaischen Denken. 2009. Heft 11. № 726. S. 1085. Следует указать на контекст размышления Деггау. Дело в том, что «Фокус исторических дебатов в Германии начала нового тысячелетия сместился от вопроса вины немцев к теме немцев как жертв. Историк Ханс-Ульрих Велер назвал эту тенденцию «новой волной», которая началась с Гюнтера Грасса и его романа о гибели «Вильгельма Густлоффа» <...> За последние несколько лет новую волну популярности пережила тема бомбардировок немецких городов авиацией союзников. Впервые о месте бомбардировок в коллективной памяти немцев заговорили после эссе Винфрида Георга Зебальда «Война в воздухе и литература», а в 2002 г. Йорг Фридрих опубликовал 600-страничную книгу «Пожар: Германия в бомбовой войне 1940—1945», сразу же ставшую бестселлером» (Степанова Е. «Пожива для моего МГ»: современная немецкая литература о войне с Советским Союзом // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 227).

выбора, получая моральное преимущество своим бесстрашием и победой над страхом мучительной смерти. Затем жертва стала важным понятием гуманизма: жертва настоящая без пользы для себя, самопожертвование ради высокой цели, истины, веры, народа.

Но, говоря о современной жертве, по словам Ганса-Георга Деггау, «зачастую упускают из виду то, что, ни насильник, ни жертва не имеет онтологического статуса. Поскольку легко жертва может стать насильником и, наоборот. Это относится ко всем потенциальным жертвам и всем потенциальным насильникам».¹¹ Юрист по образованию, он, несомненно, прав, поскольку часто преступник и жертва — фигуры весьма условные: дело случая, что в пьяной драке один собутыльник убил другого, а не наоборот; жена, убившая мужа, нередко является жертвой чрезмерного насилия. Эта неопределенность и взаимообращение насильника и жертвы подрывает в глазах Деггау ее онтологический статус.

Им же развеивается миф о бедной и незащищенной жертве. Странное, а при внимательном рассмотрении точное, наблюдение выражено в заключениях Деггау: «В наше время статус жертвы требуют не только, как можно было бы предположить, бедные, но и богатые».¹² Считая себя жертвой несправедливо высоких налогов, богатый морально оправдывает свое «право незаконно “уходить” от налогов» или требовать себе особые льготы.

Историческую параллель можно увидеть в том, к чему привело осмысление «унизительного Версальского мира» в идеологии национал-социализма, которой предшествовала литература (ставшая потом официальной), выражающая жертвенное настроение масс, усиленное чувством нехватки места: «Немецкий человек нуждается в пространстве вокруг себя, в солнце над головой и в свободе в себе, чтобы стать добрым и прекрасным <...> Оглянись вокруг, посмотри перед собой и подумай о внуках

¹¹ Deggau H.-G. Das Opfer in der Moderne Gesellschaft. S. 1083.

¹² Ebd. S. 1085.

и новорожденных! Царит рабская теснота, в которой свободные тела не могут больше расти и развиваться».¹³ Мысли о тесноте, сдавливающей Германию, проходят через весь роман. Отец главного героя с горечью говорит: «Ты гуляешь здесь в одиночестве и думаешь, как благословенна наша Родина. Только места в ней мало, мало места».¹⁴ Чувствуя себя жертвой, народ был убежден, что забрать и изгнать или истребить ее жителей, колонизировать земли других народов — справедливо.

Массмедиальная форма репрезентации коллективного тела, «мы» приводит к формированию сообщества, размеры которого увеличиваются, а отдельные члены его становятся все более анонимными. Феномен привлекательности жертвы в либерально-демократических массмедиа неожиданно приводит нас к объяснению целого веера актуальных социально-психологических и медицинских феноменов: роста психомоторных, самовнушенных «инвалидностей» (невозможность ходить, ощущение болей во всем теле (фибромиалгия) — одни из самых распространенных). Когда в массмедиа столько разговоров, столько внимания, столько заботы об инвалидах, то образ инвалида с неизбежностью становится привлекательным, «формирует» тела, «призывая» новые тела и «подгоняя» их по фигуре жертвы, поскольку ее статус дает гарантированное существование, освобождает от страха потерять работу, избавляет от конкуренции, от тревоги по поводу несвоевременной оплаты жилья, погашения кредитов. Общая тенденция роста настроений иждивенчества, инфантилизма и несамостоятельности концентрируется и воплощается как в идеальном случае в инвалиде. Число инвалидов растет.

Однако понятие жертвы в современности ведет не только к бессознательному самооправданию обмана, капитуляции перед проблемами жизни и бессознательной симуляцией, но и выступает концептуальным основанием и моральным импульсом борьбы с обществом потребления, поскольку с позиции жертвы «смысл жизни в солидарности» и она же «дает потенциал

¹³ Grimm H. Volk ohne Raum. Bd. I. München: Abert Langen, 1926. S. 11.

¹⁴ Ebd. S. 98.

самоидентификации». Те же, кто критикует использование понятия жертвы только на том основании, что оно активно эксплуатировалось в риторике национал-социалистической пропаганды, оказываются неправы, поскольку «путают причину и следствие». Аргументация автора такова: «То, что жертва может стать политическим инструментом, не отрицает существования жертвы самой по себе. Такая критика выступает против того очевидного следствия, что «жертва есть тоpos, который противопоставляет обществу потребления пафос и моральную ответственность, которые напоминают о солидарности форм жизни, здесь каждая отдельная жизнь получает смысл в свете общего». С другой стороны, «террористы-самоубийцы дискредитируют те формы жизни, которые делают возможным жизнеутверждающую жертву».¹⁵

Возвращаясь к вопросу, почему все хотят быть жертвами или оставлять, несмотря ни на что, ее имя, необходимо признать не только юридические, материальные выгоды, но символическую ценность жертвы. Ибо на стороне жертвы — древняя история, доносящая нам восприимчивость всего многообразия жизни и тесную связь истории освоения природы и способов уравновесить причиненное ей зло. Она ограждала человека от безоглядности и самонадеянности, вела к равновесному, экологическому существованию. На стороне жертвы силы Добра, террористы же представляют силы Зла, тотальной угрозы и разрушения.

Вновь спрашиваю себя, какое насилие производит, какую рану, кому, какой глубины, где наносит ставший казался бы невещественный, нематериальный знак на экране компьютера? Ответ лежит в сфере неразделенности внешнего и внутреннего тела. Только в свете жесткой демаркации субъекта и объекта, психического и физиологического, внешнего и внутреннего мы можем говорить о нанесении знака другому. В перспективе же архаической еще неразделенности, или постструктуралистской уже пост-разделенности понятны слова Дитмара Кампера: «Дело в том, что я верю, Том стал фотографом, чтобы испытать

¹⁵ Deggau H.-G. Das Opfer in der Moderne Gesellschaft. S. 1086.

чудовищную жестокость новой камеры на собственной плоти. Аутодеструкция живописи, которая есть убийство тела. Убийца в позиции жертвы».¹⁶ Итак, изнанкой дигитального знака является не безмолвие равнодушной цифровой Вселенной, но телесность человека: его фигура, его внутреннее самосознание, самоощущение, здоровье, наконец, его воля и опыт преодоления трудностей при реализации желания. Последствия такого означивания тела проявляют себя в расфокусированном сознании и клиповом взгляде,¹⁷ в трансформации сферы интересов все более атомарно (или персонально, как и его основное средство коммуникации) существующего человека и тем более подверженного растворению в сети. Впрочем, это понимали древние, связывая род деятельности, используемую в работе технику с изменениями, которые происходят в человеке. Чжуан-цзы приводит слова садовника: «Тот, кто пользуется механизмами, будет все делать механически, а тот, кто действует механически, будет иметь механическое сердце. Если же в груди будет механическое сердце,

¹⁶ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль. СПб.: Изд-во РХГА, 2010. С. 133.

¹⁷ Взгляд, вызванный и сформированный клипом, приносит свои жертвоприношения. На промежуточном этапе между двумя крайностями медитативного, предельно концентрированного сосредоточения на классическом тексте, опере или симфонии, на предельно сложных философских упражнениях в следовании мысли «Науки логики» или «Критики чистого разума», стоит феномен сериалов. Он отражает, усиливая массовую тенденцию утраты способности концентрации сознания современника на чем-то одном, требует быстрой смены сюжетов, кадров, сцен и тем. Но коварство легкости заключено в том, что в целом человек, ориентируясь по различным сайтам, программам телевидения, изображениям тратит гораздо больше времени, чем на восприятие сложного языка классического искусства или концептуальных произведений, перформансов и акций. У последних распределение послеразмышления, продумывания, разгадки — максимально. Не так много времени нужно, чтобы рассмотреть «Черный квадрат» (1915) К. Малевича, прослушать произведение Д. Кейджа «4 минуты 33 секунды тишины» (1952), увидеть фотодокументацию акции Ай Вэй Вэй «Роняя вазу династии Хань» (1995), как на то, чтобы понять, осмыслить, связать с контекстом, историей искусства, политики, географии. Расфокусированное удовольствие как черная дыра: втягивает, поглощает, но ничего не отражает, не возвращает, оставляя «легкость скольжения без усилий».

тогда будет утрачена первозданная чистота, жизненный дух не будет покоен...».¹⁸ Человек связан с миром, но связь эта не механическая, а скорее органическая (хотя и этот образ не полон), связь, соединяющая их кровеносными сосудами (и здесь подчеркну продуктивность метафоры Деррика де Керкхова (Derrick de Kerckhove): «Мир как продолжение кожи — намного интересней, чем мир как продолжение взгляда»), по которым воля к означиванию, к нанесению знака реализуется не во внешнем мире, а в своем собственном, перетекает из цели в средство, посредник становится средой, а образы — прообразом трансформации.

Если подойти с другой — аристотелевской позиции, то признаем, что форма всегда активна, она дает цель (telos), оформляет бесформенное, производя насилие над содержанием: сообщение предшествует сообщающимся, а коммуникация довлеет над богатством сообщения. Нет преувеличения в выводе: самая эффективная форма насилия — самая незаметная, самая желанная — происходит под видом облегчения, улучшения, автоматизации и компьютеризации условий труда и существования в целом, тогда насилие предстает в маске естественного условия существования. Масс-медиально организованная форма принуждения к реальности, обернувшейся медиареальностью, предстает сегодня в виде катастрофического условия существования мира. Массмедиа раскрывают себя в непрерывно работающей машине производства образов катастроф и трагедий. С изменением роли образа связаны эпохальные переломы в истории. Так, общество стало в полной мере современным (modern), когда его основной характеристикой стала информация, а важнейшей составляющей — образ, его производство и потребление. Образы подменяют реальность, что в свою очередь ведет к утрате подлинности, рождая феномен симуляции реальности. Образы переходят в нас, мы начинаем видеть образами, симулируя, они замещают непосредственный опыт, становясь незаменимыми для здоровья экономики, для стабильности общества и реализаций желаний. Образы таят насилие над реальностью, они — канал искушения и агрессии.

¹⁸ *Малявин В. В.* Чжуан-цзы. М.: Наука, 1985. С. 134.

В информационную эпоху именно информационное неравенство, информационное искушение, манипулирование и насилие образа являются предметом медиафилософии. Одна из главных её задач — преобразование нерелексивного отношения к медиареальности в релексивное, безотчетного — в отчетливое, произвольно явленного — в помысленное.

Т. С. Ягья

О РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Последние десятилетие XX и начала XXI в. ознаменовались масштабными экономическими, политическими и социальными процессами, которые оказали и продолжают оказывать свое воздействие на мировое хозяйство, его характеристики.

Считается, что начало 90-х годов это начало нового периода в развитии мирового хозяйства. После распада в 1991 г. СССР и отказа от социалистического пути стран восточной Европы, всемирное хозяйство начинает приобретать черты единого целостного образования.

Приобретают качественно новые характеристики процессы глобализации, основанные на развитии новых технологий. Сокращается экономическое расстояние между всеми регионами мира, что позволяет объединить их в единое глобальное транспортное, телекоммуникационное, финансовое и производственное пространство. Так, развитие новых поколений транспорта и быстрое наращивание транспортной инфраструктуры привело к значительному удешевлению транспортных тарифов: за последние шесть десятилетий авиаперевозки подешевели более чем в 6 раз. Появляются новые формы организации мирового хозяйства — глобальные информационные, производственные, финансовые сети. Формируется глобальная «виртуальная экономика», предполагающая мгновенное перемещение «электронных денег» между банковскими счетами при помощи электронной почты и интернета. Возрастает роль «глобальных фирм и банков» транснациональных корпораций и банков в управлении глобальными процессами. На современном этапе ТНК контро-

лируют от 1/3 до 1/2 мирового промышленного производства и 2/3 международной торговли. Получает массовое распространение либеральная рыночная модель экономики (переход к рыночной экономики стран Центральной и Восточной Европы, Китая), обеспечивающая рыночную целостность глобальному мировому хозяйству. Процесс глобализации характеризуется устойчивыми тенденциями: стабильные темпы роста (средние темпы роста всех стран мира поднялись с менее чем одного процента в начале 90-х годов до трех процентов годовых в настоящее время); усиление взаимозависимости национальных экономик и др. Высокие темпы роста наблюдались и наблюдаются в развивающихся странах, что является существенно новой тенденцией.

Происходит непрерывное формирование и совершенствование интеграционных процессов: возникнув первоначально в Европе, процесс интеграции охватил новые страны и целые регионы, т. е. речь идет о региональном уровне интеграции. Среди многочисленных интеграционных группировок 80–90-х годов XX в. можно выделить в Азиатско-Тихоокеанском регионе — Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество (АТЭС 1993 г.), в Северной Америке — НАФТА, в Западной Европе — ЕС и ЕАСТ.

АТР привлекает к себе как зона наиболее динамического в мире развития. Этот рынок опережает другие по темпам роста, отличается от других значительной международной конкурентоспособностью, что дает основание говорить о приближении периода, когда этот рынок станет центром мирового экономического развития. Говоря об ускоренном экономическом развитии АТР, следует иметь в виду главным образом Японию, США, «новые индустриальные страны» (НИС) региона (в первую очередь Республику Корею, Тайвань, Сянган (Гонконг) и Сингапур), государства-члены АСЕАН, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Китай. Особую, самостоятельную роль играет «азиатская подсистема»: Япония, НИС, АСЕАН, Китай, что обусловлено наиболее высокими, опережающими темпами расширения взаимных связей в таких областях как торговля, производственное сотрудничество, прямые инвестиции, межфирменные партнерства, экономическое сотрудничество на международном уровне. НАФТА — Североамериканская зона свободной торговли, в которую

входят США, Канада, Мексика. США чрезвычайно заинтересованы в рынках Канады и Мексики. Отличительной особенностью интеграционного процесса в рамках НАФТА является его асимметричность: он протекает в основном между США и каждой из стран-партнеров, но слабо развивается между Канадой и Мексикой. Экономика Мексики нуждается в интенсивном обновлении ее технологической базы, поэтому взаимодействие с США для страны очень важно. К тому же высокий уровень индустриализации в регионе привел к тому, что важное место в НАФТА занимают вопросы охраны окружающей среды. На трехсторонней основе создаются структуры, отслеживающие на территории стран-участниц соответствие действующих производств установленным экологическим требованиям. Участниками Европейского Союза (ЕС) на сегодня являются 27 государств Западной, Центральной и Восточной Европы. ЕС вступил на качественно новый этап развития (завершен процесс создания единого внутреннего рынка этого объединения, ликвидированы почти все оставшиеся барьеры на пути свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и людских ресурсов, отменены таможенные формальности во взаимной торговле и др.), который, в конечном итоге, должен усилить позиции ЕС в мире, а также повысить его конкурентоспособность. Однако, несмотря на успехи, страны Европейского Союза сегодня переживают сложную кризисную ситуацию, включая ситуацию, сложившуюся с евро. К тому же, страны ЕС неоднозначны в понимании и разрешении проблемы с евро. Интеграционные процессы охватили в 80–90-е годы XX в. страны Азии, Латинской Америки и Африки. Среди 20 региональных группировок в этих странах выделяются Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАФТА), Андский пакт, Центральноамериканский общий рынок и др. Новой тенденцией интеграционных процессов в мировой экономике является количественный рост стран, объединенных в различные международные экономические союзы и международные альянсы. Так, например, в 2003 г. членами международного валютного фонда (МВФ) являлись 184 страны, 180 государств состояли членами Всемирного банка (ВБ), более 10 стран являются членами Всемирной организации труда

(ВОТ), более 140 стран вошли во всемирную торговую организацию (примерно еще 30 стран претендуют на членство в этой организации в будущем). Россия в декабре 2011 г., наконец, стала полноправным членом ВТО. Кроме того, в современном мире практически во всех частях земного шара действуют множество межгосударственных экономических учреждений, представляющих международную экономическую интеграцию.

Одной из отличительных особенностей функционирования мировой экономики является интенсивное развитие международных экономических отношений, которое проявляется в расширении и углублении экономических отношений между странами, группами стран, отдельными фирмами и организациями. Данная особенность обусловлена интернационализацией производства, НТП, развитием региональной интеграции, функционированием ТНК, обострением глобальных проблем. На современном этапе новой тенденцией в мировой экономике выступают значительные темпы роста практически всех форм международных экономических отношений:

- международная торговля товарами по темпам роста значительно опережает рост внутреннего производства субъектов мирового хозяйства. Так, опережение темпов роста внешне-торгового оборота над темпами роста ВВП составляет более 1,5%, у США — 6%, у стран ЕС — 4,5%, у Японии — 4%;
- международная торговля услугами в последнее десятилетие растет в три раза быстрее международной торговли товарами;
- международное движение капиталов показывает еще больший динамизм. Только рост прямых зарубежных инвестиций более чем в три раза в последнем десятилетии опережает рост товарного экспорта и в четыре раза опережает рост мирового производства;
- новая технология — самый ходовой товар на мировом рынке. Так, удельный вес технологически новых товаров и услуг в экспорте США составляет более 20%, в Японии — 18,5%, в Германии и Франции — 15%.

Современные тенденции развития международной торговли проявляются: в высокой динамике международной торговле, об-

условленной достижениями НТП; в быстром обновлении товарной номенклатуры международной торговли; в относительном падении значения торговли сырьем и топливом; в изменении форм связи между продавцом и покупателем; в изменении соотношения между ведущими субъектами.

Мировая торговля на сегодня развивается очень быстрыми темпами. За последние 50 лет мировой торговый оборот вырос в 25 раз, что связано с созданием новых отраслей и реконструкцией старых; индустриализацией развитых стран; углублением специализации, позволяющей торговать не только готовым продуктом, но и узлами, и деталями; либерализацией международной торговли на основе снижения таможенных барьеров и организации свободных экономических зон. В настоящее время на первом месте в структуре мировой торговли стоит продукция обрабатывающих отраслей (машины и оборудование, транспортные средства, химическая продукция, наукоемкие товары) на ее долю приходится 3/4 мирового товарооборота. Одна четверть (1/4) приходится на продовольствие, сырье и топливо. Удельный вес продукции обрабатывающих отраслей растет, а остальных, соответственно, понижается. Это объясняется современным направлением НТП, связанного с ресурсо-энергосбережением. Наиболее динамично развивается торговля наукоемкими товарами и продукцией высоких технологий. Набирает силу торговля такими услугами как консалтинг, лизинг, инжиниринг, а также услуги информационного характера. Наибольшим изменениям подвержена общая товаро-ассортиментная структура мировой торговли, включающая следующие обобщенные статьи: 1) сырье и полуфабрикаты; 2) готовая продукция; 3) услуги. Если еще 25–30 лет тому назад на первую статью приходилось более 65%, то сейчас доля сырья и полуфабрикатов сократилась до 18–20%; на вторую статью приходилось около 30%, а сейчас доля готовой продукции, наоборот возросла до 60%; а на третью статью — лишь 5% тогда, а сейчас благодаря небывалым темпам роста мировой торговли услугами их доля в общем товарообороте стран поднялась до 20–25%.

В мировой торговле лидирующие позиции занимают страны с развитой рыночной экономикой. Их доля в мировом товарном

экспорте колеблется около 70%, порой превышая этот уровень. Развитые страны, получая выручку от экспорта, имеют большие возможности оплачивать импортные товары. В связи с этим развитые страны не только главные экспортеры, но и импортеры. Доля развивающихся стран в мировом экспорте составляет примерно 26%, среди которых на первое место вышли новые индустриальные страны. Страны с переходной экономикой в результате сложного реформационного периода 90-х годов XX в. имеют пока невысокие позиции в динамично развивающейся экономике. Их доля в мировом экспорте составляет 4%.

Определенные тенденции в современное время прослеживаются в вывозе капитала: увеличивается доля предпринимательской формы движения капитала в общем объеме движения капитала; портфельные инвестиции составляют наибольший объем в движении предпринимательского капитала, несмотря на то, что доля ПИИ со временем возрастает; возрастает объем инвестирования со стороны ТНК; наблюдается опережающий рост инвестиций в сферу услуг по сравнению с инвестициями в промышленность: добывающую и обрабатывающую. Следует отметить, что стремление развивающихся стран привлечь мировые потоки ПИИ на свои национальные рынки приводит их к жесткой конкуренции за эти потоки. Развивающиеся страны, и прежде всего, «новые индустриальные страны» проводят активную политику привлечения ПИИ. Так, Китай и Индия добились значительных успехов в этом деле. В связи с этим, важным аспектом инвестиционной политики развивающихся стран становится государственная поддержка ПИИ, которую называют политикой «открытых дверей», стимулирующая приток прямых иностранных инвестиций.

В целом важным достижением развития мировой экономики и международных отношений современности является переход большинства стран от замкнутых национальных хозяйств к экономике открытого типа, обращенной к внешнему рынку.

Все рассмотренные процессы и явления в развитии мировой экономики и международных отношений характеризуют особенности данного современного этапа.

В. П. Тростинская

**ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ
И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Мировая экономика медленно, но верно двинулась в новую эпоху — эпоху, когда выбросы углерода в атмосферу будут жестко ограничены, а безуглеродные технологии в энергетике и промышленности получают для развития новые стимулы, и прежде всего финансовые. Одним из приоритетных направлений в борьбе с изменением климата становится развитие возобновляемых источников энергии.

В настоящее время среди всех отраслей экономики особое внимание уделяется именно энергетике. Современная ситуация требует принципиально новых подходов к формированию энергетической политики, которые не только позволят противостоять экономическим кризисам, но и помогут избежать угрозы глобального изменения климата. В разных странах мира энергопотребление неодинаково. Мировая энергетическая политика должна учитывать, что, к примеру, 1,6 млрд. человек в мире вообще не имеют доступа к электрической энергии.

Изменение климата воздействует на мировые рынки через широкий спектр факторов, включая и политические. Проблема прямо связана с качеством и даже ценой жизни людей, равноправием и справедливым распределением ущерба. Эти этические категории охватывают наши отношения со следующим и будущими поколениями. Тяжесть последствий и анализ кратко- и долгосрочных затрат показывают, что нужны срочные и жесткие меры по снижению выбросов парниковых газов, а также меры по адаптации к тому, чего избежать уже нельзя.

Экономику и экологию, как правило, противопоставляют друг другу. Считается, что там, где идет бурное экономическое развитие, ухудшается экологическая обстановка. И наоборот, многие убеждены, что для того, чтобы сохранить экологическую среду, следует приостановить развитие экономики. Тем не менее, для интеграции этих двух наук, есть глубокие основания. Обе они рассматривают потребности живых существ, выявляют оптимальные способы их удовлетворения.¹

Изменение климата уже привело к негативным экономическим последствиям, в том числе и в России. Если в ближайшие годы выбросы парниковых газов антропогенного происхождения не будут снижены, есть риск, что климатические изменения станут необратимыми. Во всем мире растет интерес к возобновляемым низкоуглеродным источникам энергии, которые смогут заменить ископаемое топливо, обеспечив при этом странам экономический рост и процветание.

Пока изменение климата обратимо. Однако для этого необходимо перестроить систему потребления природных ресурсов, используя технологии и модели энергопотребления, не требующие значительных объемов ископаемого топлива. Для скорейшего перехода к новой энергетической модели должно быть принято международное соглашение, гарантирующее значительное снижение выбросов парниковых газов. Развитие возобновляемых источников энергии является одним из главных условий такого сокращения. Но, к сожалению, большую долю политической и финансовой поддержки продолжает получать традиционная энергетика.

Несмотря на это, все-таки в течение последних десятилетий возобновляемые источники энергии (ВИЭ) — ветер, геотермальная и солнечная энергия — уверенно занимают лидирующие позиции в энергетике. Мировой рынок ВИЭ растет: в 2008 г.

¹ Вахитова Т. Н. Особенности современных интеграционных процессов в условиях глобализации мировой экономики // Проблемы современной экономики. 2010. № 1(1). [Электронный ресурс]. — URL: [http:// m-economy.ru/art.php3?artid=11345](http://m-economy.ru/art.php3?artid=11345)

установленная мощность в ветроэнергетике выросла на 28,8%, а в фотовольтаике — методе выработки электрической энергии путем использования фоточувствительных элементов для преобразования солнечной энергии в электричество — на 50%. По мере усиления роли возобновляемых источников, возможно, постепенно отказаться от традиционных источников энергии, в первую очередь от угля, начав с вывода из эксплуатации самых старых и неэффективных угольных электростанций. В будущем ВИЭ будут играть главную роль в формировании системы энергетической безопасности.

Термин «возобновляемые источники энергии» применяется по отношению к тем источникам энергии, запасы которых восполняются естественным образом и в обозримой перспективе являются практически неисчерпаемыми. В зависимости от применяемых технологий ВИЭ делятся на традиционные и нетрадиционные. К традиционным ВИЭ относится гидравлическая энергия, преобразуемая в электричество на крупных ГЭС, а также энергия биомассы, используемая для получения тепла традиционным способом сжигания (дрова, кизяк, солома и т. п.). В группу нетрадиционных ВИЭ (НВИЭ) включают солнечную, ветровую и геотермальную энергию, энергию морских волн, течений, приливов, гидравлическую энергию, преобразуемую в электричество малыми ГЭС (до 10 МВт), и энергию биомассы, используемую для получения тепла, электричества и моторного топлива нетрадиционными методами.²

В данной работе основное внимание уделено исследованию мировых рынков НВИЭ. Уклон в их сторону объясняется тем, что они более перспективны по сравнению с традиционными ВИЭ. Примером этому может служить энергообеспеченность ряда стран Африки.

В Африке, в странах южнее Сахары 80% людей не имеют доступа к электроэнергии. Для приготовления пищи и обогрева они

² Шуйский В. П. Мировые рынки возобновляемых источников энергии в первой половине XXI века // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 1. С. 21.

используют дрова, древесный уголь и навоз. Бедные слои населения вынуждены тратить до трети семейного бюджета на энергию, в основном для приготовления еды. Огромное количество времени расходуется на поиск топлива. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно около 2,5 млн. женщин и малолетних детей умирают из-за вдыхания испарений органического топлива, которое хранится в жилых помещениях.

Когда-то нефть, газ и уголь — традиционные энергоресурсы — обеспечили человечеству промышленную революцию и инновационный скачок. Сегодня даже по самым оптимистичным расчетам ископаемых источников энергии может хватить лишь на несколько веков.³ Поэтому уже никто в мире не сомневается: будущее планеты — в возобновляемых источниках энергии.

Политические решения о сокращении парниковых выбросов неизбежно приведут к росту стоимости ископаемого топлива. Отсутствие государственных субсидий, торговля квотами на парниковые выбросы и дополнительные налоги на углеродное топливо приведут к росту цены на ископаемое топливо до уровня, отражающего реальную стоимость традиционной энергетики. По мере роста стоимости энергии возникнет необходимость в поддержке малообеспеченных слоев населения и структур, наиболее чувствительных к росту цен. Рациональное использование энергии обеспечит конечному потребителю защиту от негативных последствий, связанных с отказом от ископаемого топлива.

Условием неизбежного перехода от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии должна быть гарантия того, что негативные социальные и экономические последствия такого перехода будут сведены к минимуму. Переход к эффективной энергетике возможен без социальных потрясений, при условии, что высококвалифицированные трудовые ресурсы будут задействованы в новой низкоуглеродной экономике, а география энергоснабжения будет сохранена в максимальном объеме. От-

³ Верещагин О. Стратегические альтернативы традиционным энергоносителям // Мировая экономическая и международные отношения. 2009. № 2. С. 32.

каз от ископаемого топлива открывает широкие возможности для развития новой инфраструктуры и создания дополнительных рабочих мест.

Увеличение эффективности и широкое использование ВИЭ в производстве электроэнергии, например, для транспортного сектора, в сочетании с использованием биотоплива сократят выбросы углекислого газа на транспорте более, чем на 50%. Для снижения парниковых выбросов необходимо обязательное снижение эмиссий и в других секторах: в лесном и сельском хозяйстве, производстве фторсодержащих газов, утилизации мусора.⁴

В настоящее время в мире сложилась благоприятная ситуация для структурных изменений в энергетике. Значительная часть парка электростанций в промышленно развитых странах исчерпала эксплуатационный ресурс, более половины электростанций имеют возраст больше 20 лет. В то же время развивающиеся страны, например, Китай, Индия и Бразилия активно строят новые электростанции для покрытия быстро растущего спроса на энергию. В течение ближайших десяти лет в энергетическом секторе необходимо сделать выбор, за счет чего будет решаться проблема ввода новых мощностей — за счет строительства электростанций на основе ископаемого и ядерного топлива или за счет эффективного использования возобновляемых источников энергии. Рост ВИЭ должен опережать рост спроса на энергию. При этом переход от существующих централизованных энергосистем на основе ископаемого топлива и атомной энергии к возобновляемым источникам не сможет произойти одновременно.

Для интеграции возобновляемых источников энергии необходимо преобразование всей энергосистемы. Ряд стран уже продемонстрировал возможность интеграции большого объема электроэнергии из децентрализованных источников, в том числе таких неустойчивых, как ветровые станции. Отличным примером такой интеграции является Дания. Доля ветровой энергетики в электрическом балансе страны превышает 18%. В некоторые периоды объем электроэнергии, производимой ТЭЦ и ветровы-

⁴ Теске С., Чупров В. Гринпис: энергетическая революция. М., 2009. С. 7.

ми станциями, превышает потребности рынка. Регулирование мощности осуществляется путем регулирования режима работы нескольких крупных электростанций, а также за счет импорта и экспорта электроэнергии.

Некоторые ВИЭ, включая энергию ветра и солнца, по своей природе требуют перестройки системы транспортировки и распределения энергии. В результате стоимость производства электроэнергии, тепла и топлива для многих ВИЭ оказывается выше, чем в традиционных секторах энергетики (без учета внешних социально-экологических издержек, которые резко повышают стоимость энергии традиционных источников).⁵ Но значительное снижение стоимости энергии ВИЭ может быть достигнуто за счет дальнейшего технологического совершенствования и массового производства.

Вклад возобновляемых источников энергии в решение задач, стоящих перед обществом, будет определяться темпом реформирования общества и экономики. Но одно очевидно — возобновляемые источники энергии позволяют решить две проблемы одновременно: уменьшить дефицит энергии, а главное, — существенно снизить давление на экологию и окружающую среду.

В 2010 г. продолжилось уверенное развитие альтернативной энергетики в мире. Всё большее число стран понимают и начинают осуществлять конкретные действия по внедрению технологий, использующих ВИЭ для производства электричества и тепла. Хотя на сегодняшний день в мировом энергетическом балансе ВИЭ занимают порядка 3%, ежегодно наблюдается устойчивая тенденция к увеличению этой доли.⁶

По данным Международного энергетического агентства (МЭА), доля производства электроэнергии с использованием ВИЭ (кроме энергии воды) в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в январе-сентябре

⁵ Каныгин П. С. Альтернативные источники энергии в международной торговле. // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 11. С. 8.

⁶ Вахрушева К. Итоги развития альтернативной энергетики в мире и в России в 2010 году. 3 марта 2011. [Электронный ресурс]. — URL: http://bellona.ru/articles_ru/articles_2010/vie-2010/

2010 г. по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. выросла с 2% до 3%, в то время как доля атомной энергетики сократилась с 22% до 21%. Доли производства электроэнергии из горючего топлива и на гидростанциях остались прежними — на уровне 62% и 14% соответственно.⁷

Странами-лидерами в развитии производства энергии из нетрадиционных источников являются Исландия (около 25% приходится на долю ВИЭ, в основном используется энергия геотермальных источников), Дания (20,6%, основной источник — энергия ветра), Португалия (18%, основные источники — энергия волн, солнца и ветра), Испания (17,7%, основной источник — солнечная энергия) и Новая Зеландия (15,1%, в основном используется энергия геотермальных источников и ветра).

В XX в. мир вошел в нефтяную эру под влиянием США. В XXI в. не США выводят мир из нефтяной эры в эру чистой энергии. Сегодня с помощью возобновляемых источников энергии вырабатывается лишь 6% всего объема энергии в США, но эта цифра стремительно растет. Заслуживает внимания тот факт, что в 2008 г. в США абсолютный прирост мощностей по ВИЭ превзошел прирост мощностей по обычным энергоносителям. Практически во всех штатах есть программы, стимулирующие развитие возобновляемой энергетики. В течение нескольких последних лет более десятка штатов приняли новые законы, регулирующие эту сферу. Если эти тенденции будут укрепляться и получают федеральную поддержку, возможен стремительный прогресс. Некоторые штаты являют собой пример того, как быстро может завоевывать позиции возобновляемая энергетика при правильной политике. В Калифорнии 31 % электричества вырабатывается от возобновляемых источников энергии; из них 12% — за счет энергии ветра и геотермики. Техас, чья история тесно связана с нефтяной промышленностью, теперь лидирует в стране по количеству ветроустановок. В Айове производство этанола

⁷ Безруких П. П. Роль возобновляемой энергетики в энергоснабжении в мире. Состояние и перспективы. 2010. [Электронный ресурс]. — URL: <http://baltfriends.ru/node/72/>

достигло таких масштабов, что, если бы не экспорт за пределы штата, его хватило бы, чтобы удовлетворить потребность штата в автомобильном топливе на 50%. Общенациональная коалиция, объединяющая более 200 организаций и предприятий, в основном сельскохозяйственного и лесного секторов, выдвинула предложение поставить перед страной следующую цель: к 2025 г. 25% энергии в США должно вырабатываться при использовании возобновляемых источников.⁸

Использование ВИЭ огромное значение имеет для Японии. Вопрос будущего энергообеспечения Японии в настоящий момент решается на политическом уровне. После инцидента на АЭС, обсуждение об использовании ВИЭ стали наиболее «остро». Теперь, когда люди стали лучше понимать, какие риски несет атомная мощь, главной проблемой стала безопасность энергии. В настоящее время из возобновляемых источников в Японии производится около 9% электроэнергии, но уже к 2020 г. планируется увеличить этот показатель до 20%.⁹ Япония является одним из лидеров рынка солнечной энергии по темпам ввода мощностей и установленной мощности. К 2020 г. мощность солнечной энергетики Японии составит 37 ГВт, что в 26 раз превышает уровень 2005 г. 12 апреля 2012 г. в Японии благодаря Токийскому институту технологии выстроено здание, полностью покрытое солнечными батареями (и стены, и крыша). Здание представляет собой образец энергоэффективности, поскольку в состоянии полностью обеспечить себя электричеством, генерируемым самостоятельно.¹⁰

Из стран, не входящих в ОЭСР в развитие альтернативной энергетики в 2010 г. инвестировали Ватикан, Китай и Индия. В Ватикане в 2010 году было завершено строительство самой большой в Европе солнечной электростанции, которая позволит стране практически полностью отказаться от использования дру-

⁸ Панагиотис Коупаранис, Бен Най. — URL: www.dw.de. (04.04.2012).

⁹ Энергосбережение и энергоэффективность — залог устойчивого развития. 21.09.2011 С.525 // www.spbenergo.com

¹⁰ Наумов А. В. В 2011 г. солнечная энергетика обеспечила рекорд по инвестициям в ВИЭ. // AENenergy.ru. 18.01.2012.

гих источников энергии. В строительство этого проекта в 2009 г. было вложено около 660 млн. евро. Она уже готова и заняла порядка трех кв. км. Индия также планирует инвестировать в проекты развития солнечной энергетики. Ожидается, что к концу 2011 г. в штате Гуджарат будет построена электростанция, генерирующая 1000 МВт. Проект оценивается в 1,78 млрд. долларов.

Китайское правительство также продолжает активно финансировать проекты развития альтернативной энергетики. В 2010 г. Китай встал на второе место в мире после США по объёму произведённой энергии с использованием силы ветра, обогнав Германию. Планируются и новые проекты по строительству ветропарков.

В течение года по всему миру запускались новые ветропарки, совершенствовались технологии ветрогенераторов. По прогнозам Глобального совета по ветроэнергетике и Гринпис, доля электроэнергии в мире, произведённой с помощью силы ветра, к 2020 г. может достигнуть 12%. Одним из итогов этого процесса стало подписание 3 декабря 2010 г. меморандума о реализации проекта создания единой оффшорной сети ветряных электрогенераторов на побережье Северного моря общей мощностью 140 ГВт. Меморандум был подписан представителями десяти стран Евросоюза: Дании, Германии, Бельгии, Норвегии, Швеции, Франции, Ирландии, Люксембурга, Нидерландов и Великобритании. Этот проект позволит не только усилить позиции альтернативной энергетики в Европе, но и развить единую электроэнергетическую систему ЕС.

В конце октября 2010 г., в столице Индии Дели была проведена Международная конференция по возобновляемым источникам энергии, которая явилась самым крупным научным форумом 2010 г. В этом форуме приняли участие 9000 учёных и специалистов, занятых данной проблемой, в том числе 600 представителей из 50 стран мира. На конференции было заслушано и обсуждено более 250 докладов по различным аспектам использования возобновляемых источников энергии. Большинство из них было посвящено возможностям расширения сфер применения и объёмов возобновляемой энергии. Много внимания на конференции

было уделено возможностям использования возобновляемых источников энергии в условиях изменения климата на планете, а также в социальном развитии стран мира.¹¹

Ещё одной тенденцией развития альтернативной энергетики в мире в 2010 г. можно назвать усиление внимания к возможностям биоэнергетики в связи с тем, что использование таких технологий позволит достичь одновременно двух целей: производство энергии и сокращение объёма CO₂ в атмосфере. Эта тема стала одной из основных во время прошедшего в Канкуне в декабре 2010 г. Саммита по проблеме изменения климата. Новые углерод-отрицательные технологии, основанные на производстве энергии из различных видов биомассы, широко обсуждались на Саммите и заинтересовали правительства многих государств.

Для развития международного сотрудничества на уровне ООН в сфере альтернативной энергетики в 2010 г. имело большое значение начало работы созданного в конце 2009 г. специального Международного агентства по возобновляемой энергетике (IRENA). К соглашению о развитии возобновляемой энергетики тогда присоединились 148 стран, хотя на сегодняшний день далеко не все его ратифицировали. Эффективность работы агентства — это, своего рода, показатель серьёзности намерений стран развивать нетрадиционную энергетику в мире. 2010 год оказался для агентства довольно сложным. Вследствие того, что не все страны выполнили свои обязательства по перечислению средств в бюджет агентства, недофинансирование составило 8,4 млн. долларов за год. Самыми крупными должниками оказались Япония и США. Причём США пока даже не ратифицировали соглашение в Сенате. Некоторые аналитики считают, что такая ситуация с финансированием могла быть вызвана последствиями экономического кризиса, поэтому в следующих годах такой проблемы не возникнет. Тем не менее, сейчас ещё рано судить об эффективности работы агентства, оно находится в стадии формирования и организации своей работы. Как и все международные институты,

¹¹ Ахмедов Х. У возобновляемых источников энергии потрясающее будущее. 2010. [Электронный ресурс]. — URL: [http:// ecocentre.tj/ru/index/index/pageId/569/](http://ecocentre.tj/ru/index/index/pageId/569/)

прежде чем будет заметно его влияние на мировое развитие возобновляемой энергетики должно пройти много лет.

Несмотря на великолепную обеспеченность традиционными энергоносителями, наша страна также заинтересована в использовании НВИЭ. Последние могут иметь несколько сфер применения в России. Во-первых, это энергообеспечение северных и других труднодоступных и удаленных районов, не подключенных к общим сетям, где проживает около 10 млн. человек. Завоз топлива в эти районы превратился в тяжелую проблему. Огромные расстояния и значительные транспортные расходы приводят к тому, что в некоторых из этих районов (Камчатка, Курилы, Республика Тува, Республика Алтай и др.) стоимость привозного топлива и выработанной на его основе электроэнергии становится настолько высокой, что делает технологии НВИЭ коммерчески привлекательными.

Увеличение генерирующих мощностей в энергодефицитных регионах — другая сфера возможного применения НВИЭ в России. В подобных регионах, где централизованное электроснабжение ненадежно и потребителей регулярно отключают от сети, проживает более 15 млн. россиян. Аварийные отключения дезорганизуют жизнь городов и сельских местностей, наносят огромный ущерб промышленному и сельскохозяйственному производству. Использование местных НВИЭ, главным образом, энергии ветра, малых ГЭС и биомассы, позволило бы избежать этих потерь и одновременно сократить потребность в привозном топливе.

Децентрализованное снабжение электроэнергией и теплом сельских районов, в том числе отдаленных изолированных поселений, семейных ферм, индивидуальных загородных домов также является перспективной сферой использования НВИЭ. Более того, часто это единственный способ их снабжения. В число потенциальных потребителей НВИЭ могут также войти предприятия лесной и рыбной промышленности, метеорологические, коммуникационные, археологические и геологические станции, радары, маяки, морские нефтяные и газовые платформы.

Улучшение экологической обстановки на курортах и в других местах массового отдыха населения также может быть достигну-

то за счет широкого внедрения НВИЭ (солнечных коллекторов, биогенераторов, тепловых насосов, ветроустановок и т. п.). При этом электроэнергия, генерируемая с использованием некоторых НВИЭ, уже сейчас может быть дешевле, чем от дизельных генераторов. К тому же отпадает проблема завоза традиционного топлива.¹²

Вместе с тем внедрение ВИЭ связано и с другой соседствующей и взаимосвязанной с ВИЭ сферой, а именно в экологии. Абсолютное большинство этих источников (кроме биомассы) не имитируют вредных выбросов в атмосферу, и потому их освоение рассматривается во всем мире как составная часть борьбы с глобальным потеплением.

Это справедливо и для России, где такое потепление уже сказалось учащением опасных гидрометеорологических явлений, которые по оценке МЧС, обходятся стране в 0,07–0,015% ВВП в год. По прогнозам Росгидромета, за 2005–2015 гг. число опасных гидрометеорологических явлений в России вновь возрастет вдвое при росте ущерба, сопоставимом или даже превышающим прирост ВВП.¹³

Возобновляемая электроэнергетика в России за 2010 г. продвинулась вперед не сильно. Несмотря на то, что начали появляться локальные проекты по использованию местных ВИЭ в регионах страны, общая доля альтернативной энергетики в энергетическом балансе России так и осталась на уровне около 1%. В энергетической стратегии России запланировано повысить этот показатель до 4,5% к 2020 г.¹⁴ Развитию альтернативной энергетики в России уделяется большое внимание.

¹² Шуйский В. П. Мировые рынки возобновляемых источников энергии в первой половине XXI века // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 3. С. 36.

¹³ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. С. 90–92.

¹⁴ Основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2020 года, Распоряжение Правительства РФ от 8 января 2009 года № 1-р, с 3. — URL: www.minprom.gov.ru

Изменение климата непосредственным образом связано с последствиями сжигания углеводородов и, как следствие, выделением углекислого и других парниковых газов. В России около 85% парниковых выбросов антропогенного происхождения приходится на энергетический сектор, включая энергетику, транспорт, промышленность и коммунальное хозяйство. Улучшение экологической обстановки на курортах и в других местах массового отдыха населения, а также в городах со сложной экологической обстановкой, может быть достигнуто за счет широкого внедрения нетрадиционных ВИЭ (солнечных коллекторов, био-генераторов, тепловых насосов, ветроустановок и т. п.).

Для полноценного развития альтернативной энергетики в России, по мнению многих экспертов, не хватает, прежде всего, соответствующей нормативно-правовой базы. Вопрос её модернизации решается, к сожалению, очень медленно и сложно. Тем не менее, определённые успехи в этом направлении были достигнуты. В октябре 2010 г. вышло постановление Правительства РФ об утверждении критериев для предоставления из федерального бюджета компенсации стоимости объектов, генерирующих энергию с помощью ВИЭ с мощностью не более 25 МВт. Оно должно стимулировать строительство электростанций, использующих энергию возобновляемых источников.

28 декабря 2010 г. Президент РФ подписал закон, вносящий изменения в ФЗ «Об электроэнергетике», позволяющие заключать долгосрочные договора купли-продажи мощности, произведённой на объектах с использованием ВИЭ, по особой цене, регулируемой оптовым рынком. Несмотря на то, что эти документы создают определённую инфраструктуру для развития ВИЭ в России, подобных мер в данном случае недостаточно. Не рассмотрен в Государственной Думе проект закона о мерах государственной поддержки использования ВИЭ в РФ, подготовленный ОАО «Русгидро» совместно с другими экспертами в этой области. ОАО «Русгидро» — российская энергетическая компания, владелец большинства гидроэлектростанций страны, крупнейшая российская генерирующая компания по установленной мощности станций и вторая в мире по установленной мощности среди гидрогенерирующих компаний.

Мировой опыт показывает, что первоначальный толчок к развитию возобновляемых источников энергии, особенно в странах, богатых традиционными источниками, должен быть дан государством. В России же никакой поддержки этому сектору энергетической отрасли практически не оказывается. В федеральном бюджете на 2010 г. не было заложено никакой финансовой поддержки проектам ВИЭ, и, наоборот, выделялись средства на атомную промышленность (более 400 млн. рублей субсидий и 53 млрд. рублей в виде имущественного взноса в ГК «Росатом») или, например, угольную отрасль. Небольшое финансирование разработки технологий ВИЭ осуществлялось только в рамках проекта развития нанотехнологий. Не предусмотрены никакие субсидии на развитие альтернативной энергетики и в принятом бюджете на 2011 и прогнозные 2012 и 2013 гг.¹⁵

Известно, что за последние 10 лет электроэнергия в России подорожала в три и более раза. По прогнозу экспертов к 2014 г. электроэнергия подорожает еще в 2 раза. Цены на электроэнергию в России, обладающей избыточными энергетическими ресурсами, мало того, что стали дороже, чем в большинстве стран, обеспеченных энергоносителями, но и приблизились к уровню стран, испытывающих серьезный недостаток в энергетическом сырье. Об этом заявил Дмитрий Медведев на заседании президиума Госсовета и привел в пример Курскую область, где предприятия, работающие на низком уровне напряжения, платили в январе 2011 г. около 6 руб. за 1 КВт·ч. Он заметил, что даже в Италии, которая является самой проблемной, с точки зрения электроэнергии, страной Западной Европы, этот уровень составляет 11–11,5 евроцентов. Уже сегодня российские тарифы на электричество сравнимы или выше, чем в США, Франции и Великобритании. Распространенное мнение о том, что в России развитие возобновляемой энергетики нерентабельно из-за низких энергетических тарифов, является не верным.

¹⁵ Кулаков А. Возобновляемая энергетика: прогрессивные тенденции или агрессивный PR? 27 апреля 2011. [Электронный ресурс]. — URL: <http://aenergy.ru/318/>

С одной стороны, технологии «зеленой» энергетики за последние 10 лет совершили прорыв. Так удельная стоимость ветро-энергетических установок снизилась с 5000 до 1000 долл. за 1 кВт, а «чистая» себестоимость производства электроэнергии (без инвестиционной составляющей) уже находится на уровне 30–40 коп. за кВт·ч. Проекты строительства малых ГЭС со сроком окупаемости около 10 лет дают электроэнергию стоимостью 1,5–2 руб. за кВт·ч, а геотермальные станции — 3–3,5 руб. за кВт·ч. Фотоэлектрические модули еще остаются достаточно дорогими: но именно это направление ВИЭ считается наиболее перспективным. Финансирование проектов НИОКР в этой сфере превышает более 10 млрд. долл. ежегодно. Эксперты ожидают, что в ближайшие 3–4 года эффективность фотоэлектрических преобразователей сравняется другими технологиями получения электроэнергии.¹⁶

С другой стороны, ужесточение экологических требований и рост стоимости энергетических ресурсов привел к значительному удорожанию строительства традиционных генерирующих мощностей.

Позитивным итогом 2010 г., который действительно может стимулировать развитие альтернативной энергетики в России, несомненно, можно назвать запуск программы Международной финансовой корпорации (IFC) по развитию ВИЭ. Целью проекта является раскрытие потенциала рынка альтернативной энергетики в России. За пять лет при поддержке российских партнеров, среди которых Российское Энергетическое Агентство и компания «Русгидро», IFC планирует реализовать не менее 30 проектов общей мощностью 205 МВт. Совокупный объем инвестиций составит около 366 млн. долл. Из них 150 млн. долл. предоставит IFC. Приоритетными направлениями будут ветроэнергетика (на юге и северо-востоке страны, а также на Дальнем Востоке) и энергия биомассы (преимущественно на юге России). Тем не менее, пока основные инвестиции в развитие сектора альтернативной энергетики в России направляются не в генерацию «чистой» энергии,

¹⁶ Там же.

а в производство энергетического оборудования или источников для производства энергии, например, топливных гранул.

Спор об эффективности ВИЭ возникает по причине разных методик оценки отдельных проектов и комплексных программ развития возобновляемой энергетики, которые применяются в развитых странах и в России. В нашей стране применяются оценки краткосрочных экономических результатов отдельных проектов, забывая о безопасности и экологических последствиях от деятельности углеводородной и атомной энергетики. Такого рода анализ не учитывает будущие риски, связанные с ценами на топливо, будущими затратами на охрану окружающей среды и здравоохранение. «Зеленая» электроэнергия обходится потребителям не дорого. Точно не дороже атомной или угольной электроэнергии. Технологии развиваются и делают ВИЭ более эффективными и дешевыми, а угольные и атомные станции по причине ужесточения требований по экологии и безопасности становятся все более дорогими. Положительную роль в формировании рынка ВИЭ могут сыграть также демонстрационные объекты, сооружаемые на средства федерального и регионального бюджетов. Такие объекты необходимо построить во всех федеральных округах, учитывая разницу в климатических условиях и перспективность различных видов нетрадиционных ВИЭ.

Рынкам ВИЭ необходимо государственное содействие. Как и в случае с другими отраслями экономики, перед рынком возобновляемых источников энергии стоят типичные проблемы, препятствующие росту инвестиций: отсутствие прозрачности, конкуренция со стороны дотируемых традиционных источников энергии их жесткая централизация, а также слабость финансового сектора. Отсутствие национальной стратегии в области возобновляемых источников, адекватной законодательной базы и нормативных документов осложняет развитие данного рынка. Поэтому улучшение инвестиционного климата путем проведения экономических, финансовых, юридических, нормативных и налоговых реформ жизненно необходимо. Также необходима поддержка реформ, их распространение на энергетический сектор и отмена субсидирования традиционных источников энергии.

Что касается аварий на японских АЭС, то они вызвали новую мировую дискуссию о ядерной энергетике. Не исключено, что в этом случае возможна переориентация на другие источники получения электроэнергии, как раз речь идет о возобновляемых источниках, что потребует огромных финансовых затрат и немалого времени. А это еще один фактор торможения, особенно, для экономики Японии. Эксперты не сомневаются, что имиджу атомной энергетики нанесен самый серьезный удар за последние десятилетия.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что вклад ВИЭ в мировой энергобаланс пока невелик, около 20% конечного потребления энергии. При этом на долю биомассы и гидроэнергии, используемых традиционными способами, приходится основная часть — около 17%, на долю нетрадиционных ВИЭ — около 3%. Но именно с нетрадиционными ВИЭ связывают будущее энергетики. Масштабное развитие ВИЭ и технологий аккумулирования энергии будет означать снижение доли централизованной крупной энергетики. Для общества это будет означать автономизацию и независимость от крупных энергетических компаний, а также повышение надежности электроснабжения.

Спрос на «зеленую» энергию и «низкоуглеродную» энергетику появился и сохраняется не потому что, международные ассоциации захотели развивать новые отрасли, но как ответ обществу на глобальное загрязнение окружающей среды и монополизм энергетических компаний.

Есть еще один важный аргумент глобального преимущества возобновляемой энергетики перед топливной — это энергетическая эффективность. Дело в том, что энергии, выработанной электрической установкой на ВИЭ в течение всего срока службы, в 5–10 раз больше, чем энергии, затраченной на создание и функционирование этой установки, с учетом оборудования и материалов, транспортных и строительно-монтажных работ. Таким образом, постепенный переход на возобновляемую энергетику одновременно означает переход человечества на новую ступень энергетической эффективности. Научно-технический прогресс, появление новых технологий и материалов постоянно повыша-

ют конкурентоспособность ВИЭ, которые уже замещают традиционные источники энергии в значительном объеме.

Очевидно, что «низкоуглеродный» экономический уклад открывает новые колоссальные рынки сбыта для западной индустрии «зеленых» технологий, придает импульс мировой финансовой системе через развитие биржевой торговли квот на эмиссию и т. д. Можно выделить следующие факторы, которые обуславливают стремление западных стран выстроить и навязать всему миру «низкоуглеродный» экономический уклад.

Во-первых, значительный удельный вес в структуре себестоимости продукции западных компаний имеет такая составляющая производственных затрат, как высокие требования к экологической безопасности. Это особенно болезненно для них в условиях экспансии на западные рынки дешевых товаров из развивающихся государств, прежде всего Китая. Между тем новый экономический уклад сумеет капитализировать те затраты на экологию и охрану труда, которые вынуждены в настоящее время нести западные производители.

Во-вторых, в западных странах к настоящему времени сформировалась мощная «экологическая индустрия», которая поглощает все больше капиталов и создает все новые и новые рабочие места. Поддержка «зеленых» технологий, в том числе ВИЭ, стала для многих стран важным инструментом стимулирования экономики. В частности, в Дании производство оборудования для ветряных станций создает больший процент рабочих мест, чем автомобильная отрасль в Германии.

Между тем «зеленая» индустрия, как и любая другая отрасль, требует рынков сбыта. Причем желательно, чтобы спрос на продукцию имел тенденцию к росту, что позволит наращивать производство, а также привлекать все новые и новые инвестиции. Перевод мировой экономики на «низкоуглеродные стандарты» как раз и будет гарантировать сбыт — различные государства начнут распахивать двери на пути «зеленого» оборудования и технологий из западных стран.

В-третьих, у стран-импортеров углеводородного сырья существует большое искушение направить часть тех затрат, которые

идут на закупки нефти и газа, на свое внутреннее потребление. Это возможно под тем предлогом, что производители и потребители углеводородов должны платить за наносимый климату вред. В свою очередь, средства, которые будут аккумулироваться за счет «углеродных» налогов и взимания платы за право на парниковые выбросы, останутся в экономиках стран — потребителей энергоресурсов. Затем они будут их направлять опять же на стимулирование отраслей «зеленой» экономики, в том числе альтернативной энергетики.

В этой связи следует отметить, что сторонники ВИЭ довольно часто используют тезис о том, что стремительное развитие «зеленой» энергетики старательно блокируется нефтегазовым лобби. Другими словами, они опасаются ослабления своих позиций на энергетическом рынке. По большому счету ВИЭ сами по себе не представляют угрозы для традиционной энергетики. Маловероятно, что широкое распространение ветряков, солнечных батарей, биогаза и прочего приведет к массовому разорению нефтегазовых компаний. Напротив, сейчас происходит попытка реализации несколько иного сценария. Это не вытеснение «зеленой» энергетикой нефти, газа и угля, а возникновение ситуации, при которой традиционные источники энергии (точнее, ее потребители и производители) становятся своего рода донором ВИЭ. Таким образом, парадокс заключается в том, что «зеленая» энергетика сможет нормально существовать лишь в связке с «традиционным» топливно-энергетическим комплексом. По показателю установленной мощности энергетики на ВИЭ (без учета большой гидроэнергетики) РФ занимает место близкое к концу первой сотни, по показателю доли ВИЭ в структуре энергетического баланса (менее 1%) мы уже за пределами первой сотни стран. Более чем в ста странах мира в той или иной степени на законодательном уровне закреплена поддержка энергетики на ВИЭ. Из всех развитых стран мира только в РФ фактически отсутствуют работающие законодательные инициативы по поддержке ВИЭ, не говоря уже о прямых мерах по стимулированию ВИЭ типа «зеленых» тарифов. Россия пока находится в стороне. Мощное «антиальтернативное» нефтегазовое лобби на уровне

первых лиц государства, а также тотальное господство мифов о дороговизне, малой эффективности и неконкурентоспособности энергетики на основе ВИЭ, основанное на информации и статистике середины 1980-х годов, в соответствующих министерствах привели к полному застою в этой области в РФ. Мы пропускаем вперед даже слаборазвитые страны Тропической Африки, Латинской Америки и Океании, в которых как грибы после дождя созревают соответствующие законы, принимаются программы поддержки развития ВИЭ, осуществляются первые проекты. Для развивающихся стран это шанс построить новую энергетику и перейти на следующий виток экономического развития минуя углеводородную стадию.

Интересно, что даже такие «углеводородные» гиганты, как ОАЭ, Катар не стесняются идти в ногу со временем по вопросам развития ВИЭ. Более того, эти страны наряду с развитыми странами Европы и США стремятся занять лидирующие позиции в этом направлении энергетики. В ОАЭ развивается проект МАСДАР, включающий в себя первый в мире ультрасовременный экогород полностью на ВИЭ с технологическим университетом со специализацией на ВИЭ, жилыми, общественными, торговыми зданиями.

Даже в Дании энергетика на основе ВИЭ не ставит перед собой целью полностью вытеснить традиционную энергетику, хотя в глобальном плане утверждены ориентиры — к 2030 г. довести долю ветроэнергетики в структуре энергопроизводства страны до 50%.

Альтернативная энергетика скорее удачно дополняет традиционную энергетику, позволяя достаточно гибко реагировать на изменения спроса. Базовая выработка электроэнергии даже в наиболее развитых с точки зрения развития ВИЭ странах все равно базируется на топливной генерации. Такое положение в ближайшие годы не изменится, поскольку пока не придуманы и не апробированы технологии накопления и распределения больших объемов энергии и сеть небольших электростанций на основе ВИЭ все еще не развита повсеместно.

Лондон — олимпийская столица 2012 г., сделала ставку на использование энергосберегающих технологий и ВИЭ. В Устье

Темзы к открытию Игр планируется запустить крупнейший в Великобритании, да и во всей Европе ветропарк LondonArray мощностью свыше 1 ГВт.

И, напротив, в концепции олимпиады в Сочи заложены «антизеленые» принципы: превращение заповедника в стройку, строительство тепловых электростанций, спорные решения «мусорной проблемы», еще большее уплотнение города Сочи. Практически ни одна из инициатив по использованию ВИЭ и современных решений по энергосбережению не находят поддержки. И все-таки, энергетике на основе ВИЭ быть и в России. Как уже говорилось, она развивается, и рост данной энергетики в России постепенно ускоряется.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

В настоящее время мировая энергетика находится на перепутье. Экономика требует все больше энергии, а запасы ископаемого топлива, на котором основана традиционная энергетика, не безграничны. Рост стоимости ископаемого топлива усугубляется и тем, что достигшее колоссальных размеров использование углеводородов наносит ощутимый вред окружающей среде, что отражается на качестве жизни населения.

ВИЭ — огромный растущий рынок с ежегодным оборотом более 50 млрд. евро с мощным мультипликативным эффектом в сфере образования, науки и производства. В мире расширяется и ускоряется процесс перехода к новой технологической платформе глобальной энергетики, в котором ВИЭ займет значительное место с долей в 30–35%, а все безуглеродные технологии будут составлять больше 60%.

России требуется постановка новой задачи — оптимизация топливно-энергетического баланса регионов с одновременным улучшением качества жизни населения. Эта задача решается с помощью широкого использования ВИЭ и местных видов топлива.

Основное преимущество возобновляемых источников энергии — неисчерпаемость и экологическая чистота. Эти качества и послужили причиной бурного развития возобновляемой энергетики за рубежом и весьма оптимистических прогнозов их развития в ближайшем десятилетии.

Увеличение выработки электроэнергии за счет ископаемого топлива, включая ядерную энергетику, может привести к глобальному потеплению и необратимому изменению климата Земли. Поэтому повышение энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии необходимо для надежного, устойчивого и долгосрочного энергообеспечения экономического развития стран мира. В ближайшие десятилетия энергетика останется важнейшей основой развития мировой экономики, несмотря на серьезные изменения в структуре производства и потребления энергоресурсов и на резкое повышение энергоэффективности. Внимание ученых и политиков приковано к вопросам не только поддержания экономического роста, обеспечения благосостояния и борьбы с бедностью, но и ограниченности ресурсов, особенно энергии, и главное, сохранения климата.

Энергетика является одной из важнейших сфер жизненной деятельности человечества, которая становится все более уязвимой ввиду нарастающих проблем технологического, экономического, социального и природного характера. И для противостояния этим, порой непредсказуемым, вызовам необходимо развивать широкое международное сотрудничество и взаимопонимание на различных уровнях.

Перед топливно-энергетическим комплексом России стоят неотложные инвестиционные, технологические и организационные задачи, требующие принятия оптимальных решений, которые бы отвечали суровым вызовам завтрашнего дня.

Е. Л. Болдырева, Ю. С. Гельм

ДЕМОКРАТЫ ШВЕЦИИ

ПОСЛЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2010 ГОДА

19 сентября 2010 г. в Швеции произошло историческое событие: впервые в истории этого скандинавского государства буржуазная коалиция, находящаяся у власти, добилась переизбрания на второй срок.¹ В тот день состоялись выборы в риксдаг и в органы местного самоуправления. В этих выборах участвовали два основных блока — правоцентристский (Христианско-демократическая, Народная либеральная и Умеренная коалиционная партии, Партия Центра) и «красно-зеленый» (Левая партия, Партия зеленых, Социал-демократическая партия).²

Победу на выборах в риксдаг одержал правящий альянс во главе с действующим премьер-министром страны Фредриком Рейнфельдтом. Таким образом, впервые в истории этого скандинавского государства буржуазная коалиция переизбрана на второй срок. На протяжении последних 70 лет у власти в Швеции находились социал-демократы.

Согласно данным шведского Избиркома, правящая коалиция набрала 49,3% голосов избирателей. Это обеспечило ей 173 мандата из 349, имеющихся в шведском парламенте. Но абсолютного большинства альянс не добился — не хватило всего двух мандатов. За оппозиционный красно-зеленый блок в составе трех партий — Левой, Зеленой и крупнейшей в стране Социал-

¹ Все о выборах 2010. — Электронный ресурс: <http://www.val-2010.se/> (дата обращения: 28.01.2011).

² Там же.

демократической — проголосовали 43,6% избирателей,³ что дало оппозиции 156 мандатов. Еще 20 мандатов достались националистической партии (SD) «Демократы Швеции», которая набрала на выборах 5,7% голосов.⁴ Таким образом, впервые в этом скандинавском государстве в парламент прошли ультраправые.

До выборов 2010 г. «Шведские демократы» терпели неудачи. Причин, по мнению политиков, несколько. Во-первых, отрицательную роль играло происхождение партии: шведы продолжали ассоциировать ее членов с фашистами. Во-вторых, для шведских избирателей гораздо важнее была экономическая программа, нежели социально-культурные вопросы. Кроме этого, до недавнего времени вопрос иммиграции был недостаточно политизирован. И наконец, вплоть до последних выборов шведы гораздо отчетливее видели разницу между существующими в стране политическими партиями.

Пока границы между основными политическими силами в Швеции размывались, «Шведские демократы» занимались ребрендингом, то есть пытались изменить свой имидж. Это стало одной из причин входа партии в парламент.⁵

Шведские политологи считают, что в сложившейся ситуации голоса ультраправых депутатов станут решающими в работе вновь избранных законодателей: именно они смогут обеспечить правой коалиции перевес. Между тем, уже вечером 19 сентября, когда были объявлены предварительные результаты выборов, лидеры всех парламентских партий заявили, что сотрудничать с «Демократами Швеции» не намерены.

Фредрик Рейнфельдт, лидер Умеренной партии, категорически отказался сотрудничать с партией «Демократы Швеции». Лидер партии «Демократы Швеции» Йимми Окессон, узнав результаты голосования, не скрывал своей радости и восторга. Он также

³ Государственная служба Швеции, ответственная за выборы — Электронный ресурс: www.val.se (дата обращения: 20.01.2011).

⁴ Там же.

⁵ *Wingborg M. Skånsk populism — en grogrund för SD // Malmö Fria.* — Электронный ресурс: <http://www.malmofria.nu/artikel/85274> (дата обращения: 25.02.2011).

заявил о готовности партии к диалогу и сотрудничеству со всеми членами парламента. В данной ситуации всем остальным придется в той или иной степени проводить их политику, поскольку в 2010 г. было сформировано правительство меньшинства, и голос данной партии будет решающим для принятия каких-либо решений. На выборы ультраправые шли с основным обещанием: сократить на 90% иммиграцию из мусульманских стран и запретить воссоединение иммигрантских семей.

Предвыборный ролик партии выглядел столь провокационно, что ведущие телеканалы страны поначалу отказывались его транслировать. Спасли единомышленники из Дании: Народная партия Дании, имеющая места в парламенте, пригрозила раздуть скандал на всю Европу, обвинив Швецию в ущемлении свободы слова. Датчане подкрепили свое обещание, прислав наблюдателей на шведские выборы — главным образом для того, чтобы проверить, не пытаются ли отсечь радикальных националистов от парламента. Вообще отношения Демократов Швеции и СМИ очень напряженные. СМИ не идут на контакт с партией и пытаются ограничить их время в эфире, чем очень недовольна сама партия.

Угроза подействовала, и провокационный ролик был показан. Зрители увидели толпу молодых мусульманок в хиджабах, рвущуюся к стойке с надписью «Государственный бюджет». Их агрессивная волна теснит и отталкивает растерянную шведскую старушку, которая двигалась в том же направлении. Послание было живо воспринято избирателями, особенно — на юге Швеции (в частности, в Гетеборге, Мальме), где сконцентрировано особенно много иммигрантов.

Лидер Левой партии (бывшие коммунисты) Ларс Оли заявил, что в случившемся виноваты правые партии, которые на протяжении последних четырех лет «разрушали общество всеобщего благополучия».⁶ По его словам, удар пришелся, прежде всего, по наиболее уязвимым группам населения.

⁶ Фреден Ю. Выборы в Швеции: драма без ясной развязки // Официальный портал о Швеции sweden.se — Электронный ресурс: <http://www.sweden.se/ru/Start/Work-live/Reading/No-clear-winner-in-Swedish-cliffhanger-election/> (дата обращения: 23.01.2011).

Йимми Окессон давно известен своими антиисламскими высказываниями и лозунгами.⁷ К примеру, в 2009 г. он заявил, что ислам представляет для его страны наибольшую угрозу со времен Второй мировой войны. Статья «Мусульмане являются нашей величайшей иностранной угрозой», опубликованная в крупнейшей шведской ежедневной газете — «Aftonbladet»,⁸ вызвала неоднозначную реакцию общественности не только в Швеции, но и в других странах Европы. Так, по словам Окессона, в Швеции наибольший показатель изнасилований в Европе, и при этом он утверждает, что большинство преступников — мусульмане. Он также утверждает, что мусульмане основали в Швеции десять террористических организаций. Таким образом, воздействие ислама на шведское общество сказалось в гораздо большей степени, нежели шведское общество оказало влияние на мусульман.

Массовая иммиграция в Швецию и другие европейские страны из мусульманского мира, наряду с относительно высокой рождаемостью среди селящихся здесь мусульман, дает основание предположить, что эта тенденция будет продолжаться и расти, если не произойдет изменений в политике.

Лет двадцать назад, говорит Йимми Окессон, большинство шведов с трудом представляли себе, что ислам превратится во вторую крупнейшую религию Швеции. Над шведскими художниками, посмеявшимися критиковать ислам или шутить с ним, нависнет угроза физического уничтожения. Здесь обоснуются десятки исламистских террористических организаций, а ведущие представители мусульманской общины станут выдвигать требования о введения в Швеции законов шариата. Шведские ландстинги (административно-территориальные органы власти) начнут использовать деньги налогоплательщиков на проведение обрезания у полностью здоровых мальчиков. Швеция окажется на незавидной позиции европейского «лидера» по числу изнасилований, и доля мусульман-мужчин среди преступников станет быстро расти.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Шведские муниципалитеты уже рассматривают вопрос о введении гендерной сегрегации в школах, плавательных бассейнах и т. д. В продуктовых магазинах продается мясо ритуально забитых животных, в то время как в школах и детских садах перестали готовить пищу из свинины. Общеобразовательные школы намереваются вводить новые праздники в ознаменование окончания священного для мусульман месяца Рамадана. А перед христианской церковью закрывают двери все больше и больше школ.

«Как шведский демократ, я считаю ислам самой большой внешней угрозой для нас со времен Второй мировой войны и обещаю использовать все свои силы для изменения нынешнего курса во время выборов в следующем году», — заявил лидер шведских демократов.⁹ Эти его высказывания осудили многие политики левого крыла. А Ян Харпе, профессор-исламовед из университета шведского города Лунд, охарактеризовал слова политика как проявление «нацистской пропаганды» и «антисемитизма». В любом случае, шведским властям придется считаться с новой политической силой.

Таким образом, Демократы Швеции первый раз за свою историю вошли в парламент Швеции, а также увеличили свое количество мандатов на местах с 280 в 149 коммунах до 609 мандатов в 245 коммунах.¹⁰ Но удача партии распределена по стране неравномерно — ДШ многие называют сконским феноменом. Доминирование именно в лэне Сконе стало еще более заметно после выборов 2010 г.

После выборов 2006 года партия имела более сильные позиции в провинции Сконе и Блекинге в Карлскруне. В настоящий момент 14 коммун, в которых партия имеет сильные позиции, находятся в Сконе и пятнадцатая в родном городе лидера партии Йимми Окессона Сольвсберге.¹¹ Также, когда дело касается количества голосов, отданных за партию, в парламентских выборах, то больше всего голосов поступило именно из этих коммун.

⁹ *Wingborg M. Skånsk populism — en grogrund för SD // Malmö Fria.* — Электронный ресурс: <http://www.malmofria.nu/artikel/85274> (дата обращения: 25.02.2011).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Интересен вопрос: кто же голосует за партию? Одно из самых информативных и глубоких исследований было проведено после выборов 2010 г. аналитиком выборов Сёреном Холмбергом. Данное исследование называется СОМ-студие (SOM-studien). В исследовании Холмберг говорит о том, что обычным избирателем партии являются мужчины, молодые, малообразованные, то есть без высшего образования, рабочие, живущие в деревнях, т. е. не городские жители, работающие в частном секторе, люди, редко посещающие церковь, и люди, ушедшие на пенсию раньше срока. Таким образом, партия имеет слабое влияние среди женщин, людей средних лет и пожилых людей, также людей с высшим образованием, служащих, жителей больших городов, среди людей, работающих в государственном секторе, входящих в Профсоюз работников с высшим образованием, посетителей церкви и работающие за зарплату.¹²

Исследование, проведенное шведским телевидением, каналом СВТ, подтверждает проведенные исследования в данной области. Чаще всего они в основном безработные, чаще мужчины между 18 и 29 годами. Также говорится о том, что в последних выборах избиратели, голосовавшие за ДШ, были более молодыми.

Что касается политических предпочтений, то избиратели считают себя правыми по политическим взглядам. Избиратели более критически относятся к иммиграции, нежели остальная часть шведского населения. Обычно для шведского избирателя одним из главных вопросов является экономическая программа партии. В настоящих выборах предмет, занимающий и заботящий избирателей больше всего — это: школа, вопросы занятости, шведская экономика, медицина и социальное благосостояние. Вопрос об иммиграции не входил даже в десятку самых популярных вопросов.¹³

¹² Sverigedemokraterna i de svenska kommunerna // Integrationsverket — Электронный ресурс: <http://www.mkc.botkyrka.se/biblioteket/Publikationer/2006Sverigedemokraterna.pdf> (дата обращения: 02.02.2011).

¹³ Все о выборах 2010. — Электронный ресурс: <http://www.val-2010.se/> (дата обращения: 28.01.2011).

Интересной чертой националистических партий, является и их состав, в котором превалируют мужчины, низко образованные и люди рабочего класса.

Другим вопросом исследования является то, какие же качества присущи избирателям ДШ. Другой вопрос: почему они голосуют за партию. Какого-то систематического исследования в данной области не проведено, в основном дается характеристика каким-то отдельным избирателям, то есть общая картина не составлена. Как известно политика партии является ксенофобской и направленной против иммиграции, направленная на защиту шведской культуры от различных угроз извне, в первую очередь от ислама, но также и от других меньшинств.

Что касается самих избирателей, то присущее им чувство — страх перед потерей работы и своего благосостояния в мире, в котором происходит процесс глобализации. Многие также выражают свое недоверие к уже существующим и обосновавшимся партиям, то есть СМИ и партии, и поддержка именно партии ДШ является неким протестом.

Районы, в которых влияние Демократов Швеции наиболее заметно — это районы со съемными квартирами, с большим количеством людей с низкими доходами, и также небольшие коммуны.¹⁴ Данные черты присущи Сконе. Если же просматривать результаты голосования в коммунах, то партия получает наибольшее количество голосов в небольших коммунах.¹⁵

Причин почему партия так популярна в Сконе может быть несколько — влияние Народной партии Дании на южную часть Швеции, также основная база людей, которые являются членами партии, находится именно в Южной Швеции: Йимми Окессон происходит их коммуны Блекинге (южная Швеция), многие члены партии были членами таких партий как Партия Сконе, Центральные Демократы, Партия прогресса (именно там начал свою поли-

¹⁴ Sverigedemokraterna i de svenska kommunerna // Integrationsverket — Электронный ресурс: <http://www.mkc.botkyrka.se/biblioteket/Publikationer/2006Sverigedemokraterna.pdf> (дата обращения: 02.02.2011).

¹⁵ Там же.

тическую карьеру Бьёрн Сёдер — секретарь партии ДШ), партия Шобу (оттуда перешел Свен-Улле Олссон в 2002 г.).¹⁶ Многие из данных партий прекратили свою деятельность, либо объединились с ДШ. Таким образом, партия создала себе хорошую избирательную базу именно в Сконе.

Также согласно статистическим исследованиям, отношение жителей южной Швеции к иммигрантам более негативное, чем в остальной Швеции. Это может быть связано с наличием в Сконе такого района как Русенгорд, где 90% населения — иммигранты, в основном из мусульманских стран.¹⁷

Почему же все-таки популистские партии имеют такую популярность именно в Сконе? Согласно опросам и исследованиям, причинами являются недоверие к власти, центральной власти в Стокгольме, в Южной Швеции намного ниже чем в остальной Швеции и, как уже упоминалось, влияние успехов Народной партии Дании.

Таким образом, успех партии скорее зависит от недовольства некоторыми людьми политикой, проводимой уже признанными партиями. Демократы Швеции получили 20 мест в парламенте, и оказались посередине между двумя блоками, которые не хотят сотрудничать с ней ни под каким предлогом. Альянс и красно-зеленые высказывались категорически против поддержки ДШ.¹⁸ Но если вопрос касается того, с какими же партиями ДШ готовы сотрудничать, то буржуазные партии являются приоритетными.

Йимми Окессон утверждает, что его партия стоит посередине на политической шкале.¹⁹ Но во время исследований выборов 2010 г., когда избирателей просили распределить партии на политической шкале, ДШ часто отдавали место как правой партии.²⁰

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Rudling G. Valet och framtiden.* — Электронный ресурс: <http://www.samtycke.nu/2010/09/valet-och-framtiden/> (дата обращения: 28.02.2011).

¹⁹ *Wingborg M., Lodenius A. Slaget om svenskheten: ta debatten med Sverigedemokraterna.* Helsingfors: WS Bookwell OY, 2010. S. 279.

²⁰ *Rudling G. Valet och framtiden.* — Электронный ресурс: <http://www.samtycke.nu/2010/09/valet-och-framtiden/> (дата обращения: 28.02.2011).

Некоторые же избиратели помещали партию между Умеренными и Христианскими демократами. Таким образом, в большинстве своем избиратели считают, что партия является правой, но не ультраправой,²¹ но скорее всего, при расположении партий на право-левой шкале избиратели учитывали только экономическую часть их программ.

В декабре 2010 г. состоялось обсуждение партии ДШ в риксдаге. По результатам данных дебатов, в которых приняли участие представители партии Умеренных Халиф Бали, Понтус Матссон политический обозреватель шведского радио и редактор газеты «Экспо».²² ДШ в данный момент поддерживают и буржуазное правительство по некоторым вопросам и красно-зеленых, например в вопросе Афганистана и интеграционной политики, о который говорилось выше. Также отмечается, что по основным вопросам партии — иммиграция — партия не приняла каких-либо практических решений. Доказательством этому является статистика, которая показывает, что в 2011 г. Швеция планирует принять 30 000 иммигрантов, в 2010 г. было принято 30 398 иммигрантов, то есть особого спада в количестве иммигрантов, которых планируется принять, нет.²³ Партия не выстроила полноценной стратегии, которую, по мнению политиков, партии необходимо обдумать заново.

Многие считают, что доля избирателей партии значительно не возрастет, поскольку многие голосовали за партию как протест иммиграции, а не за саму политику партии.²⁴ Основная проблема партии — отсутствие практических решений своим теоретическим заявлениям.

²¹ Там же.

²² Дебаты о «Демократах Швеции» и будущем партии // ТВ-программа «Доброе Утро» на шведском телевидении. — Электронный ресурс: <http://www.youtube.com/watch?v=M8GvKMN22zw> (дата обращения: 19.02.2011).

²³ Официальные статистические данные Швеции: статистика населения — Электронный ресурс: http://www.scb.se/Pages/TableAndChart__26040.aspx (дата обращения: 19.02. 2011).

²⁴ Документальный фильм «100 дней — Демократы Швеции» // Проект шведского канала SVT1. — Электронный ресурс: <http://www.youtube.com/watch?v=liZnjxwR4cw> (дата обращения: 19.02.2011).

ДШ является также главным противником и для Социал-демократов, поскольку их политические взгляды находятся далеко друг от друга. Главным образом, сама партия ДШ является партией с консервативными взглядами, одновременно же, партию больше всего не любят в обществе, более, чем другие партии.²⁵ Причина этому — многие люди считают себя униженными политикой партии.

В документальном фильме «100 дней в риксдаге», который был снят шведским центральным каналом «СВТ», говорится об отношении партий к ДШ, а также о самой партии Демократы Швеции. Йимми Окессон заявил в интервью, что его партия вошла в Риксдаг, чтобы бороться с остальными партиями, поскольку они ведут Швецию по «неправильной» дороге.²⁶ Из-за политики действующих политических групп Швеция распадается. Многие политики высказываются очень критически в отношении партии ДШ. Партия противопоставляет иммигрантов и шведов, что является неприемлемым со стороны других партий.

По мнению Фредрика Рейнфельдта, партия ДШ, эта та партия, которая своими заявлениями о том что их никто не понимает их политической элиты, и только они поднимают ранее незамеченные вопросы, является тем способом, с помощью которого ДШ хотят привлечь внимание народа.²⁷ Интересно, что в вопросе Афганистана, о котором говорилось выше, партия не была участницей переговоров, и согласно источникам, ни один телефонный разговор не состоялся с партией, чтобы узнать ее позицию по данному вопросу — о шведских армиях, которые находятся на территории Афганистана. Таким образом, во многих вопросах партия остается в стороне и не получает поддержки от других партий. Причина, почему никто не желает вести переговоры с новой пар-

²⁵ Там же.

²⁶ Дебаты о «Демократах Швеции» и будущем партии // ТВ-программа «Доброе Утро» на шведском телевидении. — Электронный ресурс: <http://www.youtube.com/watch?v=M8GvKMN22zw> (дата обращения: 19.02.2011).

²⁷ Документальный фильм «100 дней — Демократы Швеции» // Проект шведского канала SVT1. — Электронный ресурс: <http://www.youtube.com/watch?v=liZnjxwR4cw> (дата обращения: 19.02.2011).

тием в парламенте — их желание финансировать необходимые общественные элементы за счет политики иммиграции, то есть снижения количества иммигрантов.

Что же касается общественного мнения, то многие ненавистники партии надеются, что партия будет распущена после 4-летнего заседания в парламенте. Точно так же произошло с партией «Новая Демократия» в 90-х годах. Люди считают, что если какой-нибудь политический блок пойдет на сотрудничество с партией, то потеряет огромное количество своих избирателей.²⁸ Причиной такому мнению может быть сам образ партии — сохраняющийся у избирателей экстремистский образ этой партии. На протяжении первой половины 1990-х годов не было четкого различия между «Шведскими демократами» и различными нацистскими и скинхедовскими группировками. В стремлении избавиться от этого клейма «Шведские демократы» провели ряд преобразований, которые усилили их позиции среди избирателей, однако до сих пор экстремистский образ партии не позволяет ей стать популярной. Более того, реформирование партии многим кажется поверхностным. Также, данное общественное мнение, подтверждают всеобщие манифесты и забастовки против партии, которые прошли в таких городах как Стокгольм, Гётеборг, Мальмё, Норрчёпинг.

Другая же часть общества, которая поддерживает партию, верит, что у нее есть будущее. Партия выражает мнение общества, и является не только партией, но и своего рода народным движением,²⁹ и даже если партии не удастся воплотить свои политические идеи в жизнь за эти 4 года, то партия в любом случае получит большую поддержку от избирателей. ДШ обязательно войдут в парламент с еще большим количеством голосов на следующих выборах. В то же время, как видно, в обществе существу-

²⁸ Фреден Ю. Выборы в Швеции: драма без ясной развязки // Официальный портал о Швеции sweden.se — Электронный ресурс: <http://www.sweden.se/ru/Start/Work-live/Reading/No-clear-winner-in-Swedish-cliffhanger-election/> (дата обращения: 23.01.2011).

²⁹ Poohl D. Så blir åren med SD // EXPO. — Электронный ресурс: http://expo.se/2010/sa-blir-aren-med-sd_3414.html (дата обращения: 25.02.2011).

ет спрос на такие партии, и у праворадикальной партии Швеции есть определенные перспективы.

В заключение хотелось бы сделать прогноз о том, что Швеция все-таки ужесточит миграционную политику. Примером может послужить депортация в 2010 г. из Швеции 45 румынских и болгарских цыган. Ни одному из высланных за попрошайничество не была предоставлена юридическая помощь, что противоречит директиве ЕС о свободе передвижения. Пограничная полиция Швеции ссылается на закон от 1954 г., согласно которому требуется создавать препятствия для иностранцев, приезжающих в страну для того, «чтобы заниматься бродяжничеством».³⁰

Если ужесточение миграционной политики будет продолжаться, и иммиграция начнет сокращаться, националистические настроения будут падать. До следующих выборов еще далеко, и делать прогнозы относительно того, смогут ли «Демократы Швеции» увеличить свое присутствие в Риксдаге, — рано. Со всей определенностью можно сказать одно: Швецию ждут сложные времена и перемены.

³⁰ Шведская полиция нарушила закон об иностранцах. — Электронный ресурс: <http://www.svealand.ru/Novosti/shvedskaya-policziya-narushila-zakon-ob-inostrancax.html>

А. Л. Рябова

АКСИОЛОГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Научить людей общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь — это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение — это не просто вербальный процесс. Его эффективность помимо знания языка зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого. В новых условиях, при новой постановке проблемы преподавания английского языка стало очевидно, что радикальное повышение уровня обучения коммуникации, общению между людьми разных национальностей может быть достигнуто только при условии ясного понимания и реального учета социокультурного фактора. Многолетняя практика преподавания живых языков как мертвых привела к тому, что эти аспекты языка оказались в тени и остались невостребованными. Таким образом, в преподавании иностранных языков имеется существенный пробел.

Одно из наиболее важных условий заполнения данного пробела — это расширение и углубление роли социокультурного компонента в развитии коммуникативных способностей человека. В языковых явлениях отражаются факты общественной жизни данного говорящего коллектива. Таким образом, задачи обучения иностранному языку как средству общения неразрывно сливаются с задачами изучения общественной и культурной жизни стран и народов изучаемого языка. В основе языковых структур лежат структуры социокультурные. И просто знать значения слов и правила грамматики недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как

средством общения. Для этого необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка. Все тонкости и глубина проблем межкультурной и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными при сравнении иностранных языков с родным языком и чужой культуры со своей.

Среди ценностей, формирующих культуру, выделяются две основные группы – материальные и духовные. Первую составляют выдающиеся произведения интеллектуального, художественного, религиозного творчества: произведения живописи, литературы, памятники архитектуры, ремесленные изделия и т. д. Вторая группа включает социальный опыт общества, «наиболее оправдавшие себя и показавшие наибольшую социальную эффективность принципы осуществления жизнедеятельности: нравы, обычаи, стереотипы поведения и сознания, образцы, оценки, образы, мнения, интерпретации и т. п., т. е. принципиальные нормы поведения и суждения, которые ведут к повышению социальной интеграции сообщества, к росту взаимопонимания между людьми...».¹ Другими словами, — это социальный опыт общества, приобретенный в результате его адаптации к социальной среде, система представлений о том, как должны строиться взаимоотношения между людьми и каким должен быть человек.

Многие ценности, накопленные человечеством на протяжении истории, являются универсальными. Однако значимость ценностей и их иерархия на ценностной шкале в культурах различна. Именно это и определяет оригинальность культур, их своеобразие и уникальность. Общность культурных ценностей и традиций наряду с языком является одним из важнейших признаков этноса.² В основе любой культуры лежит свойственная ей система ценностей, которые выступают, как основные жизненные ориентиры и определяют культуру данного общества. Для восточной традиции, например, характерны такие ценности, как единство общества и человека, семья, уважение к родителям и старшим, самосовершенствование лично-

¹ См.: Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000.

² См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, УРСС; Эдитория., 2010.

сти, взаимозависимость, гармония в межличностных отношениях, скромность. Для западной традиции — противопоставление личности и общества, приоритет индивидуальных ценностей над общественными, независимость, свобода личности, равенство и др.

Познавая другую культуру, люди, как правило, болезненно реагируют на различия в ценностной системе, исходят из своих представлений о значимости тех или иных ценностей, что порой приводит к достаточно резким суждениям и оценкам. Для преодоления этноцентризма в восприятии представителей иной культуры и лучшего понимания важно знать особенности их ценностной системы. Американские антропологи Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек выделили пять основных параметров, по которым взгляды представителей разных культур на окружающий мир различаются и которые определяют их ценностную ориентацию. По их мнению, это: а) отношение человека к природе (*man-nature orientation*); б) его отношение к деятельности (*activity orientation*); в) отношение ко времени (*temporal orientation*); г) характер взаимоотношений между людьми (*relational orientation*); д) природа человека (*human-nature orientation*).³ На основе данных отношений и складывается система ценностей народа, формируются его взгляды и культура. Остановимся на некоторых из этих отношений в рассматриваемых нами культурах и выявим их проявления в коммуникации.

1. Человек и деятельность. По отношению к деятельности выделяются три типа культур: *being cultures*, *being-in-becoming cultures* и *doing cultures*, которые можно определить как статичные, статично-деятельностные (трансформационные) и деятельностные. Они различаются по тому, как люди организуют свою деятельность: пассивно воспринимают происходящие события (*being cultures*), пытаются воздействовать на эти события (*being-in-becoming*) или сами их иницируют (*doing cultures*). Яркий пример деятельностной культуры — США. Идеология американцев сводится к следующему: жизнь человека находится в его руках, она не зависит от судьбы или случайностей, если хочешь чего-то добиться — добивайся.

³ Kluckholm F. Strodbeck F. *International Dimensions of Organizational Behavior*. 3-d ed. Cincinnati, OH: South-Western College Publishing. P. 217.

Вряд ли то же можно сказать о русских, настроение которых отражают такие высказывания, как «Чему быть — того не миновать» / От судьбы не уйдешь / На роду написано и т. д. А. Вежицкая называет судьбу трех ключевых понятий, определяющих русскую культуру наряду с душой и тоской. Одна из ее работ так и называется «Dusha (soul), toska (yearning) and sud'ba (fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture».⁴ В русском сознании судьба всегда неминуема, неотвратима, неизбежна. Как отмечает А. Д. Шмелев, слово судьба соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и идею неподконтрольности человеку происходящих с ним событий.⁵ В русской речи слово судьба является высокочастотным. Мы часто используем выражения: «жаловаться на судьбу; быть обиженным судьбою; в руках судьбы; волею судеб; от судьбы не уйдешь; судьбы не миновать; какими судьбами; судьба ко мне немилостива; судьба сыграла со мной злую шутку».

На эту особенность русского языка и мировоззрения русских обращает внимание и Л. Виссон, противопоставляя нам американцев, которые «свято верят, что нести сознательную ответственность за свои действия и, более того, за их последствия может только сам человек».⁶ Русские фразы типа Верить в удачу / Повезло / Везет/Не повезло, в которых также отражается более пассивное отношение к жизни, чужды психологии американцев, девиз которых — «Go get it!Go to it!»—давай, вперед!, «Do it yourself»—сделай сам!⁷

Язык дает и другие свидетельства более пассивного отношения русских к деятельности, к труду. Любопытны в этом отношении поговорки «Работа не волк — в лес не убежит» / Дурака работа любит/. Русское слово авось — одно из наиболее загадочных слов для английских переводчиков (Авось повезет). Данная мировоззренче-

⁴ Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford University Press, 1992.

⁵ Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 210–211.

⁶ Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / Пер. с англ. М.: Р. Валент, 2003. С. 72–73.

⁷ Там же. С. 78.

ская установка находит отражение в фольклоре, в частности, в русских народных сказках, где будущее героя зависит не от его активности, а от чуда, где, в конце концов, все как-то само собой устраивается, появляется скатерть-самобранка, ковер-самолет или самый ленивый из сыновей женится на царской дочке.

Данное различие в мировоззрении находит отражение в языке и коммуникации, в частности, в особенностях речевого акта. Так, если русские поздравляют друг друга по самому разному поводу (с днем рождения, с Новым годом, с 8 марта, с днем учителя, с началом весны, с началом отпуска, с окончанием учебного года и т. д.), то англичане — только в случае личных достижений, то есть с тем, что зависело от самого человека, его усилий, трудолюбия, настойчивости: «I congratulate you on..., чаще — Congratulations on... (winning the competition, publishing the book, passing the exam...)/Congratulation on your promotion». Глагол «congratulate» (поздравляю), как и «congratulation», можно употребить, поздравляя с рождением ребенка: «congratulation on having a baby», но не с днем рождения собеседника, которое случается регулярно и без каких бы то ни было усилий с его стороны (ср. русское — поздравляю с днем рождения).

Традиционные поздравления по случаю дня рождения или Рождества — «Happy birthday, Merry Christmas and Happy New Year» — это не поздравления в нашем понимании этого акта, а пожелания. Любопытно, что в поздравительных открытках с днем рождения или с Рождеством, как и в устном поздравлении, практически отсутствуют пожелания, являющиеся обязательными в русских поздравлениях (пожелать здоровья можно только больному человеку). Причина та же: глупо чего-то желать человеку; если ему что-то надо, он сам этого добьется. Иными словами, как мы уже говорили, хочешь — бери, добивайся, действуй! В русских пожеланиях, которые вызывают нескрываемое удивление американцев и англичан (желаю успехов в работе (учебе), счастья в личной жизни, большой и настоящей любви или даже желаю найти достойного спутника жизни, желаю встретить свою любовь и т. д.), все же присутствует вера в то, что все это может как-то само по себе случиться и наши пожелания помогут этому.

Подобные ментальные установки находят отражение в лексике и грамматике. Исследователи выделяют целые группы глаголов,

значение которых отражает событие, которое произошло как бы само собой, а не потому, что человек этого хотел: (мне) удалось, при-
велось, случилось, посчастливилось, повезло; (у меня) получилось,
вышло, сложилось; (меня) угораздило и др.⁸ Давно замечено, что
в русском языке много безличных, неопределенно-личных предло-
жений: «хочется пить; мне не спится; завтра рано вставать; обидно».
А. Вежицкая называет неагентивность одной из основных особен-
ностей русского языка.⁹ В английском языке преобладают конст-
рукции с активным, деятельным субъектом. Ср.: I'd like to have a drink/I
am thirsty/I have got to get up early tomorrow/I feel hurt/I feel offend-
ed. С субъекта начинаются в английском языке предложения типа
Мне 20 лет / У меня есть друг (I'm 20 / I've got a friend) и т. п., что,
очевидно, является также отражением эгоцентризма. В центре —
Я с большой буквы, и этот «я» занимает активную позицию в жизни.

К какому из названных типов культур можно отнести Россию?
Возможно, к трансформационному (being-in-becoming). Нельзя ска-
зать, что русским свойственно абсолютно пассивное, созерцатель-
ное отношение к жизни, однако, судя по приведенным примерам,
оно менее активное, чем у представителей американской и англий-
ской культур.

2. Человек и время. Культуры различаются тем, как в них
воспринимается и исчисляется время. Западным культурам свой-
ственно линейное восприятие времени, оно представляется в виде
линии — от прошлого — к настоящему и будущему — и рассматри-
вается в виде поддающихся счету отрезков. Отношение ко времени
также является культурным параметром, играющим важную роль
в коммуникации. Культуры различаются тем, как люди относятся ко
времени, насколько они его ценят и как используют. В одних куль-
турах время является важной ценностью, там высоко ценится пун-
ктуальность; в других более важны человеческие отношения, лучше

⁸ Зализняк А. А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи рус-
ской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005.
С. 280–288.

⁹ См.: Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

опоздать, чем не успеть поговорить с другом, которого встретил по пути на работу. Э. Холл предложил делить культуры на монохромные и полихромные культуры.¹⁰ В монохромных культурах (США, Англия, Германия, Скандинавские страны) время строго регламентировано, деятельность человека расписана по четкому графику. В каждый период времени он делает какое-то одно дело, завершив его, переходит к следующему. Выполнение задачи более важно, чем отношения с людьми, которые ему помогают, они часто приносятся в жертву эффективности. В полихромных культурах (латиноамериканские страны, арабские, многие средиземноморские) человек может одновременно делать сразу несколько дел. Дружеские отношения бывают важнее, чем намеченные сроки, личностные отношения могут ставиться выше интересов дела.

Как и во всех предыдущих классификациях культур, о которых мы говорили, важно иметь в виду, что в разных культурах могут присутствовать элементы как одной культуры, так и другой, при этом тот или иной тип является доминирующим. Русскую культуру исследователи характеризуют как преимущественно монохромную с элементами полихромного поведения.¹¹ Думаю, следует добавить, с ярко выраженными элементами полихромного поведения. Всем нам хорошо знакома сцена, когда руководящий работник, разговаривая по телефону, подписывает подаваемые ему документы и одновременно указывает на стул вошедшему посетителю, знаками прося его подождать, при этом за дверью кабинета ждет своей очереди еще несколько человек. Англичанин, оказавшийся в роли посетителя в подобной ситуации, будет чувствовать себя крайне неудобно, так как привык к более четкому планированию и более четкой организации деятельности. Если в Англии вам назначена встреча на три часа, то можете быть уверены, что именно в три она и состоится и это время будет отведено только вам, параллельное решение других вопросов исключено. Если вдруг человек, к которому вы пришли, занят (говорит по телефону), то традиционное извинение (Sorry) мо-

¹⁰ Hall E. T. *Beyond Culture*. New York: Doubleday, 1976.

¹¹ См.: Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. М.: Гнозис, 2005.

жет сопровождаться фразой «Could you give me a few minutes, please? Just to finish it» (Не могли бы вы дать мне несколько минут, чтобы закончить это). Для русской культуры, особенно при асимметричных отношениях «сверху — вниз», такое поведение не совсем типично. В подобной ситуации мы скорее всего услышим императивное «подождите, пожалуйста».

Для данных типов культур характерно и разное отношение к пунктуальности. Так, если в латиноамериканских странах, относящихся к полихромному типу, опоздание на 45 минут считается нормальным, то в США, Англии, Германии оно может быть расценено как отсутствие заинтересованности во встрече и стать причиной конфликта.

Интересно, что разное отношение к пунктуальности существует и в близких культурах. Так, ирландцы, несмотря на соседство с Англией и теперь уже один язык, менее пунктуальны, чем англичане. В Ирландии существует так называемое *Irish time* (ирландское время), которое означает приблизительность, допустимость опоздания, оно и называется по-другому — с добавлением суффикса — *ish*: вместо *at eight* — *at eight-ish*, *at nine* — *at nine-ish*, *at ten* — *at ten-ish*. Договариваясь о встрече, ирландцы, которые сами признают тот факт, что они часто бывают непунктуальны, уточняют, какое время имеется в виду — *English* или *Irish*.

Точность и пунктуальность, характерная для монохромных культур, распространяется как на деловые, так и на межличностные отношения. Личные встречи планируются задолго вперед. В этом также проявляется своего рода принцип соблюдения дистанции: я не могу неожиданно вторгнуться в твою жизнь, в твои планы. В Англии, например, принято по правилам этикета приглашать на ужин принято за 10 дней, если оно делается по телефону, и за 3 недели, если это письменное приглашение,¹² на более официальные мероприятия, например, на свадьбу, приглашают за 6 недель.

В английском языке нет полного эквивалента русскому слову созвонимся, что озадачивает иностранцев, не понимающих, кто

¹² *Herbert R. K. The Ethnography of English Compliments and Compliment Responses: A Contrastive Sketch // W. Oleksy (Ed.). Contrastive Pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 1989. P. 3–35.*

кому должен звонить и зачем, если они уже договорились встретиться. С юмором пишет о восприятии этого слова американцами Линн Виссон: американцу не ясно, для чего его русский собеседник предлагает созвониться — то ли он еще не знает, когда можно назначить встречу, то ли он увиливает от точного ответа, оставляя за собой возможность маневра. По-английски дословно это означает *we'll call each other* или, что более разговорно, *we'll be in touch*. Но если вы предлагаете американцу созвониться, то он, естественно, подумает, что у вас серьезные сомнения, удастся ли вам прийти на ланч, или вы вообще не уверены, что хотите прийти.¹³

Причина такого непонимания кроется в разном восприятии времени и личного влияния на ход событий. Автор объясняет различия в ментальности представителей двух культур следующим образом: обычно русские рассуждают так: «Ну, как я могу договориться о встрече за неделю или месяц! Кто знает, что может случиться за это время. Чего только в жизни не бывает». За всеми этими недоумениями и сомнениями стоит, вероятнее всего, боязнь планировать своё будущее и неуверенность в завтрашнем дне. У человека, воспитанного в США, другой склад мышления: он верит (или предпочитает верить), что управляет событиями, а не они им, что будущее можно предвидеть и расписать. Так как все его внимание сосредоточено на настоящем моменте и тщательно рассчитанном будущем, то долгосрочное планирование для него очень важно.

Отношение ко времени определяет и темп жизни людей. По наблюдениям О. А. Леонтович, быстрый темп американской жизни отражается в таких реалиях, как *fast food*, *rush hour*, *expressway*. В качестве примера она приводит интересное замечание американского журналиста, свидетельствующее о более быстром темпе жизни в США по сравнению с Великобританией: «Perhaps it's because of the fast-moving American life-style and the slower English way of life that a candidate in Britain 'stands' for office, and in the USA he 'runs'».¹⁴

¹³ См.: Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / Пер. с англ. М.: Р. Валент, 2003.

¹⁴ См.: Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005.

Что касается России, то вряд ли можно говорить, что время является в нашей культуре большой ценностью. Как отмечает В. В. Кочетков, временем дорожат в России весьма мало, потерю его не ставят ни во что, быстрота действий не одобряется, приравнивается к суетливости, о чем свидетельствуют такие пословицы, как Тише едешь — дальше будешь/Поспешишь — людей насмешишь.¹⁵ Во всяком случае в России всегда больше ценились обстоятельность, обдуманность поступков, а не торопливость и поспешность в действиях и в принятии решений (Семь раз отмерь — один раз отрежь), хотя в последнее время ситуация меняется.

Разное отношение ко времени проявляется также в том, на что делается акцент в культуре — на прошлое, настоящее или будущее. В культурах, ориентированных на прошлое, ценятся традиции, которые бережно передаются из поколения в поколение, прошлый опыт. В культурах, ориентированных на настоящее, предпочтение отдается радостям сегодняшнего дня, будущее тревожит мало. Для культур, ориентированных на будущее, характерно планирование жизни, стремление к прогрессу, ко всему новому.

Это деление опять-таки условно, оно отражает лишь некоторые тенденции. Англичане больше ориентированы на прошлое, русские скорее на будущее. Огромное количество памятников в Лондоне свидетельствует о том, что там помнят своих героев. При этом удивляет бережное и толерантное отношение к ним: Оливер Кромвель на коне стоит перед зданием парламента, а напротив, на ограде Вестминстерского аббатства — голова Карла I. Англичане, являющиеся поклонниками монархии, установили памятник человеку, убившему короля и на несколько лет лишившему их монархии, которую они до сих пор так трепетно любят! После восстановления монархии они надругались над его трупом, но памятник поставили, и противники как бы смотрят друг на друга. Пока еще трудно представить себе, чтобы где-то на центральной площади в Москве стояли напротив друг друга памятники Ленину и Николаю II. В России мы наблюдаем другое: новая власть — новые памятники; старые разрушают, как будто для того, чтобы забыть прошлое.

¹⁵ См.: Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. М.: Per Se, 2002.

Существует много примеров того, как англичане любят и чтут традиции: отказ перейти на европейскую валюту, на метрическую систему измерения, сохранение левостороннего движения и пр. Как пишет М. Авен, автор книги о Великобритании, если вы скажете англичанину, что ваш рост 167, а вес 67 кг, он не сможет представить себе, как вы выглядите, вместо этого вам следует сказать, что ваш рост 5 футов и 4 дюйма, а вес 17 стоунов и 7 фунтов; покупая сыр, англичане до сих пор думают в фунтах и унциях, покупая молоко — в пинтах, покупая бензин — в галлонах.¹⁶

Возможно именно ориентированность на прошлое является причиной того, что англичане мало употребляют понятие будущее время. Для обозначения будущих действий предпочтение отдается формам настоящего длительного (Present Continuous). По мнению англичан, говорящих по-русски, русские, напротив, очень любят будущее время и употребляют его слишком часто. Так, их удивляет, когда русские, объясняя как, например, пройти к банку, говорят: «Пройдете прямо, потом повернете направо, увидите церковь, напротив нее и будет банк» и т. п., употребляя глаголы в будущем времени. В английском языке в подобном объяснении будущее время отсутствует («Go straight, turn left, there you see the church, the bank is opposite if»). Примером разной ориентированности является также обозначение времени. Ср.: для англичан 10.20 — это еще двадцать минут после десяти (twenty past ten), для русских это уже двадцать минут одиннадцатого. Говоря о возрасте, русский скажет: «Ей под пятьдесят» или «Ей пошел шестой десяток». Англичанин и здесь опережать время не станет. Ср.: «She's in her late forties», «She's in her early fifties».

Ориентированность русских на будущее прослеживается также в пословицах, поговорках, крылатых выражениях: утро вечера мудренее / даст Бог день, даст Бог пищу / поживем — увидим / что день грядущий нам готовит и др. Американцы, хотя и говорят по-английски, также больше ориентированы на будущее. Возможно, в какой-то степени это связано с тем, что в отличие от англичан они

¹⁶ См.: *Owen M. Apologies and Remedial Interchanges: A study of Language Use in Social Interaction*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1983.

имеют более короткую историю. Однако, если русские часто смотрят на будущее с недоверием и для них, как отмечает О. А. Леонтович, характерно скептическое и даже суеверное отношение к нему, американцы верят в то, что будущее непременно означает прогресс, у них отсутствуют сомнения в том, что все запланированное осуществится, что проявляется и в коммуникативном поведении (например, они рано объявляют о помолвке, о беременности, демонстрируют оптимизм и уверенность в завтрашнем дне.¹⁷

Разное восприятие времени проявляется в том, как и на какие отрезки оно делится, что находит отражение и в языке. Так, в английском языке нет слова сутки, данная единица измерения передается словосочетаниями *twenty four hours* или *day and night*, полтора часа передается по-английски словосочетанием *an hour and a half* или *90 minutes*, полтора года — *18 months*. В русском языке отсутствуют эквиваленты английских слов *tonight* (сегодня вечером), *fortnight* (две недели). По-разному воспринимаются в двух языках части суток. У англичан *morning* (утро) — это период времени от полуночи до полудня, три часа ночи и даже час ночи переводятся соответственно как *three o'clock in the morning* и *one o'clock in the morning*. Английское слово *night* называет период, который в русском языке соответствует второй половине вечера (примерно 9–12 часов).

Знание отмеченных различий, как и знание всей ценностной системы представителей изучаемой лингвокультуры, играет важную роль в процессе коммуникации и заслуживает серьезного внимания в межкультурном общении. При этом ценности, имеющие отношение к коммуникативному сознанию, которое, как уже отмечалось, обеспечивает коммуникативную деятельность человека, представляют особое значение. Такие ценности можно назвать коммуникативными. Они в наибольшей степени влияют на поведение народа, на формирование национального стиля коммуникации. Знание их во многом помогает понять и прогнозировать поведение собеседника, давать ему верную интерпретацию. Остановимся на некоторых из них.

¹⁷ См.: Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003.

Среди основных ценностей английской культуры исследователи чаще всего выделяют индивидуализм, рационализм, независимость, прагматизм, соревновательность, равенство, традиционализм, толерантность.¹⁸ Все они сказываются на образе жизни, межличностных отношениях и поведении. К коммуникативным ценностям, оказывающим наибольшее влияние на особенности поведения, на английский стиль коммуникации, в первую очередь, следует отнести ценности, обусловленные социально-культурным типом отношений: это — дистантность, или автономия личности, и равенство. Личное пространство человека, его право на независимость, его автономная территория является в английской культуре той важнейшей ценностью, которая находит отражение в материальной культуре, в сознании, в характере, а также в языке и коммуникации. Для ее обозначения в английском языке имеется специальное слово — *privacy*, точный эквивалент которого отсутствует не только в русском, но и в других европейских языках, на что указывает, в частности, современный английский писатель-журналист Джереми Паксман.¹⁹ По его мнению, значимость *privacy* столь велика, что на первый взгляд кажется парадоксальным, что в стране не существует закона, четко регламентирующего понятие «*privacy*», но, с другой стороны, поясняет он, законодательное утверждение какого-либо понятия необходимо только в обществе, в котором предполагается, что личность является второстепенной по отношению к государству. При этом понятие «*privacy*» распространяется на всю структуру государства, начиная от основ законодательства и заканчивая домами, в которых живут англичане.

Как известно, иметь свой дом с садиком — заветная мечта каждого англичанина. В то время как в других странах Европы все боль-

¹⁸ *Вежбицкая А.* Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 136–159; *Крысько В. Г.* Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций. М.: Экзамен, 2002; *Павловская А. В.* Англия и англичане. М.: Изд-во Моск. ун-та, Триада, Лтд, 2004; *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной коммуникации: Учебное пособие. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007.

¹⁹ *Paxman J.* The English: A Portrait of a People. Penguin Group, 1999.

ше людей переселяются в многоквартирные дома, англичане верны своей приверженности жить отдельно от других. Дж. Паксман приводит следующие данные: во Франции, Германии и Италии больше половины домов, построенных в 90-е годы, — это многоквартирные дома; в Англии этот показатель едва составляет 15%.²⁰ Отдельный дом — некое материальное воплощение присущей англичанам идеи независимости, автономии, изолированности. При этом, как отмечает Стюарт, у них нет особой привязанности к своему дому как к зданию, так же как и к земле, на которой он стоит, в случае необходимости они его легко продадут и переедут в другой, здесь важна сама абстрактная идея, которая состоит в том, что собственный дом помогает четко определить, что есть частное, а что общественное.²¹ Маленький садик при этом играет роль буферной зоны между теми, кто живет в доме, и внешним миром. Окружающий его низкий забор, часто представляющий собой живую изгородь, выполняет не столько защитную функцию, сколько психологическую: он четко демонстрирует, где начинается частная собственность.

Культурная ценность, называемая словом *privacy*, проявляется в психологии англичан, у которых очень хорошо развито чувство личной свободы и независимости. Для их характеристики удачной представляется метафора авторов книги «Эти странные англичане», которые пишут: кто бы ни был тот человек, который назвал англичан «островной расой», он все равно оказался прав лишь наполовину. Каждый житель Англии — сам по себе свой собственный остров.²² На индивидуализм англичан, их нелюбовь к общению, умение уходить в свой внутренний мир, даже находясь среди людей, указывают многие авторы. В. Г. Крысько пишет по этому поводу:

Жители Великобритании — наименее общественные люди не только по сравнению с крайне общительными французами, но и стандартными американцами, расчетливыми немцами и даже сдер-

²⁰ Там же

²¹ *Stewart M. Politeness in Britain: «It's Only a Suggestion»* // Ed. dy L. Hickey, M. Stewart. *Politeness in Europe. Multilingual Matters LTD*, 2005. P. 116–129.

²² *McCarthy M. Issues in Applied Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; *Meier A. J. Passages of Politeness* // *Journal of Pragmatics*. 1995. 24(4).

жанными японцами. Никто лучше англичанина не умеет уединиться среди многочисленных друзей. Не нарушая приличия, он способен отлично быть самым собой среди огромной толпы, предаваться размышлениям, делать все, что ему угодно, никогда не стесняя ни себя, ни других.²³ И далее, цитируя Э. Бутми, который почти век назад, размышляя о психологии английского народа в XIX веке, писал о не любви англичан к иностранцам и к общению следующее: каким образом англичане стали бы любить иностранцев? Они и друг друга-то не любят. Как бы они стали угощать нас обедом? Они друг друга-то не угощают. Кровельщик-англичанин заставит приносить себе газету на крышу, чтобы читать ее там. Кровельщик-француз спустился бы оттуда, чтобы побеседовать о политике со своими товарищами.²⁴

Много интересных примеров, свидетельствующих о том, что англичане не проявляют большого желания к общению и ценят свой покой и независимость больше всего на свете, находим в уже цитированной книге Джереми Паксмана, основанной на большом количестве исторического, социологического материала. Некоторые из них могут быть названы хрестоматийными. В частности, описанная Александром Кинглейком история о двух английских путешественниках, встретившихся в пустыне, которые так бы и не смогли остановиться и заговорить друг с другом, если бы не верблюды, на которых они ехали: те оказались более общительными и, поравнявшись друг с другом, отказались продолжить путь.²⁵

Привлек внимание в этой книге еще один интересный пример, где автор рассказывает о Марте Геллхорн — известной американской журналистке и писательнице, прожившей непростую, но яркую жизнь: гражданская война в Испании, брак с Хемингуэем, концлагерь в Дахау, репортажи с войны во Вьетнаме, затем жизнь в Париже, Мексике, Африке и, наконец, переезд в Лондон. На вопрос, почему она, в конце концов, решила поселиться в Англии, она ответила,

²³ См.: Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций. М.: Экзамен, 2002.

²⁴ Цит. по: Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные различия. М.: Экзамен, 2002. С. 282.

²⁵ Paxman J. The English: A Portrait of a People. Penguin Group, 1999: P. 115–116.

что любит Англию за ее безразличие, и пояснила: прожив полгода где-нибудь в джунглях и встретившись с друзьями в Лондоне, можно быть спокойной, что никто не станет задавать никаких вопросов о том, где была все это время и что делала. Они просто скажут: «Рады тебя видеть. Выпьешь?»: «I can go away, spend six months in the jungle, come back and walk into a room, and people won't ask a single question about where I've been or what I've been doing. They'll just say, "Lovely to see you. Have a drink"». Она назвала это 'the privacy of indifference'.²⁶

Что же означает это слово — *privacy* — и как его можно перевести на русский язык? Предлагаемый русский перевод — «уединение», «уединенность» — не покрывает всей семантики данного слова. Понять глубину значения слова «*privacy*» помогает рассмотрение однокоренных слов — «*private*», «*privately*» — и их русских семантических эквивалентов. Прилагательные «частный», «личный», с которыми у русских обычно ассоциируется слово «*private*», не являются полными эквивалентами данного прилагательного, сочетаемость которого гораздо шире. Помимо *private property* (частная собственность), *private life* (личная жизнь), встречаем *private conversation* (конфиденциальный разговор, частная беседа), *private information* (секретная информация), *private meeting* (закрытое заседание), *private talks* (неофициальные переговоры); *private concert* (домашний концерт, или концерт для узкого круга приглашенных), *private ceremony*, *private party* (частная церемония, вечеринка, куда вход только по приглашениям), *private thoughts* (тайные, сокровенные мысли) и др. Кроме того, *private joke* – (шутка между близкими людьми, которая понятна только им); *private laugh* – (смех, причина которого понятна только близким людям); *private tears* — слезы, которых никто не видел, «выплаканные наедине»: *private kiss* — (нежный, чувственный поцелуй).

Таким образом, *private* — это личный, частный, домашний, индивидуального пользования или владения, уединённый, тайный, секретный, негласный, конфиденциальный, неофициальный, закрытый, невидимый, сокровенный, предназначенный для узкого круга, понятный узкому кругу, не любящий говорить о себе, ценящий неза-

²⁶ Paxman J. The English: A Portrait of a People. Penguin Group, 1999. С. 129.

висимость и т. д. Иными словами, выражение «to respect somebody's privacy» — гораздо шире словарного перевода («не нарушать чье-либо покоя»). Это значит не только не приходить в гости без приглашения и не звонить в неудобное время, но и не приближаться слишком близко, не проявлять интереса к частной жизни, не касаться личных тем, не оказывать давления, не давать непрошенных советов, не делать замечаний, избегать критики, не перебивать, сдерживать свои эмоции и т. д., и т. п. Другими словами, вести себя так, чтобы НЕ ЗАДЕТЬ другого человека ни в буквальном смысле, ни словом, ни чувством. Англичанами, как законопослушными людьми, это предписание строго исполняется. Существует даже такое понятие, как «sense of privacy» (чувство «прайвеси»), и это чувство является врожденным и свято оберегаемым. Тот факт, что, слово privacy не имеет точного эквивалента в других языках, включая русский, чрезвычайно важен, так как лакуны, в том числе языковые (а в данном случае и концептуальные), являются, как отмечает Ю. А. Сорокин, сигналами специфики лингво-культурной общности,²⁷ а перевод непереодоимого, как указывал Ю. М. Лотман, оказывается носителем информации высокой ценности.²⁸ В то же время наличие данного слова в английском языке свидетельствует о важности этого понятия для английской культуры. А. Вежбицкая называет личную автономию важнейшей чертой современного английского общества²⁹ и часто подчеркивает, что в современном употреблении privacy является не описательным, а идеологическим термином. И действительно, он несет в себе идеологию, взгляд на мир, образ жизни, тип отношений, устанавливает нормы и правила поведения.

Имплицитно эта идеология находит отражение во многих английских пословицах, а пословицы, как известно, хранят и передают

²⁷ Сорокин Ю. А. Этнические формы культуры: сознание и модусы его вербальной репрезентации (компарационные цепочки) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 21–36.

²⁸ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 219–253.

²⁹ Вежбицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж». 2003.

от поколения к поколению то, что представляется наиболее важным для данного народа. Они, как зеркало, отражают жизнь и нравственные устои общества, являются когнитивными языковыми знаками, в которых отражается «знание стереотипов поведения, норм морали, житейских истин и типичных житейских ситуаций».³⁰ Не случайно пословицы называют компактной монографией по культурным ценностям, автобиографией народа, зеркалом культуры. Приведем несколько примеров: *An Englishman's house is his castle* (Дом англичанина — его крепость); *Good fences make good neighbours* (Хорошие заборы — хорошие соседи); *Love your neighbour, yet pull not down your fence* (Соседа люби, но забор не сноси); *A hedge between keeps friendship green* (Забор между соседями способствует дружбе); *Friends are like fiddle-strings and they must not be screwed too tightly* (Друзья как струны скрипки, и их нельзя натягивать слишком крепко). (Ср.: Больше двух — говори вслух, Сам помирай, а товарища выручай.)

Данная культурная ценность находит отражение в коммуникации и с ее помощью можно объяснить многие особенности английского коммуникативного поведения. Это как раз тот безэквивалентный концепт, который содержит важнейшую информацию о коммуникативном сознании представителей английской культуры, о принятых в ней нормах и правилах. *Privacy* проявляется в соблюдении дистанции, в сохранении личного пространства, в уважении независимости личности, в недопустимости оказания прямого воздействия на собеседника, в соблюдении его интересов, в толерантности к поведению других ит. д. и существенным образом сказывается на английском стиле коммуникативного поведения, что будет подробно показано в этой книге. Здесь позволим себе все же привести один пример.

Как известно, на приветствие *How are you?* англичане, независимо от реального состояния дел, всегда отвечают одинаково позитивно — *I'm fine / I'm great / I'm very well* и т. д. С одной стороны, это можно объяснить позитивным взглядом на жизнь, а также нежеланием обременять других своими проблемами. Но, с другой стороны, это — своеобразная коммуникативная преграда, забор (*hedge*),

³⁰ См.: Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб.: СПбГУ, 2002.

который окружает англичанина, подобно тому, как настоящая изгородь окружает его дом. Эта преграда устанавливает дистанцию и не позволяет собеседнику проникнуть в его зону автономии.

Другой важной английской ценностью, существенно влияющей на стиль коммуникации, которую нельзя не упомянуть, является равенство, что не случайно, поскольку, как отмечалось, для индивидуалистических культур характерна незначительная вертикальная дистанция, или дистанция власти (Power Distance). Уважительное и внимательное отношение к каждому, независимо от статуса и социального положения, является важной чертой английского стиля коммуникации. Даже при наличии асимметричных отношений вышестоящие лица не демонстрируют свою власть, а общаются с подчиненными на равных, допуская и приветствуя неформальное общение.

Еще одна иллюстрация из книги Сорокина: английские манеры все же дышат свободой, важнейшим компонентом национального характера, в них присутствует и чувство собственного достоинства. Редко можно увидеть, чтобы высокопоставленный англичанин разговаривал со своим подчиненным сверху вниз, со стороны это уважительная беседа двух равноправных членов общества.³¹

Другой ценностью, которую можно отнести к разряду коммуникативных, является оптимизм, так называемое *positive thinking* (позитивное мышление), характерное для протестантского мировосприятия, которое предполагает «оптимистический настрой и доброжелательное отношение к людям».³² Здесь ценятся демонстрация благополучия, успешности, умение контролировать ситуацию. Данная культурная ценность отражается в английской пословице *Laugh and the world laughs with you: weep and you weep alone* (Смейся — и весь мир будет смеяться с тобой, плачь — и ты будешь плакать один). В наибольшей степени эта черта типична для американской культуры, но многое из того, что пишет Л. Виссон об амери-

³¹ Сорокин Ю. А. Этнические формы культуры: сознание и модусы его вербальной репрезентации (компарационные цепочки) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 35–36.

³² Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / Пер. с англ. М.: Р. Валент, 2003. С. 30.

канцах, мы замечаем и у англичан, прежде всего в их коммуникативном поведении. Это и традиционная улыбка, и уже упоминавшиеся оптимистичные приветствия (How're you? — Fine/Great), взаимные подбадривания (для чего в английском языке есть специальный глагол — encourage) в виде пожеланий, завышенных оценок, комплиментов и т. д. (Have a nice day!/Enjoy yourself!/That's great! / You're absolutely fantastic!), являющихся повседневными традиционными репликами.

При этом важно подчеркнуть, что к важнейшим ценностям английской коммуникативной культуры относится эмоциональная сдержанность. Умение сдерживать и контролировать свои эмоции является неотъемлемой составляющей понятия Englishness («английскость»).

Итак, социокультурная организация общества, а также связанные с ней доминирующие культурные ценности, являются важнейшими параметрами культур. Знание данных параметров культуры представляется чрезвычайно важным, поскольку помогает понять, правильно интерпретировать и даже предугадать коммуникативное поведение представителей других лингвокультур, существенно способствует пониманию особенностей межличностной коммуникации.

Глава 2

Россия в пространстве межкультурного диалога

Г. М. Иманов

**РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 21 ВЕКЕ:
НА ПУТИ К ФОРМИРОВАНИЮ ЕВРАЗИЙСКОГО ПОЛЮСА
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

На рубеже XX–XXI столетий Анкара и Москва стали надежными партнерами. Российско-турецкие отношения приобретают мощную динамику развития. Важно отметить расширение российского экономического присутствия в Турции и турецкого в России. Торгово-экономическое сотрудничество охватывает все новые и новые сферы, ведет к повышению благосостояния населения и, несомненно, становится фактором, который будит способствовать процветанию экономик двух стран. Взаимодействие в энергетической области может быть понято в контексте складывающегося единства геоэкономических и геополитических позиций. Намечается сближение военно-политических интересов. Интенсивностью отличается политический диалог. Новая суть российско-турецких отношений проявляется в углублении культурно-гуманитарных связей, развитии народной дипломатии. Со всей основательностью можно говорить о качественно новом этапе в развитии отношений двух стран, насчитывающих более чем пятисотлетнюю историю. Сегодня они носят характер многопланового стратегического партнерства. Надо полагать, в XXI столетии Россия и Турция откроют для себя новые горизонты сотрудничества. Детальный анализ современного этапа российско-турецкого взаимодействия показывает, что он не может быть объяснен простым совпадением прагматических интересов. Непрерывно возрастающая динамика отношений обусловлена, прежде всего, схожими чертами культурно-цивилизационного

развития. Именно культурно-цивилизационные слагаемые определяют укрепление связей между Москвой и Анкарой.

Многовековая история Российской и Турецкой цивилизаций имеет много общего. Они исторически формировались как евразийские мир-империи. Россия и Турция — страны евразийского имперского прошлого. Сегодня важно вспомнить, что идея собирания земель, воплощенная московскими князьями и родом Османа, имела очень глубокий смысл. Внутри устойчивых, политически стабильных государственных образований складывалась система культурных связей, послужившая прочной основой евразийского проекта многонационального государства. В границах Османской и Российской империй протекали интенсивные контакты между различными народами, способствующие их взаимообогащению и сближению. Территории России и Турции стали пространством осуществления универсального творческого синтеза — синтеза ценностных миров Запада и Востока, Азии и Европы. Государственное строительство было теснейшим образом связано с евразийской культуротворческой миссией — служить мостом между народами, быть связующим началом между различными культурными мирами, объединять их при сохранении неповторимого своеобразия. Будучи открытыми к восприятию других традиций, исторически осуществляя евразийскую интегративную идею, обе цивилизации складывались как два полюса притяжения евразийской вселенной.

К сходным чертам Российской и Турецкой цивилизации следует отнести и их формирование под сильнейшим влиянием духовных ценностей. Более конкретно — религиозного фактора. Религиозные традиции имели огромное государствообразующее и культуросозидающее значение. Ценности духовного достоинства человека и альтруистического служения, укорененные в православии и исламе, стали жизнестроительными на имперских пространствах России и Турции. Эти сердцевинные ценности народов двух стран всегда были источником их творческих сил, грандиозных исторических свершений.

Конечно, отношения между Россией и Турцией не всегда были добрососедскими. Однако не имеет под собой никаких исторических оснований образ двух стран находящихся в состоянии пер-

манентной войны. Перед нами довольно грубая фальсификация истории. За пять веков установленных дипломатических отношений Россия и Турция были в состоянии войны лишь 25 лет. Их народы никогда не испытывали фобии друг к другу, ощущения расового или культурного превосходства. Создавали они и эффективно действующие стратегические военные союзы. Важно преодолеть устаревшие стереотипы и штампы при историческом анализе российско-турецких противоречий и конфликтов. Современные исследования позволяют аргументировано утверждать: трагическое для народов России и Турции противостояние было обусловлено агрессивными планами держав, мечтающих об ослаблении и колонизации евразийского мира. Враждебные игроки обладали желанием сорвать российско-турецкий диалог, искусственно навязать странам образы естественных соперников и тем самым дестабилизировать евразийское пространство.

Актуально звучат сегодня размышления Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) — выдающегося отечественного мыслителя, дипломата (погрузившегося на длительное время в жизнь Османской империи), государственного и общественного деятеля, православного подвижника (сопричастного духовности монастырей Афона и Оптиной пустыни). Его творческое наследие проливает свет на прошлое, настоящее, а возможно и будущее отношений России и исламского мира. Мыслитель выступал сторонником стратегического союза между Россией и Турцией — союза, который должен стать фундаментом объединения народов, исповедующих православие и ислам. Он видел мусульманские регионы России драгоценными окраинами, культурное своеобразие которых придает ей неповторимый духовный облик. Исламский мир был для него неотъемлемой частью российской цивилизационной идентичности. Будучи центром мусульманского мира, Османская империя включает в себя православное население, народы, родственные россиянам (речь идет, прежде всего, о тюркских народах) что делает союз с ней естественным. Леонтьев подчеркивал духовную близость, общие ценности, тесное взаимодействие народов двух государств. Его мысли об интригах иностранной дипломатии, не соответствующих подлинным интересам Турции и России, но в тоже время вы-

ступающих основной причиной русско-турецких войн появились в итоге пристального наблюдения за современной ему политической жизнью. Именно перед лицом этих интриг, по мнению философа, и необходимо объединение. Его итогом станет формирование нового цивилизационного полюса, являющегося источником мировой стабильности. Проект Леонтьева — проект воссоединения, собирания евразийского пространства, системно дестабилизируемого посредством дипломатических интриг.

Размышления К.Н.Леонтьева—суждения предтечи отечественного евразийства. Развивая его взгляды, отечественные ученые (П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой, Л. Н. Гумилев и другие) отмечали историческую общность судьбы славянских и тюркских народов, их открытость, взаимопроницаемость друг для друга. В итоге глубокого исследования тюркской культуротворческой и государствообразующей деятельности, им удалось со всей очевидностью показать ее неоспоримое значение в деле созидания российской государственности, культуры и цивилизации, раскрыть тюркскую составляющую российского исторического процесса и идентичности. Евразийство исходило из идеи славяно — тюркского взаимодействия как основы стратегии евразийской интеграции.

В России и на постсоветском пространстве сегодня можно говорить о ренессансе евразийских идей. Они активно влияют на политическую и экономическую жизнь, определяют векторы движения интеграционных процессов. Растет влияние евразийских настроений и в современной Турции. Все более ощущается оно в заявлениях политической элиты страны. Активно генерирует евразийские теории турецкая интеллигенция. При этом речь идет о базовых принципах развития, выходящих за границы какой-либо одной политической силы. Образ Турции как евразийской державы — государства с евразийским географическим и культурным ландшафтом — прочно утверждается в повседневном сознании. Евразийство становятся неотъемлемой частью определения турецкой идентичности. Турецкое евразийство исходит из идеи сближения двух бывших империй через всестороннее укрепление и развитие славяно-тюркских отношений. Как и в России, оно означает формирование вокруг страны поясов дружбы, процветания и

стабильности, участие в созидании целостного экономического, политического и культурного поля Евразии. Находя себя в глобальной геополитической системе, современная Анкара пришла к осознанию бесперспективности антироссийских геополитических сценариев, пониманию внутренней противоречивости однозначной лояльности атлантистскому курсу, уяснению важности разработки многовекторной политики и выстраивания системы взаимодействия с Россией на принципиально новых подходах. Односторонняя атлантистская стратегия более не способна обеспечить государственные интересы. Страна находится в процессе смены политических приоритетов с атлантистских на континентальные.

При отказе от восприятия себя в качестве форпоста атлантизма Турция способна играть огромную роль в конструировании евразийского геополитического блока. Отдаление от атлантистской стратегии не только увеличивает ее политический вес, но и превращает из конкурента в естественного союзника России. Став евразийской силой, придав своей политике системный евразийский характер, Анкара наполняет контент своего влияния принципиально новыми смыслами. Ее позиция на Кавказе и Центральной Азии становится содействующей интеграции. Государственные интересы связываются с объединительными процессами в Евразии.

Детальное рассмотрение внешнеполитических доктрин России и Турции показывает, что они развиваются сегодня в общем евразийском ключе. Представляется целесообразным инициирование широкой общественной дискуссии о возможном вступлении Турецкой Республики в Евразийский Союз. Становясь полноправным участником Евразийского Союза, Анкара открывает новые возможности упрочнения своих экономических достижений. При опоре на российский научно-технический и промышленный потенциал, привлечении передовых технологий и подготовки квалифицированных кадров Турция способна перейти к новому этапу технологического развития. Такой переход придаст импульс совершенствованию российской промышленности, науки и техники. Российско-турецкое сотрудничество, основывающиеся на принципе взаимодополняемости экономических систем, окажет всестороннюю поддержку модернизационным процессам в двух странах.

Переход к совместному осуществлению проектов на основе новейших промышленных технологий, развитие совместного производства, разработка единой стратегии в сфере энергетической политики, объединенное урегулирование региональных конфликтов, выход на уровень заключения военно-стратегических союзов, координированное участие в международных экономических и политических структурах, общее содействие интеграционным процессам на евразийском пространстве, развитие гуманитарных связей как платформы всех форм сотрудничества — вот далеко не полный перечень перспективных направлений взаимодействия, открывающихся в итоге усиления взаимного притяжения Москвы и Анкары.

Турция играет особую роль в тюркском и мусульманском мире. Близость культур между народами Кавказа, Центральной Азии и Турции, их конфессиональное и этническое родство укрепит целостность Евразийского союза, а также, несомненно, обеспечит прочные дружеские связи России с исламским миром в целом, что многократно усилит ее международные позиции.

Культура Турции, как и культура России, основанная на признании духовного достоинства человека и этике служения, содержит в себе мощнейший потенциал, призванный способствовать решению глобальных проблем в общечеловеческих интересах. Интеграция держав, обладающих ключевым геостратегическим положением в Евразии, способна изменить расстановку сил в мире, обернуться формированием качественно новой геополитической ситуации. Последовательное собирание евразийского пространства приведет к образованию полюса устойчивого развития, утверждению модели многополярной глобализации, реализуемой не вопреки, а благодаря культурному многообразию человечества.

Таким образом, общие интересы России и Турции выдвигают на первый план императив интеграции. Есть все основания полагать, что есть мощные противники сближения наших стран, желающие видеть их конкурентами. Именно сегодня у нас есть уникальный шанс осуществить стратегию объединения, и мы не должны его упустить.

Ч. С. Кирвель

**«МОДУС ПЕРЕХОДНОСТИ»
КАК ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПАРАДОКС
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО МИРА**

Одна из главных причин особого драматизма, крутых метаморфоз, неожиданных поворотов, зигзагов и изгибов в исторической судьбе восточнославянских обществ, непосредственно связана с их промежуточным статусом между Западом и Востоком, Европой и Азией. Промежуточное (серединное) положение восточнославянских народов, их «местопребывание» и «месторазвитие» на границах двух миров, двух цивилизационных полюсов, так или иначе оборачивалось как воспроизводством социума пограничного, переходного типа, так и формированием пограничной, переходной личности. Постоянно воспроизводящийся модус переходности — это крест восточнославянского (да и в целом славянского) культурно-исторического типа. Ни Запад, ни Восток никогда не исчезают из исторического горизонта восточного славянства, и всякая его натурализация то ли на Западе, то ли на Востоке всегда оставляет впечатление неполноты, незаконченности и несовершенства. Переменчивость и амбивалентность, бремя неокончательных решений — неизменные спутники восточнославянской судьбы. Ни одна форма жизнеустройства, ни одна позиция, ни одна ценностная установка или ориентация не получают в восточнославянском мире абсолютного доминирования над другими. Сложно противоречивое сочетание различных подходов к решению ключевых проблем человеческого существования, отсутствие монолитного духовно-ценностного фундамента, преобладание начала многообразия над началом единства,

разорванность общественного сознания, непрекращающаяся конкуренция альтернативных моделей развития, частые срывы процесса реализации однажды свершившегося выбора (проекта, идеала) и т. д. — все это до сих пор непреходящая реальность жизнедеятельности восточнославянских народов. И здесь особенно значимо по своим последствиям то, что элиты восточнославянских народов редко бывают «у себя дома». Они все время «в пути», в дороге, в поиске, в ситуации «испытания ценностей», в бесконечном метании из одной крайности в другую. Интересно, есть ли предел всему этому?

Указанной географической спецификой, заложниками которой волей исторической судьбы оказались восточнославянские народы, предопределено слишком многое, чтобы ее не замечать и не учитывать.

Восточнославянским народам приходилось преодолевать особого рода трудности и риски, с которыми не доводилось в такой степени и такой форме сталкиваться многим другим обществам. Данные трудности и риски были связаны не только с неблагоприятной естественной средой, суровыми природно-климатическими условиями существования, но и с не менее неблагоприятной внешней социальной средой, обусловленной непрерывным военным давлением со стороны других государств на заселенные ими, открытые, практически не имеющие естественных преград территории. В ситуации близкого соседства с более эффективным в экономическом отношении Западом это весьма часто порождало коллизию объективного и субъективного, желаемого и возможного. В реальности получалось так, что далеко не каждый культурно-психологический тип личности оказывался в состоянии субъективно принимать и выносить те условия человеческого существования, которые объективно складывались в восточнославянском ареале. Неудивительно поэтому, что в восточнославянских обществах практически постоянно воспроизводился тип личности, оценивающей свое существование в плоскости сравнительного видения, в аспекте иначе-возможного, быть-могущего, где западноевропейский опыт выступал в качестве эталонного, в виде идеала — образца

для подражания, а свой собственный, национальный воспринимался как исторически несостоятельный, не удавшийся, а поэтому подлежащий исправлению и изменению в ходе модернизации и «европеизации». Совсем другие обстоятельства имели место в географически отдаленных от Запада странах Востока (например, в Китае, Индии, в Азии в целом). Там человек, в каких бы трудных условиях существования он не находился, оценивал эти условия как привычно безальтернативные, ибо, как правило, ни с какими другими условиями бытия людей он не был знаком и не мог поэтому их сравнивать со своими.

Здесь мы сталкиваемся со своего рода геочивилизационным парадоксом, вытекающим из срединного географического положения восточнославянских стран между Западом и Востоком.¹ Суть данного парадокса состоит в следующем. По мере расширения и укрепления международных связей, развития межкультурной и междивилизационной коммуникации, восточнославянские народы по ряду признаков внешнего характера становились все ближе и ближе к Западу. Постепенно — особенно в сфере науки, техники, административной деятельности и даже быта многое у него заимствовалось. Соответственно тому, как неосознанно, так и осознанно формировалось и упрочилось иллюзорное представление о том, что все наши несоответствия Западу, включая уровень материального благосостояния, тип общественной организации, да и вообще любые другие стороны западноевропейской жизни, легко преодолимы. Казалось, что дистанция, отделяющая нас от Запада, весьма незначительна, что ее можно очень быстро одолеть. При таком восприятии глубинных цивилизационных различий, болезненные разочарования, крушение идеалов и «фрустрация» сознания были просто неизбежны. Ибо в действительности «цивилизационное расстояние» между Западом и восточнославянскими странами было не просто большим, но и принципиально не преодолимым в силу различия базовых (природно-климатических, религиозных, геополитических, исто-

¹ Олещук Ю. Ф. Болезнь национального духа // Свободная мысль—XXI. 2002. № 11. С. 60.

рических, ментальных и др.) факторов социальной эволюции, характерных для различных регионов нашей планеты.

Горькие разочарования после явно не удачных попыток «стать» Европой как ничто другое усиливали в достаточно широких кругах восточнославянских обществ комплекс национальной неполноценности и недовольства своими странами.

Опять же на Востоке такой «цивилизационной аберрации» практически не возникало. Там сама географическая отдаленность от Запада и весь уклад жизни никак не побуждали к мысли о том, чтобы подражать этому Западу и уподобиться ему. Там, даже при условии прямых сравнений восточной и западной цивилизаций всегда четко осознавалось: Запад и Восток — разные миры. Более того, на Востоке не происходило какого-либо разочарования из-за того, что не удастся перенимать что-то чужое. Напротив, в восточных странах постоянно возникала ситуация отторжения всего того, что изначально не было укоренено в традиции, в самой самости этих стран. Несмотря ни на какие исторические перипетии, представления о собственной самодостаточности и самоценности почти всегда оставалось там доминирующим.

А вот в восточнославянских странах весьма часто приходилось сталкиваться с феноменом невротического раздражения от того, что им никак не удастся стать «Западом». А это, в свою очередь, оборачивалось тем, что в общественном сознании некоторых слоев общности формировались настроения презрения, злобы и неприятия в отношении своих стран и народов.

Ловушки вестернизации и реальность. В отличие от устойчивого Востока, который не видел в лице Запада цивилизационной альтернативы, в восточнославянских странах революционеры-западники и радикал-реформаторы не один раз ставили своей целью коренное изменение культуры своих народов, их базовых ценностей. Они были неизменными сторонниками «религии прогресса», мечтали о сломе коллективистских ценностей и возникновении автономного индивида, как на Западе. Их главной целью была рекультурация — коренная ломка ценностей прежней культуры. История России полна попыток такого рода рекультурации. Здесь, прежде всего, имеет смысл отметить Петровскую, больше-

вистскую и современную «либерально-демократическую» исторические «псевдоморфозы» (термин О. Шпенглера).

Если реформы Петра I, хотя и искажившие в определенной степени облик русского народа, носили все же внешностный характер (бритье брод, смена кафтанов на камзолы, заимствование технических достижений), касались в основном высшего общества, имеющего доступ к европейскому образованию и захваченного стилем западной культуры, и так и не смогли затронуть русский социальный проект как таковой, прорасти в толщу российского общества, то большевистские преобразования, начиная с 1917 г. и, по крайней мере, до середины 30-х годов XX столетия, были ориентированы на полный слом русского социального проекта, характеризовались крайней радикальностью. Более того, российская революция рассматривалась большевиками первого призыва (ленинская гвардия) как пролог, путь к тотальному мироизменению — к мировой социалистической революции. Большевики с крайним нигилизмом относились ко всему национально русскому, с беспрецедентной злобой третировали всякие проявления русской самобытности, русского национального характера, усматривая в них лишь препятствия на пути к утверждению мирового интернационала. Пафос всеобщей тотальной «ломки» до самых низов, вплоть до «самых последних глубин» был внутренне присущ этим людям. Они были убеждены в необходимости сломать буквально все основы прежней русской жизни — от экономики до культуры, осуществить кардинальную трансформацию русской цивилизации как таковой. В этом смысле большевистский переворот носил антирусский, антинациональный характер. В. И. Ленин, в частности, вопреки многим очевидным проявлениям специфики российской хозяйственной жизни, связанной по преимуществу с доминированием общинно-артельного уклада производства, стремился в своей работе «Развитие капитализма в России» во что бы то ни стало доказать, что Россия вступила на типично капиталистический путь развития и поэтому к ней в полной мере применима марксистская теория социалистической революции, открывающая единую с Западом социалистическую перспективу. Большевики, таким образом,

разворачивали свою деятельность как левые западники, как красные компрадоры, ставившие интересы мировой революции несравненно выше национальных интересов России, ее целостности и независимости. Будучи одержимыми идеей мировой революции, неизбежно ведущей с их точки зрения к созданию как минимум единой социалистической Европы, они выступили за поражение своей страны в мировой войне и превращение этой войны из империалистической в гражданскую («главный враг — в своей собственной стране»).

Однако стремлениям большевиков подключить Россию к единому европейскому дому, к братству социалистических народов, не суждено было воплотиться в жизнь. Идея мировой социалистической революции, позаимствованная большевиками у своих западных учителей, не реализовалась. На деле социализм большевикам пришлось строить в одиночку, в глухой изоляции. Запад отверг идею мировой революции и не стал их поддерживать. И тогда большевистский режим вынужден был претерпеть жесткую метаморфозу: большевики из подобострастных поклонников передовой Европы, путем кровавых внутренних чисток, превратились в ее непримиримых противников. Большевики сталинского призыва, что особенно важно подчеркнуть, отказавшись от откровенного русофобского западничества, превратились, как теперь об этом часто говорят, в «антизападных западников», стали довольно интенсивно реставрировать некоторые элементы традиционной русской жизни и государственности, сохраняя, вместе с тем, рожденные на Западе идеологию прогрессизма и технократический подход к миру. Ценой невероятных усилий им удалось вернуть Россию в лоно индустриальной цивилизации и жесткого, однако, на платформе европейского Просвещения, соперничества с Западом. В результате, изолированная от Европы Россия стала оплотом Востока, восставшего против Запада.

Новая волна западничества, нахлынувшая уже на Советский Союз в 80-е годы XX в., оказалась наиболее радикальной, последовательной и бескомпромиссной. Ее носители явились не просто западниками, но вульгарными (механическими) западниками, взявшими на вооружение идеологию радикального неолибера-

лизма и полностью презревшими не только советский семидесятилетний опыт с его коллективистскими и патриотическими ценностями, но и весь цивилизационный опыт тысячелетней России. Снова сформировалась «пятая колонна», правда, теперь уже правых западников, полных, подобно своим биологическим и духовным предшественникам — большевикам (в смысле методов действия и злобного антипочвенничества), решимости вернуть Россию в европейский капиталистический дом. Новые западники, как и их красные предтечи в конце первой мировой войны, также выступили за поражение Советского Союза в холодной мировой войне и его полную капитуляцию перед Западом, без всякой оглядки поставили интересы «мировой демократии» заведомо выше национальных интересов России, ее целостности и суверенитета.² Они, подобно левым западникам, усмотрели своего главного врага внутри страны — в лице ненавистных им «национал-патриотов» («красно-коричневых»), в их менталитете и социокультурных особенностях, и потребовали превращения холодной войны между двумя социально-политическими системами в холодную гражданскую.

Полностью отдавшись Западу, сформировав исключительно прозападный режим, разоружившись и выдав все важнейшие государственные тайны, с огромными издержками для своей страны выведя все войска из-за границы, демонтировав оборонительный «Варшавский договор», не потребовав при этом демонтажа НАТО, назначив министра иностранных дел, которого ввиду его антинациональной, антироссийской политики, справедливо называли «министр их иностранных дел» (т. е. Запада) и т. д., правым западникам, тем не менее не удалось интегрировать Россию в единый «европейский дом». Запад, вместо того, чтобы быть благодарным России за то, что она по своей инициативе первая прекратила холодную войну, с нескрываемым вероломством стал строить новые разграничительные линии и подвигать НАТО к границам России. И опять Россия столкнулась с «обманом» За-

² Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 43–44.

пада, только уже не социалистическим, а либеральным. А новым российским западникам, как и большевикам в свое время, пришлось волей не волей осознать, что их западные учителя не пошли по тому пути, на который в начале так называемой «перестройки» они столь усердно зазывали Россию.

В итоге можно констатировать, что России, несмотря на две беспощадные «внутренние колонизации» — большевистскую и «либерал-демократическую», так и не удалось стать Европой. Напротив, ей пришлось еще больше от нее дистанцироваться. Каждый раз по какой-то причине оказывалось, что российское социокультурное пространство ни как не «форматируется» в европейскую цивилизованность. Видимо тут действуют глубинные цивилизационные закономерности, сама логика истории, которые сильнее всяких субъективных устремлений и с которыми никому не позволено не считаться.

Можно определенно утверждать, что после петровских реформ в России утвердился и стал набирать силу определенный «интеллигентский орден», который от имени прогресса и общечеловеческих ценностей пытался навязать российскому обществу чуждый ему социальный проект. «По существу, — пишет Ю. В. Олейников, — все революционные идеи пришли в Россию с Запада, и все революционеры, вплоть до Ленина и современных «демократов», были западниками. Такая идеологическая и культурная ориентация объясняется многими исследователями беспочвенностью, культурной оторванностью от народа дворянской, затем разночинной революционной интеллигенции, а позже советской образованщины. Дворянство часто рекрутировалось из иностранцев, получало образование от иностранных гувернеров, училось за рубежом, практически не имея никакой связи с народом, не зная его подлинной жизни. Словом, ни в одной европейской империи не было столь полной ассимиляции чуждой культуры правящей элитой. Из этого даже делается вывод, что дворянство представляло собой своеобразное этническое образование, некий субэтнос в составе суперэтноса».³ В под-

³ Олейников Ю. В. Перспективы социоприродной эволюции России // Свободная мысль-XXI. 2002. № 7. С. 105.

тверждение сказанного можно привести одно весьма интересное историческое свидетельство. Царь Николай I, стараясь поощрить национальное самоуважение, запретил французский язык при дворе. И что же из этого получилось? Многим придворным пришлось наизусть заучивать диалоги на невероятно трудном и незнакомом для них русском языке, «чтобы беседовать, когда идет царь». При этом они испытывали неописуемый страх, что царь вступит с ними в беседу именно на русском языке. Когда такое действительно случалось, то дело доходило нередко до высылки на определенный срок «языковых обманщиков» из столицы с повелением: учить русский язык.⁴

На практике силовое навязывание западной модели развития российскому и близкородственным ему социумам неизменно оборачивалось тяжелейшими утратами и разрушением. Все социальные эксперименты, ориентированные на утверждение западноевропейских ценностей и образа жизни в российском обществе, заканчивались трагически. Западничество, привнесенное поляками в лице Лжедмитрия (Смутное время), унесло жизни почти трети населения России, прежде чем русский народ смог его окончательно отвергнуть. Петровская реформа, не превратив Россию в Голландию, убавила ее податное население на 20%. Революции 1917 г. (февральская — белокомпрадорская и большевистская — краснокомпрадорская), инспирировавшие одну из страшнейших в истории человечества гражданских войн, привели к потере более 15 миллионов наиболее биологически и социально активных представителей русского народа. Последняя (нынешняя) реформа российского общества по западным образцам уносит почти по миллиону жизней российских граждан в год. Как тут не вспомнить Н. С. Трубецкого, который писал о страшной беде, подстерегающей любой не романо-германский народ на пути европеизации. Трубецкой прямо указывал на то, что такой народ быстро теряет свои потенции, творит не самобытную культуру, а некий эрзац, состоящий из отдельных элементов романо-германского происхождения и, в конце концов,

⁴ Олещук Ю. Ф. Болезнь национального духа. С. 56.

превращается в этнографический материал для других народов.⁵ Сегодня многое говорит о том, что с Россией случилась именно эта беда.

Непрекращающиеся попытки России превратить Россию в Запад привели к тяжелейшим мутациям во всех сферах русской жизни, подорвали цивилизационное ядро, культурный генетический код русского и близкородственных ему народов. Причем, если большевистскую внутреннюю колонизацию русскому народу удалось, в конечном счете, все же адаптировать к своим глубинным интенциям и менталитету, существенно трансформировать ее (на деле произошел процесс соединения и «притирки» марксистского идеала построения социалистического общества со славянофильской идеей спасения мира, что, на наш взгляд, и позволило большевикам не только удержаться у власти, но и вызвать небывалый энтузиазм масс, открывший возможность в рекордно короткие сроки осуществить собственными силами индустриализацию, превратить Россию в огромную индустриальную державу), то нынешнюю «либерал-демократическую» внутреннюю колонизацию российский народ пока не смог «переварить» и «перемолоть» и неизвестно, сможет ли он когда-либо вообще это осуществить. Судьба России и в целом восточнославянской цивилизации сегодня в полном смысле находится на «весах истории».

Сегодня можно определенно утверждать, что причина всех провалов и поражений России в постперестроечный период, небывалое падение ее международного престижа и авторитета состоит не столько в ослаблении ее военной мощи и экономического потенциала, сколько в том, что у кормила власти оказались люди, бесконечно далекие от родной почвы, беспрецедентно эпигонствующие и подражательные. Они оказались неспособными понять, какая страна досталась им в управление, какие у нее сильные и слабые стороны. Им также оказалось неведомо (они, собственно, и не интересуются), на каких традиционных опорах держалась и может держаться русская жизнь, какие ценности и

⁵ Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Классики геополитики XX века. М., 2003. С. 92–93.

ориентиры для русского народа являются базовыми, инвариантными, то есть ни при каких обстоятельствах не подлежащими пересмотру.

Теоретико-мировоззренческой причиной глубокой деструктивности социальных преобразований, осуществляемых западными элитами, является то, что они отказывают восточнославянским народам в цивилизационной идентичности. Нашу специфику пытаются подать в сугубо отрицательных характеристиках — архаичный коллективизм, агрессивный традиционализм, цивилизационная отсталость и т. д. И это несмотря на то, что наука уже давно отвергла европоцентризм и однозначно доказала, что цивилизованность совершенно неправомерно отождествлялась с одним только Западом. Наряду с западноевропейской цивилизацией существуют и другие вполне самодостаточные цивилизации. Сегодня никто не решится утверждать, что, поскольку Китай и Индия отличаются от Запада, — они варварские страны. Отказывая восточнославянским народам в специфической цивилизационной идентичности, наши западники применяют к ним западный эталон и, находя несоответствие этому эталону, обвиняют их в отсталости и культурной несостоятельности. При таком подходе они обречены ненавидеть свои народы. Им и в голову не приходит, что наши народы имеют право быть непохожими на народы Западной Европы, иметь собственную традицию, свою судьбу и призвание в истории. Вот почему в условиях современности вопрос о цивилизационной идентичности (самоидентичности), о нашем праве быть самими собой превратился в вопрос о нашем праве на существование вообще, о нашем культурно-национальном бытии как таковом.

В практике реальной жизни, перенимая, ввиду невозможности заимствования внутренних «смыслов», лишь внешнюю форму, мы можем только потерять свое, получив взамен экзистенциальную пустоту, ощущение изгойства, комплекс неполноценности и уязвленное историческое самосознание. Потеряв себя, мы будем обречены поклоняться чужим идолам, бесконечно следовать чужим модам, подменяя тем самым свою собственную, подлинную жизнь.

Проблемы, с которыми столкнулись восточнославянские страны, настолько уникальны, настолько своеобразны и оригинальны, что никакой внешний опыт не может нам помочь их решить. Никогда и нигде — ни на Западе, ни на Востоке — никто не сталкивался с подобного рода проблемами. Вот почему у наших народов есть только один путь, одна задача: найти свой «ответ на вызов среды», свое цивилизационное измерение, выдвинуть и воплотить в жизнь свой социальный проект. И только те лидеры, которые окажутся способными, опираясь на менталитет, исторический опыт и традиции своих народов, предложить какой-то новый, отвечающий требованиям сегодняшнего дня, комплекс идей и моральных, нравственных императивов, будут соответствовать высоте своего положения и заслужат память потомков. Ибо только на собственной культурной матрице возможна всякая успешная модернизация, как это было, например, в Японии в XIX–XX вв., в Китае в XX в.

Обустраивая нашу жизнь, необходимо отталкиваться от нашей действительности, выявляя и развивая в ней все то, что жизнеспособно и перспективно, что возвышает и облагораживает нас, и вместе с тем искореняя все в ней негативное и уродливое. На этом пути самосовершенствования мы можем и должны заимствовать у других народов (сохраняя при этом глубинные основы и смыслы своего бытия) все то, что способно помочь нам, восточным славянам, реализовать свое предназначение в мире, дать человечеству то, что кроме нас никто не может. Здесь важно иметь в виду то обстоятельство, что только тот народ, который не потерял веру в себя, ощущает и осознает свое призвание и свою миссию в истории, имеет перед собой высокую цель способен преодолеть все преграды, найти свое место, самоопределился и утвердился в мире. Народ, утративший свои жизненные ориентиры, оторвавшийся от своих духовных корней и лишившийся своего духовного содержания, даже при условии материального богатства и экономического процветания становится легко уязвимым, неспособным отстоять себя в этом сложном и конкурентном мире.

В свете сказанного нас бесконечно удивляют непрекращающиеся попытки целой армии ангажированных (мобилизованных

и самобомобилизованных) исследователей, публицистов, работников СМИ и т. д. обосновать возможность преодоления раздвоенности и раскола ценностно-мировоззренческих ориентаций в российском обществе исключительно путем элиминации одной из них и полного утверждения другой, а именно того или иного варианта вестернизации и включения восточнославянских стран в систему инструментально-потребительской цивилизации Запада. Причем сторонников данного пути несколько не смущает то, что это в принципе невозможно: западнической тенденции с необходимостью будет противостоять контртенденция, которая всегда окажется достаточно сильной, чтобы помешать ей превратиться в безусловно доминирующую. Ведь народ, пока он существует как народ, не может, не потеряв себя полностью, оторваться от своих собственных цивилизационных корней. Полностью вестернизированное российское общество или, что то же самое, народ, разрушивший свой культурно-исторический тип, утративший свою цивилизационную основу, может оказаться способным только на то, чтобы пополнить кладбища стран и цивилизаций нашей планеты.

Следует, однако, иметь в виду, что наше западничество — явление далеко не однородное. В его состав входят различные, причем порой весьма, существенно различные группы и категории людей. Имеет смысл хотя бы в порядке постановки проблемы дать классификацию этих групп и категорий западников.

К первой, наиболее массовой, группе восточнославянских западников можно отнести людей, которых, наверное, правильным будет назвать «лавочниками-полуинтеллигентами». Представители этой группы полагают, что коль Запад (особенно США) богаче, экономически эффективнее, то ему и следует подражать, копировать его опыт и у него учиться. При этом они с завидным постоянством почему-то не дают себе интеллектуального труда попытаться понять, в силу каких объективных причин и факторов Запад стал экономически преуспевающим, почему именно в Западной Европе, а не в каком-либо другом регионе мира сформировалась предпринимательская экономика, основанная на принципе получения максимальной прибыли, почему имен-

но там, а не где-либо еще появился «экономический человек» («homo eonomicus») и т. д. Все это лежит за пределами их интереса. Они не считают нужным углубиться в вопрос о том, возможно ли реально распространение западных стандартов жизни на все регионы нашей планеты, не обернется ли механическое заимствование и слепое подражание чужой культуре не процветанием и прогрессом, а новыми потерями, деградацией и разрушением. Вопрос о всякой цивилизационной специфике они попросту исключают. Им и в голову не приходит, что то, что стало возможным в Западной Европе, может быть объективно невозможным, например, в России, или является возможным лишь отчасти, и то в совершенно другом виде и облики. Они априорно, без всякой рефлексии убеждены, что капиталистический рай возможен. Мыслят они в данном случае вполне в соответствии с логикой утопического сознания.

В своей действительности эти люди представляют собой ни что иное, как квазиинтеллигенцию, «полуинтеллигенцию», «озверелых мещан», у которых ненасытная жажда потребления и «уродливо развитое чувство собственности» (М. Горький) являются абсолютно доминирующими. Будучи в основном выходцами из социальных низов, они уже успели оторваться от своего народа как носителя архетипа национального сознания, от родной почвы, но так и не поднялись до уровня духовно-интеллектуальной элиты общества.

Довольно внушительный количественный состав прозападно ориентированного «сословья» «лавочников-полуинтеллигентов», сформировавшегося в восточнославянских странах к началу «перестройки», обусловлен, наряду с прочим, и своими специфическими причинами. Прежде всего, здесь надо указать на ожидания и прогнозы, которые содержала в себе хрущевская Программа построения коммунистического общества в Советском Союзе, принятая на XXII съезде КПСС. Как известно, эта Программа выдвигала в качестве основной задачи полное удовлетворение всех материальных потребностей советского человека, рельефно формулировала прогноз о том, что в ближайшем будущем «материальные блага будут пользоваться полным потоком». Отсюда ее нереали-

стичность, ибо хорошо известно, что человек — это такое существо, которое не имеет верхней границы своих потребностей. Он в принципе никогда не может быть удовлетворенным. Ориентация на удовлетворение всех материальных потребностей — это путь в бездуховность. По сути дела, данная Программа была гедонистически ориентирована, постулировала возможность скорого становления в СССР потребительского общества такого уровня, который в принципе недостижим в странах капиталистического мира. В результате этого поколение шестидесятников стало все в меньшей мере ориентироваться на трудовую аскезу и этику самоограничения, характерные для предшествующего периода, и все больше погружаться в атмосферу изнеженного ожидания грядущего материального благополучия. Таким образом, соревнование между социализмом и капитализмом в вопросе достижения цивилизации потребления и досуга стало вольно или невольно разворачиваться именно на ниве буржуазной идеологии и психологии. А если сюда добавить осуществляющуюся после XX съезда КПСС десталинизацию общества, которая во многих отношениях осуществлялась явно топорно, политически неграмотно и некорректно, в частности, давала молодежи ложные основания ощущать себя намного умнее и выше своих отцов, а также исподволь сопровождалась нарастающим отказом общества от масштабных (реалистических, но дерзновенных) задач по преобразованию мира, то в значительной степени станут понятными истоки и причины того мелкобуржуазного бунта, который охватил во второй половины 80-х годов проигравший экономическое соревнование с Западом Советский Союз. Все эти обстоятельства и процессы явились в конце концов одной из мин, которые взорвали советское общество и привели к крушению СССР.

И в целом, говоря о причинах широкой экспансии идеологии и психологии «лавочников-полуинтеллигентов» в СССР, необходимо иметь в виду то, что в сфере общественного сознания и социально-политической практике «советскому проекту» как масштабной программе преобразования общества постоянно, так или иначе, скрыто или явно противостоял «антисоветский проект» — система взглядов, понятий и устремлений того куль-

турного и политического движения, которое впоследствии стало главным действующим лицом перестройки и либерально-рыночных реформ. Это движение имело свою длительную историю, точки максимума и минимума, прошло ряд стадий и, в конце концов, одержало верх.⁶

Вторую группу наших западников правомерно назвать «интеллигенты-беспочвенники». Это довольно многочисленный и пестрый слой работников умственного труда («образованцев»), которые так или иначе сориентированы европоцентрически, привержены западноевропейским ценностям, восхищаются западноевропейским образом жизни, культурными достижениями и т. д. Многим из них искренне хочется выстроить Запад на восточнославянских землях, достичь западного уровня материального потребления. В силу этого они выступают довольно настойчивыми и последовательными проводниками идей и идеалов (или, если хотите, безыдейности), присущих Западу.

К этой группе отечественных западников следует отнести различного рода революционеров и радикал-реформаторов, откровенно приверженных принципу волюнтаризма. С их точки зрения никакие объективные препятствия не в состоянии помешать перенесению западноевропейского опыта на восточнославянскую почву, если на это будут сориентированы воля и мысли политического авангарда общества, направлена организационно оформленная деятельность хозяйственников, экономистов и других представителей правящей элиты. Другая часть наших западников-интеллигентов исходят из ложной посылки о существовании «единой мировой цивилизации», из признания того, что жизнь и судьба всех стран мира подчинена действию единых и одинаковых законов, определяющих магистральное направление развития человечества. При этом, согласно данной посылке, таким магистральным направлением развития является рыночная экономика западноевропейского типа. Именно принципы свободного рынка, частной собственности и демократии, утвердившиеся в свое время в Западной Европе, предстают здесь в ка-

⁶ Кара-Мурза С. Г. Антисоветский проект. М., 2002.

честве универсальной основы для развития всякого «нормального» общества и, соответственно, единственно разумной перспективой для новых независимых государств. Итог всего этого — представление об истории как одномерном процессе, отказ незападным народам в праве на самостоятельное историческое творчество, трактовка их как лишенных внутренних потенций для динамического саморазвития и обреченных — во имя выживания — на бесконечное подражание чужому опыту.

В действительности же социальный мир сущностно разнообразен. Различным культурным кодам (запечатленным в традициях, обычаях и нравах, в религиозных верованиях, языке, фольклоре, литературе и т. д.) соответствуют и различные типы социокультурного развития. Все цивилизации различаются своими системами ценностей, своим отношением к природе, труду, богатству, собственности, пониманием обязанностей человека по отношению к детям, семье, общине. Они породили особые понятия чести и долга, наполнили разным содержанием категории свободы, прав, дали свое толкование власти, государства, движущих сил истории и т. д.

Это касается и экономики. Всякая экономика (в том числе рыночная) развивается и функционирует в определенных конкретно-исторических условиях и не может быть нейтральной по отношению к ним. Уже только поэтому экономическое развитие носит многовариантный характер и не является одновариантным для разных регионов, стран, цивилизаций. Попытка же рассматривать лишь одну экономическую систему (в данном случае капиталистическую рыночную экономику) как образец, модель для всеобщего подражания, как некий универсальный, всегда тождественный самому себе механизм, способный функционировать в любой стране, были бы только на то желание и воля политической элиты и деловых кругов, есть не что иное, как новая эпохальная иллюзия.

К данной категории западников также можно причислить весьма немногочисленный слой людей, которых можно отнести к рафинированным эстетам и интеллектуалам, являющимся поклонниками культурных достижений тех или иных западноевропейских стран и имеющих в этом аспекте свои четко выражен-

ные вкусовые предпочтения. Например, кто-то из них увлекается английской поэзией или немецкой живописью, или французской архитектурой и т. д. В этом, собственно, нет ничего плохого. Наоборот, такие увлечения при условии отсутствия нигилистического отношения к культурным достижениям своего народа могут даже способствовать плодотворному межкультурному диалогу. Однако, если носители этих предпочтений и увлечений преступают меру и начинают противопоставлять возвышенный, гуманистический образ Запада местной «архаике», воодушевленно прививать студентам и читающей публике любовь исключительно к западно-европейской и североамериканской культуре, литературе, музыке и т. д., то они волей-неволей переходят от диалога к монологу и объективно способствуют формированию у своих соотечественников уязвленного исторического самосознания и комплекса неполноценности.

К «интеллигентам-беспочвенникам» также можно отнести некоторую часть населения восточнославянских стран, которые, хотя ничего и не приобрели и даже очень многое утратили в результате «рыночно-либеральных реформ», но все же не перестали поддерживать эти реформы, любить Запад и преклоняться перед ним. Вспоминается, как примерно 15 лет назад в средствах массовой информации проскочило сообщение о женщине, которая, потеряв все средства к существованию, выбросилась из окна своего дома, прижимая к груди портрет Ельцина.

Такого рода западники чем-то напоминают чиновника Лебедева — известного персонажа из романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Так, Лебедев, узнав о том, что Рогожин (один из главных героев романа) получил миллионное наследство, стал всячески ему прислуживать и угождать. На резкое замечание Рогожина о том, что он ему все равно не даст ни копейки, «хоть бы ты тут вверх ногами передо мной ходи», Лебедев ответил: «И буду, и буду ходить... И не давай! Так мне и надо; не давай! А я буду плясать. Жену, детей малых брошу, а перед тобой буду плясать. Польсти, польсти!».⁷

⁷ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 6. Л., 1989. С. 11.

Вот так и некоторые наши западники: движимы иррациональной, безотчетной любовью к «обществу потребления», к странам, обеспечивающим бесконечную смену потребительских товаров, готовы, подобно лакеям, на бесконечное унижение, преклонение и бездумное эпигонство. Причем они готовы это делать даже в том случае, если их кумир, этот Запад, не только ничего не дает своего, но и отнимает чужое.

Кстати сказать, среди наших западников появились и такие, которые, подобно Смердякову, незаконнорожденному сыну Карамазова (опять же персонажа из известного романа Достоевского), стали горько сожалеть, что советский народ выиграл войну с фашистской Германией и всячески упрекать в этом ветеранов-победителей. Схема мышления та же, что и у Смердякова, который считал, что лучше было бы, если бы такая культурная нация, как Франция, одержала бы победу над «некультурною» Россией. Неосмердяковы приводят те же самые аргументы, но только уже в отношении Германии.

Восточнославянские западофилы неизменно мечтают о вступлении в Европейский Союз, так как там «очень высокий жизненный уровень». Для многих из них это похоже, как не без иронии замечает современный украинский исследователь А. Ваджра, на «призыв к походу в соседний гастроном за водкой и колбасой».⁸ При этом сторонники «европейского выбора» никак не хотят учесть того обстоятельства, что те западные государства, которые создали Европейский Союз и вошли в страны «золотого миллиарда», достигли высокого уровня жизни еще до создания данного Союза. И создавали они этот Союз не по причине братской любви и искренней привязанности друг к другу, а, руководствуясь исключительно прагматическим соображением, стать сильнее своих неевропейских конкурентов. В любом случае ЕС не намерен быть для кого бы то ни было филантропической организацией. Нашим западникам, одержимым иррациональным стремлением войти в «европейский дом», следовало бы все же

⁸ Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М., 2006. С. 16.

задуматься об этом. Им бы не помешало понять, что «даровой колбасы» они в современном мире нигде не найдут, а вот новую, еще пока до конца не изученную форму периферийной зависимости они получают наверняка. Явные симптомы такого поворота событий уже обнаруживаются сегодня и в Польше, и в Румынии, и в Болгарии, и вообще во всех странах, которые не составляют ядро ЕС и не входят в клуб самых богатых государств современного мира. Уровень понимания нашими западниками всех этих проблем, масштаб их мысли и духа не могут не удивлять своим примитивизмом и ограниченностью.

Беспочвенность, неорганичность, оторванность от корней народной жизни части нашей интеллигенции просто поражают. В отличие от отечественной интеллигенции консервативного крыла, с ее здоровым рассудочным критицизмом и осторожным проективным мышлением, западническое крыло интеллигенции характеризуется теоретическим радикализмом, лихорадочным отрицательством, некритической приверженностью к рискованному социальному экспериментаторству. Из западной мысли оно воспринимает лишь то, что соответствует ее установкам на разрушение существующего порядка жизни, — все упрощенно-отрицательные, нигилистические устремления: атеизм, материализм, социалистические и либеральные идеи в самых радикальных их формах, политический экстремизм — все самое бунтарское и разрушительное. Пытаясь внедрить в жизнь народа самые «прогрессивные» и «передовые» учения, она бросает этот народ в пучину заговоров, революционных потрясений, маразматических перестроечных экспериментов, развращает его сознание (особенно молодежи) социальными и политическими утопиями и т. д. Отсюда заключаем, что западники по своим интеллектуальным и морально-психологическим качествам отнюдь не самая прогрессивная часть нашей интеллигенции. Напротив, западники представляют собой наименее дальновидную и, к сожалению, наиболее коррумпированную и компрадорскую группу людей в восточнославянских странах. Вообще мы должны признать, что «почвенники» и патриоты всегда предпочтительнее «беспочвенников» и «чужебесов», а оригинальные, самостоятельно мыслящие люди всегда интереснее подражателей и имитаторов.

Третью группу восточнославянских западников будет, пожалуй, уместным определить как «номенклатурщиков-перерожденцев». Представители этой группы, как правило, занимают высокие посты во власти, включая экономическую, и в средствах массовой информации, генеалогически все или почти все они «родом из КПСС». К ним примыкают выходцы из торговой мафии, теневики и коррупционеры всех мастей.

Эта категория западников являет собой большую (если не преобладающую) часть 4-го и 5-го поколений номенклатурных работников (чиновников высшего ранга) Советского Союза, которые к середине 80-х годов прошлого века утратили всякую веру в идеалы коммунизма, его принципы и ценности. Они все уже к этому времени смотрели с вожделением в сторону Запада, восхищались его достижениями, мечтали о ничем не ограниченных путешествиях за границу с проживанием в 5-звездочных отелях. Марксистская идеология и в целом советский образ жизни рассматривались ими уже как сковывающее начало, как препятствие к реализации сформировавшихся у них новых устремлений и ожиданий. По мере того как СССР начал явно проигрывать экономическое соревнование с Западом, и «социалистический корабль» стал постепенно крениться, эта группа лиц замыслила (наверное, сначала инстинктивно, а потом более осознанно и «теоретически» обоснованно) перевести свое ненадежное положение во властных структурах (сегодня член ЦК КПСС, а завтра нет) в нечто более устойчивое и надежное — в собственность, в капитал. Для реализации этой цели была выдвинута и «обоснована» идеологема о необходимости возвращения в «лоно мировой цивилизации», вхождения в «европейский дом», построения в Советском Союзе «демократического» рыночного общества западного образца и т. д. Чтобы дать этой идеологеме жизнь и внедрить ее в массовое сознание, номенклатурщикам понадобились «гласность» и союз с интеллигенцией, которая своим авторитетом могла бы осветить замысленное ими дело. И как ни странно, союз номенклатурщиков и интеллигенции получился. Часть интеллигенции, включая и ее верхний творческий слой, увлеченная лозунгами «гласности», «демократизации», «рыночных реформ

», призванных в ближайшие сроки превратить всех граждан Советского Союза в зажиточных и богатых людей, действительно осветила своим авторитетом «аппаратный переворот» и поспособствовала номенклатурщикам и нуворишам осуществить грабительскую приватизацию народной собственности, а затем в очередной раз была безжалостно обманута, отстранена от рычага общенационального влияния, обнищала и лишилась всего того, что хотя бы в какой-то степени делало ее авангардом нации. И поделом ей. История мстит ей за ее непробиваемую глупость и неспособность чему-то учиться.

Если прозападная творческая интеллигенция духовно и идеологически поддержала «номенклатурный переворот» («эпоху Большого Хапка»), то те слои населения, которые мы отнесли к «лавочникам-полуинтеллигентам», обеспечили массовую опору, стали социальной базой социально-политического переворота, не имеющего аналога в мировой истории.

И что интересно: несмотря на то, что Советский Союз находился на стадии перехода от индустриального к постиндустриальному обществу (на это, например, однозначно указывал Д. Белл — один из крупнейших специалистов по постиндустриализму), «архитекторы» и «прорабы» «перестройки» стали интенсивно реставрировать те формы собственности, которые были доминирующими для начальных стадий развития капитализма. Все это, конечно, происходило отнюдь не случайно: формы собственности, имевшие место в XVIII и начале XIX в., давали наибольший простор для грабительской приватизации.

Среди «номенклатурщиков-перерожденцев» оказалось немало прямых агентов влияния Запада, откровенных компрадоров, предателей и циничных хапуг. Вся эта публика вместе с открыто перешедшими на ее сторону «интеллектуалами» («научными работниками») трансформировалась в конце концов в своего рода корпорацию «внутренних вампиров». Последние, объединившись с «внешними вампирами», до сих пор продолжают высасывать соки из российского общества и народов некоторых других стран СНГ. Иначе как можно объяснить тот факт, что только на первом этапе приватизации было продано 500 крупнейших пред-

приятый России стоимостью не менее двухсот миллиардов долларов фактически за бесценок (примерно за 7,2 млрд. долларов), и они оказались в основном в руках иностранных компаний или подставных структур. Причем все эти предприятия относились к объектам стратегического, а в ряде случаев и прямого военного назначения.⁹

«Номенклатурщики-перерожденцы» и примкнувшие к ним попутчики действительно в России и ряде других стран СНГ сказочно разбогатели и отгородились высокими заборами от огромных масс вконец обнищавшего народа. Сегодня всюду выделяются их особняки («замки») на фоне серых, убогих и полуразвалившихся домов основной массы населения. Чрезвычайно интересную и глубокую попытку осмыслить этот феномен предпринял А. С. Панарин. Он пишет: «...Что означают эти сверхвысокие заборы, бойницы, ограждения — словом, весь этот фортификационно-крепостной стиль? Можно ли его интерпретировать как жилье собственника, прочно окопавшегося бюргера? Думается, ответ напрашивается сам собой: это не жилье бюргера, это крепость завоевателя, знающего, что туземная среда ненадежна и враждебна. Бюргерское пространство отличается своеобразной двойственностью. Одной стороной оно обращено вовнутрь, символизируя неприкосновенность частной жизни, другой, — вовне, символизируя гражданскую активность и ответственность тех, кто ощущает себя отцами города. В архитектурном стиле «новых русских» ничего «бюргерского» и «отцовского» не ощущается. Доминирует интуиция форпоста, размещенного в ненадежном, если не прямо враждебном социальном окружении. Надо ли уточнять, что над теми, кто чувствует себя за стенами, осажденной крепости, маячит тень возможной эвакуации...?»¹⁰

Думается, эти люди были бы намного мудрее, если бы они рассматривали Россию не как «эту страну», а как свое отечество

⁹ Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 234.

¹⁰ Панарин, А. С. Н. В. Гоголь как зеркало русского странствования по дорогам истории // Москва. 2003. № 6. С. 163.

и вместе с народом обустроивали его. Без этой мудрости, судя по всему, им, так или иначе, в той или иной форме не удастся избежать «эвакуации». Ибо, как справедливо пишет все тот же Панарин, «...момент истины, еще не наступивший для тех, кого страх перед собственной страной так ослепляет, так или иначе приближается. И состоит он в том, что ведь никаким договором, даже если бы договоры здесь что-либо значили, не обеспечен прочный статус наших новых собственников на Западе. Американские покровители вовсе не склонны здесь связывать себя какими-либо однозначными обстоятельствами и признанием некоего статуса: это ваше, это наше. Наши новые собственники до сих пор не поняли, что они в дороге, и дорога эта ведет в никуда: чем больше они сдают позиции собственной страны в обмен на «американские гарантии», тем меньше у них гарантий, ибо американский гегемон признает только тех контрагентов, за спиной которых сила, а российскую силу «реформаторы» как раз и разрушают. Настоящее политическое откровение наших дней состоит в том, что не только Россию не пустили в «европейский дом» — не пустили туда и нашу либеральную политику, она пребывает в статусе заложника Запада, а не его партнера. Наши доморощенные глобалисты (не включая сюда тех, кто исконно несет в себе «глобальный опыт» диаспоры), оттолкнувшие себя от страны и оттолкнувшие ее от себя, изначально чувствовали себя «на чемоданах», «в дороге». Только напрасно они думали, что прибытие на станцию назначения — на Западе — им гарантировано. То, что предстоит дорога, это факт, но куда лежит эта дорога, это еще спрятано в мутной пелене нашего времени».¹¹

К четвертой группе западников, не очень многочисленной, но весьма агрессивной, имеет смысл отнести различного рода карьеристов от политики (или политических карьеристов), которые, начиная с 1985 года, рельефно обнаружили себя и в России, и в Беларуси, и на Украине. На поверку представители этой группы не являются убежденными и последовательными западниками. Это такого сорта люди, которые ради политической карьеры

¹¹ Там же. С. 163.

легко меняют свои «убеждения», «принципы» и взгляды, даже торгуют и спекулируют ими. Для них в конкретно-исторический момент (перестроечное и постперестроечное время) просто стало выгодно, стремясь к овладению рычагами политического руководства («войти во власть»), разыгрывать западническую карту, демагогически спекулировать на якобы открывающейся скорой возможности войти в богатый «европейский дом», в «лоно цивилизации» и т. д. В своих программных заявлениях и декларациях они прежде всего апеллировали к только что рассмотренным нами «лавочникам-полуинтеллигентам», «интеллигентам-беспочвенникам», «номенклатурщикам-перерожденцам», распалая у них еще больше зависть к богатому «демократическому» Западу, жажду денег и власти. При изменении ситуации (конъюнктуры) эти люди с неистовством начнут проповедовать нечто другое, даже прямо противоположное. Более подробного разговора эта категория лиц не заслуживает.

Пятая группа восточнославянских западников, к сожалению, весьма многочисленная и относительно наиболее новая, может быть метафорически названа «инвалидами информационной войны». К этой группе в первую очередь можно отнести молодежь, попавшую в информационное поле (сети) антирусских, антивосточнославянских СМИ. Представители этой категории западников вполне нормальные молодые (и не совсем молодые) люди. Они просто стали жертвами той целенаправленной, глубоко эшелонированной информационной войны, которая в течение ряда лет как извне, так и изнутри ведется против восточнославянских народов. Количественный рост «инвалидов» информационной войны, одураченных и «зомбированных» людей находится в прямой зависимости от «успехов» и интенсивности «работы» СМИ. Если бы, скажем, СМИ современной России в течение больше чем полутора десятка лет не были бы с явно преобладающим антироссийским вектором, то и «инвалидов» информационной войны было бы гораздо меньше. Но, к сожалению, этого не произошло, да и сегодня происходит далеко не в полной мере.

Интересно, почему же сложилась такая парадоксальная ситуация с российскими средствами массовой информации?

Ответ здесь в принципе ясен. Прежде всего это случилось потому, что в российских СМИ (особенно на телевидении) была установлена монополия той социальной группы (или групп), которую мы однозначно относим к западникам, беспочвенникам различного рода. Для этих последних главная цель заключалась в том, чтобы «растолочь», разрушить восточнославянское цивилизационное «ядро», деформировать и сломать глубинные архетипы народного сознания, препятствующие вхождению в «европейский дом». Свободу слова они понимали исключительно как свободу растлевать, разлагать российское общество, инспирировать и нагнетать различные формы патологии массового сознания, формировать упадническое общественное настроение, тотально нагнетать образ России как «ненормальной» и неполноценной страны, т. е., по сути дела, сформировать у граждан России комплекс неполноценности и уязвленное историческое самосознание.

Оказавшись в руках западников, многие из которых были абсолютными русофобами и прямыми агентами влияния извечных геополитических противников России, российские средства массовой информации несли в себе невероятный по разрушительной мощи импульс. Трудно найти в истории пример, где бы презрение к собственной стране так интенсивно подпитывалось и нагнеталось всем, что говорилось и делалось тогда в перестроечный и постперестроечный период в России. По национальному самосознанию русских людей, по мнению россиян о самих себе и о России был нанесен в те годы беспрецедентный удар. Такого падения в собственных глазах русские люди в прошлом еще не испытывали.

Стоит только задуматься о всей совокупности факторов, негативно влияющих на историческое самосознание, самооценку и самоуважение населения России, как охватывает ужас. В самом деле, в течение больше чем 70 лет всеми средствами хорошо отлаженной пропагандистской машины Советского Союза, включая и «научные» труды по истории, обосновывалось и доказывалось, что все происходившее в России до октябрьской революции было беспросветно ужасно и невыносимо плохо. Потом, начиная со

второй половины 80-х годов прошлого столетия, был невероятно облит грязью и изруган весь период строительства социализма в Советском Союзе. Как в такой ситуации испепеляющего презрения ко всей российской действительности и до, и после революции 1917 г. выстоять и сохранить оптимистически-полноценное историческое самосознание, избежать тяжелой болезни национального духа?

Кажется даже удивительным, как после такой усиленной бомбардировки общественного сознания со многих сторон, такой мощи деформирующего души людей информационного катка в России все еще сохранились здоровые народные силы и патриотически настроенная часть интеллигенции, борющиеся до разрыва сердца за исторические перспективы и достойное место своего отечества в современном мире, сохранившие присутствие духа и веру в будущее.

Наверное, никто не станет спорить, что общество, не любящее свою страну и потерявшее веру в свое историческое призвание, никогда не станет процветающим. Вот почему сейчас Россия и близкородственные ей народы стоят перед жесткой необходимостью дать ответ на «вызов среды». И задача здесь, конечно, заключается не только в том, чтобы упразднить монополию западников-русофобов в тех СМИ, где они ее еще сохраняют (что само по себе, безусловно, очень важно), а прежде всего в том, чтобы восстановить национальный контроль над элитами, сформировать такие национальные элиты, для которых власть — это ответственность за судьбы страны. А, говоря шире, задача состоит в том, чтобы кардинально изменить общественный климат, который позволит загнать тяжелую болезнь беспочвенничества в соответствующие ей карантинные ниши.

В принципе в рамках современного трансформирующегося мира восточнославянские народы должны взаимодействовать и одновременно соблюдать определенную дистанцию как в отношении к протестантско-католическому Западу, так и к мусульманско-буддийскому Востоку, но и не идя при этом на полное отчуждение от них. Современная цивилизация потеряет свое силовое и духовное равновесие, гармонизирующее поле раз-

вития, если восточнославянские народы полностью будут ассимилированы Западом или всецело окажутся во власти Востока.

На пути к историческому самоопределению: приоритеты и задачи. Чтобы освободиться, наконец, от всякого рода псевдо-метаморфоз, преодолеть ситуацию цивилизационного «пограничья», мучительной раздвоенности сознания восточнославянских народов, явно усилившуюся в начале XXI в., необходимо отказаться от иллюзорных надежд «войти» в чужой дом, будь то в западноевропейский или какой-либо другой, и приступить к обустройству своего собственного дома, на своей собственной культурно-цивилизационной и природно-географической основе, стать полностью самостоятельной системой, обрести духовно-ценностную цельность и единство. Без всего этого российское общество не только не выйдет из смуты уже продолжающейся почти 20 лет, но войдет в новый, возможно гораздо более страшный и разрушительный ее виток.

Что конкретно наиболее важно в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент?

Ответ один: формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-цивилизационной основе.

Объективно вопрос стоит так. Объединяющаяся и объединенная Европа однозначно не считает православные восточнославянские народы своими и, похоже, что и в обозримом будущем считать не будет. Мы для нее вечно чужие. Для «тигров» Азии (прежде всего юго-восточной Азии) и народов исламского мира мы тоже далеко не свои. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или они превращаются в «этнографический материал», почву и удобрение для развития других цивилизационных центров развития.

Иные сказанному могут возразить, указав на то, что Беларусь и Украина изначально являются европейскими государствами. Это верно. Беларусь и Украина территориально принадлежат Европе. Однако следует четко различать два смысла понятия «Европа»:

географический, в котором Европа как часть света простирается до Уральских гор, и социокультурно-цивилизационный. В социокультурном и цивилизационном плане Европа разделена.

В действительности, существует несколько «Европ», которые крайне несхожи между собой. Первая Европа (Западная Европа) — это та, которая дала миру техногенную цивилизацию, то есть первая в мире осуществила индустриализацию и распространила (или навязала) по всему миру нормы и законы общества потребления. Первая Европа — это совершенно уникальный регион мира, омываемый Гольфстримом, и, соответственно, с характерным для него умеренно теплым океаническим климатом. В принципе Западная Европа неповторима нигде и никогда, поскольку она сложилась и структурировалась в результате действия многих факторов, которые во всей своей совокупности больше не обнаружили себя ни в каком другом регионе мира (об этом очень убедительно писал выдающийся немецкий социолог М. Вебер). Ко второй Европе, с некоторой долей условности, можно отнести Чехию и Венгрию. Эти государства ближе всего к Западной Европе и по географическому расположению, и по духу. Что касается Болгарии и Румынии, то они уже существенно иные по духу и ментальности. Их следует отнести к третьей Европе. Польша находится где-то между второй и третьей Европой. Албанию и Косово придется отнести к четвертому лику Европы, ведь они представлены этносами, исповедующими ислам. Беларусь, Украина — тоже Европа, но по природно-климатическим, религиозным, ментально-духовным характеристикам они наиболее далеки от Западной Европы. Здесь в целом, конечно, обнаруживается такая тенденция: чем ближе к Западу, тем больше Европы; чем ближе к Востоку, тем меньше Европы. Нравится это кому или нет, но Беларусь и Украина принадлежат не к западноевропейской протестантско-католической цивилизации, а имеют прямое отношение, от самых корней, из глубин к восточно-православной славяно-русской цивилизации. (Хотя оспорить этот тезис весьма трудно, но многие, тем не менее, будут пытаться это делать. Верно сказано, что, если бы таблица умножения затрагивала чьи-либо интересы, правильность ее непременно ставилась бы под сомнение.)

Вообще культурно-цивилизационная дифференциация является неоспоримым фактом истории развития человечества. Этот факт получил исчерпывающее осмысление в мировой социально-философской мысли. Явление цивилизационной дифференциации человечества зафиксировано в целом ряде широко употребляемых ныне понятий: «культурно-исторические типы» (Н. Я. Данилевский), «локальные цивилизации» (А. Тойнби), «суперэтносы» (Л. Н. Гумилев) и др.

Но если это так, если белорусский и украинский народ принадлежит к восточнославянской православно-христианской цивилизации, то подлинным белорусским или украинским националистом в позитивно-конструктивном, творчески созидательном смысле¹² может быть только славянофил. Белорусский или украинский националист-западник — это псевдонационалист, человек, изменяющий культурно-цивилизационной идентичности своего народа. Общественно-политическая, педагогическая деятельность такого человека объективно (независимо от его самооценки) направлена на разрушение глубинных основ социального бытия восточнославянского суперэтноса. По сути дела, такого рода деятель стремится (возможно, отнюдь не бескорыстно) «сдать» свою цивилизацию другой, чужой цивилизации, войти в «чужой дом», нисколько не задумываясь при этом о реальных последствиях данных стремлений для своего народа и даже о том, что такие попытки, помимо всего прочего, просто неприличны в чисто человеческом, нравственном смысле. С упорством, достойным лучшего применения, белорусские и украинские за-

¹² Проблема национализма в условиях современности выдвинулась на передний план исследовательского интереса. Сегодня стало ясно, что историческое самоопределение народов, находящихся в условиях социального транзита, их успешное социокультурное развитие и позиционирование на мировой арене невозможно без известной доли здорового государственного национализма, национализма как формы национального возрождения и условий эффективной модернизации. Другое дело, что национализм как объективно неизбежный спутник формирования государства-нации необходимо отличать от различных форм этнократизма, ксенофобии, нацизма и расизма.

падофилы не перестают рассматривать Украину и Беларусь как изначально принадлежащее к европейской и вообще к западной культуре, истории, идентичности, религии, ценностям, ментальности и т. д., причем не просто в географическом, а именно в социокультурном и цивилизационном смысле.

Но что тут можно сказать? Похоже, нам ничего не остается, как обратиться к научным работам, специально исследующим этот вопрос.

Как представляется, эта тема наиболее полно раскрыта в работе американского исследователя С. Хантингтона. Он в своей книге «Столкновение цивилизаций» выделяет восемь мировых цивилизаций и, что самое важное для нас, четко очерчивает цивилизационные границы Запада. Согласно ему, в целом Запад сегодня включает в себя Европу, Северную Америку, а также страны, населенные выходцами из Европы, т. е. Австралию и Новую Зеландию.¹³ Что же касается границы Европы на Евразийском континенте, то восточная граница Запада совпадает с восточной границей западного христианства, которая сформировалась в 1500 г.

С. Хантингтон прямо ставит вопрос о том, кого из народов, населяющих географическое пространство Европы, можно отнести к потенциальным членам Европейского Союза, НАТО и подобных им организаций, и отвечает на него следующим образом: «Наиболее ясный ответ, против которого трудно возразить, дает нам линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные народы от мусульманских и православных народов. Эта линия определена еще во времена разделения Римской империи в IV в. и создания Священной Римской империи в X. Она находилась примерно там же, где и сейчас, на протяжении 500 лет...

Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие (выделено нами. — Ч. К.). Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы, именно его они в подавляющем большинстве поддерживают so-

¹³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 57.

to voce,¹⁴ именно такой точки зрения открыто придерживается большая часть интеллигенции и политиков».¹⁵

Другой западный автор, Ф. Болкестайн, в своей книге «Пределы Европы», изданной в 2003 г., пишет о нецелесообразности и невозможности включить Россию, Украину и Беларусь в Европейский Союз и относить их к европейской цивилизации. При этом, с его точки зрения, Украина, Беларусь должны стать «буфером» между Европейским Союзом и Россией. Отсюда, кстати сказать, и была придумана концепция «государств-соседей» Европейского Союза. «Соседи» в данном случае выступают как своеобразный «Восточный вал», разделяющий Россию и Европейский Союз.

Таким образом, Запад не считает Украину и Беларусь европейскими государствами. В лучшем случае он их рассматривает как элемент внешнего периметра безопасности Европы. И это не удивительно. Ведь современная Европа — это не только единые стандарты, прописанные чиновниками Евросоюза, но и общее историческое и культурно-цивилизационное наследие, к которому, как бы это кому нравилось или не нравилось, Беларусь, Россия и Украина не имеют никакого отношения. А не имеют они к этому отношения, потому что изначально принадлежат к другой цивилизации — православно-славянской.

Еще можно было бы как-то согласиться с нашими националистами-западниками, если бы Евросоюз, НАТО и т. п. были ориентированы на сохранение национальной идентичности (скажем, белорусскости) или на развитие национального самосознания входящих в эти организации государств. Но ничего подобного не наблюдается. Такая ситуация вполне естественна. Она обусловлена тысячу раз уже зафиксированным и подтвержденным в мировой специальной литературе процессом (его не помешало бы, наконец, заметить нашим так называемым националистам прозападной ориентации) интенсивного преодоления и отбрасывания Европой всего национального. «Европейский Союз всегда был постмодернистским проектом, призванным

¹⁴ Sotto voce — про себя, вполголоса (итал.).

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 243–244.

выйти за пределы базовых элементов модернистского мира: наций и национальных государств».¹⁶ Так пишет английский автор Д. Шерр. Причем, что интересно, тенденция к денационализации обнаружила себя в Западной Европе уже достаточно давно. Пожалуй, впервые ее достаточно ясно осознал всемирно известный немецкий исследователь В. Гумбольдт — создатель оригинальной и методологически эффективной версии цивилизационного подхода к анализу истории человечества. Пророчески заглядывая в будущее, он писал: «...Та власть, которой обладает над нами, нами же созданная цивилизация, все определенной толкает нас в направлении универсализма, народы под нашим влиянием приобретают намного более единообразный облик, и формирование оригинальной национальной самобытности удушается в зародыше даже там, где оно, пожалуй, могло бы иметь место...» (выделено нами. — Ч. К.).¹⁷

Эпигонам и сторонникам «европейского выбора», стремящимся не мытьем, так катаньем «вмонтировать» свои народы в западноевропейскую цивилизацию, следовало бы все же прислушаться к этим приведенным выше высказываниям и уяснить, наконец, себе тот общеизвестный факт, что Запад никогда не отличался национальной и культурной терпимостью и, похоже, не собирается ею отличаться в будущем. В отличие от Большой России, которая в ходе своего исторического развития смогла выработать целый ряд суперэтнических универсалий, Запад, в силу своих цивилизационных особенностей, вряд ли будет способным на это и сможет когда-либо строить свои отношения с оказавшимися в орбите его влияния народами (особенно с православными славянами) на основе принципа равенства и консенсуса.

Интересно, каким образом в сознании белорусских и украинских представителей западофилов совмещается стремление к национальному возрождению, к развитию национального самосознания и культуры с мечтой войти в «Европейский дом»,

¹⁶ Шерр Д. Россия и ЕС в разных координатах времени // Независимая газета. 2002, 11 дек.

¹⁷ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 60.

продвинутся в Европу, отдаться власти чиновникам наднациональных структур Европейского Союза? Не есть ли это определенного рода «культурная шизофрения», о которой вполне определенно говорит все тот же С. Хантингтон? В частности, он пишет: «Политических лидеров, которые неумело считают, что могут кардинально переkreить культуру своих стран, неизбежно ждет провал. Им удастся заимствовать элементы западной культуры, но они не смогут вечно подавлять или навсегда удалить основные элементы своей местной культуры. Политические лидеры могут творить историю, но не могут избежать истории. Они порождают разорванные страны, но не смогут сотворить западные страны. Они могут заразить страну шизофренией культуры, которая надолго останется ее определяющей характеристикой» (выделено нами. — Ч. К.).¹⁸

Пора нам, наконец, научиться верно оценивать сущность, характер и направленность развития западноевропейской цивилизации. В решении этого вопроса может оказаться наиболее полезным и «взгляд изнутри», то есть изучение концепций и теорий самих западноевропейских исследователей. Это важно потому, что всякий ложный образ, всякие иллюзии относительно сущности и характера западноевропейской цивилизации стоили и несомненно будут еще стоить незападным народам, в том числе и восточным славянам, непомерно дорого. Обратим свое внимание, например, на то, что писал по интересующему нас вопросу выдающийся английский историк А. Тойнби еще в 1947 г.: «...Западная цивилизация имеет своей целью ни больше, ни меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и в воде, и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями — православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным — включая и уцелевшие примитивные общества, которые находятся в безвыходном положении даже в собственной цитадели — тропической Африке. Таким обра-

¹⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 237.

зом, современное столкновение ислама и Запада не только глубже и интенсивнее, нежели любое из прежних, оно также представляет собой весьма характерный эпизод в стремлении Запада вестернизировать весь мир...»¹⁹ Как все сказанное им звучит и сегодня актуально и современно! Не правда ли?

Западная цивилизация является потребительской цивилизацией. Но потребительская цивилизация, помимо всего прочего, не может существовать, не расширяясь за счет других цивилизаций, которые она постепенно поглощает, или, иначе говоря, потребляет.

Говоря об историческом самоопределении восточнославянских (как, впрочем, и всех других) народов, надо иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство: в наше время более-менее надежную историческую перспективу для своего выживания и дальнейшего устойчивого развития имеют только те страны, территории которых богаты минеральными и энергетическими ресурсами, или те, которые овладели или смогут овладеть высокими технологиями. Вообще-то факторов, определяющих историческую судьбу народов, множество, но сегодня на первый план выдвинулись именно энергетически-сырьевой и технологический факторы.

А теперь с учетом всего изложенного имеет смысл провести своего рода мысленный эксперимент. Предположим, Украина и Беларусь полностью отрываются от России, разрывают с нею все исторические, экономические, научно-технологические, военные, да и просто человеческие связи и отношения, отгораживаются. Поставим вопрос: нужны ли сегодняшнему Западу Украина и Беларусь? Нужны. Но нужны только в двух отношениях. Во-первых, они нужны ему для того, чтобы ослабить Россию, набросить на нее петлю, не дать ей возможности создать свой самостоятельный центр развития и силы, и тем самым получить беспрепятственный доступ к ее ресурсам, стать хозяином и распорядителем этих ресурсов. Во-вторых, они нужны ему для генно-биологической подпитки состарившихся западно-европейских этносов, т. е. для приостановки быстро нарастающих процессов депопуляции в за-

¹⁹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 116.

падном мире и для пополнения белым биологически и социально активным населением из Беларуси и Украины своей рабочей силы. Причем, по замыслу западноевропейских политтехнологов и государственных деятелей, привлечение рабочей силы, принадлежащей к белой расе из восточнославянских стран, призвано существенно уменьшить поток эмигрантов из бедного Юга — Африки, Азии и Латинской Америки.

Объективно вопрос стоит так: западные европейцы, сформировавшие у себя «общество потребления» и «цивилизацию досуга», обогнавшие весь мир по уровню научно-технического прогресса и экономического преуспевания, осуществившие множество всяких революций во всех сферах своей жизнедеятельности, к настоящему времени, похоже, утратили или утрачивают желание рожать детей, а, следовательно, уже не могут обойтись без притока эмигрантов с Юга. Европейцев и американцев сегодня весьма трудно заставить выполнять целый ряд работ, особенно в третичном секторе, за которые с удовольствием берутся иммигранты. В результате Европа, если она, конечно, резко не изменит алгоритма своего развития, обречена стать континентом старых людей, остро испытывающих потребность в массовой миграции для поддержания производства и сохранения сложившейся системы социального обеспечения. В сущности, сегодня идет бурный процесс завоевания белого европейского населения афро-азиатами и латиносами, осуществляется своего рода «глобальная Реконкиста».

Западные политики и ученые прекрасно отдают себе отчет в этом. Они понимают, что замена иммигрантских потоков из бедных стран Третьего мира потоками белых иммигрантов из славянских стран будет в известной мере спасительной для Западной Европы, поскольку существенно замедлит разрушение культурно-цивилизационного кода. Так, американский исследователь Пираг Ханна подчеркивает, что расширение Европейского Союза «необходимо самой Европе, иначе она прекратит свое существование».²⁰ Этот свой тезис он подкрепляет следующим весьма красноречивым высказыванием одного из официальных

²⁰ Ханна П. Второй мир. М., 2010. С. 33.

представителей Еврокомиссии: «Хотя мы не желаем этого признать, расширение притормаживает неблагоприятную демографическую динамику, увеличивая численность рабочей силы».²¹ Вот в чем оказывается еще один из глубинных мотив расширения Европейского Союза.

В других отношениях Беларусь и Украина Западу не нужны. Они не нужны ей как конкуренты в получении ресурсов из третьих стран, не нужны они ей как конкуренты и в области промышленного производства, особенно высокотехнологичного. Напротив, Западу необходимо любой ценой сохранить монополию на высокотехнологичное производство. Ибо это является важнейшим условием его доминирования в мире. Но главное — Западной Европе не нужны Беларусь и Украина как чуждые духовно-ментальные и культурно-цивилизационные образования.

Западноевропейцев понять можно: они стремятся сохранить свою цивилизацию. Но чем такого рода процесс перекачки рабочей силы в западные страны может обернуться для восточнославянских народов? На деле этот процесс будет означать ни что иное, как ускорение и углубление деславянизации мира. Что может в действительности случиться со странами, которые покинули самые образованные, квалифицированные и экономически активные граждане? Скорее всего — превращение в государства-паразиты, неспособные к самостоятельному существованию, а поэтому нуждающиеся во внешнем управлении. Став составной частью балто-черноморского санитарного коридора, отделяющего Россию от Западной Европы, Беларусь и Украина могут превратиться в глухую окраину Европы и изгоев Евразии. Космополитический и постмодернистский Запад никогда не будет беспокоиться о сохранении социокультурной идентичности и развитии национального самосознания белорусского и украинского народов. Как представители другой цивилизации, Беларусь и Украина никогда не достигнут реального равноправия со странами Западной Европы. В реальности, на их население будет возложена та роль, которую сегодня выполняют представители стран Третьего мира — афроазиаты и латиносы.

²¹ Там же.

Нужна ли белорусским и украинским народам такая историческая перспектива? Разумеется, нет.

А вот что касается России, то она одна, без стратегического экономического, политического и военного союза с остальными восточнославянскими странами, вряд ли сможет сохранить свою территориальную целостность, удержать свою Западную и Восточную Сибирь — эту богатейшую в мире кладовую сырьевых и энергетических ресурсов — ей для этого просто не хватит населения. На этот регион с откровенным вожделием сегодня смотрят и США, и Япония, и Китай, и многие другие.

Подчеркнем, что при реализации данного сценария цель раздробления восточнославянского мира, превращения его в колониальную или полуколониальную периферию других центров силы будет достигнута. Именно над осуществлением этой цели сейчас и трудятся весьма напряженно все те, кто хочет пожить, сохранить свои высокие стандарты потребления за счет восточнославянских народов. И как это ни трагично мы и сами помогаем мировым гегемонам в осуществлении этой цели. «Горько смотреть, — пишет украинский исследователь С. Н. Сидоренко, — как российская и украинская «элиты» наперегонки, отталкивая одна другую локтями, устремляются «в Европу», изо всех сил стараясь продемонстрировать перед Западом свою «цивилизованность». На Украине, по предписанию Запада, эта «цивилизованность» должна выражаться в отречении от своей тысячелетней русской истории, от созданного за эту тысячу лет духовного достояния, в предательстве русских интересов и т. д. От России же — в качестве проявления «цивилизованности» — Запад ожидает в первую очередь отказа ее от «имперских амбиций», а также трансформации ее духовной сущности, ослабления тех духовных основ, на которых веками держалась русская жизнь. И, надо сказать, на протяжении всего послесоветского периода Россия очень старалась соответствовать предъявляемым требованиям, так что готова была жертвовать чем угодно, только бы признали ее «цивилизованность», только бы причислили ее к Европе...»²²

²² Сидоренко С. Н. Новая Россия и бывшая Малороссия // Москва. 2003. № 11. С. 136.

А теперь осмыслим другой вариант развития событий. Предположим, Беларусь, Россия, Украина создают свой самодостаточный региональный центр развития и силы. В орбиту их влияния, не исключено, будут вовлечены еще какие-то страны и народы. В этом случае Россия сможет сохранить территориальную целостность, а соответственно и богатства своих недр. И тут надо понять самое главное: недра Западной и Восточной Сибири, в случае тесного и равноправного союза восточнославянских народов, станут их общим стратегическим ресурсом. В их освоении, в создании всех необходимых инфраструктур, наряду с русскими принимали активное участие и белорусы и украинцы. Это наше общее достояние. Это наш общий потенциал для дальнейшего стабильного развития без ресурсного голода. В случае реализации этого сценария перед восточнославянскими странами открывается перспектива длительного и устойчивого развития. Тогда восточнославянскому миру, обладающему богатыми ресурсами, никто не сможет диктовать свои условия. Мы сами тогда сможем определять свой путь, свою стратегию, свою идеологию, свой перспективный «социальный проект».

Будет ли правильным, если Беларусь и Украина при определении своей стратегической линии развития пренебрегут этой возможностью? Думается, что нет.

В большой политике и геополитике действуют свои законы, с которыми всем народам мира так или иначе приходится считаться. Эти законы в весьма малой степени зависят от наших эмоций и настроений, текущей экономической и политической конъюнктуры. Очень трудно отмахнуться, например, от того факта, что в России разведанные ресурсы в денежном исчислении составляют сумму 160 тыс. долларов на одного человека, а в Европе всего лишь 6 тыс. долларов; что воды Нила и Амазонки загрязнены, а в России в одном Байкале 24% мировых запасов чистой питьевой воды, которая скоро, судя по всему, станет дороже бензина. При этом следует учесть, что России принадлежит более половины черноземов планеты, которые, согласно экспертным данным, могут прокормить более 800 млн. человек, а также более половины хвойных лесов планеты. Это и есть объективные

факторы целесообразности единения этих трех родственных народов, от которых очень трудно отмахнуться, даже если бы кому-либо очень этого хотелось. И надо полагать, что эта объективная потребность возьмет свое. Есть также уверенность, что Россия изживет, перемелет олигархический режим, что русский народ сможет, в конце концов, привести к власти тех людей, которые будут реализовывать его глубинные интересы. И белорусский, и украинский народы в этом должны ему помогать.

В реальности Беларусь и Украина только в союзе с Россией и могут стать значимыми субъектами мировой политики; для Запада Украина и Беларусь — это всего лишь объекты манипулирования и разменная монета в большой геополитической игре. Кроме того, принципиально важно здесь и то, что вне традиционного союза трех братских славянских народов не только Украина и Беларусь рискуют утратить свою идентичность, но и Россия, в нашем агрессивно-конкурентном мире, тоже не застрахована от этого. Нам никогда не следует забывать, что восточнославянские народы, учитывая общность их исторических путей развития, культурно-цивилизационную близость, теснейшие научные и промышленно-технологические связи, являются естественными союзниками высшей степени. Напомним, что технологический потенциал Советского Союза был по преимуществу сосредоточен в трех славянских республиках — России, на Украине и в Беларуси. И воссоздавать его поэтому разумно в теснейшем взаимодействии и кооперации. Правильно пишет все тот же С. Н. Сидоренко: «Без Киева, из которого берет начало наша история, без единого православия, без русской культуры, которая является общим достоянием великороссов, малороссов, белорусов и других народов некогда великой страны, и Россия, и Украина внутренне бессмысленны и взаимно неполноценны».²³

Вообще перед Республикой Беларусь и Украиной открываются три дороги: во-первых, они могут продолжать и дальше двигаться в западном направлении с перспективой, как было уже показано, полной потери своей политической субъективности,

²³ Там же. С. 135.

крахом своей собственной экономической системы, а также «вымыванием» наиболее биологически и социально активной части своего населения, как это сейчас, например, происходит в Прибалтике. Во-вторых, они могут еще некоторое время маневрировать между Западом и Россией, надеясь на получение разного рода преимуществ и преференций с той и с другой стороны. Но такая ситуация приведет только к потере исторического времени и ослаблению потенциала развития. В-третьих, Беларусь и Украина могут взять курс на крупномасштабное сближение с Россией. Но избрание этого пути движения будет в равной мере зависеть как от Беларуси и Украины, так и от России. Вряд ли следует сомневаться в том, что при условии преодоления в России дикого олигархического капитализма этот третий путь станет наиболее перспективным и жизненным для восточнославянских народов.

В экономическом плане Беларусь и Украина только в том случае могли бы по-настоящему заинтересованно взять курс на сближение с Россией, если бы она допустила эти страны к добыче необходимых для нужд их национальных экономик энергоресурсов на своей территории, пошла бы на реальное создание единого экономического пространства с выделением им долевой собственности на сырьевые месторождения, стала привлекать их к реализации крупномасштабных модернизационных проектов, предпринимала различные другие такого рода действия, вплоть до введения общей валютной системы. Только так возможно было прочно привязать политику данных стран к политике России, исключив при этом влияние США в восточнославянском регионе. Само собой понятно, что эти меры, предпринимаемые Россией, не должны были бы носить односторонний характер и компенсироваться соответствующими шагами с белорусской и украинской стороны. Поразительно, что Россия допустила к добыче энергоресурсов на своей территории Германию, Великобританию, Францию, США и Японию — страны, только тем и озабоченные, чтобы исключить всякую возможность возрождения России в качестве конкурентноспособного центра развития и силы, но не поступила аналогичным образом в отношении своих самых близкородственных народов — белорусского и украинского.

В чем дело? Почему так получилось?

Все дело в том, что в России сложилась система монетократии — власти денег, а в ее властных структурах все еще доминируют люди с коммерческим, а не государственным мышлением, «низкие мужи» (если прибегнуть к терминологии Конфуция). Для нынешней российской элиты деньги представляют собой не просто функциональную вещь, средство. Для основной массы ее представителей деньги — это бог, абсолютная ценность. «...Они считают, что при помощи денег можно решить любые проблемы, в том числе и метафизические... То есть деньги — это не просто инструмент для решения каких-либо сугубо практических вопросов, это кардинальная характеристика человека, имманентная ему. Она отличает людей категории А от людей категории Б».²⁴ Ведь только подумать: Беларуси приходится договариваться о разработке месторождений нефти и газа с Венесуэлой, Азербайджаном, Туркменистаном, с кем угодно, только не с Россией. Отказ допустить своих ближайших соседей к добыче энергоресурсов на территории России, похоже, никак иначе нельзя объяснить, как стремлением ее политического руководства сохранить за собой шантажный потенциал в отношении всех стран СНГ. Гибельность такой коммерчески ориентированной политики очевидна.

Восточнославянским народам необходима духовная мобилизация. Данную необходимость диктует актуальный характер вызовов обществу, которые в своей действительности сегодня проистекают не только из прошлого, но и во все возрастающей степени продуцируются будущим и требуют для адекватного ответа на них интеллектуальных прорывов и новых проектных решений, соответствующих реалиям современности. Восточнославянские мыслители, озабоченные состоянием своих стран, должны противопоставить бесперспективности идей западников, мобилизационный «проект будущего» опережающего, а не догоняющего характера, выявляющего оптимальные пути развития восточнославянских народов на собственной культурно-

²⁴ Белковский С. В стране сложилась монетократия — власть денег // Политический класс. 2009. № 11. С. 32.

цивилизационной основе, выдвинуть и обосновать собственную теорию, точнее, метатеорию, позволяющую сформировать принципы и направления движения Беларуси, России, Украины в сторону свободной, не занятой и не детерминированной другими странами и народами ниши существования в нынешнем противоречивом и сложном геополитическом пространстве. Их задача состоит в том, чтобы по возможности выявить в гуще ветвящихся дорог исторической эволюции те пути развития, которые в наибольшей степени соответствуют принципам гуманизма и справедливости и вместе с тем открывают для восточнославянской цивилизации длительную историческую перспективу.

Восточнославянские народы, сполна познавшие крайности дилеммы «социализм — капитализм», должны отказаться от бесперспективного эпигонства и приступить к решению действительно трудной творческой задачи — выработке нового проекта будущего, выдвижения великой альтернативной идеи, ориентированной на решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Только решение таких грандиозных задач может вдохновить восточнославянские народы.

При этом мы убеждены, что «вулкан истории» отнюдь не потух и способен к новым цивилизационным «выбросам». «Цветущее многообразие» (выражение К. Леонтьева) культур не оставлено навсегда позади, и «конец истории» еще пока не наступил. Космогонические процессы образования новых миров (моделей) еще, к счастью, продолжаются, и история остается открытой для творчества, для поисков новых, неизведанных путей развития. Всего за 30–40 послевоенных лет в мире появилась, наряду с атлантической, новая цивилизационная модель — тихоокеанская. Нет поэтому никаких оснований с порога отрицать и возможность появления еще одной модели — евразийской, например. Евразийская модель — это специфическая цивилизационная общность, интегрирующая импульсы Запада и Востока, Севера и Юга и по-своему преломляющая, творчески синтезирующая их. Она должна быть направлена на изживание раскола восточнославянских народов и внутрироссийского раскола, быть ориентированной на всемирность и всечеловечность. Иначе говоря,

проблема состоит в том, чтобы разумно соединить лучшие черты многовекового опыта России и других восточнославянских народов, в том числе и опыта их недавнего советского прошлого, с достижениями стран Востока и современного постиндустриального общества Европы и Северной Америки, отсекая при этом все то, что не соответствует историческим традициям и национальным интересам народов, составляющих эту общность, и ведет к потере ими своей самоидентификации, своей осевой, центральной, смыслообразующей ценностной идеи.

Как свидетельствует история, возникновение новых цивилизаций всегда разворачивалось в сфере духа — в ходе формирования оригинальной системы ценностей и нового видения горизонтов бытия. Подражание не может быть источником вдохновения. Оно никогда не станет основой для формирования самобытной цивилизации. Его результаты всегда будут вторичны и неинтересны другим народам. «Не числом, а умением», силой духа формировались новые цивилизации. Например, никому не известное племя, поселившееся на левом заболоченном берегу Тибра, ведущее примитивное сельское хозяйство и по всем другим параметрам отстающее от богатых городов Средиземноморья, через несколько веков превратилось в могучую Римскую империю. Почему? Да потому, что Рим выработал принципиально новую социально-политическую модель развития. В силу той же способности к новаторским решениям слабые аравийские племена, постоянно теснимые соседями, создали грандиозную мир-империю — арабский халифат. Немногочисленные христианские общины, впервые в истории перенесшие социальную борьбу в духовную сферу, вызвали к жизни самую влиятельную и многочисленную мировую религию и т. п. А это означает, что будущее зависит не только от объективно-исторических факторов (численности населения, размера территорий и т. п.), но и от адекватного исторического выбора и от способности к конструктивному проектированию, то есть от субъективного фактора истории.

Сегодня восточнославянским странам нужны мыслители и практики с развитым чувством долга и чести, обладающие «длинной волей», способные силой мысли заглянуть за привычный го-

ризонт событий. Именно они, используя свои творческие силы, могут выдвинуть и реализовать в ходе развернувшейся в нашем тесном земном мире битвы за будущее свой жизнеспособный проект восточнославянской цивилизации как регионального самодостаточного центра развития и силы. Противоречивость нынешней ситуации, растерянность общества могут быть преодолены лишь посредством той или иной формы подвижничества и интеллектуальной мобилизации.

Смеем высказать тезис: если Беларусь, Россия и Украина не смогут достичь тесного, специально подчеркнем, равноправного экономического, политического и военного союза, то есть стать самодостаточным центром развития и силы, то их ждет деградация и угасание. Их попросту, каждую по отдельности, раздавит или «каток» глобализации, или уже сформировавшиеся другие центры развития и силы. При подобном развитии событий, акцентируем внимание, наши дети и внуки, многие из которых уже успели стать жертвами («инвалидами») информационной войны, ведущейся против восточнославянских и целого ряда других народов, могут оказаться рабами XXI в., мелкой разменной монетой на мировом рынке труда. Правда, рабство XXI в. кандалов и цепей не потребует. Оно будет выступать в других, более завуалированных формах. Рабство XXI в. — это рынок дешевой рабочей силы; это территория для разрешения вредных производств и вредных отходов, это место для сброса некачественных товаров, это «сырьевые придатки» для других стран и т. д. Но такого поворота событий восточнославянские народы не должны допустить ни при каких обстоятельствах.

Е. В. Кучумова

**РЕЦЕПЦИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВА КАК ФОРМА
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ
В МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО**

В конце XX в. Россия, как и другие страны, столкнулась с проблемой «глобализации», т. е. постепенного преобразования мирового пространства в единую зону, где беспрепятственно перемещаются капиталы, товары, идеи и их носители. Глобализация в качестве принципа культурного развития разных стран утверждает унификацию, причем не только форм экономической активности, научных знаний, систем образования и даже потребительской культуры, но, прежде всего, — правовых и государственных институтов: любая страна, которая пытается интегрироваться в современный глобальный мир, обязана допустить на свою территорию его субъектов, следовательно, должна обеспечить установление благоприятного для их деятельности правового режима. Поэтому стандартизация, унификация, единообразие структурных элементов права отдельных стран — отчетливо различимая тенденция современности.

Серьезные изменения происходят и в области классификации основных правовых семей современности: классическое их деление на англосаксонскую, континентальную, мусульманскую, индусскую и систему обычного права стран Африки и Азии переживает глубокую трансформацию в виде их интеграции и взаимопроникновения. Этому процессу способствует существенное увеличение числа и значимости международно-правовых актов, которые зачастую являются образцами, моделями универсальных норм для внутригосударственного законодательства.

Однако унификация формы и содержания правовых систем отдельных стран отнюдь не означает, что формирующееся в результате её действия пространство обретает культурную, экономическую и правовую однородность. В частности, формы правовой организации каждого конкретного государства обусловлены множеством факторов, в том числе — характером культурно-исторического развития страны, национальными и духовными традициями, опытом государственной жизни, достигнутым уровнем правовой культуры населения.

Характерные особенности правовой жизни различных обществ проявляются и на уровне общественного правосознания, и в способах нормативной регуляции общественных отношений, и в специфике правоприменительной практики. Именно правовая культура выполняет функцию мировоззренческой основы, фундамента национальной правовой системы, наполняет её соответствующей идентичностью, позволяет ей сохранить свою специфику и самобытность среди других правовых систем современности.

Существенное влияние на своеобразие российской правовой системы оказали особенности развития дореволюционной и послереволюционной истории, весь культурный опыт огромной многонациональной евразийской страны, многовековые традиции самодержавия и деспотизма. Отечественная правовая традиция и основанная на ней нормативная система не определяются исключительно волей национального законодателя. Это явления российской культуры, имеющие самые различные духовные и материальные источники: западные, восточные, византийские, римские, тюркские и т. д., которые сохраняют исходный стержень, специфицирующий нашу культуру по сравнению с другими культурами.

Российская социокультурная модель взаимоотношения человека и общества предполагает приоритет интересов общества, выразителем которых выступает государство. При этом происходит ориентация теоретической мысли на централизованный, этатистский образ права. Однако, новые геополитические реалии России детерминируют ориентацию на западные социокуль-

турные образцы, в которых право как нормативный регулятор играет главную роль. В сложном децентрализованном обществе, имеющем глубокую стратификацию и различные автономные культурные институты, признающем самоценность каждого отдельного индивида, возникает потребность в праве, как в особой нормативной системе. Право при этом понимается не только как закон, но как естественные права и свободы человека, распространяющиеся на сферу его частной и публичной жизни.

Поиск путей совмещения западных правовых форм с культурной спецификой нашей страны — одна из важнейших фундаментально-теоретических и прикладных задач современности, поэтому, рассуждая о необходимости модернизации российской правовой системы в соответствии с новыми условиями, вполне логично проанализировать исторические и социокультурные предпосылки её формирования.

Становление и развитие российской правовой системы происходило по общим законам, присущим становлению и развитию любой правовой формы, хотя в этом процессе были и свои особенности. Историческими, региональными и юридическими источниками российского права выступают два таких различных, на первый взгляд, законодательных массива, как право Российской империи и советское право, чья противоположность, однако, во многом была связана лишь со специфическими особенностями права СССР, обусловленными социалистической идеологией. Вне рамок этой идеологии (которая, кстати, во многом также имеет национальную детерминацию) можно говорить о преемственном процессе развития одной и той же правовой формы в России.

Специфика российского правового уклада обусловлена не столько технико-юридическими, формальными признаками, сколько глубокими социальными, культурными, государственными началами жизни славянских народов. К началам, имеющим методологическое значение для анализа отечественного права, нужно отнести следующие:

во-первых, самобытность русской государственности, не поддающаяся элиминации даже после длительных и массивных включений иностранных управленческих и конституционных

форм. Для русского права всегда была исключительно важной связь с государством, поэтому необходимо исследовать природу целостности права и государства в русской правовой культуре;

во-вторых, особые условия экономического прогресса, для которого характерна опора на коллективные формы хозяйствования (крестьянскую общину, артель, сельскохозяйственный кооператив), основывающиеся на специфической трудовой этике, взаимопомощи, трудовой демократии, традициях местного самоуправления;

в-третьих, формирование особого типа социального статуса личности, которому свойственно преобладание коллективистских элементов правосознания и нежесткая дифференциация личности и государства.

в-четвертых, тесная связь традиционной основы права и государства со спецификой православной ветви христианства с ее акцентами не на мирском жизнепонимании Бога и человека (католицизм) и тем более не на благословении стяжательства (протестантизм), а на духовной жизни человека с соответствующими этическими выводами (нестяжание, благочестие и т. д.).¹

Глубинные истоки представлений о правильном, справедливом, нормальном лежат еще в мифологии, в которой тот или иной этнос осознает окружающую природную и социальную действительность, самого себя, свое происхождение, нормы и обычаи своей жизни. В правовую систему через юридические тексты, тесно связанные с текстами народной устно-поэтической традиции, проникли не только те или иные языковые формулы и конструкции, но и наиболее устойчивые и глубокие мифологические образы и представления древних людей о порядке, гармонии и дисгармонии, нарушении порядка и его восстановлении, о деянии и воздаянии, норме, обычае и последствиях их нарушения, т. е. все то, что может рассматриваться как некий предправовой материал, на котором базировалась в период становления правовая система, из которого складывались юридические традиции.

¹ См.: Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2001. С. 197–199.

Причем в каждой культуре эти образы и идеи осознавались в своих понятиях, категориях и с большей или меньшей глубиной и основательностью входили в быт и привычки народа.

Если сравнить древнерусскую мифологию с мифологией этносов, известных своей высокой правовой культурой (например, древнегреческой, древнеримской), то можно обнаружить, что древнерусская мифология, языческая религия сосредоточены главным образом на осознании и понимании природных явлений и процессов. Славянская мифология носила в основном аграрно-природный характер, так как древнерусский человек не воспринимал и не осознавал еще достаточно определенно социальность своего бытия, его нормативность, упорядоченность и иные характеристики, складывающиеся в предправовой комплекс. Он был погружен в природность, натурность, в кровнородственные (то есть тоже природные) связи и зависимости: языческая религия, как известно, была бедна организационными, нравственными и общественными идеалами.²

Право и правовая культура экономически сопряжены с индивидуальной собственностью, а духовно и идеологически — с осознанием человеком своей индивидуальности, самостоятельности, собственной сущности. Коллективные формы собственности и соответствующие им формы социальной организации жизни — первобытный коллективизм, различные разновидности общины, — на первых этапах становления и развития общества противостоят выделению индивидуальной собственности, формированию человеческой индивидуальности, а также формированию полноценного права, правовой системы, которая как раз и представляет собой средство защиты индивида от произвола общества.

Коллективная форма общежития русского крестьянства — община — была одним из фундаментальных факторов развития российского государства, значительно повлиявшим на его поли-

² См.: Семитко А. П. Российская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки // Государство и право. 1992. № 10. С. 108–112.

тическую и духовную жизнь, культуру в целом. Община — универсальная форма организации аграрных и иных ранних обществ, через которую прошли все народы мира. Однако специфика русской общины заключается в медленном преодолении родовых, патриархальных пережитков, в широких правах общины на все земли ее территории и крайне слабом в силу этого развитии частной собственности, в значительной роли общины в решении хозяйственных вопросов, касающихся ее членов, длительном ее существовании в национальных масштабах. Сильная община препятствовала становлению индивидуального начала как в хозяйственной, так и духовной жизни, создавала условия для почти полного поглощения лица миром и рационального отрицания всякого личного права. Поэтому и «стоимость» персонифицированных воплощений коллектива — князя, дружинника, являющегося главной ценностью в обществе, в ранних правовых памятниках была во много раз выше и посягательства на них наказывались гораздо строже. Например, жизнь боярина, дружинника, других приближенных князя по Русской правде оценивалась в 80 гривен штрафа, а жизнь смерда или холопа — лишь в 5 гривен.³

Тем не менее, русское право, российская правовая система в целом, как и любая другая, формировались с ориентиром на личность, хотя поначалу это была личность представителя господствующего класса. Так, из 43 статей краткой редакции Русской Правды (одной из самых ранних), 40 статей прямо посвящены защите от преступных посягательств личности и собственности, которая является как раз экономическим выражением личности.⁴

Вообще все известные истории ранние юридические акты, закрепляющие права и свободы личности, были созданы представителями господствующего класса собственников и направлены прежде всего на защиту самого себя — будь то греческое или римское законодательство, созданное классом рабовладельцев, или иные отдельные правовые акты: Великая хартия воль-

³ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 47–49.

⁴ Там же.

ностей 1215 г., Habeas corpus акт 1670 г., Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и т. д. Только к XX веку общее развитие мировой цивилизации, личностного начала в культуре, понимания самоценности и уникальности человека привело к тому, что право в демократических обществах стало распространяться на всех, стало инструментом защиты каждого.

Помимо собственных культурно-исторических условий в формировании российской правовой системы существенную роль сыграло заимствование зарубежного правового опыта. Очевидно, что правовые культуры разных стран не существуют изолированно: они взаимодействуют друг с другом, ведут постоянный культурный диалог. Правовая культура отдельных стран подвергается постоянной «бомбардировке»⁵ со стороны попадающих в нее случайных фрагментов других правовых культур, юридических текстов, процедур и правовых конструкций. Такая «бомбардировка» позволяет оценить собственный опыт правовой жизни, возможность развивать, совершенствовать отдельные элементы своей правовой формы, наполняя их новыми смыслами. Вопрос, однако, в том, что именно заимствует государство и общество: отдельные правовые институты, элементы юридической техники, практику правоприменительной деятельности и т. п., или же оно заимствует то, что принято называть «идеей права», т. е. системы общих взглядов, представлений отдельных сообществ людей о принципах социального, политического, правового порядка. В первом случае речь идет о «юридической аккультурации» в широком смысле, т. е. о переносе одной культуры в другую, во втором — о глобальном процессе, получившем название «рецепция». Ж. Карбонье описывал рецепцию как особую форму аккультурации, которая меняет весь правовой строй общества-реципиента и является в этом смысле тотальной аккультурацией.⁶ Если фрагментарная юридическая аккультурация — обычное явление, притекающее из повседневных контактов представителей

⁵ Термин Ю. М. Лотмана (см.: Лотман Ю. М. Языки русской культуры. М., 1999. С. 21–22).

⁶ См.: Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1998. С. 198–201.

различных правовых культур, то тотальная рецепция — явление исключительное; это всегда результат более широкого культурного заимствования, при котором меняются многие важнейшие культурно-смысловые парадигмы сознания общества и принятые в нем практики социальной жизни. Соответственно, юридическая аккультурация далеко не всегда является безусловным благом для страны-реципиента, так как может повлечь за собой не только модернизацию правового уклада, но и его разрушение. Поэтому при оценке характера юридической аккультурации важно представлять, как она протекает:

- в результате диффузного проникновения чужой правовой культуры в страну посредством стихийного копирования отдельных образцов поведения;
- в результате централизованного переустройства правовой сферы общества публичной властью;
- в результате правовых реформ вследствие оккупации или колонизации страны.

По мнению В. Н. Княгинина, Россия принадлежит к разряду стран, правовой уклад которых несколько раз менялся в результате тотальной рецепции. Это было не стихийное копирование чужих образцов правовой жизни, а их сознательное и планомерное заимствование, которое осуществлялось по инициативе публичной власти, создававшей «волны модернизации» российской правовой формы.⁷

Первая волна модернизации, собственно создавшая новую правовую систему Руси, связана с принятием христианства: православная Византия выступила образцом развития для отказавшейся от язычества Руси, что предопределило в дальнейшем наиболее существенные черты древнерусского государства и права.

Именно византийская церковная культура привела к формированию славянской письменности, а регулярное управление, основанное на следовании сложным религиозным канонам, по-

⁷ См.: Княгинин В. Н. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы // Правовая реформа и зарубежный опыт. Красноярск, 2000. С. 8.

требовало письменной фиксации правового порядка в стране. Буквально заимствовались нормы, регламентирующие социальные отношения, но не воспринималась соответствующая юридическая теория: вследствие культурного разрыва рецепиент воспринимает не весь массив права, а лишь те его фрагменты, которые необходимы для воспроизведения во вновь создаваемых правовых порядках основного смысла заимствуемого права, в данном случае его христианской идеи. Поэтому русское право все же сильно отличалось от византийского оригинала своей спецификой, приобретенной в ходе такого культурного копирования.

Вторая волна модернизации русского права связана не столько с тотальной рецепцией, обретением русским обществом новой «идеи права», сколько с получением им статуса хранителя этой идеи, ответственности за ее развитие и распространение. С крушением Римской империи в середине XV в. Россия, как оставшаяся часть великого православного царства, стала ответственной за хранение мира и была просто вынуждена заимствовать имперскую идею у Византии: Москва была объявлена «Третьим Римом».⁸ В целом, с Россией произошло то же, что и с Западной Европой, только с опозданием более чем на пять веков: римская империя, римское право и христианство римского толка определили характер западной цивилизации вообще и западной юриспруденции в частности, византийское право и государство, православие то же самое сделали в отношении России. Приняв статус «Третьего Рима», Россия окончательно усвоила византийскую идею права, придав ей, однако, свое прочтение. Так как культурный образец, на который ориентировалась Русь, прекратил свое существование, кульминация рецепции византийского права стала ее завершением. Дальше российское право развивалось на базе православных ценностей не как копия византийского, а как уникальное российское явление, которое на долгие века разошлось в своем развитии с правом западноевропейским.

⁸ См.: Лурье С. В. От Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // *Общественные науки и современность*. 1997. № 4.

Российская государственность превратилась в теократическую империю византийского толка, при которой церковь и государство не делили высшую власть в обществе, все лавры высшего авторитета доставались государю. Поэтому и право в России стало рассматриваться как то, что устанавливает власть: право есть правда от царя.⁹ Таким образом, направление развития русского права, заданное второй волной его модернизации, реализовалось как часть практики властвования монарха и его окружения.

Третья волна модернизации российского права, начавшаяся в конце XVII в., когда «Третий Рим» все явственнее стал проигрывать военно-политическое, экономическое и культурное соревнование Западной Европе, была связана с рационализацией и вестернизацией государственно-правовой системы и общества в целом, рецепцией идеи западного права. Рациональный человек Запада, созданный Ренессансом и Реформацией, был уверен, что практически все проблемы можно решить при помощи разума. Соответственно, западное право нового и новейшего времени стало рациональной технологией решения социальных проблем.

Мода на следование западным культурным образцам появилась в России до Петра Первого, но реализовалась в тотальной рецепции западной государственно-правовой традиции только в результате реформ Петра и его наследников. Этот трудный процесс, растянувшийся не на одно столетие, начался с военной экспансии Петра, выступившей способом географически приблизиться к Западу, а закончился секуляризацией государственно-правовой жизни и массированным заимствованием нормативно-правовых предписаний и юридических техник. В XVIII в. и в последующие века прямые заимствования текстов западного права Россией приобрели колоссальные размеры: рецепции подверглось в первую очередь шведское право, а также германские, французские, датские законы; были проведены обширные кодификационные работы, изменена юридическая техника, что выразилось в обретении русским правом западной отраслевой струк-

⁹ См.: Черников М. В. Концепция «правда и истина» в русской культуре: проблема корреляции // Полис. 1999. № 5. С. 56.

туры, превалировании письменного нормативно-правового акта над иными источниками права, переходе от каузальных предписаний к абстрактно-общим нормам.¹⁰

Однако, тотальная рецепция Россией западной государственной-правовой традиции хоть и привела к ускоренной модернизации российского права, в то же время сопровождалась рядом особенностей, характерных для страны, долгое время культивировавшей несколько иную систему ценностей. Прежде всего, модернизация государства и права осуществлялась в результате реформ «сверху», т. е. вестернизация происходила по воле и по инициативе монарха, а значит в России сохранялся взгляд на право как на приказ власти. Этот взгляд был необычайно близок русско-византийской традиции правопонимания и сильно отличался от копируемого западного образца, ориентированного на разделение государства и гражданского общества, борьбу индивида за свои права. Поскольку основным инициатором государственно-правовой модернизации выступало само государство, что не позволило полностью отойти от византийского понимания права как воли власти, а государства — как православной империи, модернизация российского права по западному образцу так и не была завершена, хотя темпы движения страны в этом направлении на протяжении двух веков постоянно возрастали.

Если вся предшествующая российская история характеризуется некоторой задержкой правового развития в силу вышеуказанных причин, то конец XIX — начало XX в. знаменуются невиданным ранее подъемом в правовой сфере в результате формирования новых социальных сил и слоев, являющихся носителями правовых чувств и понятий, требований и представлений — нарождающейся буржуазии и разночинной интеллигенции прежде всего.

В 60-е годы XIX в. в обществе складываются благоприятные условия для развития правовых начал, что выразилось в освобождении крестьянства от крепостной зависимости и в развертывании крупнейшей в истории страны правовой реформы, заложив-

¹⁰ См.: Исаев И. А. История России: Правовые традиции. М., 1995. С. 72–152.

шей основы правовой государственности в России. В процессе той правовой реформы в стране была ликвидирована сословность суда, провозглашено равенство всех перед судом и законом, было произведено отделение суда от административной власти, установлены выборность и несменяемость судей, коллегиальность рассмотрения дел и состязательность процесса, провозглашены гласность суда и право на защиту, введен институт присяжных заседателей. Этими средствами к концу XIX — началу XX в. в России был заложен основательный, хотя и непрочный фундамент современной правовой государственности, позволявший при условии эволюционного развития выйти в XX в. на передовые рубежи мировой правовой культуры.

Здесь, однако, необходимо отметить, что до настоящего времени проблема типологии правовых культур различных обществ не нашла своего должного освещения в отечественной правовой теории, хотя она весьма актуальна, так как критическое сравнение уровней правового прогресса народов возможно лишь при обеспечении сравнимости национальных юридических явлений.

Вместе с тем, в юридической науке до сих пор не создана теория идентификации российской правовой культуры, что приводит к постоянным призывам «приобщить» и «возвратить» ее к другим правовым культурам.¹¹ Другая крайность — обоснование сугубо обособленного и слишком национально-своеобразного развития славянской правовой семьи как «самостоятельного типа правовой цивилизации».¹²

В этом вопросе скорее правы те ученые, которые считают, что развитие российской правовой системы в X–XIX вв., восприятие ею византийской культуры, православия, духа позднеримского права, а также североевропейских влияний позволяют сделать вывод о вхождении ее в романо-германскую семью правовых систем на правах особой — евразийской разновидности.¹³

¹¹ См.: Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Ниж. Новгород, 1993. С. 511.

¹² Синюков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 69.

¹³ См.: Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Первалова. М., 2002. С. 503.

Особенности эти заключаются в следующем:

- высокая, приоритетная защита общих интересов, общего дела, дух соборности в ущерб личным притязаниям индивида, его правам и интересам, составляющие смылосодержательный корень, основание прав и правовой культуры как таковых;
- слабость личностного и, следовательно, правового начала в культуре вообще;
- широкое распространение неправовых регуляторов в обществе: моральных, морально-религиозных, корпоративных и т. д.;
- отрицательное отношение православной религии к фундаментальным устоям правового общества, а тем самым и к праву, правовой культуре;
- высокая степень «присутствия» государственности в общественной жизни, в государственной идеологии, огосударствление многих сторон общественной жизни, подчиненность права государству, возможно, как реакция на слабость государственного начала на ранних этапах российской истории. И как следствие — обусловленное огосударствлением общественной жизни слабое развитие структур гражданского общества, которые и обеспечивают во многом эффективность правового регулирования в странах с развитой правовой формой.

Анализируя особенности советской правовой системы, необходимо отметить, что социалистическое общество радикально отличается от капиталистического, приближаясь, скорее к феодальному.¹⁴ Однако более точным будет выделение социализма и присущей ему государственно-правовой структуры в отдельный тип общества и соответствующую социалистическую семью правовых систем, которой были свойственны следующие характерные черты:

- прежде всего, советский правовой уклад был пронизан официальной идеологией марксизма-ленинизма, что сближало его с религиозными правовыми формами, которые также осно-

¹⁴ См. Тилле А. Право абсурда. Социалистическое феодальное право. М., 1992.

ваны на идеологии (только религиозной) и также зависят от официальных толкователей ее истин и положений. В советской правовой системе идеологизация находила свое яркое выражение в социально-классовом, а не в строго юридическом, как в романо-германской или прецедентной правовых системах, подходе к субъектам права. Идеологизированность правовой формы проявлялась также в приверженности ее всевозможным политическим кампаниям, театрализованным судебным представлениям, в ориентации не на закон и строгие юридические критерии, а на «линию партии», решения ее съездов и указания партийных вождей, «революционное» правосознание пролетариата и т. п. С организационной точки зрения идеологизация всей правовой жизни обнаруживала себя в прямом вмешательстве коммунистической партии в юридическую практику — правотворчество, правоприменение, юридическое образование, в занятии всех важных постов в правоохранительных органах членами партии и даже в отправлении ее лидерами судебных функций в определенный период советской истории («особые тройки»);

- другой особенностью советской правовой системы является абсолютный примат интересов государства над интересами личности. Государственные преступления подлежали самым суровым наказаниям, посягательства на социалистическую (государственную) собственность наказывались более сурово, чем на личную собственность — вплоть до смертной казни. Не только в уголовных, но и в гражданско-правовых отношениях госсобственность подлежала приоритетной и исключительной защите. Сфера частного права была резко сужена: объем свободного усмотрения частных лиц ограничивался бытовыми вопросами и семейными отношениями. Публично-правовое регулирование, наоборот, стало господствующим, довлеющим, всеохватывающим. Советская правовая форма в целом базировалась на идее обязательств человека перед государством. В отношениях этих двух субъектов права господствовал разрешительный правовой режим для первого и общедозволительный для второго: гражданину можно было делать лишь то, что ему разрешало государство, государство же могло запрещать все, что считало нужным.

Гражданские и политические права граждан оценивались как второстепенные в сравнении с социально-экономическими правами населения и «уверенностью в завтрашнем дне»; отрицались и нарушались международные стандарты прав человека, широко практиковался принудительный труд, свобода передвижения была крайне ограничена;

- третья особенность заключается в том, что судебная система находилась в полной зависимости от партийно-государственного руководства, а ее деятельность отличалась карательной направленностью, инквизиционными следственными и судебными процедурами, нарушением права обвиняемого на защиту, объективным вменением (например, к уголовной ответственности привлекались члены семьи изменника Родины даже в том случае, если они ничего не знали и не могли знать о его действиях), жестокостью (расстрел за хищение социалистической собственности в любых формах и размерах, уголовная ответственность за нарушение трудовой дисциплины, возможность применения за ряд преступлений высшей меры наказания для лиц с 12-летнего возраста). До середины 50-х годов широко практиковались внесудебные расправы, осуществлялся массовый террор, что позволяет говорить лишь о псевдоюридической оболочке всех этих действий и органов, их осуществляющих, но не о праве как таковом. Роль закона сводилась практически на нет, так как общие, принципиальные положения устанавливались партийными директивами, а технические вопросы социально-правовой регламентации разрешались в ведомственных актах органов управления; при этом большую роль играли секретные, нигде не опубликованные инструкции партийных органов разного уровня.

Следует, однако, подчеркнуть, что советская правовая форма прошла несколько этапов в своем развитии, и названные особенности присущи этим этапам в разной мере. Так, этап ее становления характеризуется, с одной стороны, сломом старых правовых учреждений, максимальным революционным «творчеством» и произволом, а с другой — стремлением построить новый правовой уклад: об этом свидетельствует принятие Конституции

РСФСР 1918 г., Гражданского, Уголовного, Земельного, Гражданского процессуального и Уголовно-процессуального кодексов, Кодекса законов о труде, формирование новой судебной системы. С начала 30-х до середины 50-х годов в стране действовал тоталитарный режим, практически полностью уничтоживший истинно правовые реалии, несмотря на фиктивно-демонстративные действия по принятию массы законодательных актов, в том числе Конституции СССР 1936 г.

Середина 50-х — конец 80-х годов — эпоха либерализации со своими подъемами и спадами, приведшая к началу 90-х годов к смене общественно-политического строя, распаду СССР и изменению всех ориентиров развития, фундаментальных ценностей общественной системы в целом. В обществе все более отчетливо формировалась ориентация на необходимость обеспечить верховенство права и закона, укрепить гарантии прав личности. Этот период характеризовался некоторыми технико-юридическими достижениями в законодательной сфере — кодифицированы все основные отрасли права, приняты Конституция СССР 1977 г., ряд законов декларативно-демократической направленности, например, Закон СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями (1983 г.). Середина и конец 80-х годов — период «перестройки», в это время получают широкое признание концепции правовой самостоятельности предприятий, кооперативов, иных юридических лиц. С распадом СССР Россия постепенно стала обретать черты самостоятельного суверенного государства со своим законодательством, начался процесс его масштабного и стремительного развития, радикально обновлялись прежние отрасли и подотрасли права, заново формировался законодательный массив: в период с мая 1990 г. по май 1995 г. принято более 500 законов.¹⁵

Таким образом, в результате столь сложного переплетения нормативного материала различной идеологической природы, в том числе включения многих западных правовых ценностей,

¹⁵ См.: Российское законодательство: проблемы и перспективы. М., 1995. С. 436–439.

российское право пришло к концу XX в. в сложное состояние начала новой этапной эволюции, что, однако, не устраняет ее истонных культурно-национальных основ. «Право России по самой ее правокультурной сущности — это сердцевина своеобразной юридической экосистемы, которая нуждается в регенерации всех своих государственных, политических, социально-духовных элементов. Уйти куда-то из этой макрокультуры — на Запад, на Восток, — как того иногда желают некоторые политики, вряд ли возможно. Необходимо уяснить свое собственное место в мировом геоправовом пространстве».¹⁶

Однако, отсутствие теоретически проработанной доктрины развития российского государства и права в XXI в. негативно сказалось на эффективности правовой реформы, которая существенно не изменила к лучшему обеспечение прав российских граждан, общий уровень правовой культуры как государственного аппарата, так и населения. Уже сделанные акценты в фактически действующей концепции строительства правового государства, повторяющие известные постулаты либеральной демократии и правопорядка, при всей своей внешней очевидности и теоретической разумности оказались далеки от реальных общественных отношений, складывающихся в российской экономике, политике, духовной культуре.

Что же представляет собой национальная правовая система России? Какова идеология российских правовых реформ? Каким образом в рамках российской правовой культуры соотносятся «общечеловеческие» и национальные ценности? Какое влияние оказывают процессы глобализации на тенденции развития правовой системы России? Является ли результатом глобализационных процессов постепенное стирание культурных различий между национальными правовыми системами? Эти и многие другие основополагающие вопросы так и остаются без квалифицированного ответа профессионалов. Отечественные правоведы оценивают состояние изученности переходных явлений

¹⁶ Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2001. С. 199.

в правовой сфере как неудовлетворительное. Как справедливо отмечает В.В. Сорокин, «неразработанность стратегии правового реформирования современного общества, а, следовательно, и стратегии построения правовой государственности, приводит к тому, что теоретический, концептуальный подход подменяется эмпиризмом».¹⁷

Российские правовые реформы 90-х годов XX в. традиционно основывались на полномасштабной рецепции западного права, где вся система органов власти, а также концептуальная модель сверхсильного президента-арбитра, не принадлежащего ни к одной ветви власти, была практически заимствована из конституции Французской Республики.¹⁸

Конституционное закрепление положений, в соответствии с которыми общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации объявляются составной частью ее правовой системы, равно как и положений о безусловном признании примата международных договоров России перед ее внутренними законами, также вызвало неоднозначную реакцию со стороны специалистов в области права.

Очевидно, что в процессе адаптации национальной правовой системы к новым правовым стандартам ключевое значение имеет выработка оптимальных форм и способов заимствования готовых иностранных форм и применения норм международного права, позволяющих обеспечить разумное сочетание национальных и глобальных интересов. При решении этой важнейшей задачи следует учитывать объективно существующее противоречие между всемирным процессом глобализации и потребностью государств сохранить собственную идентичность в ходе «некритического заимствования» европейских и международных правовых институтов, внедрение которых без учета реальных условий

¹⁷ Сорокин В. В. Общее учение о государстве и праве переходного периода. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 5.

¹⁸ Конституция Франции, раздел II-V. — Электронный ресурс: <http://www.vescc.az/constitution/france-constitution-rus.html>

и национальных особенностей может вызывать кризисные явления в правовой системе.

Полномасштабная рецепция почти всегда приводит к ухудшению правового климата в обществе реципиента, к серьезнейшим кризисным явлениям. Этот факт объясняется тем, что каждая комплексная правовая традиция прилагает колоссальные усилия по упорядочению человеческой жизни, причем делает это на протяжении весьма длительного времени. Укорененная правовая традиция обеспечивает людям столь многое и в таком объеме, в котором другие социальные институты сделать это не в состоянии.¹⁹

Как известно, противоречивые социальные процессы, происходившие в нашем государстве в перестроечный и постперестроечный период, потребовали выбора новой модели государственного и правового устройства.

Основной целью модернизации любой системы является достижение её эффективного функционирования, особенно в части решения задач, возложенных на неё в рамках конкретно-исторической реальности. Но в нашем случае ситуация усугубляется отсутствием четко сформулированных целей модернизации: данный процесс, характеризующийся перманентными попытками реформирования всего и сразу во всех сферах общества, в отсутствие единой цели и организованности работы субъектов, призванных этот процесс осуществлять, создаёт правовой хаос: к примеру, Председатель Государственной думы V созыва, подводя итоги её деятельности в 2011 г., с гордостью сообщил о том, что за четыре года было принято около 1500 новых федеральных законов!²⁰

Кроме того, зачастую истинные стремления правящей элиты, проводящей правовую модернизацию в стране, радикально расходятся с интересами общественности. Силовое насаждение чуждых народу как по форме, так и по содержанию правовых

¹⁹ Графский В. Г. Законы и обычаи в правовых традициях Запада — России — Востока // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научно-методологического семинара. Санкт-Петербург, 28–30 июня 2004 г. СПб., 2004. С. 107.

²⁰ Электронный ресурс: <http://www.duma.gov.ru/legislative/statistics/>

ценностей приводит к сильнейшей деформации общественного правосознания и закономерной утрате доверия к государственным институтам вообще и к действующей политической элите в частности.

Нельзя не отметить, что рецепция, как правовой инструмент, представляет собой один из самых востребованных способов модернизации традиционного правового уклада. Как правило, с рецепцией проверенных практикой правовых институтов субъекты модернизации связывают свои надежды на построение правового государства, на обретение государственного могущества, на выход из кризиса, на упрощение подчинения колоний и оккупированных государств, на разграбление природных ресурсов и прочих богатств страны. Их оппоненты часто обвиняют приверженцев правовой рецепции в радикальном упрощении национального права, в уничтожении самостоятельности и самобытности государства и общества, в ухудшении его правовой ментальности. Соответственно, рассматривать рецепцию права только как заимствование иностранных правовых институтов и внедрение их в отечественную почву не вполне корректно, поскольку затушевывание идеологического компонента рецепции препятствует выявлению истинных целей и задач рецепции вообще, а российской — в особенности. Как справедливо отмечает С. В. Ткаченко, суть правовой рецепции заключается в ее идеологическом компоненте.²¹

Учет идеологического компонента рецепции права позволил автору данной идеи выделить две модели рецепции зарубежного права: модернизационную и декоративную.

Государство не всегда сообщает общественности о произведенной рецепции или же, напротив, афиширует данное обстоятельство. Модернизационная модель направлена на действительную модернизацию общества, реальные модернизационные

²¹ Ткаченко С. В. Правовые реформы: проблемы рецепции западного права (монография) // Успехи современного естествознания. 2010. № 2. С. 162–163. — Электронный ресурс: www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7784983

процессы всегда основываются на патриотизме общества, в связи с чем афиширования самого факта рецепции практически не происходит при ее активном использовании. Декоративная модель, наоборот, не направлена на модернизацию общества. Ее использование позволяет мирным путем снизить революционные настроения общества, создав видимость активных правовых реформ, основанных на модных юридических брендах: суд присяжных, правовое государство, гражданское общество и т. д.

Данная модель рецепции характеризуется декларативно-подражательным характером («именно так, как на Западе»). Она выражается в переносе тех или иных элементов иностранной правовой культуры без учета особенностей или при грубом игнорировании отечественной правовой ментальности. Однако здесь нельзя предполагать некую бездумность законодателя в принципе. Правящая элита, являясь основным проводником западных правовых идей, всегда преследует исключительно свои цели, в рамках которых и заимствуется тот или иной институт права. Реципируемые институты только сохраняют свою внешнюю «западную» конструкцию, но содержание здесь уже совсем иное, «отечественное».

В результате «декоративной» рецепции закономерно рождаются своеобразные политико-правовые «уродцы», состоящие из разнообразных, разноплановых по своему характеру иностранных правовых институтов, плохо подогнанных друг к другу, не приспособленных к российским условиям и не способных полноценно влиять на процесс реформирования государства и общества в целом. Модель декоративной рецепции закономерно приводит к резкому разрыву с правовой культурой общества, что дает основания государству и ученому миру в очередной раз обвинять российское общество в прирожденном — «генетическом» — правовом нигилизме, пряча действительные цели и задачи рецепции, а зачастую — ошибки и просчеты государственной власти. Именно в этом и проявляется идеологический аспект рецепции как правового явления.

Очевидно, что сложившаяся в стране правовая ситуация нуждается в детальной оценке, в теоретическом осмыслении

исторических и социокультурных факторов, позитивно и негативно на нее воздействующих. На современном этапе развития российского общества правовая система не является целостной и завершенной, нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании. Необходимо исследовать особенности российской национальной правовой системы и её социокультурных основ в условиях интенсификации глобализационных процессов и активного диалога культур, выявить новые закономерности этих процессов; выдвинуть и обосновать ряд теоретических положений, определяющих основные направления модернизации российской правовой системы при вхождении её в международную систему правовых отношений, без утраты национальных интересов России и самобытности российской правовой культуры на более высоком правовом уровне.

И. И. Климин

**Россия и Беларусь: полемика по вопросу о признании
независимости Абхазии и Южной Осетии**

Российско-грузинский вооруженный конфликт в августе 2008 г. и его последствия вызвали похолодание в отношениях между Российской Федерацией (РФ) и Республикой Беларусь (РБ), хотя обе страны строили Союзное государство, которое так и не достроили до сих пор. Агрессия Грузии против российских миротворцев в Южной Осетии и граждан РФ, на наш взгляд, не нашла адекватного своевременного осуждения со стороны белорусской власти. К тому же, последняя не последовала и примеру России, не признала независимости Абхазии и Южной Осетии. В то же время президент РБ А. Лукашенко, встречаясь с российскими журналистами в начале сентября 2008 г., пытался представить позицию белорусского руководства как единственного в мире союзника РФ, осудившего агрессора. «К сожалению, слишком много мифов бытуют по поводу жизни в нашей стране, — констатировал он с возмущением. — Есть определенные люди, определенные средства массовой информации в России, у которых просто какая-то патологическая нелюбовь к Беларуси. Придумывают поэтому небылицы, теперь, к примеру, инсинуации вокруг событий в Южной Осетии, Абхазии. Объявили вдруг Россию страной, у которой нет союзников, нет друзей. Прямо скажу, пусть не переживают эти «радетели» о судьбе земли русской. Беларусь была, есть и будет союзником братской России. Свои обязательства мы свято соблюдаем. Наша страна в числе первых оказала помощь пострадавшим народам, мы четко выразили солидарность с позицией России, которая спокойно, в то же время быстро и эффективно

принудила агрессора к миру. Мы выступили с инициативой выработать действенную единую позицию государств — участников Организации Договора о коллективной безопасности по ситуации на Кавказе, по той информационной войне, которую запад развернул против России. Беларусь активно проводит политику всесторонней и последовательной поддержки своего стратегического союзника».¹

В данном случае, как нам представляется, за пространной союзнической риторикой, президент РБ российским журналистам говорил не всю правду, просто лукавил, отчасти введя их в заблуждение. Ведь с начала грузинской агрессии, с 8 августа 2008 г. против российских миротворцев в Южной Осетии правительство Беларуси сразу же не осудило эти вооруженные действия, не встало на сторону России, а заняло вроде бы нейтральную позицию, как и другие страны СНГ, по-видимому, исходя из принципа «та война — не наша», хотя до этого Лукашенко не раз заявлял, что «российский народ — это наш народ».

Именно молчание официального Минска в первые дни вооруженного вторжения Грузии на территорию Южной Осетии, от которого гибли мирные российские граждане и вынудило посла РФ в Беларуси А. Сурикова прибегнуть к недипломатическому приему, сделать соответствующее заявление 12 августа на пресс-конференции в Минске. Как сообщалось в печати, он поинтересовался, почему же белорусская власть не обнародовала свою позицию по отношению к вспыхнувшему конфликту, к вооруженным действиям на Кавказе. Он с недоумением журналистам сказал: «У России и Беларуси есть договор о создании Союзного государства и российские граждане, находящиеся в Южной Осетии и испытывающие сейчас гуманитарную катастрофу и геноцид в общем-то, формально говоря, являются и гражданами Беларуси и нам очень непонятно, что государственные власти хранят такое скромное молчание».²

¹ Советская Белоруссия. 2008, 9 сентября.

² Цитата по: Баусин А. Маятник Лукашенко // Эксперт. 2008. № 37. С. 76.

Отчасти оно было нарушено белорусской властью лишь 14 августа 2008 г. в день объявленного траура в РФ по случаю гибели ее граждан в Южной Осетии. Президент Лукашенко от себя лично и от имени белорусского народа, выразил соболезнования Президенту Д. Медведеву и российскому населению в связи с трагическими событиями на Южном Кавказе. А на состоявшейся 19 августа 2008 г. в Сочи встрече с президентом России Лукашенко поблагодарил его «за ту мудрость, которую вы проявили во время агрессии соседнего государства».³ Таким образом, белорусский президент сказал то, что от него, как думается, долго ждали в Москве: «Это была спокойная, тихая реакция, которая привела к тому, что в регионе установился мир теперь очень надолго. Это было сделано очень аккуратно и красиво»,⁴ так вот лестно отзывался, с комплиментами белорусский лидер о вооруженных действиях Российской Федерации в Южной Осетии. Однако запоздалое осуждение грузинской агрессии А. Лукашенко, еще не означало, что Беларусь действительно стала настоящим, реальным союзником и другом России, оказавшейся в одночасье, по существу, в политико-дипломатической изоляции. Ведь на самом деле правительство РБ, ее парламент не последовали примеру РФ и не признали появление на политической карте мира двух суверенных независимых государств — Южной Осетии и Абхазии.

На первых порах отсрочку, затягивание рассмотрения этого вопроса руководство Беларуси так объясняло в сентябре 2008 г. на вышеназванной пресс-конференции, на встрече с российскими журналистами, на вопрос корреспондента газеты «Известия» А. Реута: «Признает ли Беларусь независимость Южной Осетии и Абхазии?», — Лукашенко ответил: «Признать или не признать Абхазию для нас — это не значит только поддержка позиции России. Хотя в таком контексте ставится этот вопрос: не признали, значит, не поддержали Россию. Не это главное... придет время и мы рассмотрим этот вопрос в Беларуси. Рассмотрим, наверное, так

³ Союз. Россия — Беларусь // Российская газета. 2008, 21 августа (далее — Союз).

⁴ Баусин А. Маятник Лукашенко. С. 76.

же как рассмотрела Российская Федерация в Парламенте. У нас выборы через несколько дней. Придет новый парламент. Я думаю, что наши депутаты обратятся к этому вопросу. Замолчать его, промолчать мы ни в коем случае не можем, не имеем права. Это будет нечестно по отношению к России и к Абхазии. Аналогично и с Осетией... Поэтому для нас признание-непризнание — это не только, хочет этого Россия или нет. Хотя это тоже важный фактор в данный момент. Поэтому со временем мы этот вопрос рассмотрим. Беларусь очень порядочно всегда себя вела в этом отношении».⁵ В этой связи сразу же заметим, что политический класс Беларуси, ее правительство до сих пор, вот уже более 4 лет «рассматривают» данный вопрос и тем самым, пользуясь словами Лукашенко, проявляют «порядочность», «честность» по отношению к России, а мы бы сказали точнее, к ее народу.

Между тем белорусский президент, объясняя свою позицию по вопросу признания-непризнания Южной Осетии и Абхазии российским журналистам в сентябре 2008 г., старался представить себя и «истинным» другом, и народов этих стран, помощь которым оказывалась им еще задолго до их провозглашения независимыми. По его оценке, с Абхазской республикой и ее жителями мы «имеем прекрасные отношения давно». В подтверждении данного вывода Лукашенко сослался на события еще 10-летней давности, когда в рамках СНГ он был единственным президентом, заблокировавшим принятие резолюции против Абхазии, предложенную руководством Грузии, согласно которой устанавливалась блокада ее территории. После этого, констатировал белорусский лидер, «на меня полетели все шишки, недовольство было руководства Грузии жуткое, но я прямо сказал, — убеждал российских журналистов Лукашенко, — что Беларусь в этом участвовать не будет. Потому что заблокировать Абхазию — это уничтожать народ. Мы не можем с этим согласиться... И мы будем и торговать, и сотрудничать с Абхазией. Но поскольку консенсусом принимают решения, тогда это решение принято не было».

При этом белорусский лидер уточнил, что в Абхазии положительно тогда восприняли его позицию, с руководителями кото-

⁵ Советская Белоруссия. 2008, 9 сентября.

рой, по его словам, у нас «хорошие отношения», в том числе личные и «с прежним президентом, и с нынешним». По оценке Лукашенко, «у нас отличные отношения с руководством» республики Южной Осетии, «мы немедленно отозвались на гуманитарную катастрофу. Мы направили туда гуманитарный груз, послали туда специалистов».⁶ В этой связи отметим: действительно, 18 августа приехало 7 грузовиков с гуманитарной помощью из Беларуси.⁷

Однако с признанием Абхазии и Южной Осетии со стороны Беларуси произошла «осечка», «промедление», хотя, судя по сообщениям средств массовой информации, их руководители обращались с такой просьбой к А. Лукашенко. Но «от него не получили никакого ответа».⁸ В то же время российская власть рассчитывала на скорое признание Беларусью независимых бывших грузинских автономий, согласно обещаниям президента РФ. Характерна на этот счет позиция руководителя республики Абхазия Сергея Багапша, который на встрече с участниками дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи в сентябре 2008 г. заявил: «Абхазия намерена подать заявку на участие в Союзном государстве и не исключает своего членства в Союзе независимых государств и Организации Договора о коллективной безопасности». Вот как на это ответил государственный секретарь Союзного государства П. Бородин: «Считаю, что Абхазия и Южная Осетия, обладающие с момента признания их независимости Российской Федерацией международной правосубъектностью, могут вступать в любую международную организацию, в том числе в Союзное государство... Признание Абхазии и Южной Осетии другими государствами — вопрос времени. Именно в таком ключе высказывается президент Беларуси Александр Лукашенко. По его словам, придет время и в Беларуси рассмотрят вопрос признания независимости Абхазии и Южной Осетии, как это было сделано в России, то есть в парламенте».

При этом Бородин свою оптимистическую позицию обосновал еще и тем, что в Беларуси в скором времени пройдут парла-

⁶ Там же.

⁷ Союз. 2008, 21 августа.

⁸ Коммерсантъ. 2008, 28 октября.

ментские выборы и сформированный новый законодательный орган рассмотрит этот вопрос.⁹

Однако прогнозу Бородина не суждено было сбыться, новоизбранный белорусский парламент 28 сентября 2008 г. всячески уклонялся от рассмотрения вопроса о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, по-видимому, руководствуясь указаниями А. Лукашенко, не спешить с принятием решения по данному вопросу.

Еще до выборов, 19 сентября, в интервью западным СМИ он высказал определенные сомнения на этот счет и заявил, что новый парламент сформулирует свое мнение относительно признания двух новых кавказских республик. «Может, у них будут некоторые другие аргументы и факты, которых я не знаю. Они придут из народа. И может быть они более точно чувствуют настроение наших людей в отношении этого вопроса. Ну и вообще, куда спешить? Кому эта спешка нужна?».

В конце октября новый спикер Палаты представителей Владимир Андрейченко сказал, что в ближайшее время вопрос о признании независимости Абхазии и Южной Осетии в белорусском парламенте подниматься не будет, а будет рассмотрен «после его внесения». «Кто, куда и когда должен вносить этот вопрос, он не уточнил, пояснив зачем-то, что «в данном случае надо учитывать мнение народа».

Между тем, П. Бородин в интервью газете «Новые Известия» заявил, что он лично «передал белорусским коллегам прошение президентов Абхазии и Южной Осетии о признании их независимости». Со своей стороны, Андрейченко поставил под сомнение подобные утверждения, заявив 30 октября 2008 г., что «он не знает ни о каких прошениях». «Я просматривал почту вчера и сегодня, таких документов не поступало».¹⁰

Вероятно, эти документы не поступали в белорусский парламент и в последующие месяцы и годы. Хотя А. Лукашенко после переговоров с Д. Медведевым 22 декабря 2008 г., выступая перед журналистами в Брестской области, заметил, что «вопросы Абха-

⁹ Союз. 2008, 18 сентября.

¹⁰ Цит. по: Коммерсант. 2008, 31 октября.

зии и Южной Осетии» обсуждались и пообещал в очередной раз, что в начале 2009 г. парламент РБ рассмотрит обращение Абхазии и Южной Осетии о признании их независимости и «если будет на то воля народа и парламента, то президент подпишет соответствующий указ»,¹¹ т. е. об их признании.

Но и на сей раз собственное слово, обещание Лукашенко не сдержал, своего «союзника», Россию не поддержал, которая, как упоминалось, оказалась по сути в политико-дипломатической изоляции по вопросу признания независимости бывших автономных республик Грузии. Причем белорусский президент, оправдывая свою антироссийскую позицию по данному вопросу, обвинял власти РФ, которые на него оказывали политическое, экономическое давление, требуя чуть ли не в ультимативной форме признания независимости Абхазии и Южной Осетии. Именно такой вывод напрашивается из нескольких интервью, которые он давал как российско-белорусским, так и западным журналистам. Например, в начале июня 2009 г. Лукашенко заявил ряду изданий, что вопрос о признании независимости новых кавказских государств является болезненным и объяснил по-новому свою позицию. В рамках СНГ, по его словам, рассматривали этот вопрос, и «все сказали Медведеву: «Нет, у нас свои проблемы. И я последним тогда выступал и говорю: «Если вы не хотите признать, не ищите мотивацию под столом. Просто не хотите, боитесь и так далее. А почему нам не поддержать? Это же единственный наш союзник, мы от него много хотим и так далее». И я российскому руководству сказал, как мы решим эту проблему. У них больше вопросов не было. Но тем не менее... уже дошло до того, что к нам приехали и сказали: будет Осетия и Абхазия — значит, будет 500 миллионов долларов. Вы знаете, мы не хотим «продавать» никакие вопросы и никаких позиций. У нас в истории этого не было и не будет. Мы решим сами этот вопрос».¹²

В данном случае Лукашенко, говоря о позиции стран СНГ, по-видимому, имел ввиду саммит ОДКБ, в начале сентября 2008

¹¹ Там же. 2008, 25 декабря.

¹² Российская Федерация сегодня. 2009. № 12. С. 32.

г., участники которого высказались за то, что признавать или не признавать независимость Абхазии и Южной Осетии следует в индивидуальном порядке.

О том, что политический класс Беларуси не собирался «продаваться» РФ за 500 млн. долларов в обмен на признание новых кавказских государств, Лукашенко еще раз напомнил российским журналистам в начале октября 2009 г. «Мы однозначно заняли позицию Российской Федерации, поддерживав на всех уровнях, — убеждал собеседников белорусский президент. Но признание — серьезный акт. Все республики СНГ категорически отказались признавать... Вы помните, центральные СМИ, явно подконтрольные государственным чиновникам, начали нас просто травить: «Не признает, потому что 500 миллионов долларов не дали». Как будто я за деньги должен признать эти республики... Ну и пошла эта волна в тот момент, когда мы должны были признать. И об этом знали ваши руководители».¹³

Тем не менее и в этом случае белорусский лидер журналистам говорил не всю правду, именно за выделенные деньги, кредиты не только российские, но и западные, он старался разрешить сложнейшую, болезненную для него проблему, связанную с признанием-непризнанием бывших автономий Грузии. Все зависело от предлагаемых сумм, от выгод экономических и политических, он вел политический торг как с Россией, так и Европейским Союзом, США: кто больше заплатит. А называемая Лукашенко сумма в 500 млн. долларов от представителей РФ его явно не устраивала, которую ему якобы предлагали в обмен на признание новых кавказских государств.

Об этом можно судить и по другому интервью Лукашенко уже журналистам 1 октября 2010 г., в нем он окончательно подвел итоги: почему Беларусь не признала независимость Абхазии и Южной Осетии, возложив при этом вину на российское руководство, не предоставившее полноценную финансово-экономическую помощь в труднейший кризисный период его стране. На состоявшейся очередной пресс-конференции 1 октября для российских

¹³ Советская Россия. 2009, 6 октября.

журналистов, корреспондент газеты «Северный Кавказ» Елена Бадякина задала Лукашенко вопрос: «Много спекуляций на вопросе признания или непризнания Абхазии и Южной Осетии Беларуси? Какова ваша оценка этого конфликта?». Белорусский президент на поставленный злободневный вопрос дал пространственный и «исчерпывающий» ответ. «Что касается признания... Задам вам риторический вопрос, — обратился он к журналистам. — Скажите, а что, только Беларусь не признала Южную Осетию и Абхазию? По-моему, нет таких государств в мире, которые признали Осетию и Абхазию. Кроме как какого-то острова».

В этой связи сразу же заметим, что в отличие от других стран правительство Беларуси и лично А. Лукашенко, начиная с сентября 2008 г. обещали рассмотреть этот вопрос, но так его в парламенте и не подняли. Хотя белорусский лидер «честно и откровенно, где, может быть, надо промолчать», признал, «конечно же, мы должны были признать Южную Осетию и Абхазию, как бы то ни было, это наш союзник и мы готовы были это сделать».¹⁴

И затем Лукашенко «убедительно» объяснил представителям СМИ: почему политический класс Беларуси этого не сделал по экономическо-торговым, коммерческим, да и политическим соображениям, в связи с обещаемой «эффективной» помощью Запада Беларуси. «Встречаемся мы с одним западным политиком, — делился дипломатическими секретами лидер РБ. — Он приехал специально и говорит: «Вы что, действительно хотите признать Осетию и Абхазию?». Я говорю: «Чего вас это напрягает? Мы союзники». А он мне изложил тот спектр отношений, который сложится у нас с Европейским Союзом и Америкой. Нам пригрозили». И Лукашенко раскрыл последствия этих экономических угроз, нарисовав радужную картину торговых экономических отношений с Западом и плохих, дискриминационных связей с Российской Федерацией. «С Евросоюзом, чтобы вы знали, сегодня торгуем чуть больше, чем с Россией, — информировал президент-«союзник» журналистов. — Это — миллиарды долларов. И когда нас Россия выпихнула с рынка, Евросоюз это не по-

¹⁴ Советская Россия. 2010, 7 октября. Приложение.

смел сделать, хотя они нас квасили по полной программе и «мочили», как у вас принято говорить. Сказали, что расчеты в евро и долларах забудьте. Ну и что делать государству? Мы начали думать, искать выход. Я встретился с вашим президентом в Сочи. И мы обсуждали эту проблему. Сказал ему: «Вот последствия. Мы их просчитали». Вы готовы, господин президент, дорогой друг Дмитрий Анатольевич, разделить с нами эти последствия? Вы готовы подставить свое плечо? Дословно: «Ну, Александр Григорьевич, давайте не будем торговаться. Это — одна тема, а это другая». Я говорю: «Спасибо. Тема закончена». Если для вас это одна тема, а это другая, продолжения разговор не имеет. Понимаете? Он далек был от этих проблем. А я 10 лет живу в этой проблеме, когда меня то слева, то справа шпыняют и напрягают. Что такое закрыть расчеты в долларах и евро? Обвалилась бы вся экономика, ничего продать не смогли бы. Закрыто все и Россия не готова была здесь подставить свое плечо... А может быть, — продолжал рассуждать Лукашенко, — и не надо для России, чтобы мы признали Осетию и Абхазию? Может, нужен повод, чтобы нас где-то наклонять? Ну уж слишком он, простите меня за нескромность, этот Лукашенко, зарвался и авторитет в Беларуси. Надо его опустить ниже колена. А для этого надо иметь факты: а) предатель; б) не признал то, ... Не наша вина в том, что мы поступили таким образом. Абсолютно не наша в этом вина. Я вам скажу откровенно, МВФ нам выделил 3,8 млрд. долларов. Россия нам в этот кризис не предоставила кредит для погашения долгов полтора миллиарда, когда подняли цены на газ. А кредит под 7 или 8 процентов годовых, МВФ — под 2,5 или 3 процента. Чужие, «враги».¹⁵

Из процитированного обильного текста Лукашенко читатель может сделать и собственные выводы. Мы же со своей стороны отметим следующее. Как видно, за Беларусь по вопросу признания-непризнания независимости бывших автономий Грузии разгорелась нешуточная борьба между Западом и Россией, «победителем» которой в итоге вышел первый. И вина за это ложилась не только на «партнера-предателя» Лукашенко, но отчасти и руководство РФ. Последнее, если верить белорусскому

¹⁵ Там же.

президенту, отказалось подставить «мускулистое экономическо-финансовое плечо» России, отказавшись от финансовой поддержки Беларуси в обмен на признание независимости Абхазии и Южной Осетии. А без такой помощи дело могло закончиться социально-экономическими потрясениями Беларуси, полным ее блокированием Западом.

Однако Лукашенко явно преувеличил масштабы финансовой помощи Запада и существенно уменьшил экономическую поддержку России белорусской экономике, о чем будет сказано ниже. Кроме того, рассказывая несведущим журналистам о расширении торговых связей РБ со странами Запада, ЕС, он не сказал «малость». Ведь экспортируемая на Запад белорусская продукция производилась на промышленных предприятиях, которые получали российские энергоресурсы, зачастую не по рыночным, а льготным ценам, включая нефтепродукты, что способствовало ее конкурентоспособности на зарубежных рынках и позволяло добывать таким образом иностранную валюту для внутренних и внешних потребностей.

Правда, Лукашенко, излагая «прекрасные» перспективы торгово-финансовых отношений со странами Запада, не назвал точную сумму долларов, требуемую от российского руководства в обмен на признание новых кавказских государств. Отчасти за него это сделала газета «Коммерсантъ», которая отнюдь не благоволила белорусскому лидеру, нередко критикуя на своих страницах его политику. По сведениям этого издания, в октябре 2008 г. национальный банк РБ обратился в МВФ с просьбой о предоставлении кредита в сумме 2 млрд. долларов на пополнение золотых резервов страны. Именно о такой же сумме денег в виде кредита правительство Беларуси вело переговоры с Россией. Этот кредит был обещан А. Лукашенко во время его встречи с Д. Медведевым в Сочи 19–20 августа 2008 г. «В обмен на признание независимости Абхазии и Южной Осетии Минску тогда пообещал снижение цены на российский газ и кредит 2 млрд. долларов. Однако по состоянию на сегодняшний день (28 октября 2008 г. — И. К.) Беларусь не получила ни того, ни другого».¹⁶ И думается, в данном случае

¹⁶ Коммерсантъ. 2008, 28 октября.

российская власть повела себя не лучшим образом и в этом также заключалась одна из главных причин: почему белорусский парламент уклонялся от рассмотрения вопроса о признании независимости новых кавказских государств, откладывая его решение.

В ходе возникшего политического противостояния между государствами-партнерами, своеобразного политического торга по поводу Абхазии и Южной Осетии, белорусская сторона выдвигала РФ свои экономические условия, а российская — собственные, регулярно напоминала о союзнических политических обязательствах и нравственных принципах, ссылаясь на неоднократные обещания Лукашенко разрешить эту проблему оперативно еще в сентябре 2008 г. Так, Д. Медведев на встрече с журналистами 2 августа 2010 г. в Сочи процитировал слова белорусского лидера, сказанные им на саммите Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в начале сентября 2008 г., когда Лукашенко произнес слова: «Я торжественно обещаю, что все сделаю за самое короткое время», то есть, иными словами, независимые государства Абхазия и Южная Осетия будут признаны Республикой Беларусь в ближайший период.

Однако с такой интерпретацией его позиции Медведевым не согласился белорусский президент: «Я не хотел дискутировать на эту тему, — ответил он, — просто российский коллега недобросовестно выдергивает определенные вещи. Он не упомянул другую часть, когда я ему сказал: не проблема для Беларуси признать Южную Осетию и Абхазию, и сегодня не проблема, но я ему перечислил те проблемы, которые в связи с этим возникнут у Беларуси по линии Беларусь — ЕС, Беларусь — США, Беларусь — СНГ и так далее. Мы четко в течение двух месяцев работали над этими проблемами и их вычленили — их было примерно полтора десятка».

И как уже упоминалось, российская власть на просьбу Беларуси, по оценке Лукашенко, разделить с ней эти проблемы и помочь их преодолеть, просто отказалась или, как выражался президент РБ, она была «не способна, или не захотело руководство России идти на совместное нивелирование и ликвидацию тех последствий, которые для Беларуси могли бы возникнуть».

Критикуя высказывания российского президента по данному вопросу, Лукашенко в этой связи заметил: «Вот этого Дмитрий Медведев не сказал. Вот такой был разговор, а не то, что Лукашенко торжественно пообещал, но не сделал. Кстати, Лукашенко торжественно, во всеуслышание нигде не обещал. Лукашенко говорил о признании, но вот в таком ключе. Если бы Россия сделала свои шаги навстречу, — оправдывал он свою позицию, — наверное, была бы другая ситуация. Следовало бы моему коллеге некоторые вещи договаривать. У них есть такая привычка: после запятой не сказать, что было дальше»,¹⁷ — упрекал руководителей РФ белорусский лидер.

Подобные нелицеприятные высказывания сразу же вызвали ответную критическую реакцию российской стороны. Последняя, наоборот, обвинила в нечистоплотном цитировании Лукашенко его же собственного выступления на саммите стран членов ОДКБ. Так, помощник президента РФ Сергей Приходько по прямому указанию президента Д. Медведева даже обещал обнародовать стенограмму заседания данного саммита, на котором белорусский лидер обещал признать независимость Абхазии и Южной Осетии,¹⁸ но этого дипломатического акта так и не последовало.

Между тем названную стенограмму саммита ОДКБ российская власть так и не опубликовала, по-видимому, и с ее стороны по этой части не все также обстояло благополучно. К тому же, данный документ международной военной организации носил секретный характер, а для его обнародования, судя по всему, требовалось согласие всех стран — участниц ОДКБ, в том числе и Беларуси.

Тем не менее противостояние, своего рода пропагандистская война между «союзниками» продолжалась и осенью 2010 г. по вопросу признания-непризнания новых кавказских государств. В ответ на критику А. Лукашенко, прозвучавшую в адрес российского руководства на пресс-конференции 1 октября 2010 г.,

¹⁷ Цит.: Коммерсантъ. 2010, 16 августа.

¹⁸ Российская газета. 2010, 19 августа.

Д. Медведев в своем видеоблоге в начале октября указал своему коллеге на непартнерские отношения, в том числе и в вопросе признания Беларусью Южной Осетии и Абхазии в качестве самостоятельных участников международного сообщества. Российский лидер подчеркивал: «Я неоднократно говорил: признавать или не признавать два этих новых государства — суверенное право каждой страны. И мы никогда ни на кого не оказывали давление в этом вопросе, хотя для нас это безразлично», — разъяснял позицию руководства РФ Д. Медведев, отвечая на упреки А. Лукашенко. Критикуя последнего за невыполненные им обещания о признании Абхазии и Южной Осетии, он вновь напомнил Президенту Беларуси, который в начале сентября 2008 г., «заявил о готовности сделать это в присутствии своих коллег, пяти президентов. Есть соответствующая запись, если уж откровенно говорить, — осталась в протоколе заседания ОДКБ. Затем этот вопрос превратился в постоянный объект политического торга.

Но Россия не торгует своими принципами. Подобное поведение является бесчестным и партнеры себя так не ведут. И, конечно, мы будем учитывать это при выстраивании отношений с действующим президентом Белоруссии».¹⁹

Причем следует подчеркнуть, что глава российского государства и ранее излагал подобную позицию по данной проблеме, в том числе он говорил и о «неуместном торге» белорусской власти, обращая внимание на то, что никакого давления на правительство РБ не оказывается по вопросу признания независимости Абхазии и Южной Осетии. Оно должно это сделать самостоятельно, добровольно. Так, в ноябре 2009 г. на встрече с представителями белорусских средств массовой информации Д. Медведеву был задан вопрос журналистской РБ: «В нашей стране многие считают, что Россия давит на Беларусь в вопросе признания Абхазии и Южной Осетии. Так ли это? И объясните, зачем вообще России признание нашей страной Абхазии и Южной Осетии? Что это изменит?».

Опровергая широко распространенное мнение в Беларуси о нажиме на эту страну в целях признания независимости быв-

¹⁹ Советская Россия. 2010, 7 октября. Приложение.

ших автономных республик Грузии, президент РФ, отвечая на поставленный вопрос, указал: «Ни в публичном измерении, ни в ходе личных встреч я ни разу не просил признать Абхазию или Южную Осетию лидера Беларуси или какое-либо другое должностное лицо из Беларуси. Все разговоры об этом, на мой взгляд, высосаны из пальца и напоминают торг по поводу того, кто больше сделает хорошего, кто поможет, вот за тех мы и будем... Разговоры же о том, что кто-то давит на Беларусь, требует признания двух этих новых государств в качестве субъектов международного права, установления дипломатических отношений, на мой взгляд, носят вольный, если не сказать, провокационный характер... Хотя я неоднократно слышал от Александра Григорьевича, что Беларусь обязательно рассмотрит этот вопрос и, по всей вероятности, признает эти республики. Но она должна сделать это самостоятельно, без влияния извне».²⁰

Мы не располагаем данными о том, что президент, премьер-министр РФ публично с элементами нажима призывали политический класс Беларуси признать независимость Абхазии и Южной Осетии, но, судя по всему, в частных, личных беседах такая работа проводилась, особенно по линии чиновников низшего разряда с представителями власти РБ. Но главное, пожалуй, на наш взгляд, к чему прибегала, прямо или косвенно, российская сторона в целях урегулирования данной политической проблемы в свою пользу — это экономическое давление на белорусскую власть: признаете независимость новых кавказских государств — получите кредиты и энергоресурсы по льготным ценам, не признаете — льгот и кредитов не дадим, а газ, нефть — покупайте по рыночным ценам.

И тем не менее, несмотря на предпринимаемые политико-экономические усилия Россией, Беларусь в этой развернувшейся дипломатической борьбе все же вышла «победителем» — сохранила суверенитет, независимость в своей внешней политике, и, как уже упоминалось, вплоть до настоящего времени не признала независимость Абхазии и Южной Осетии, что, по нашему

²⁰ Союзное государство. 2009. № 11. С. 8–9.

мнению, стало серьезным дипломатическим поражением Российской Федерации, оказавшейся осенью 2008 г. в изоляции. А вооруженный грузино-российский конфликт показал, что в настоящее время единственным реальным союзником у государства российского, в отличие от XIX столетия, были не столько армия и флот, а ракетно-ядерное оружие в основном советского производства.

Попытаемся объяснить, почему же Беларусь не последовала примеру России, не признала независимость двух новых независимых кавказских государств, хотя отчасти об этом речь уже шла выше.

По нашему мнению, непризнание Беларусью независимости Абхазии и Южной Осетии являлось одним из существенных объективных показателей того, что на практике Союзное государство РФ и РБ так и не состоялось. Это следствие «замораживания» его строительства, начиная с лета 2002 г., это была и своего рода плата российскому руководству за всю предшествующую политику по отношению к Беларуси, в том числе и с недипломатическими формулировками о «мухе и котлетах»,²¹ с регулярно возникающими торговыми «войнами» между двумя странами-партнерами. Поэтому ссылки некоторых официальных лиц РФ на Договор о строительстве Союзного государства от 8 декабря 1999 г., обвинения руководства РБ в непартнерских, в несоюзнических отношениях по вопросу признания бывших грузинских автономий, вряд ли можно считать уместными. Именно кризисные политико-экономические отношения между двумя странами в предшествующие годы, «недружба, нелюбовь» их руководителей, недоверие между ними и явились главными факторами, почему Беларусь не стала реальным, надежным союзником в российско-грузинском вооруженном конфликте и не признала независимость Абхазии и Южной Осетии.

Кроме того, как выше упоминалось, имелись и внешние факторы, вмешательство в политический торг между странами-

²¹ См. подробнее: *Климин И. И.* Россия и Беларусь: почему не состоялось Союзное государство // *Современные международные отношения. Политика и культура* / отв. ред. С. Н. Погодин, И. Д. Осипов. СПб., 2010.

партнерами западных государств: ЕС, США. Они постарались сделать все возможное и, прежде всего, экономическими посулами, обещаниями Беларуси, чтобы ее руководство не признало новые кавказские государства, оставляя тем самым Россию в дипломатической изоляции, преследуя свои геополитические цели. Используя так называемую многовекторную внешнюю политику правительство Беларуси, западные страны постарались смягчить свою позицию по отношению к «последнему диктатору Европы», расширить с ним сотрудничество. Тем более, что А. Лукашенко был очень заинтересован в налаживании диалога с Западом в политико-экономическом и личном планах.

Так, 25 сентября 2008 г. пресс-служба Президента Беларуси сообщила, что 24 сентября состоялся телефонный разговор А. Лукашенко с Верховным представителем Европейского Союза по вопросам внешней политики и безопасности Хавьером Соланом. В ходе беседы обсуждались вопросы о развитии политической ситуации в Беларуси, а также о сотрудничестве с Европейским Союзом. «Была подчеркнута важность открытия новой страницы в отношении Беларуси и ЕС». Помимо этого, была достигнута договоренность о продолжении начатого диалога «после возвращения Верховного представителя из Нью-Йорка, где он принимает участие в сессии Генеральной Ассамблеи ООН».²²

Несмотря на то, что ни Европейский Союз, ни США не признали состоявшиеся 28 сентября 2008 г. выборы в новый парламент Беларуси ни свободными, ни демократическими, в состав которого не вошел ни один представитель оппозиции, тем не менее западные страны высказались за расширение сотрудничества с РБ²³ и даже за возможное смягчение санкций в отношении высокопоставленных чиновников, введенных в 2006 г., запрещающих их въезд в страны ЕС, в том числе и А. Лукашенко.

Между тем белорусский президент, с ориентировавшись с сентября 2008 г. на сотрудничество с Западом, учитывая и конфликт последнего с Россией, старался убедить ее руководство в том, что

²² Советская Белоруссия. 2008, 25 сентября.

²³ См.: Коммерсантъ. 2008, 20 октября.

РБ не проводит во внешней политике прозападный курс за счет ущемления интересов РФ. Например, во время встречи с В. Путиным в начале октября 2008 г., прибывшего на заседание Союзного правительства в Минск, он заверял последнего в том, что «мы никогда дружбой с русскими не торговали и не будем торговать. Хотя кое-кто в СМИ намекает на то, что Беларусь якобы начинает торговаться с Западом». По его словам, Беларусь всегда будет поддерживать с Россией такие отношения, которые «способны обеспечить безопасность наших народов и направлена на развитие наших государств».²⁴

Однако данное заверение Лукашенко являлось неискренним и, как уже упоминалось, он вел двойную игру, настоящий торг и с Россией, и со странами Запада, кто больше заплатит, в том числе и за счет ограничения национальных интересов РФ, ее безопасности, включая и непризнание независимости Абхазии и Южной Осетии. Об этом можно судить и по содержанию пресс-конференции белорусского президента 30 декабря 2009 г. Один из журналистов задал ему следующий вопрос: «Складывается впечатление, что процесс нормализации отношений Беларуси с Европейским Союзом и США, мягко говоря, не вызывает положительной реакции у России. Насколько это впечатление, на ваш взгляд, справедливо?».

Отвечая на этот вопрос, Лукашенко прежде всего подчеркнул важную роль России, что она защищала Беларусь в противостоянии со странами Запада на всех уровнях и помогала наладить с ними сотрудничество. И для россиян это была дополнительная нагрузка. «В настоящее время, налаживая отношения с ЕС, США, мы проводим собственную политику, учитывая позицию России, не имея больших проблем с нею». В то же время белорусский лидер признал, что определенная напряженность существует с РФ, в том числе и об участии нашей страны в проекте ЕС «Восточное партнерство». В нем предлагаются конкретные выгодные программы с точки зрения экономики, предусматривается сотрудничество в сфере энергетики, транспорта. Что «в этом

²⁴ Цит. по: Советская Белоруссия. 2008, 7 октября.

плохого», — констатировал Лукашенко, — тем более 44 % белорусского экспорта приходится на ЕС. Поэтому мы согласились на участие в этом проекте, «и дело здесь даже не в деньгах», которые «нам отстегнут энное количество», как выражался президент РБ, а в том, что это способствует «политике нормализации отношений с Западом», которую мы проводим в последнее время, и она не должна никого настораживать. «Мы никогда за спиной своего ближайшего союзника и нашей братской страны ничего не делали. Мы не собираемся с Западом дружить против России, а с Россией — против Запада».²⁵

Об экономических преимуществах участия Беларуси в проекте «Восточное партнерство» Европейского Союза не в ущерб интересов Российской Федерации А. Лукашенко подробно рассказывал и на встрече с российскими журналистами в июне 2009 г. Он им нарисовал весьма радужную картину будущих отношений со странами Запада, которые принесут чуть ли не процветание белорусской экономике. «Восточное партнерство», утверждал президент Беларуси, это «зона свободной торговли, инфраструктурные проекты, преференции, но самое главное, мы получаем доступ к нормальным ресурсам Всемирного банка, Банка реконструкции и развития, Международного валютного фонда».²⁶ На наш взгляд, в данных суждениях белорусского руководителя очередной раз просматривались лукавство, неискренность, преувеличение экономического значения Запада и недооценка роли РФ. Все же всего курсе на нормализацию отношений с Западом прослеживался антироссийский уклон и не только в непризнании независимости новых кавказских государств, но и в сближении, заигрывании с президентом Грузии М. Саакашвили, организовавшим агрессию против миротворцев РФ в Южной Осетии в августе 2008 г.

В середине июля 2010 г. белорусский и грузинский президенты встречались в Крыму, будучи гостями лидера Украины В. Януковича по случаю его юбилея. По-видимому, главным итогом

²⁵ Советская Белоруссия. 2010, 5 января.

²⁶ Российская Федерация сегодня. 2009. № 12. С. 30.

встречи Саакашвили и Лукашенко стала договоренность о показе его интервью по первому государственному телеканалу Беларуси 18 июля. В нем грузинский президент «клеил Россию» как главного «мирового агрессора».²⁷

Вот как прокомментировал выступление Саакашвили по белорусскому государственному телевидению и наметившееся с ним сотрудничество А. Лукашенко на встрече с российскими журналистами 1 октября 2010 г.: «Я очень жалею, если вы не видели этого интервью. Я первый раз вижу таким Саакашвили. Это больше были сигналы российскому руководству типа того, что мы виноваты, но давайте выстраивать отношения. Мы же не упрекаем россиян, когда они дают интервью Обамы, которое нас «мочит» по полной программе. Вы выстраиваете отношения — выстраивайте. Так мы даже не выстраиваем. Человек дал 7 минут интервью. Ну и что, Вы послушайте сначала, что там. Вы что, все время будете и дальше воевать? Все равно когда-то надо налаживать отношения, ну и используйте в этом плане Беларусь или Лукашенко. Мы готовы пройти какой-то путь. Там же Саакашвили не один, там же есть грузинский народ, с которым мы жили в одном государстве, где каждый метр полит русской кровью в войне за Грузию, когда Россия еще империей защищала свои интересы. Нет, вот надо клепать, надо долбать до победного конца. Это дело российского руководства».²⁸

А ведь у белорусского президента несколько лет назад имелась и иная точка зрения на действия и политику М. Саакашвили. Он ее изложил 29 декабря 2005 г. в ответе на вопрос «Российской газеты»: «Ваше отношение к цветным революциям?». В данном случае имелась ввиду антиконституционная смена власти в Грузии и на Украине. «Никакие это не революции, — жестко и категорично отвечал Лукашенко. — Это обычный бандитизм, ловко совершенный на западные деньги. Это насильственный захват власти, всегда в интересах одной из элитных группировок. В США и других странах аплодируют «цветным». А если бы такое прои-

²⁷ Российская газета. 2010, 19 июля.

²⁸ Советская Россия. 2010, 7 октября. Приложение.

зошло у них? Какая была бы оценка? Кто бы согласился, чтобы местный Саакашвили ворвался в Конгресс или Палату общин и стал там прыгать по столам? Плохой Шеварднадзе? Не знаю. Но свергать в XXI в. президентов силой, чужими деньгами и хитростью не считаю большой доблестью».²⁹

Наверное, М. Саакашвили, отдавая приказ в августе 2008 г. убивать российских миротворцев, российских граждан также считал «доблестью», с которым А. Лукашенко подружился, встречался, общался, предоставив ему возможность выступить по государственному телевидению, чтобы облить очередной грязью оборонительно-защитную политику России, ее народа.

Конечно, Беларусь суверенное, независимое государство и сама самостоятельно должна принимать решения по внешнеполитическим вопросам, с учетом собственных национальных интересов: с какими государствами, регионами дружить, сотрудничать с Западом, Востоком, Китаем, Грузией или Россией, признавать новые территориальные образования субъектами международного права или нет, в том числе Абхазию и Южную Осетию. Между тем, несмотря на проблемные российско-белорусские отношения, наличие в них кризисных явлений, с нашей точки зрения, непризнание политическим классом РБ независимости Абхазии и Южной Осетии являлось ошибкой, проявлением неблагодарности по отношению к многонациональному народу РФ. Почему? Ведь дело не в том, что существовали две страны-партнеры несостоявшегося Союзного государства, и не в том, что Лукашенко на саммите ОДКБ в сентябре 2008 г. давал обещание положительно рассмотреть этот вопрос, но так его и не выполнил. Ибо признание новых кавказских государств нужно было в первую очередь не российской власти, ни Путину, ни Медведеву, а народу РФ, ставшему жертвой грузинской агрессии, следовало его в это трудное время поддержать политико-дипломатическими средствами. Россияне, на наш взгляд, этого заслужили от белорусского народа. Поскольку последнему на протяжении 20 лет жители РФ оказывали братскую, бескорыстную политическую, моральную и глав-

²⁹ Российская газета. 2005, 29 декабря.

ным образом прямую или косвенную финансово-экономическую поддержку, нередко в ущерб собственным материальным интересам. А без этой помощи, как нам представляется, никогда бы не состоялось суверенное, самостоятельное государство Беларусь, как между прочим и другие страны СНГ. И вряд ли А. Лукашенко удержался бы у власти столь длительный период без российской поддержки. Она способствовала обеспечению политической, социальной и экономической стабильности республики Беларусь после провозглашения независимости.

В этой связи приведем официальную статистику об экономической поддержке Россией народного хозяйства Беларуси, в трудный для нее кризисный период 2009–2010 гг. Эти данные ставят под сомнение тезис А. Лукашенко, будто западные страны, Международный валютный фонд выводили экономику Беларуси из трудного кризисного состояния в 2008–2009 гг., хотя положительную роль и значение последних не следует отрицать.

В ответ на неоднократные выпады белорусского лидера в адрес российского руководства о слабой помощи его государству со стороны РФ, Д. Медведев на этот счет приводил соответствующую статистику, характеризующую масштабы финансовой поддержки Россией Беларуси. Так, в ноябре 2009 г. на встрече с представителями белорусских средств массовой информации он говорил: «Когда я иногда слышу от наших партнеров, что мы недостаточно помогаем друг другу, у меня это вызывает удивление, потому что никто не помогает своим партнерам как Российская Федерация и это всецело и полностью относится к Беларуси». В подтверждение сказанного Медведев указал, что только за последние 2,5 года Россия предоставила кредит Республике Беларусь в сумме более 3 млрд. долларов.³⁰

В записи на видеоблоге в начале октября 2010 г. российского президента также сказано о значимой финансовой поддержке Беларуси: «Мы всегда помогали белорусскому народу, — констатировал Медведев. — Только в этом году за счет льготных поставок нефти наша помощь Белоруссии составила почти два миллиарда

³⁰ Союзное государство. 2009. № 11. С. 11.

долларов. Сопоставимые дотации выделяются и в рамках поставок в Белоруссию российского газа. Делаем мы все это, потому что убеждены: наши народы связаны неразрывно»³¹.

Белорусский президент не только неоднократно критиковал позицию России по торгово-экономическим отношениям, но не раз признавал значимость помощи, поступающей от ее народа, как родственного, братского и единого белорусам. Например, в августе 2009 г. Лукашенко, давая интервью первому заместителю директора ИТАР-ТАСС Михаилу Гусману рассказывал: «Когда Борис Николаевич Ельцин уже не был президентом, он ко мне часто приезжал, и я к нему приезжал. И уже перед смертью он мне откровенно сказал, когда России страшно было тяжело, тяжелее, чем сейчас, он говорил: «Белорусов обижать? Ни в коем случае, ... помогите, поддержите, это наша республика». Он всегда так говорил и вот мы с ним стоим через стол, я говорю: «Борис Николаевич, если вы думаете, что я приехал в чужую Москву, я ее воспринимаю как свою столицу. Это и моя Москва... Я вырос как такой русский человек в таком обобщенном смысле слова. А русские в данном случае это и белорусы, и русские, ну одинаково ориентированы в пространстве и по идейным соображениям. Поэтому для меня Россия никогда не была чужой».³²

Вот за этими красивыми и в общем-то во многом правильными риторическими словами у А. Лукашенко не всегда следовали его практические дела в отношении «своей России», не «чужой Москвы», в том числе и по вопросу признания независимости Абхазии и Южной Осетии.

Из рассмотренного материала, на наш взгляд, напрашивается вывод, что вопрос признания-непризнания Абхазии и Южной Осетии в российско-белорусских отношениях превратился в своеобразный торг политического и экономического характера между руководством двух стран, к тому же обвинявших друг друга в непартнерских отношениях. Пока шел этот «спор-торг» между «союзниками», в него вмешалась третья сторона в лице

³¹ Советская Россия. 2010, 7 октября. Приложение.

³² Известия. 2009, 27 августа.

Европейского Союза и США. Последние сумели переиграть Россию и перетянуть на свою сторону политический класс Беларуси за счет обещаний финансово-экономической помощи, разного рода льгот и преференций и частичной поддержкой МВФ народного хозяйства страны. Таким образом «западные друзья» сумели дипломатически-политически временно «изолировать» от России Беларусь.

С нашей точки зрения, правящая элита Беларуси и лично А. Лукашенко обменяли признание независимости Абхазии и Южной Осетии на незначительную финансово-экономическую поддержку Запада, которая по своим размерам, масштабам ни шла ни в какое сравнение с российской. Хотя западные страны в тактическом и в стратегическом плане, в отличие от России, как были, так и остались противниками белорусского режима и лично А. Лукашенко. А радужные надежды последнего на союзнические отношения с ЕС, с помощью которого можно решить экономические проблемы в стране, не оправдались. После избрания Лукашенко на новый срок «недемократическим» путем президентом 19 декабря 2010 г. и предпринятыми им репрессиями против оппозиции, организовавшей беспорядки в Минске, Европейский Союз, США в ответ на это расширили санкции против политической элиты Беларуси, усилили на нее давление. В этих условиях «маятник» внешней политики белорусского руководства качнулся в сторону более дружеского сотрудничества с Россией. А политическая элита последней, со своей стороны, также осознала, что дальнейшее противостояние с РБ, с ее властью противоречит национальным интересам РФ и ее народу. Вот почему, начиная с 2011 г. в российско-белорусских отношениях прослеживается потепление, что нашло отражение в создании «тройкой» — Беларуссией, Казахстаном и Россией Таможенного Союза и формирование единого экономического пространства.

М. Х. Мукбиль

**КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

В послевоенный период ведущую роль в ознакомлении арабов с российской культурой играли Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и созданная им сеть культурных центров. После распада СССР место ССОД заняли Российский центр международного научного и культурного сотрудничества и Российская ассоциация международного сотрудничества, объединившая уцелевшие общества дружбы. Их деятельность столкнулась с серьёзными сложностями. Нарастанию культурного сотрудничества препятствовало и продолжает препятствовать также и постоянное реформирование занимающимся им российских организаций. Так в 2002 г. был вдруг изменён статус Росзарубежцентра, который стал действовать не при Правительстве РФ, а при Министерстве иностранных дел, а в 2008 г. он был неожиданно вообще распущен, и вместо него учреждено Федеральное агентство по делам Содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

Международное культурно-гуманитарное сотрудничество включает связи в области культуры и искусства, науки и образования, средств массовой информации, молодежных обменов, издательского, музейного, библиотечного и архивного дела, спорта и туризма. В реализации внешнеполитической стратегии России культуре принадлежит особая роль. Позиции и авторитет российского государства в мире определяются не только его военно-политическим весом и экономическими ресурсами,

но и культурным достоянием народов Российской Федерации. Выражая духовную самобытность нации, российская культура одновременно олицетворяет универсальные ценности всего мирового сообщества и представляет собой часть глобального культурно-исторического наследия человечества. При этом накопленный веками богатейший духовно-культурный потенциал России предопределяет ее уникальное место в мировом культурном пространстве. В то же время в силу особенностей исторического развития российскую культуру отличает открытость и восприимчивость к культурам других стран и народов. Политика в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества является неотъемлемой составной частью политики российского государства на международной арене. Взаимовыгодное международное культурно-гуманитарное сотрудничество способно вносить существенный вклад в достижение основополагающих целей и повышение эффективности внешней политики России. Новые вызовы начала XXI в. и масштабные задачи в сфере международных отношений в условиях глобализации придают культурно-гуманитарным связям России возрастающую значимость. Это, в первую очередь, связано с утверждением в мире многополярности. Все более очевидно, что глобальная конкуренция приобретает в том числе культурно-цивилизационное измерение. Между основными игроками на международной арене усиливается борьба за культурное влияние, причем в нее широко вовлекаются появляющиеся в мире новые центры сил. Глобализация влечет за собой не только взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур, но и нередко ставит под угрозу культурную самобытность стран и народов.

Современные отношения России с арабскими странами в основном сложились под влиянием устойчивого стремления партнеров к развитию сотрудничества в различных областях — политической, экономической, культурной. В начале XXI в., несмотря на произошедшие глубокие перемены в политическом и социально-экономическом курсе России и в арабском мире, в российско-арабских отношениях продолжает доминировать позитивный потенциал, желание сохранить и придать дополнитель-

ный импульс развитию партнерства. В особенности это заметно в текущем десятилетии — более интенсивными и разносторонними стали политические консультации, существенно расширились и стали более разнообразными торгово-экономические отношения, заметное развитие получили гуманитарные связи. Таким образом, историческое наследие российско-арабских отношений создает благоприятный фон для плодотворного, конструктивного взаимодействия партнеров, в том числе в рамках ООН.

В наше время, когда возрастает интерес к культуре Востока, можно говорить даже об определенной моде на Восток. Восток постепенно проникает в культуру Запада; интерес к нему проявляют представители мира искусства, науки, педагогики, философии. На массовом уровне это увлечение традиционными и нетрадиционными восточными религиями, медитативными практиками, различными оздоровительными системами, боевыми искусствами, чудесами восточной магии и мистики и т. д. Взаимодействие различных культур позволяет им более критично оценивать себя, углублять самопознание, пробуждает надежды, что более углубленные контакты могут способствовать преодолению кризисных явлений современности. Культурные полюса: Восток и Запад представляют собой две, во многом противоположные, культурные традиции, два типа духовности. Это как бы две различные системы координат, два миропонимания, два языка, на которых могут мыслить и изъясняться люди в процессе постижения окружающего их мира. Традиции эти проявляют себя не только во всех разновидностях гуманитарной культуры (философии, этике, эстетике, социологии, политологии и т. д.), но и в образе жизни народов, их психологии, нравственных принципах и даже ценностных ориентациях.

Россия находится между Западом и Востоком; она Запад и Восток одновременно. Именно поэтому, как отмечал Ф. М. Достоевский, ей принадлежит историческая миссия интеграции ценностей Востока и Запада, интеграции подлинных ценностей восточной и западной культур. Постигание ценностей восточной культуры представителями Запада — существенное условие развития современной цивилизации, повышения её жизнеспособно-

сти. В то же время западный человек начала XXI в. не всегда осознает, что Восток и Запад в действительности находятся гораздо ближе друг к другу, и история культуры знает многочисленные примеры их взаимопроникновения и взаимовлияния. Несмотря на относительную географическую удалённость, а главное — языковой барьер, российская культура оказала важное влияние на арабскую культуру (хотя, естественно, и меньшее, чем культура европейская, особенно французская).

В настоящее время активны российско-арабские научные контакты. Одной из их форм являются совместные конференции, в ходе которых осуществляется обмен мнениями по широкому кругу вопросов, в том числе по проблематике отношений РФ со странами Ближнего Востока и Магриба. Одним из первых мероприятий такого рода стал организованный Росзарубежцентром и РАМС в Каире в 1999 г. форум «Россия и арабские страны: совместный вклад в строительство многополярного мира». Другой важной сферой обмена мнениями является межкультурное взаимодействие. Данная тематика обсуждалась, в частности, на таких конференциях, как «Диалог культур: опыт России и левантского Востока», проходившей в 2001 г. в ливанском Триполи под патронажем Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры и Министерства культуры Ливана, «Российско-арабский диалог в XXI веке», устроенных в 2003 г. в Тунисе и в 2005 г. в Казани Институтом востоковедения РАН и Арабской организацией по вопросам образования, культуры и науки, «Культурные традиции Египта и Востока: от древности к глобализации», проведённой в 2008 г. в Каире ИВ РАН и Египетско-российским университетом. Организуются также встречи для обсуждения тех или иных аспектов российско-арабского сотрудничества, и в качестве примера можно провести состоявшиеся в Тунисе семинары «Использование атомной энергии в мирных целях», «Возобновляемые источники энергии», «Биологическая защита растений и мелиорация засоленных земель».

Заметная роль в двусторонних связях принадлежит ассоциациям выпускников советских и российских вузов, которые окончили десятки тысяч арабских студентов. Многие из них обзаве-

лись во время учёбы семьями и вернулись в свои страны с жёнами и детьми. Почти все они сохраняют самые лучшие воспоминания о России, даже если они учились в других советских республиках, а их супруги нередко считают себя русскими вне зависимости от их гражданства и национальности. В настоящее время ряд выпускников занимают высокие посты в университетах и исследовательских центрах, экономике, а также в госаппарате. Они хорошо представляют себе особенности менталитета русских людей, в эмоциональном плане более близком народам Востока, чем народы Запада, способствуют распространению в арабском мире симпатий к нашей стране, любви к российской культуре, интереса к русскому языку. Общества, объединяющие выпускников, действуют в нескольких государствах региона, в том числе в Египте, где насчитывается 10 тысяч бывших советских и российских студентов. В 2001 г. там была учреждена Египетская ассоциация выпускников вузов России и других стран СНГ, которые по оценке самих египтян продолжают рассматривать себя представителями передовых советских научных школ. Ассоциация поддерживает тесные связи с РЦНК в Каире и Александрии, организует при их содействии семинары для ознакомления с достижениями российской науки и промышленности, встречи египетских и российских экспертов и бизнесменов и т. п. Периодически проводятся арабские встречи выпускников советских и российских университетов и институтов. Российско-арабские культурные связи осуществляются также и на уровне регионов. Обращает на себя внимание, что интерес к их налаживанию проявляют не только российские мусульманские автономии. Так, в Петрозаводске с 2001 г. функционирует Общество карельско-арабской дружбы, ставящее своей целью ознакомить жителей республики с традициями, обычаями, культурой, архитектурой, религиями арабских народов. И подводя определённые итоги, необходимо отметить наличие длительного и плодотворного культурного взаимодействия России и арабских стран.

Глава 3

Культурные традиции Россия: сравнительно-исторический анализ

А. В. Посадский

**ПАТРИОТИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В СВЕТЕ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

В настоящее время представляется чрезвычайно значимым обращение к идейному наследию российского консерватизма. С одной стороны, в обществе очевиден интерес к консервативной идеологии. С другой стороны, часто можно услышать мнение, что данная идеология не подразумевает глубокого раскрытия демократической идеи, не обладает отчетливым видением гражданского общества. Создается впечатление, что осмысление демократии и гражданского общества возможно только в границах либерализма. Сверх того, встречается точка зрения о несовместимости консерватизма с реалиями демократии и гражданского общества по существу.

Если же говорить о патриотизме, то здесь ситуация не менее сложная. С одной стороны, связь патриотизма и консерватизма выступает как нечто очевидное в общественном сознании. Однако консерватизм не перестает подозреваться в симпатиях к крайним формам национализма. Трактовка патриотизма в рамках данной идеологической позиции продолжает неверно отождествляться с квасным ура-патриотизмом. Игнорируется консервативный смысл идеи гражданской нации.

В данной статье мы постараемся показать наличие в консервативном дискурсе глубокого осмысления патриотизма, демократии и гражданского общества, осмысления несовместимого с упрощенными стереотипами восприятия консерватизма. При этом в наших размышлениях мы станем опираться на интеллектуальную традицию отечественного консерватизма (П. Б. Струве (1), И. А. Ильин (2), Г. В. Флоровский (3), Е. Н. Трубецкой (4), С. Л. Франк (5), П. И. Новгородцев (6), Л. А. Тихомиров (7), А. И. Сол-

женицын (8), П. А. Столыпин (9), Д. Н. Шипов (10), Б. Н. Чичерин (11), Б. П. Вышеславцев (12)).

Осмысление патриотизма в гражданской философии российского консерватизма: культурный патриотизм versus зоологический национализм

В гражданской философии российского консерватизма подлинный патриотизм не раз противопоставлялся ложному. Сегодня очень важно вновь вспомнить об этом противопоставлении.

Следуя гражданской философии отечественного консерватизма, подлинный патриотизм создается на безусловном уважении к человеку как носителю духовно-творческого начала. Он невозможен без уважения к личности, обретающей свое призвание в творческом служении народу.

Любовь к стране неотделима от любви к ее творцам. Она неразрывно связана с признанием величия их духовного подвига. Такая любовь проявляется в уважении к персонам-созидателям, носителям начала творчества и духа, персонам, живущим и ушедшим, уже внесшим свой вклад в строительство ценностного фундамента Отечества и созидующим его в настоящем. Подразумевает она и подражание им через раскрытие творческих способностей в собственной личности, что поддерживает духовную связь времен, осуществляет межпоколенный синтез.

Любовь к стране сочетается с уважением к ее подвижникам и святым, что соединено с любовью к духовному творчеству в принципе, уважению к человеку как выразителю духовно-творческого начала.

Поскольку именно личность представляет собой творческую силу, созидающую богатство национального духа, то развитие патриотизма гармонично сочетается с задачей утверждения свободы личности в правовом государстве, признанием ее прав, гарантирующих творческую свободу.

Истинный патриотизм неразрывно связан с чувством любви к Отечеству. При этом речь идет о любви неотделимой от нравственного отношения.

Настоящий патриотизм зиждется на нравственной основе. Любовь к своему народу подлежит нравственной мерке, преобразуется началами нравственности и права, свободно подчиняется моральным и правовым нормам. Она подразумевает совершенствование личности, включающее преодоление собственных духовных слабостей.

Патриотизм немыслим вне непрерывного нравственного творчества, целостно охватывающего личную жизнь, общественные отношения и государственное развитие.

С позиции консерватизма, не безразлично, за что и как мы любим Родину. Патриотизм включает в себе моральную оценку путей развития страны. Он не требует одобрения ее губительных и греховных путей, покорного вступления на них, обеления любых форм прошлого и настоящего. Возможен патриотический протест совести по отношению к порокам отечества, их моральное осуждение, порицание тех или иных действующих или действовавших в стране лиц. Любовь к стране не несет морального оправдания ее недостатков, не устраняет императивности нравственной оценки ее жизни, суда нравственного сознания.

Оправдывать попрание справедливости, преступный террор, надругательство над человеческой свободой, разврат, правонарушения путем апелляции к патриотическому чувству недопустимо. Отнюдь не всякая действительность может быть принята за ценность. Невозможно возведение любого факта жизни страны в норму, их безосновательное смещение.

Патриотизм также предполагает творческое освоение личностью культурного наследия своего народа, и через это — деятельное участие в созидании современной жизни. При чем достижения культуры воспринимаются притягательными в силу их уникальности и незаменимости, в силу того, что через них открывается путь к общечеловеческим духовным ценностям.

Осуществляется действительный патриотизм и в творческом единении личности с множеством других персон, в духовной солидарности народного творчества, объединенного идеей служения Родине.

Патриотизм превращает национально-созидательный дух, нравственную крепость нации в основание государственной

мощи, видит в воле к культурному творчеству общенациональное дело, полагает развитие народных сил как величайшую нравственную задачу. Он неразрывно связан со стремлением внести в общественно-государственную жизнь культурные ценности.

Подлинный патриотизм является фундаментом общественно-государственного строительства, сохранения культурной самобытности и гармоничного единения Отечества.

В традиции российского консерватизма ложный патриотизм рассматривается как зоологический национализм.

Речь идет о национализме, представляющим собой эгоистическое самоутверждение, не подчиненное никаким моральным и правовым нормам. Здесь любовь к Родине опускается до слепого и неразумного чувства, пристрастия, не преображенного нравственным началом. Такое чувство безосновательно ставится выше совести, морали и права. При этом теряет всякий смысл обращение к культурным ценностям. Отношение к Родине утрачивает свое духовное основание.

Зоологический национализм способствует не единению, а дроблению государства, поскольку формирует атмосферу взаимного недоверия и вражды.

Он неприемлем для России во всех своих обличьях, означая вызов по отношению к государственной целостности, выступая препятствием в осуществлении Россией той роли, которую она призвана играть.

Исторически наша Родина формировалась как государство братского сожительства народов, обладающих равными правами. Несомненно, русский народ брал на себя роль сплотителя и собирателя исторического братства народов России. Русская культура творчески способствовала формированию российского собора культур, став связующим началом между различными культурными мирами. Однако речь идет о бескорыстном служении, о служебной миссии, этике служения, которая предполагает духовный подвиг, огромное напряжение сил, обязанности и ответственность, вызывающие уважение, но никак не преимущественные права.

Хотелось бы особо отметить, что характерная для русской культуры открытость к восприятию других культурных миров,

к их сохранению и творческому единению, ее стремление к духовной общности с другими культурными мирами приобрели общероссийский смысл. Ценность творческой открытости другим культурам стала ценностью общероссийского масштаба. *Проект братства народов является именно общероссийским проектом. В силу огромного исторического опыта Россия сегодня может претендовать на то, чтобы служить мостом между народами, выступить с глобальной инициативой бесконфликтного многополярного мира.*

Необходимо указать и на то, что представителями отечественного консерватизма российский народ неоднократно определялся как исторически сложившаяся «российская многонациональная нация» (понятие И. А. Ильина). Речь идет о гражданской нации, органично единящей все народы России и исключающей нивелирование культурных различий.

В российском консерватизме гражданская нация предстает как солидарное сообщество граждан, сформированное на основании культурных ценностей, отраженных в правовой плоскости. Гражданская нация — не только социально-политическая, но и культурологическая категория. В данной трактовке приоритет гражданских ценностей опирается на единство в многообразии форм культурного творчества, гражданское согласие рассматривается как выражение культурно-ценностной солидарности. *Гражданское нациестроительство базируется на культурном патриотизме, выступающим консолидирующим началом. При этом категорически отвергается социальная инженерия, носящая искусственный характер и допускающая унификацию культурных черт.*

Понимание нации в общегосударственном и гражданском смысле не отвергает традицию использования данного термина по отношению к различным народам России. Речь не идет о взаимоисключающих идентичностях. *Признание российской гражданской нации дополняет идею многонационального государства, хотя и делает трактовку понятия нации более сложной. Такое осознание нации является отображением многоуровневого характера российской идентичности. Оно адекватно выражает самосознание населения и способствует объединению россиян.*

Очень важно отметить, что для российского исторического опыта характерна модель формирования национальных и этнических идентичностей, которая гармонично соединяет углубление этнической и национальной солидарности с устойчивым развитием идентичности общероссийской. Подобная модель не только бесконфликтно связывает внутриэтническую и национальную солидарность с национально-гражданской идентичностью, но и делает их основанием национально-гражданского единства. Россия, с ее гражданской культурой, обладает необходимым потенциалом для развития национально-гражданской идентичности с учетом всей полноты этнонациональных различий. При этом национально-гражданское единство становится пространством взаимной солидарности и толерантности

Конечно, формирование гражданской нации теснейшим образом связано с развитием гражданского общества. *Сегодня очень важно отметить, что гражданское общество как стиль жизни исторически формировалось в России на основании патриотической солидарности. Именно такое видение развития гражданского общества присутствовало в интеллектуальной традиции российского консерватизма. Отечественные мыслители считали, что гражданское общество является основой правовой государственности, отмечали, что определяющую роль в его жизни играют духовные ценности и тесно связанные с ними правовые нормы. Они обосновывали тезис о зависимости и опоре государства на гражданское общество, идею их взаимодополнения, рассматривали гражданское общество как основание, а государство в качестве вершины общественного строения, опирающейся на свободные гражданские ассоциации.*

Для отечественных консерваторов российский патриотизм немислим вне формирования этики межнациональных отношений, выступающей источником укрепления межнациональных духовных связей.

Сегодня усилия должны быть направлены на упрочение единства Российской Федерации как исторически сложившегося союза народов с самобытными культурными традициями. *При этом важно помнить, что при всех отличиях культурные tradi-*

ции объединены едиными духовно-нравственными основаниями. Наличие этих оснований и позволяет развивать этику межнациональных отношений, которая становится фактором, влияющим на гармонию межнационального взаимодействия.

Вырабатывание этики межнациональных отношений предполагает формирование личности, способной увидеть в ценностных ориентациях своей культуры общечеловеческие духовно-нравственные ценности, настроенной на созидательный межкультурный диалог, толерантное отношение к межкультурным различиям.

Исторически ксенофобия не свойственна народам России. Однако хотелось бы отметить, что с 90-х годов различными представителями псевдолиберальных движений (которые вернее назвать нигилистическими) неоднократно делались попытки навязать комплекс неполноценности народам России, указывая на их якобы непреодолимую отсталость, распространить в общественном сознании миф об их исторической несостоятельности, а также миф о некоем неустранимом агрессивном характере российской государственности, обреченной в силу этого на распад.

Подобная деятельность не только искажала историю нашего Отечества. Ее можно охарактеризовать как направленную на разрушение исторически сформировавшегося содружества народов нашей страны. К сожалению, она создавала питательную среду для возникновения экстремистских организаций и опасных форм национализма, наносила травмы национальному самосознанию. Безусловно, такое «творчество» не имеет права прикрываться либеральной фразеологией, защитой прав человека или критикой тоталитаризма. Ему не должно быть места в нашей стране.

Особенно актуально звучат сегодня идеи выдающегося представителя отечественного консерватизма П. Б. Струве. Мыслитель определял Национальную идею России как органический союз власти и единого народа, вставшего на путь строительства гражданского общества и правового государства. Сложно не согласиться с его мыслью о том, что национальное единство россиян в согласии с государственной властью приведет к созданию Великой России.

Крайне важно отметить, что осмысление патриотизма в гражданской философии российского консерватизма сегодня имеет общеевропейское значение. Современная Европа стоит перед очень серьезным вызовом. Речь идет о разработке стратегии социального развития в условиях так называемой консервативной волны, одним из проявлений которых является кризис мультикультурализма. Консервативная волна — целостное социокультурное явление, отражающее изменение духа Европы в XXI столетии. Она обнаруживается в ценностных «сдвигах» в жизни европейского общества: повышенном внимании к этническим истокам идентичности, стремлении к восстановлению социальной солидарности, феномене религиозных ренессансов, ориентации на историзацию культуры, акцентировании культурной самобытности в противовес «ирландскому рагу» мультикультурализма, подчеркивании значимости консервативных ценностей в противовес маргинальной ситуации в культуре, уходе от анти-теологического пафоса в общественно-научной жизни. Эксперты отмечают, что сценарии развития европейской консервативной волны могут быть самые различные. В том числе возможно усиление деструктивных форм национализма, политического экстремизма. *Консервативный поворот в Европе будет созидательным только в том случае, если будет осуществляться под знаком подлинного культурного патриотизма, концепция которого была детально сформулирована отечественными мыслителями.*

Раскрытие идеи гражданского общества в российском консерватизме: гражданские братства как опора государства versus свободные ассоциации как его контрагенты

Раскрытие идеи гражданского общества в российском консерватизме глубоко отлично от либерального понимания.

Что касается либерализма, то здесь формирование гражданского общества во многом связывается с индивидуалистической моделью общественного развития. При такой модели общество, рассматриваемое в качестве индивидов, объединенных на осно-

вании эгоистических интересов, противопоставляется государству. Государство же видится как сдерживающее развитие индивидов. Сами индивиды воспринимаются свободными от каких-либо ценностных суждений, то есть лишенными нравственных, религиозных представлений, исторических корней. Фактически, речь идет о наличии оппозиции «гражданское общество — государство». При чем в этой модели не раскрывается ценностный фактор.

Индивидуалистические модели гражданского общества, отстаиваемые ультралибералами в России рубежа XX–XXI вв. можно назвать диссидентскими. Хотелось бы отметить, что диссидентская модель гражданского общества сегодня все более утрачивает популярность. Понимание гражданского общества, при котором его ассоциации видят себя исключительно в плоскости контрагентов государства, когда свобода всецело связывается с противопоставлением государству не укоренено в отечественной истории и вряд ли перспективно для развития страны.

Модели гражданского общества, основанные на принципах индивидуализма не актуальны для России. Формирование российского гражданского общества исторически шло по другому пути. В нашей стране гражданское общество складывалось под определяющим воздействием ценностного фактора. Отношения между его членами всегда были опосредованы высокими нравственными принципами. *Ассоциации гражданского общества возникали на основании патриотизма и солидарности. Они воспринимали себя в качестве опоры государственного развития, глубоко ощущали свою ответственность за судьбу общества как единого целого.* Специфика становления институтов гражданского общества в России состояла в их тесном и интенсивном взаимодействии с государством. При этом речь не шла об их сращивании.

Гражданское общество России представляло собой неотъемлемую часть духовной жизни страны. *Благодаря ярко выраженной ценностной составляющей его ассоциации притяжали на то, чтобы быть хранителями и выразителями цивилизационной идентичности.* Институциональная сфера российского гражданского общества являлась целостным социокультурным пространством.

Институты гражданского общества приобретали статус выразителей базовых ценностей общественного организма.

Для развития гражданского общества России характерна гармония личных и общественных интересов, пронизанность институтов гражданского общества ценностными энергиями, направленность на преодоление этнического национализма. В его жизни присутствовало ярко выраженное объединяющее начало, гражданское единство осуществлялось в многообразии форм, этнические ценности были наполнены универсальным гражданским содержанием.

Очень важно подчеркнуть, что гражданское общество в России, выражая духовные ценности и на их основе патриотическую объединительную идею, не только не противопоставляло себя государству, но и способствовало формированию гражданской идентичности как части идентичности общенациональной. В этой связи развитие гражданской культуры России неотделимо от общенациональной.

Безусловно, историческое формирование России как служебно-домашней цивилизации оказало существенное влияние на облик гражданского общества. Крепкая семья, малый дом всегда воспринимался как основание большого общественно-государственного дома. Семья как духовная общность становилась фундаментальным основанием гражданского общества и государственного строительства

Пути развития гражданского общества были глубоко осмыслены представителями отечественной политической философии. Ими была разработана его консервативная модель, органически присущая нашей истории. Она подразумевала единство духовного совершенствования личности с ее общественным развитием, взгляд на гражданское общество как взаимное служение личностей в свободе, утверждение глубокой взаимосвязи системы ценностей и системы права, убеждение, что право должно опираться на вечные принципы морального сознания.

Отечественные мыслители видели российское гражданское общество развивающимся на основании органического сочетания этики индивидуальной и коллективной ответственности.

Они считали, что гражданское общество представляет собой единство благодаря скрепленности ценностно-смысловыми связями. *Его субстанциональные основы — устойчивая ценностно-нормативная система, разделяемая свободной личностью.* Взаимодействие между его многообразными формами осуществляется в русле устойчивого ценностного консенсуса, обеспечивающего общественную солидарность.

Российские философы усматривали в деятельности свободных социальных объединений непосредственную основу правового государства, считая, что необходимо сотворчество общественной ткани государством и силами гражданского общества. У истоков этой теории стоял Б. Н. Чичерин. Мыслитель развивал тезис о зависимости и опоре государства на гражданское общество, идею их взаимодополнения. Рассматривая гражданское общество как основание, а государство в качестве вершины общественно-го строения, при этом зависимое и опирающееся на гражданское общество, Б. Н. Чичерин отказывался принять гегельянский тезис о неизбежности поглощения гражданского общества государством как высшим началом.

С консервативной позиции, гражданское общество и государство — дополняющие друг друга и взаимозависимые способы социальной интеграции. Государство как начало «учреждения» (терминология С. Л. Франка), включающее в себя принципы централизации, принуждения и субординации, немыслимо без начала «кооперации» (терминология С. Л. Франка), которое подразумевает глубокое сотрудничество центров самодеятельности. При этом важно добиться органического характера отношений этих начал, их равновесия. Перспектива же отчуждения, противостояния, поглощения одного начала другим видится деструктивной для общественного развития.

В разработках отечественных мыслителей созидание гражданского общества на основании духовных ценностей способствует гармонизации межэтнических отношений и позволяет сформировать гражданскую нацию России. Данный тезис логически вытекает из убежденности в том, что ассоциации гражданского общества, эти гражданские братства, вырастают из социальной

сплоченности, истинного патриотизма, органического характера солидарности, а открытость возможностей в правовом государстве воспринимается как путь духовного обогащения личности.

Думается, что идеал гражданственности отечественных мыслителей, связанный с моральным долгом, духовной солидарностью, очень значим сегодня. Кризис мультикультурализма в Европе может привести к распространению противоречивых форм этнократии, унифицирующих многообразие форм гражданского общества. В наше время важно оспорить формальное понимание гражданского общества. Не эгоистические ценностно-бессодержательные индивиды, а солидарные духовные общности, являющиеся итогом высокой личной культуры, выступают опорными составляющими правового демократического государства.

Гражданское общество — это общество духовно ответственных граждан, когда именно гражданская ответственность является истоком равенства. *Гражданское общество — это общество, основанное на принятии ответственности, высоких гражданских нравах и добродетелях.* Гражданское общество — общество, понимающее высокие стандарты личного поведения.

Безусловно, развивающееся на принципах духовной солидарности, гражданское общество сегодня способно противостоять двум опасностям. Во-первых, речь идет об опасности так называемого «терапевтического государства», стремящегося всецело подчинить пространство частной жизни. Надо учитывать, что экспансия государства способна привести к ослаблению солидарных связей, чему может воспрепятствовать только зрелое гражданское общество, осознающее, что подобное ослабление выступает угрозой для существования самого государства.

Во-вторых, речь идет об опасности так называемого «рыночного фундаментализма», означающего подчинение всех сторон общественной жизни рыночным принципам, что также разрушает социальные связи. Крепкое гражданское общество способно эффективно противостоять этому явлению путем укрепления внеэкономических связей и солидарного преобразования экономических.

С консервативной точки зрения в условиях демократического устройства гражданское общество и государство поддерживают друг друга, устанавливают тесные партнерские отношения. При этом желательно, чтобы государство и гражданское общество усиливали свои позиции одновременно. Негативными сценариями выступают как ослабление государства, так и ослабление гражданского общества. *Сильное гражданское общество образует прочную основу демократии.* От его уровня развития зависит уровень демократии и ее качество. С другой стороны, демократия задает институциональные рамки для функционирования гражданских ассоциаций. Очевидно, если опираться на консервативную трактовку гражданского общества, то демократия предполагает нечто большее, чем формальный механизм управления, представляется необходимым выйти за границы ее формального понимания.

Осмысление демократической идеи в политической философии российского консерватизма: демократия ценностей versus формальная демократия

Развитие правового государства и формирование зрелого гражданского общества невозможны без глубокого постижения демократической идеи.

Идеологи российского консерватизма не раз предупреждали об опасности *формального понимания демократии*. Такое понимание сводит жизнь демократического государства к формальной свободе и борьбе за власть. При том не берется во внимание содержательная сторона этой жизни (которая может отличаться духовной пустотой), не учитываются ценностные мотивы политической деятельности, забывается о том, что в государственную жизнь «включаются (строят его, укрепляют его, колеблют его, совершенствуют его или наоборот разрушают его) — все свободные, частно-инициативные, духовно-творческие, внутренние строения и внешние деяния граждан» (13; 43).

Формальное понимание демократии И. А. Ильин называл количественным. Оно может способствовать распаду государства,

проникновению тоталитаризма, развитию всякого рода авантюр, поскольку «сводит все государственное устройство к форме всеобщего и равного голосования, отвлекаясь от качества человека и от внутреннего достоинства его намерений и целей, примиряясь со свободой злоумышления и предательства, сводя все дело к видимости “бюллетеня” и к арифметике голосов (количество)»(14; 69). «Но в действительности такая “демократия” ни от чего не обеспечивает: ни от всеобщей продажности, ни от предательских заговоров, ни от эксплуатации плутами слабых, добрых, темных и глупых, ни от анархии, ни от тирании, ни от тоталитаризма», — пишет И. А. Ильин(14; 70). И далее: «Сколько раз формальные демократии вырождались, теряли свою творческую силу и губили государства!»(14; 70).

«...Демократия, как и всякая другая форма, может быть лучше или хуже в зависимости от духовного содержания, которое вкладывает в нее народ, и что при известных условиях она может стать и полным извращением всякой справедливости», — верно указывает П. И. Новгородцев(15; 90). «Самое страшное и роковое в этом процессе — опустошение человеческой души», — справедливо отмечает он(15; 91).

С точки зрения мыслителя, при неразвитости духовных основ жизни общества в демократическом государстве качественные отношения уступают место количественным, и тогда демократия сводится к внутренне бессодержательным формальным процедурам.

П. И. Новгородцев верно указывает, что государственная форма демократии не является спасительной сама по себе, независимо от внутреннего состояния человека. При построении демократического государства возможно оказаться в безднах варварства, оказаться в плену лицемерного и безнравственного подхода к жизни, не знающего отличия добра от зла.

Размышления отечественных мыслителей чрезвычайно важны сегодня. И дело не только в том, что ситуация с WikiLeaks обнажила двойные стандарты американской демократии, роковой разрыв моральной и демократической идеи. Говоря словами П. И. Новгородцева, сегодня как никогда демократия оказалась

на распутье и это распутье вызвано оскудением духовного смысла демократической идеи.

Демократические государства Запада и США отличаются от многих стран экономическим и военным превосходством. Но именно этот факт и ведет к возрастанию меры ответственности. Именно данный факт заставляет сегодня задуматься о необходимости глубокой, детально продуманной политической философии, делает невозможным в XXI в. чисто формальный подход к демократии, не замечающий ее духовно-содержательных оснований.

В современном обществе очевиден глубокий кризис медийной демократии. Медийная демократия ведет к отчуждению народа от управленческих процессов. Она способствует исчезновению публичной политики как сферы принятия решений, влияющих на жизнь общества. Ярko проявляясь в медийной манипуляции сознанием, такая демократия связана с установлением технopolитического порядка при котором властвуют те, кто контролирует информацию. При этом власть оказывается сосредоточенной в среде медиа-экспертов, объединенных с бюрократией и становящихся невыборной элитой, отчужденной от ценностей и норм. Медиатворчество, сведенное к медийной пропаганде, оборачивается стерилизацией независимого критического суждения, голосованием против собственных интересов, которые приносятся в жертву управляемым извне желаниям.

Необходимо отметить и то, что кризис медийной демократии протекает в так называемой «постинформационной ситуации» в современном обществе. Постмодернистские модели информационного общества обернулись кризисом ценностей, смыслов и идентификации. Сегодня становится очевидным, что необходим возврат утраченных смыслов и ценностей, развертывание программ культурного классицизма в качестве альтернативы постмодернистскому пространству «пустых знаков», противопоставление «смерти субъекта» его воскрешение, переход к «умному обществу» — обществу с эффективной, логически и ценностно упорядоченной информационной деятельностью.

Подход к демократии отечественных мыслителей нашел наиболее полное раскрытие в *размышлениях о творческой демокра-*

тии И. А. Ильина. Мысли о творческой демократии присутствует тем или иным образом в работах всех названных идеологов консерватизма, но наиболее последовательно данное учение развито И. А. Ильиным. Можно сказать, что его теория является итогом осмысления демократической идеи в отечественной политической философии. При этом она представляет собой альтернативу формальному пониманию демократии.

Творческая демократия устремлена к общему благу, понятому как органическое сочетание материальных и духовных ценностей, совершенствование каждой личности в органическом сочетании с совершенствованием всего общества, одновременное формирование себя и формирование социальной реальности.

Идея творческой демократии подразумевает, что демократия — правление народа, а не «толпы». Правление народа предполагает определенное качество развития личности — наличие свободного человека, умеющего распоряжаться своей свободой. Ценность политической свободы соединена с искусством формировать свою жизнь как носителя культурных ценностей. *Творческая демократия — демократия персоналистская, опирающаяся на творческую личность, внутренне свободного гражданина, являющегося творческим носителем и создателем культурных традиций.*

Воля к свободному демократическому развитию связана с волей к культурному творчеству, созиданию его смыслов и форм. Тем самым, развитие демократии соотносится с логикой культурного развития страны. Творческая демократия предполагает строительство народом своей государственности на основании культурных ценностей. Культура видится источником творческого вдохновения для государственного строительства, развития правосознания, экономического благополучия. *Творческая демократия — демократия ценностей, ценностно-консолидированная демократия.* Она подразумевает ценностную рационализацию политической жизни.

Демократия призвана создать благоприятные условия для духовного развития народа, всестороннего раскрытия его творческого потенциала, предоставить возможность творческому началу личности беспрепятственно воплощаться в действительности.

Направленная на раскрытие творческого потенциала человеческой природы, укорененная в личном духовном творчестве, *творческая демократия неразрывно связана с духовным единством свободного народа в культурном созидании.*

Творческая демократия — демократия участия. Демократия участия предполагает, что государство привлекает лучшие силы народа к участию в своем строительстве, что народ отдает свои творческие силы государственной жизни.

Демократия участия связана с сотворчеством личностью и государством общественной жизни. Она подразумевает признание свобод и прав со стороны личности и государства, их отношения на основании взаимного уважения и взаимной ответственности, а также органическое соединение принципов самоуправления и сильной государственной вертикали.

Творческая демократия подразумевает интенсивное и ответственное гражданское участие в общественном строительстве, активное формирование и поддержку гражданских инициатив снизу.

Творческая демократия — демократия доверия. Личность доверяет государству, воспринимая государственные интересы как свои. Государство же устремлено к осуществлению интересов граждан. Отношение личности к государству — отношение свободной лояльности, означающее, что силы личности направлены не на разрушение государства, а на его свободное совершенствование. В таком случае отстаивание прав и свобод превращается в творческое формирование государства.

Творческая демократия — демократия ответственности. Гражданин — ответственный участник правовой демократии. Гражданин ответственно участвует в государственной жизни. Не только правительство несет ответственность перед народом, но и народ ответственно трудится на ниве общественно-государственного строительства. Творческая демократия означает не просто распределение житейских благ, но, прежде всего, распределение ответственности, ответственное повышение духовного потенциала, демократизацию знания, поднятие общего уровня компетентности.

Творческая демократия — демократия служения. Гражданин искренне заботится об общественном благе, воспринимает свой жизненный путь как служение стране. Не только правительство служит народу, но и народ свободно отдает свои силы развитию страны.

Творческая демократия — демократия сотрудничества. Речь идет о развитии социального партнерства, в кооперации общественных сил целях преодоления общественных противоречий.

Творческая демократия — демократия плюралистическая. Однако плюралистическое общество не означает релятивизма и «всеядности». Оно подразумевает государственно-правовой порядок и ценностный консенсус. Плюралистические силы развиваются в контексте консенсуса по отношению к базовым общественным ценностям.

Творческая демократия — демократия нравственности и права. Данный тезис подразумевает, что нравственность и право, хотя и не тождественны, имеют глубокую связь, что ответственное отношение к праву является нравственно обусловленным, а здоровое правосознание невозможно без духовно-нравственного развития общества.

Важно заметить, что учение о творческой демократии тесно связано с размышлением отечественных мыслителей о естественном праве. Естественное или нравственное право проявляется в моральных убеждениях личности. Речь идет о нравственной оценке правовых велений. Естественное право очевидно для нравственного сознания и выступает основой для оценки действующего права, представляя собой точку пересечения права и нравственности. Идеологи российского консерватизма не раз указывали на недопустимость отчуждения права от нравственно-правовой основы, поскольку это ведет к утрате личностью критерия оценки правовых норм. Естественное право неотделимо от культурного развития личности, а, следовательно, культурное творчество неотделимо от вырабатывания правосознания.

Творческая демократия связана с формированием социально ориентированной рыночной экономики, а также среднего класса, объединенного развитым правосознанием и ответственностью

за судьбу своей страны. При этом защита слабого человека воспринимается государством как свидетельство его авторитета и престижа. Речь идет об *экономической демократии*, подразумевающей широкое распределение собственности для всех у кого есть естественное право стать собственником, сочетание дирижизма с рыночными принципами, этику экономического гуманизма, сопротивление олигархическому капитализму, тотальной бюрократизации экономической жизни, а также всем формам всецелого подчинения человека безличной логике денежных отношений.

Подведем итоги. В российском консерватизме идеи патриотизма, гражданского общества и демократии разрабатываются в контексте философской традиции персонализма. Речь идет о формировании личностного сообщества — сообщества ответственных, знающих, инициативных, культурно развитых, самостоятельных граждан.

В. И. Мусаев

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОГО ШКОЛЬНОГО ДЕЛА В АВТОНОМНОЙ И НЕЗАВИСИМОЙ ФИНЛЯНДИИ

Вопрос об организации системы школьного обучения на русском языке в Финляндии приобретал все большую актуальность по мере увеличения численности русского населения на территории Великого княжества Финляндского в середине — второй половине XIX в. Организация русских школ имела существенное значение для русских людей в Финляндии как средство сохранения своей идентичности, культуры и родного языка на «полуиностранной» территории, в чуждом национальном и конфессиональном окружении. Первые школы с обучением на русском языке на территории Великого княжества появились в так называемой Старой Финляндии (Выборгской губернии). В частности, в 1820 г. была основана народная школа в русском селе Райвола (Райвола) на Карельском перешейке.¹ Несколько позже общеобразовательные русские народные школы были образованы в Ладожской Карелии, которые, собственно, были предназначены не столько для самих русских, сколько для местных православных карелов. Такие школы были учреждены в 1848 г. лесопромышленниками Громовыми, которые владели тогда весьма обширными землями (донационными имениями) в Салминском уезде.² Примерно в то же время в Сердоболе (Сортавале) было открыто петербургскими купцами Елисеевыми русское училище со столь обширным курсом, что оно могло готовить учителей для народных школ

¹ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). Ф. 314. Оп. 1. Д. 1. Д. 121 об.

² *Sourander I. Salmin Pitäjän vaiheita ja piirteitä Laatokan Karjalan historiasta.* Porvoo; Helsinki, 1937. S. 182.

в восточной Финляндии.³ Эти школы, однако, просуществовали недолго, что было вызвано отчасти финансовыми причинами, отчасти давлением со стороны националистических сил, стремившихся к вытеснению русского и православного влияния из финляндской Карелии.

Между тем рост численности русского населения в Великом княжестве на протяжении XIX в. вызывал необходимость организации обучения для детей российских подданных. Первая собственно русская школа в «Новой» Финляндии (т. е. на территории, до войны 1808–1809 гг. принадлежавшей Швеции) была основана в 1861 г. Это была открытая в Гельсингфорсе (Хельсинки) по инициативе местного священника Николая Попова на средства православного прихода школа для детей обоего пола. В 1863 г. школа была переведена в особый дом, пожертвованный для нее купцом Н. И. Табуновым. Сам Табунов выделил на школу 3000 рублей, другие же русские прихожане дали согласие отчислять четверть с получаемого жалования. До 1870 г. школа находилась в ведении приходского попечительства и до 1873 г. получала от магистрата ежегодно по 1000 марок, сверх того прихожане платили добавочный подоходный налог на ее содержание. Приходская школа, однако, давала только элементарное образование, поэтому дети купцов, чиновников и армейских офицеров воспитывались или в местных шведских и финских учебных заведениях (в которых русский язык и география преподавались недостаточно, а русская история не преподавалась вовсе), или в частных пансионах, или находились на домашнем обучении.⁴

Потребность в общеобразовательном русском учебном заведении сказывалась давно и была реализована в 1870 г.: 22 октября указанного года по инициативе финляндского генерал-губернатора Н. В. Адлерберга в городе была открыта русская классическая гимназия с преподаванием латинского языка. На ее содержание из государственного казначейства была выделена

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 79.

⁴ ЛОГАВ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1. Л. 120–120 об., 122; Православная церковь в Финляндии. СПб., 1893. С. 113.

сумма в 19000 руб. Гимназия помещалась в доме, принадлежавшем русскому православному приходу. Вначале были открыты только три класса: приготовительный, первый и второй. Число учащихся в первый год ее деятельности было 73. В 1879 г. гимназия получила наименование Гельсингфорсская Александровская классическая гимназия. В том же 1870 г. гельсингфорсская приходская школа была преобразована в два самостоятельных народных училища — мужское двуклассное и женское одноклассное. Оба училища перешли в ведение совещательного комитета по делам русских училищ в Финляндии, а в педагогическом отношении они были подчинены директору русских училищ края. Кроме того, в 1873 г. при содействии и материальной поддержке Русского благотворительного общества была основана школа для малолетних. Наконец, в 1875 г. в Хельсинки была основана русская шестиклассная женская прогимназия с курсом женских гимназий ведомства императрицы Марии.⁵

В Выборге, втором центре концентрации русского населения в Великом княжестве, в 1862 г. была открыта мужская одноклассная школа, после того, как русские жители города подали в магистрат прошение об устройстве воскресного училища, с присоединением к нему подготовительного класса для обучения детей. Магистрат выделил на эти нужды ежегодное пособие в 200 рублей. Основные пожертвования были получены от коммерции советника М. Т. Тиханова. На следующий год, по инициативе Тиханова и его супруги, была также открыта женская двуклассная школа. Обе школы размещались в собственном доме, который был специально им отведен, и получали субсидии: первая — от финляндского правительства в размере 1500 марок (с 1869 г.), вторая — из городских средств в размере 640 марок. В 1869 г. программа мужской школы была расширена, с тем, чтобы облегчить учащимся продолжение образования в средних учебных заведениях.⁶ В 1879 г. была также основана пригото-

⁵ ЛОГАВ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1. Л. 122; Д. 4. Л. 36–36 об.

⁶ Ruuth J. W. Viipurin kaupungin historia. Yhdeksäs vihko. Viipuri, 1906. S. 886; Бородин М. М. История Финляндии. Время императора Александра II. СПб., 1908. С. 468.

вительная школа для детей обоего пола; школа содержалась на частные средства и получала от города субсидию в 800 марок. Все три школы находились под управлением особой школьной дирекции, учрежденной на основании высочайшего постановления от 11 мая 1866 г. «О народном обучении в Финляндии». Все школы помещались в каменном здании, переданном им военно-инженерным ведомством. Так как курс народный школы не мог удовлетворить требованиям образования для детей более зажиточных родителей, те из русских семей, которые не имели возможности отдать своих детей в русские средние учебные заведения С.-Петербурга или Гельсингфорса, отдавали их в местные частные пансионаты: мужской доктора Цейдлера и женские госпожи Бем и госпожи Рислер, в которых преподавание велось на немецком языке, но на русский язык обращалось все же больше внимания, чем в шведских и финских школах.⁷

Дирекция русских училищ в Финляндии в 1881 г. ставила вопрос о необходимости основания в Выборге русского среднего учебного заведения. Этот замысел был реализован в 1880-е гг. В 1882 г. в городе было открыто шестиклассное русское реальное училище. К его основанию приложили руку несколько русских предпринимателей. Постройка собственного здания для училища, рядом с православным собором, была завершена в 1884 г. В 1893 г. училище было преобразовано в семиклассное. Число учащихся в указанном году составило 120 человек. В этот же период в Выборге был основан женский лицей, которому также было предоставлено собственное здание.⁸

В Турку (Або) русская народная школа существовала с 1867 г. В сборе на ее первоначальное основание участвовали преимущественно финляндцы, в том числе коммерции советник Юлинг, выдававший на ее нужды в течение 10 лет по 200 марок в год. С 1875 г. школа находилась под покровительством основанного в 1873 г. Русского благотворительного общества, которое выда-

⁷ ЛОГАВ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1. Л. 121; Д. 4. Л. 37–37 об.

⁸ Ruuth J. W. Viipurin kaupungin historia. Yhdestoista vihko. Viipuri, 1907. S. 1060.

вало ей ежегодно по 900 марок и снабжало ее учебными пособиями. В Красном Селе (Кююрёля) — первом русском поселении на Карельском перешейке — действовала небольшая церковно-приходская школа. В 1874 г. школа получила в свое распоряжение собственное здание и была официально открыта как народная школа, подведомственная Главному школьному управлению Финляндии. Красносельская школа получала пособие из казны в размере около 600 марок, а позднее также 800 марок на жалование учителям.⁹

В 1870-е гг. также открылись русские народные школы в нескольких крупных финляндских городах, где имелось русское население. В г. Хамина (Фредриксхамн) при финской народной школе магистрат, по предложению купца Н. Голицына, открыл младший класс для русских, а в 1877 г. православные прихожане открыли в доме, построенном на их средства, старший класс для детей обоего пола. Более крупное здание для школы возвел на свои средства коммерции советник К. И. Аладьин. Он, кроме того, завещал 5000 рублей на постоянный школьный капитал. Также в 1877 г. народная школа для детей обоего пола была основана при содействии Благотворительного общества в г. Хямеенлинна (Тавастгус). Первоначально школа работала в арендованном помещении, затем председатель школьной дирекции купец А. С. Богданов пожертвовал на покупку здания 4000 марок, что позволило дирекции построить для школы удобный и вместительный дом.¹⁰ Также при поддержке Благотворительного общества в конце 1878 г. русская народная школа была основана в г. Лаппеенранта (Вильманstrand). По инициативе командира батареи расквартированной в городе 23-й артиллерийской бригады полковника М. И. Бутовича и местного священника С. И. Каменского была организована подписка, давшая около тысячи марок. 600 марок было получено от Благотворительного общества.

⁹ Там же. Д. 4. Л. 38-39; Suomen Sanomat. Lisälehti «Finljudskaja Gazetalle». 1901. 25 huhtikuuta (8 toukokuuta).

¹⁰ ЛОГАВ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4. Л. 40-41; Suomen Sanomat. 1901. 8 (21) toukokuuta.

Это дало возможность создать школьный фонд и начать работу школы. В 1880 г. Благотворительное общество приняло под свое покровительство школу в крепости Свеаборг, которая до этого существовала на средства, изыскиваемые бывшим комендантом крепости генералом Алопэусом. Школа была разделена на два класса и пользовалась бесплатным помещением.¹¹ В посёлке Терийоки, который ближе к концу XIX в. стал крупным центром отдыха и постоянного проживания для петербуржцев и выходцев из других областей империи, в 1883 г. среди владельцев дач появилась идея организовать школу для обучения детей местных жителей русскому языку. По призыву протоиерея К. И. Ветвеницкого были сделаны пожертвования в пользу школы. Школа была открыта в 1886 г. и принята под попечение Финляндского духовного правления в Выборге. В 1889 г., по инициативе генерал-губернатора Ф. А. Гейдена, финляндский Сенат безвозмездно выделил школе участок земли, и к началу 1889–1890 учебного года для нее было выстроено собственное здание.¹²

За пределами Гельсингфорса и Выборга наиболее крупным русским учебным заведением была школа в Райволаво (Райвола), в которой на тот момент обучалось 115 человек. В 1881 г. райвольская школа получила от Министерства народного просвещения (надзору которого она подчинялась непосредственно, минуя другие инстанции) пособие в 1000 рублей на постройку нового дома для школы и 500 рублей на первоначальное обустройство. В других школах число учащихся не превышало несколько десятков человек. Общее число учащихся в русских школах в Финляндии в 1879–1880 учебном году составляло 639 человек.¹³ До конца столетия русские школы также были открыты в Котке (1885 г.), Уусикюля на Карельском перешейке (1885 г.), Вааса (Николайстаде) (1892 г., здесь инициатива основания школы принадлежала настоятелю местной православной церкви С. Солнцеву, в буду-

¹¹ ЛОГАВ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4. Л. 42-43; Финляндская газета. 1901. 8 (21) марта.

¹² Финляндская газета. 1901. 22 марта (4 апреля).

¹³ ЛОГАВ Ф. 314. Оп. 1. Д. 1. Л. 121 об.

щем — одной из ведущих фигур в руководстве Финляндской православной церкви в первые годы финляндской независимости), Тампере (Таммерфорсе) (1893 г.), Туусула (1897 г.) и Коликкомьяки (1900 г.).¹⁴

В 1883 г., по инициативе финляндского генерал-губернатора Ф. Л. Гейдена, русские учебные заведения в Финляндии были переданы в подчинение имперского Министерства народного просвещения, и надзор за ними осуществлялся через генерал-губернатора и учрежденный при нем Совецательный комитет по делам русских учебных заведений. Расходы на содержание школ были частично возложены на российскую казну. Однако руководимое С. Ю. Витте Министерство финансов отпускало средства на русские учебные заведения в Финляндии не слишком щедро, а русское население Финляндии из-за своей малочисленности не могло активно поддерживать финансирование школ.¹⁵

Большое значение расширению сети и поддержке работы русских школ в Финляндии придавал, в период своего нахождения на посту финляндского генерал-губернатора (1898–1904), Н. И. Бобриков, известный как ревностный поборник «русского дела» на финляндской окраине. Вступив в должность, он начал борьбу против одобренного в 1895 г. законопроекта финляндского сената о передаче действовавших в Финляндии русских школ, в которых контингент учащихся состоял не только из детей российских подданных, под надзор Главного школьного управления Финляндии. Позицию Н. И. Бобрикова поддержал министр народного просвещения Н. П. Боголепов. По докладу последнего император 29 января (10 февраля) 1899 г. вернул все русские начальные школы в Финляндии под надзор генерал-губернатора и, через Совецательный комитет при нем, под контроль Министерства народного просвещения.¹⁶ Для поддержки школ для русских детей в Финляндии, которых на тот момент насчитывалось 16,

¹⁴ Финляндская газета. 1901. 25 марта (7 апреля); Suomen Sanomat. 1901. 13 (26) helmikuuta.

¹⁵ Полвинен Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898-1904 гг. СПб., 1997. С. 160.

¹⁶ Там же. С. 161.

правительство в 1898–1899 учебном году выделило в распоряжение Совещательного комитета сумму в 40 560 марок. При русских школах в Тавастгусе и Таммерфорсе были организованы интернаты.¹⁷

По всеподданнейшему докладу финляндского генерал-губернатора император 5 (18) февраля 1904 г. подписал «Высочайшее постановление об изменении правил относительно обучения детей в православных приходах Финляндии». Согласно этому постановлению, финляндскому православному епархиальному начальству предоставлялось право собственной властью открывать и содержать на свои средства детские школы; в таких школах преподавание могло вестись на русском языке даже в тех приходах, где русский не был родным языком большинства населения; должности учителей в детских православных школах могли теперь занимать лица, не состоявшие в финляндском гражданстве¹⁸ (в соответствии с прежними правилами, учителями в школах могли быть только подданные Великого княжества Финляндского). В период генерал-губернаторства Бобрикова в Финляндии было основано 11 новых русских народных школ, в частности, в Куопио, Миккели, Сортавале, Суоярви, Мانتсинсаари. Заинтересованность в обучении своих детей в русских школах стали проявлять и некоторые финляндцы, понимавшие важность владения русским языком. По предложению Бобрикова и министра внутренних дел В. К. фон Плеве, ранее (в 1899–1902 гг.) занимавшего должность статс-секретаря Великого княжества Финляндского, император 4 (17) марта 1904 г. дал указание о выделении ежегодно 100 000 марок из финляндской казны на основание и содержание русских школ. При русской мужской гимназии в Гельсингфорсе по инициативе Бобрикова было основано общежитие, что давало иногородним более реальную возможность определять своих детей в гимназию.¹⁹

Еще несколько русских школ было открыто на территории Великого княжества в последующие годы. В частности, в 1906 г.,

¹⁷ Финляндская газета. 1900. 24 февраля (8 марта).

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 184. Д. 1669. Л. 17.

¹⁹ Полвинен Т. Держава и окраина. С. 162.

русская народная школа начала работать в поселке Куоккала, одном из основных дачных и курортных центров «Северной Ривьеры».²⁰ Встречались также примеры организации обучения для русских детей на дому. К примеру, в Ганге (Ханко), где не было русской школы, местный православный священник осенью 1905 г. организовал у себя на квартире домашнюю школу, в которой обучались семь детей прихожан.²¹ Наиболее крупным русским учебным заведением в Финляндии в период автономии оставалась Александровская мужская гимназия в Гельсингфорсе. В 1913–1914 учебном году в ней работало восемь классов, число учащихся которых составляло 230 человек.²² В 1913 г. в распоряжение гимназии было предоставлено новое большое здание.²³

При Валаамском Спасо-Преображенском монастыре действовала школа с обучением на русском языке с курсом церковно-приходской школы грамоты. На территории Финляндской православной епархии, кроме того, имелись еще две церковно-приходские школы: при церкви императорского санатория в Халила на Карельском перешейке и в Коткинском приходе при заводе Кархула.²⁴ Власти епархии придавали большое значение организации преподавания русского языка в школах Ладожской Карелии, где обучались дети из православных семей. Это было важно в целях противостояния финско-лютеранской пропаганде, которая на рубеже столетий становилась все более активной в этой части Великого княжества. К тому же, жителям восточных уездов Выборгской и Куопиоской губерний, пограничных с Олонецкой Карелией, знание русского языка было необходимо с практической точки зрения: многие из них выезжали на заработки за линию административной границы или общались с жителями России по торговым делам. На рубеже столетий русский язык преподавался в детских школах приходов Суоярви

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2185. Л. 21.

²¹ Там же. Д. 2125. Л. 34 об.

²² ЛОГАВ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 56. Л. 56.

²³ *Luntinen P. F. A. Seyn, 1862–1918: A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland.* Helsinki, 1985.

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2125. Л. 10 об., 43 об.

(Шуезеро), Салми, Мантсинсаари, Кителя (Киделе) и Сортавала (Сердоболь). Всего в 1899–1900 учебном году русский язык преподавался в 18 из 73 православных детских школ в Финляндии. Начиная с 1901 г. его преподавание велось также в школах восточных частей приходов Иломанси и Суйстамо (Шуйстамо).²⁵ Епархиальное начальство пыталось добиться восстановления отдельных православных учительских курсов при Сердобольской (Сортавальской) учительской семинарии, однако эта инициатива не встретила поддержки со стороны финляндского сената.²⁶ Проект размещения русской семинарии в пустовавших помещениях бывшего кадетского корпуса в г. Фредриксхамн (Хамина) был признан неприемлемым, так как этот город находился слишком далеко от Ладужской Карелии.²⁷

Со второй половины 1900-х годов дело русскоязычного обучения в обеих частях Карелии активизировалось благодаря усилиям образованного в 1907 г. «Православного Карельского Братства Святого Великомученика Георгия», которым руководил архимандрит Киприан (Шнитников), в 1911 г. назначенный также на пост викарного епископа в г. Сердоболь (Сортавала). Цель братства определялась как «пробуждение у окружающего населения чувства истинного православия, русской народности, любви к отечеству и верности престолу». В 1909–1910 гг. братство открыло четыре русские школы в приходах Ладужской Карелии Салми и Суоярви. В 1914 г. в ведении братства находилось 14 школ: две финские, 11 русских, организованных по типу церковно-приходских школ в империи, из них шесть в Салминском приходе, четыре в Суоярвском и одна в Кидельском, а также школа-приют при Линтульском женском монастыре на Карельском перешейке.²⁸ Священник А. Крылов организовал в Райвола школу для обучения русскому языку детей финнов-лютеран.

²⁵ Там же. Д. 1931. Л. 36 об., 41.

²⁶ Там же. Л. 36 об., 38.

²⁷ *Luntinen P. Karjalaiset suomalaisuuden ja venäläisyyden rajalla // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Historiallinen Arkisto. 83. Helsinki, 1984. S. 146.*

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 422. Д. 2428. Л. 42 об., 46; Д. 2678. Л. 32.

Из этого следует, что интерес к русскому языку среди финнов имелся. Однако работе этой школы воспротивился местный лютеранский пастор, и под его давлением она вскоре прекратила свое существование.²⁹ К 1917 г. в округах Приграничной Карелии действовали в общей сложности 63 русские школы, открытые Министерством народного просвещения и Братством св. Георгия, с 2205 учащихся (финских народных и епархиальных школ тогда же было 74, с 2839 учащихся).³⁰

После визита в Финляндию министра народного просвещения, состоявшегося в 1911 г., был, наконец, реализован замысел открытия в Великом княжестве русской учительской семинарии: она была открыта в Выборге в 1912 г. Однако, по мнению авторов изданного по инициативе финляндского генерал-губернатора очерка «Православная Карелия», этим не было достигнуто «обезвреживание Сердобольской финской семинарии, которая... продолжает служить как бы центром политической панфинской пропаганды среди жителей не только Карелии, но отчасти и всей восточной Финляндии, а также гнездом и рассадником агитаторов антирусского движения среди православных карел».³¹

Устремления руководства Финляндской православной епархии и тесно связанного с ним Георгиевского братства в отношении развития русского образования в Великом княжестве всецело пользовались поддержкой со стороны последнего финляндского генерал-губернатора имперского периода Ф. А. Зейна (1909–1917 гг.). Будучи выходцем из немецкой лютеранской семьи, Зейн, тем не менее, проявлял себя в Финляндии как активный поборник русских интересов и защитник православия. Он способствовал открытию русских школ в Ладужской Карелии, выделял из личных средств немалые суммы на поддержку православных церквей, русских школ и на помощь Карельскому братству. Имен-

²⁹ Там же. Д. 2428. Д. 26.

³⁰ Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1997. С. 87.

³¹ Православная Карелия. Очерк. Пг., 1914. С. 141.

но благодаря щедрым пожертвованиям генерал-губернатора, передавшего 7000 марок на школьное дело в распоряжение совета братства, в августе 1910 г. были открыты две русские школы: в д. Карку Салминского прихода и в д. Мойсенваара Суоярвского прихода (школу в Карку было решено назвать Софийской — по имени супруги генерал-губернатора Софии Зейн).³² Зейн также продолжил начатое еще Бобриковым дело расширения преподавания русского языка в финских средних школах. Начиная с 1914 г. финские учащиеся должны были еженедельно затрачивать 4–5 часов на изучение русского языка, по которому был предусмотрен выпускной экзамен. Также предполагалось ввести изучение русского языка в учительских семинариях. Результаты этих инициатив оказались, однако, не слишком успешными: в 1916 г. лишь 4,2% выпускников финских школ сдавали экзамен по русскому языку, а после провозглашения независимости Финляндии изучение русского языка в учебных заведениях страны было вовсе прекращено.³³

Существенное значение, в то же время, имел вопрос об изучении русскими учащимися в Финляндии местных языков — финского и шведского. На важность этого вопроса обратил внимание премьер-министр П. А. Столыпин. В своем письме товарищу министра народного просвещения О. П. Герасимову от 17 августа 1907 г. он предлагал ввести в Александровской гимназии в Гельсингфорсе, где шведский и финский языки с 1905 г. преподавались факультативно для желающих, обязательное изучение одного из местных языков вместо уроков древнегреческого языка.³⁴ Ф. А. Зейн придавал большое значение тому, чтобы чины русской администрации и полиции в Финляндии владели местными языками, и предлагал Министерству народного просвещения организовать изучение финского и шведского языков в нескольких имперских учебных заведениях.³⁵ В дальнейшем

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 422. Д. 2428. Л. 28, 46. В 1911 г.

³³ *Luntinen P. F. A. Seyn. P. 199.*

³⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 43. Л. 1.

³⁵ *Luntinen P. F. A. Seyn. P. 198.*

этот вопрос обсуждался на самом высоком уровне. Совет Министров 24 февраля 1911 г. высказался в пользу введения преподавания финского и шведского языков, помимо Александровской гимназии, также в Выборгском реальном училище. Кроме того, в ряде гимназий и реальных училищ С.-Петербурга предлагалось допустить, по желанию родителей или опекунов учащихся, замену изучения немецкого или французского языков изучением финского или шведского. Предполагалось ввести стипендии для изучающих эти языки, а для молодых людей, окончивших обучение, организовывать командировки в Финляндию или Швецию за казенный счет.³⁶

Наличие системы школьного образования на русском языке имело большое значение для поддержания русской идентичности в Финляндии после 1917 г., когда Финляндия стала независимым государством, и в стране целенаправленно принимались меры по искоренению следов русского влияния. Тем более что приток беженцев из России вызывал вопрос об организации обучения для детей из беженских семей. В этом отношении русская диаспора на бывших территориях империи — в Финляндии и Прибалтике — находилась в более благоприятном положении по сравнению с эмигрантами, осевшими в других странах, где не было русских школ. Однако в независимой Финляндии русские школы оказались в сложном положении. В имперский период большинство учебных заведений находились под полным или частичным управлением Министерства народного просвещения, их финансирование производилось через совещательный комитет при финляндском генерал-губернаторе. Часть средств поступала от Русского благотворительного общества. После 1917 г. централизованное финансирование русских школ в Финляндии прекратилось, бывшая имперская собственность была конфискована в пользу Финляндского государства, к тому же, вследствие разрыва торговых связей с Россией и падения курса рубля, материальные трудности стали испытывать прежде процветавшие русские предприниматели, ранее оказывавшие поддержку шко-

³⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 43. Л. 46, 106.

лам. Все это имело следствием закрытие части русских учебных заведений. В частности, в Хельсинки была закрыта Марининская женская гимназия, в Выборге — русские женский лицей.³⁷

Некоторые старые учебные заведения в тех местах, где имелось многочисленное русское население (прежде всего в Хельсинки, Выборге и на Карельском перешейке) удалось все же сохранить. К их числу относились гимназия и начальная школа в Хельсинки, реальный лицей в Выборге, реальное училище в Терийоки, начальные школы в Терийоки, Кююрёля, Райвола, Лаппеенранте и Хамине. В Хельсинки после закрытия женской гимназии Александровская гимназия была преобразована в Хельсинкский русский лицей с совместным обучением для мальчиков и девочек. В 1930 г. лицей был преобразован в пятилетнюю школу, которая финансировалась на частные средства. Когда по мере усиления притока эмигрантов вопрос об организации школьного обучения стал приобретать все большую остроту, многие родители сами обучали своих детей или основывали небольшие домашние школы. В 1919 г. в поселке Перкъярви на Карельском перешейке на частные средства была открыта гимназия святого Алексея, продолжавшая традиции одноименного учебного заведения в Петрограде. В Келломяки и Куоккала реальные училища были основаны по инициативе приходских советов соответственно в 1920 и 1921 гг. (в Куоккала председателем школьной дирекции был И. Е. Репин).³⁸

В 1920 г. на Карельском перешейке работали 12 русских школ различного уровня, которые существовали на средства церковных общин и частные пожертвования.³⁹ Всего же в Финляндии в 1922–1923 учебном году, как явствует из доклада председателя «Отдела Российского Земско-Городского комитета помощи российским гражданам в Финляндии» К. А. Александрова, действовали шесть средних русских школ и гимназий, семь училищ с про-

³⁷ Невалайнен П. Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 191.

³⁸ Там же. С. 192–193.

³⁹ Baschmakoff N., Leinonen M. Russian Life in Finland 1917–1939: A Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 190–192.

граммами средней школы и пять начальных школ. Кроме того, на Карельском перешейке в Мустамяки, Халила, Уусикиркко и в деревне Вихола (близ станции Перкъярви), а также в г. Хамина имелись учебные группы, работавшие по смешанным программам. Их существование вызывалось «отдаленностью местностей, в которых они были организованы, от Выборга или Терийоки, с одной стороны, и невозможностью создать более или менее правильно организованную школу за отсутствием средств и преподавателей, с другой».⁴⁰ Школы, расположенные в районе Терийоки, и гимназия в Перкъярви по составу учащихся были почти исключительно беженскими. В начальных школах в Кююрёля, Уусикюля (Новой Деревне) и Парккила (Паркино) преобладали дети из оседлых русских семей. В других учебных заведениях состав учащихся был смешанным (в Выборгском лицее, в частности, число членов беженских семей среди учащихся составляло около 40%). Всего к середине 1923 г. в русских начальных и средних школах в Финляндии обучались до 1500 человек.⁴¹ Единой системы управления русскими школами не было. В докладе бюро Земгора педагогическому съезду в Праге в августе 1923 г. отмечалось: «Общего управления школами не существует, и каждое учебное заведение живет самостоятельной жизнью. В некоторых случаях жизнь эта регулируется специально утвержденным финскими властями уставом, в иных случаях хозяином школы являются приходские советы».⁴²

Материальное положение русских учебных заведений было сложным. Лишь четыре школы размещались в специально предназначенных для этого зданиях. Большинство других работали в помещениях пустовавших дач, часто летнего типа, ввиду чего в зимнее время в них стояла крайне низкая температура. Далеко ни при всех школах имелись общежития, а существовавшие были малы и плохо оборудованы. В общей сложности в них помеща-

⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 8. Л. 101, 157 об.

⁴¹ Там же. Л. 157 об.; Д. 11. Л. 240.

⁴² Там же. Д. 8. Л. 157 об.

лись всего 145 человек.⁴³ Еще одной серьезной проблемой был недостаток учебных пособий. Учебников не хватало: в частности, учебников русского языка и литературы имелось по 4–5 экземпляров на класс, не было хрестоматий. Очень сложно было достать учебники по другим предметам. Из старых учебников некоторые устарели или пришли в ветхость, а новые, изданные уже в эмиграции, нередко вызывали нарекания как «неудовлетворяющие своему назначению». Преподавание некоторых предметов приходилось организовывать по запискам, составлявшимся самими учителями. Также не доставало исторических и географических карт.⁴⁴ Еще одной проблемой было отсутствие общего учебного плана и единых программ обучения. Большинство школ ориентировались на программы для реальных училищ бывшего имперского Министерства народного просвещения, однако какого-либо общего плана, обязательного для всех школ, не существовало. Вопрос об унификации программ хотя и ставился на повестку дня, но так и не был решен.⁴⁵ Не было полной ясности и единства мнений по вопросу о том, какой орфографией нужно пользоваться в учебном процессе: старой или новой, принятой в 1918 г. в Советской России. На родительском совещании в Терийокском реальном училище группа родителей подняла вопрос о переходе на новую орфографию. В Выборгском лицее учащимся предоставлялось на выбор: пользоваться старой или новой орфографией (в русских эмигрантских центрах в Европе литература издавалась преимущественно со старой орфографией).⁴⁶

Значительную роль в поддержке русских школ в Финляндии играл Земско-Городской комитет помощи российским гражданам за границей. Земгор начал финансировать беженские школы в Финляндии с весны 1921 г. через бюро своего отдела (позднее — представительство) в Финляндии. За счет поступавших от него средств финансировалось 86% бюджета начальных и 55%

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Д. 12. Л. 159, 238.

⁴⁵ Там же. Л. 157.

⁴⁶ Там же. Л. 237.

бюджета средних школ. Помимо денежных средств, которые изыскивались не только в Европе, но и в Америке, он поставлял одежду и отпечатанные в эмигрантских центрах Западной Европы учебники. Расходы Земгора на содержание русских школ и интернатов в Финляндии в 1922–1923 учебном году составили 461 972 финских марок, в 1923–1924 гг. — 527 496,2 марок.⁴⁷ В 1924–1925 учебном году субсидии через представительство Земгора получали в Финляндии шесть средних учебных заведений (в Выборге, Перкъярви, Райвола, Терийоки, Келломьяки и Куоккала) три начальные школы (в Выборге, Райвола и Терийоки) и две учебные группы (в Мустамяки и Халила), с общим числом учащихся в 772 человека (592 в средних школах и 180 в начальных школах и учебных группах). Наиболее крупными среди них были Выборгский реальный лицей и Терийокское реальное училище. Кроме того, представительство содержало интернаты при Терийокском училище и Райвольской школе и субсидировало интернат при Перкъярвской гимназии.⁴⁸ Некоторые учебные заведения обходились без субсидий: гимназия и начальная школа в Хельсинки, начальные школы в г. Лаппеенранта, в Красном Селе (Кююрёля), Новой Деревне (Уусикюля) и Паркино (Парккила), учебная группа в г. Хамина, то есть школы со смешанным составом учащихся или с преобладанием детей из оседлых семей. В них обучались до 445 человек.⁴⁹ Некоторая помощь продовольствием и одеждой самым малообеспеченным учащимся поступала от финляндского Государственного центра помощи беженцам.⁵⁰

Распределение средств производилось весьма неравномерно. Так, если Выборгский лицей покрывал за счет средств Земгора лишь 13% своего годового бюджета, Терийокскому реальному училищу Земгор покрывал 80% расходов, а Райвольская школа почти полностью содержалась за его счет. Отчасти это было связано с тем, что некоторые школы имели другие источники

⁴⁷ Там же. Д. 11. Л. 244.

⁴⁸ Там же. Л. 239–240; Д. 12. Л. 234.

⁴⁹ Там же. Д. 11. Л. 240.

⁵⁰ Невалайнен П. Изгои. С. 193.

финансирования — за счет спонсорской поддержки, средств приходов или взносов (там, где обучение было полностью или частично платным), другие же полностью зависели от помощи Земгора. Иногда, впрочем, это было сопряжено с политическими соображениями. Так, в 1925 г. Земгор перестал снабжать гимназию св. Алексея в Перкъярви, когда было сочтено, что образование там ведется «в духе черного монархизма».⁵¹ Председатель членов общего собрания членов финляндского представительства Земгора С. Андреевский в письме председателю Русского особого комитета в Финляндии А. В. Карташеву с возмущением писал по этому поводу, что деятельность бюро отдела Земгора ведет к разрушению русской школы в Финляндии: «Достаточно сказать, что, с одной стороны, всеми мерами удушается одна из лучших русских школ — классическая гимназия Святителя Алексея в Перкъярви, с другой — всеми мерами поддерживается реальная гимназия в Терийоки, гордящаяся тем, что окончившие ее принимаются без экзаменов в высшие учебные заведения Советской России».⁵² Со своей стороны, работу русских школ контролировал Особый комитет, при котором существовала школьная комиссия.⁵³

С самого начала серьезную проблему представлял собой недостаток финансирования. Еще в августе-сентябре 1923 г. отдел Земгора в Финляндии сообщал «Объединению русских учительских организаций за границей» и «Педагогическому бюро русской средней и низшей школы за границей» о материальной необеспеченности русских школ в стране. Большинство школ существовали на так называемом «голодном бюджете», часто не имея средств на покупку учебных пособий и других необходимых предметов школьного обихода. В сообщении отдела, в частности, утверждалось: «Русские школы в Финляндии в материальном положении необеспеченны. Они не имеют твердого постоянного бюджета, хотя бы на один учебный год. Ежегодно, перед окон-

⁵¹ *Baschmakoff N., Leinonen M. Russian Life in Finland.* P. 193.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-6096. Оп. 1. Д. 22. Л. 25.

⁵³ Там же. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 12. Л. 206.

чанием учебных занятий, перед школами встает вопрос о том, будут ли они существовать в следующем году». ⁵⁴ Отдел обращал внимание также на неудовлетворительное положение с организацией дошкольного воспитания. Организация детских садов была насущной необходимостью, поскольку, как правило, все члены эмигрантских семей, даже имевшие маленьких детей, вынуждены были работать. Такие попытки предпринимались, однако средств для этого также не хватало. ⁵⁵

Крайне низкой была оплата труда преподавателей: она не превышала 5–6 марок в час. Месячный заработок учителей русских эмигрантских школ, которые сами чаще всего были выходцами из беженской и эмигрантской среды, составлял от 200 до 600 марок, что было ниже прожиточного минимума (600–700 марок в сельской местности и около 1000 марок в городе). ⁵⁶ Даже заработки эмигрантов, занятых физическим трудом, были заметно выше, не говоря уже о доходах финляндских граждан. ⁵⁷ Неудивительно, что преподавательский состав русских школ влачил полуголодное существование. «Из произведенных опросов преподавательского состава видно, что никому из них заработка, получаемого в школе, не хватает. Его хватает лишь на то, чтобы не умереть с голода и иметь кров, что же касается трат на одежду, обувь и удовлетворение культурных потребностей, то этих трат учителю беженской школы не приходится делать», констатировал глава представительства Земгора в Финляндии К. А. Александров. ⁵⁸ Чтобы прокормиться и содержать свои семьи, учителям приходилось распродавать свое имущество, прирабатывать частными уроками или физическим трудом, разводить огороды, заниматься заготовками ягод и грибов.

Жилищные условия большинства учителей также были крайне неудовлетворительными: им приходилось жить в основ-

⁵⁴ Там же. Д. 8. Л. 99.

⁵⁵ Там же. Л. 61.

⁵⁶ Там же. Л. 99–100.

⁵⁷ Для сравнения: в финских школах учителя получали от 3000 марок и больше.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 8. Л. 100.

ном в бывших дачах, зачастую неприспособленных для проживания в них в холодное время года и не электрифицированных. Как правило, не имелось средств на приобретение одежды и обуви, покупку книг, журналов, оплату врачебной помощи и поездок даже в Терийоки, не говоря уже о более дальних расстояниях.⁵⁹ Несколько лучшей ситуация была в хельсинкских и Выборгских учебных заведениях и в школах Красносельского прихода. Здесь учителя, которые относились главным образом к кадровым преподавателям бывших имперских учебных заведений и обосновались в Финляндии до 1917 г., получали вполне приличное жалование и жили в хороших квартирах. Так, жалование преподавателей Хельсинкской гимназии составляло от 1500 до 4000 марок в месяц, Выборгского лицея — от 600 до 1800 марок. Однако и их положение, как отмечал К. А. Александров в докладе «Об условиях жизни и работы русского учительства в Финляндии», «по сравнению с тем, что было до 1917 года, значительно ухудшилось», что было связано в первую очередь с заметным ростом цен на недвижимость в финляндских городах. К примеру, в Выборге месячная оплата за меблированную комнату составляла 400–600 марок, за 3–4-х комнатную квартиру — 600–1500 марок.⁶⁰

К началу 1930-х годов дальнейшее существование русских школ в Финляндии оказалось под вопросом. И без того скудные средства Земгора начали иссякать, его финансовая помощь прекращалась или сводилась к минимуму. Кроме того, не хватало учебных материалов, ощущался недостаток квалифицированных учительских кадров. Государство принимало участие в материальной поддержке обучения беженцев-«соплеменников» (ингерманландских финнов и олонецких и архангельских карелов), однако русскоязычным эмигрантам оно не уделяло внимания. К тому же местные власти относились к русским школам с недоверием. Начальник Выборгского отделения сысской полиции, например, считал, что местный русский реальный лицей является рассадником русского национализма, и его существование пред-

⁵⁹ Там же. Д. 14. Л. 136–138.

⁶⁰ Там же. Л. 135.

ставляет угрозу безопасности Финляндии.⁶¹ Уже в конце 1920-х годов стали закрываться начальные малокомплектные школы из-за отсутствия достаточного числа учеников. В 1930-е годы обучение на русском языке в Финляндии постепенно сворачивалось. К концу десятилетия, после того, как закрылись гимназия св. Алексея в Перкъярви и реальная школа в Терийоки, действующим оставался только реальный лицей в Выборге. Проблема также заключалась в том, что выпускники русскоязычных школ испытывали сложности при поступлении в финляндские высшие учебные заведения из-за слабого владения финским и шведским языками. Уже в начале 1920-х годов некоторые русские дети посещали финские или шведские школы. Это были члены семей коренных жителей, имевших финляндское гражданство.⁶² Теперь русские родители все чаще отдавали своих детей в школы с другим языком обучения. Популярностью пользовались, в частности, шведские школы в Хельсинки и Выборге и немецкая «Deutsche Vorschule» в Хельсинки. В 1920–1930-е гг. несколько сот эмигрантов выехали из Финляндии на учебу за границу, преимущественно в Эстонию, Бельгию, Францию и Чехословакию.⁶³ Финский язык к началу 1930-х годов сделался также преобладающим языком обучения в школе при Валаамском монастыре (где и богослужения все чаще проводились по-фински).⁶⁴

Несмотря на относительно краткий период своего функционирования в независимой Финляндии, русские школы сыграли определенную роль, наряду с православными приходами и монастырями, русскими добровольными обществами и культурными объединениями, как инструмент облегчения адаптации русской диаспоры к новой ситуации в условиях инонационального и иноязычного окружения.

⁶¹ Невалайнен П. Изгон. С. 195.

⁶² ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 8. Л. 295. Дети из смешанных семей в финляндских городах поступали в основном в финские или шведские школы уже в последние годы имперского периода.

⁶³ Невалайнен П. Изгон. С. 194.

⁶⁴ Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии. С. 144.

Т. В. Ковалева

РАСПРОСТРАНЕНИЯ БИЛИНГВИЗМА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Национальный билингвизм характеризуется вариативностью. Это относительно равное сосуществование двух языков, где один язык — официальный язык, находящийся в сильной позиции, обычно литературный язык. Иногда он может быть языком небольшой группы образованных людей. Другой же язык — не менее значимый, но находящийся в несколько ослабленной позиции, поскольку это, обычно, народный язык или диалект. По своей характеристике он не литературный, бесписьменный, а в устной форме обслуживает народный фольклор. Для всех языков и культур на раннем этапе их развития присущ одинаковый способ усвоения второго языка, который называется **стихийно-коммуникативным**. Обычно стихийно-коммуникативный способ усвоения второго языка возможен и применим на периферийных границах между двумя или несколькими народами, которые образуют определенные культурно-языковые семантические поля, где ядро сохраняет родной язык и культуру, и при этом на стыке культур и языков возникают предпосылки для появления билингвизма (по Лотману, «Семиосфера»). Такой вид билингвизма называется **стихийно-коммуникативный**. Он был нестабилен, поскольку изменение общественного строя от родоплеменного к государственному обычно приводит к разрушению границ между племенами, а это, в свою очередь, разрушает билингвальные отношения на границах племен.

Во все времена торговля и разнообразные связи между общинами, говорящими на разных языках, способствовали изучению других языков, а вместе с этим и двуязычию. Обычно двуязычие возникало в пограничных зонах проживания разных племен и народностей, а также в городах, где проходили оживленные торговые пути.

Потребность в переводчиках (толмачах) и стремление вести торговлю напрямую без посредников подталкивало население учить языки торговых гостей. Конечно, торговля была важным фактором появления билингвизма, но социально-культурные связи и обмены также имели место в данных процессах: смешанные браки, интеграция культов и обрядов и т. д. Если вспомнить пеструю картину поселения племен на территории России (VI век), то можно насчитать 21 племя (Повесть временных лет), из которых только 7 были славянами. Поляне, древляне, новгородцы, половчане, дреговичи, северяне и бужане говорили на едином славянском языке, остальные же использовали другие языки. Эти семь племен граничили с другими племенами, и происходил постоянный культурный и языковой обмен. «Язык восточных славян еще в доисторическую пору представлял собою сложную и пеструю группу племенных наречий, уже испытавших разнообразные смешения и скрещения с языками разных народностей и заключавших в себе богатое наследие многовековой племенной жизни. Сношения и соприкосновения с балтийскими народностями, с германцами, с финскими племенами, с кельтами, с турецко-тюркскими племенами (гуннскими ордами, аварами, болгарами, хазарами) не могли не оставить глубоких следов в языке восточного славянства, подобно тому как славянские элементы обнаруживаются в языках литовском, немецком, финских и тюркских», — пишет В. В. Виноградов.¹ Можно полагать, что: «Межнациональное общение на личностном уровне» определяло знание второго языка, которое «приобреталось естественным путем, можно сказать, стихийным путем».²

Славянофилы И. В. Киреевский и А. С. Хомяков считали, что процесс объединения племен под единым языковым пространством сначала в Киевском государстве, а потом Московском, шел сравнительно мирным путем благодаря принятию христианства. «Не искаженная завоеванием, русская земля в своем внутреннем устройстве

¹ Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 10.

² Русские (этносоциологические очерки) / Под ред. С. Н. Васильченко. М., 1992. С. 303.

не стеснялась теми насильственными формами, какие должны возникать из борьбы двух ненавистных друг другу племен, принужденных в постоянной вражде устраивать свою совместную жизнь. В ней не было ни завоевателей, ни завоеванных. Она не знала ни железного разграничения неподвижных сословий, ни стеснительных для одного преимуществ другого, ни истекающей оттуда политической и нравственной борьбы, ни сословного презрения, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, следственно, и необходимого порождения этой борьбы: искусственной формальности общественных отношений и болезненного процесса общественного развития, совершающегося насильственными изменениями законов и бурными переломами постановлений. И князья, и бояре, и духовенство, и народ, и дружины княжеские, и дружины боярские, и дружины городские, и дружина земская — все классы и виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями, одинакою потребностью общего блага. Могло быть разномыслие в каком-нибудь частном обстоятельстве, но в вопросах существенных следов разномыслия почти не встречается».³ В этой связи можно предположить, что не только христианство позволило создать сравнительно мирный путь объединения Руси, но и её принадлежность к славянскому миру, который говорил на старославянском языке.

Второй этап связан с формированием государственности, а именно с периодом, так называемой, византинизации Руси, начиная с IX века. Князь Владимир принимает новую веру вместо языческой и становится государем новой христианской страны. Останавливаться на причинах выбора греческого православия не стоит, поскольку этот сюжет широко освещен во многих исторических и культурологических источниках. Единственно, можно отметить лишь тот факт, что Византия не мешала усвоению своих культурных и языковых традиций в контексте национального мироощущения. Это давало большие возможности для появления новых форм развития славянской культуры, а значит и языка. Православие, пришедшее из Византии, привнесло с собой новый язык — грече-

³ Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 253.

ский и христианскую культуру, которая полностью отличалась от русской своими вековыми традициями и историческими корнями, восходившими к античному миру. К этому периоду Русь имела свой разговорный восточнославянский язык, однако еще не письменный, который все еще объединял в себе украинский и белорусские языки. В Киеве, столице Русского государства, «вырабатывался «общий» язык восточнославянской империи, своеобразное «койнэ», в котором стирались и смягчались резкие диалектальные особенности разных восточнославянских племен. «В основе языка Киева лежала речь южнорусских славян, но этот городской язык, выполнявший сложные культурно-политические и образовательные функции, подверженный международным влияниям и отражавший разнообразие культурной жизни высших классов, был отличен от речи сельских жителей... не только по словарю и синтаксису, но и по звуковым особенностям. В нем было много иноязычных элементов, культурных, общественно-политических, профессиональных и торговых терминов. Он включал в себя слова разных славянских диалектов».⁴

Период IX–X вв. был расцветом славянской переводной литературы, которая создавалась на общеславянском языке и под сильным влиянием греческого языка, поскольку «греческая культура являлась ведущей и греческий язык употреблялся в качестве государственного и письменного».⁵ Билингвальными центрами славянского средневекового мира были город Салунь и Болгарское царство. По мнению Е. М. Верещагина, в Моравии билингвизм существовал, но в него не входил греческий язык из-за сильного влияния латыни и немецкого языка. В Болгарии «в качестве государственного языка использовался язык греческий». Вполне можно согласиться с социокультурологической классификацией одноязычной и двуязычной культур австрийского исследователя В. Фон Зодена,⁶ кото-

⁴ Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 7, 57

⁵ Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972. С. 61–62.

⁶ Soden W. von. Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniens. Wien, 1960.

рый считал, что одноязычная культура — социальная группировка, в которой духовное проявление выражается на едином языке, а двуязычная культура не может отказаться от второго языка культуры вообще или в течение длительного времени. К двуязычным культурам он относил средневековую персидскую, японскую и католическую цивилизации. Верещагин, следуя логике размышления Фон Зодена, отнес языковую культуру Солуни и Болгарии к двуязычной. В свою очередь Д. С. Лихачев выявил важную особенность византийско-болгарской культуры в понимании ее гармоничной адаптации в разных сферах жизни русского средневекового общества — это наличие в ней славянского элемента. Византия всегда была многонациональной страной, и поэтому её политика была ориентирована на мультикультурность и многоязычие. Видимо, по этой причине византийские священнослужители не противодействовали переводам религиозных писаний на славянский язык и ведению богослужения на двух языках. А с другой стороны общеславянский язык помог Руси, в полной мере принять культурный и языковой опыт Болгарии. «Болгария совершила усвоение византийской культуры в обстоятельствах, близких тем, которые создавались затем на Руси при усвоении ею византийской и болгарской культур; Русь получила византийский культурный опыт не только в его непосредственном состоянии, но и в «адаптированном» Болгарией виде, приспособленном к нуждам феодализирующегося общества».⁷

Однако на Руси, как и в Болгарии, двуязычие коснулось лишь привилегированного сословия, переписчиков и священнослужителей. Очевидно, что греческий язык, наряду с древнерусским языком имел сакральное назначение. «Между древнерусскими надписями (эпиграфика) и надписями инокультурного и иноязычного круга прослеживаются типологические связи. Для эпиграфических памятников античного времени, для христианских надписей средневековья (латинских, греческих, коптских, армянских и др.); для рунических надписей Скандинавии характерно использование в качестве основного структурного элемента поэтической или эпической формулы».⁸

⁷ Лихачев Д. С. О филологии. М., 1989. С. 130.

⁸ Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. С. 2.

С одной стороны формульность отражала влияние греческого языка, а с другой — указывала на сакрализацию языка. Дело в том, что греческий язык использовали в качестве «литургического».⁹ «В России богослужение первоначально отправлялось на греческом языке».¹⁰ Хотелось бы остановиться на билингвизме греческих братьев из византийского города Фессалоники. Здесь в самом городе говорили на греческом языке, а в его предместьях на южнославянском диалекте. Усвоение этих двух языков дало возможность братьям стать билингвами, а Руси приобрести, благодаря их способностям, свой национальный язык. И все же греческий язык получал сильную позицию благодаря тому, что он отвечал за религиозную сферу. Владимир, возвратившись в 989 году из похода на Корсунь¹¹ (Херсонес), привез с собой византийских священнослужителей, которые вели службы на греческом языке. Однако характерен тот факт, что церковная архиерейская служба иногда могла вестись попеременно на двух языках: греческом и церковнославянском. В «Повести о Петре, царевиче Ордынском» рассказывается о церкви Богородицы в Ростове в конце XIII столетия, в которой: «левый клирос пел по-гречески, а правый — по-русски» (точнее по-церковнославянски). «Деятельность Кирилла и Мефодия была связана не только с задачами богослужения на славянском языке. Позиция славянских просветителей выражала осознаваемое ими величие Киевской Руси, ее культурных и исторических традиций. Вопрос о языке... из религиозного трансформировался в философский ... (для сохранения) духовности славянского народа».¹²

Верещагин считает, что к моменту крещения Руси уже существовали священные книги в переводе с греческого на славянский язык, и богослужение могло вестись одновременно или последо-

⁹ Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972. С. 63.

¹⁰ Лисицын М. А. Первоначальный славянско-русский типикон. СПб., 1911. С. 17.

¹¹ Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 13.

¹² Безлепкин Н. И. Философия языка в России. СПб., 2001. С. 9.

вательно на русском языке. Для русской православной церкви необходимы были ранневизантийские произведения отцов церкви, которые помогали ввести в русское общество X-XIII вв. церковные традиции и обряды. Т. В. Рождественская находит двуязычие в переводах «греческих молитвенных формул на славянский язык», которые были выполнены обеими азбуками — глаголицей и кириллицей. Молитвенные и поминальные формулы обладали этикетным качеством, поскольку должны были осуществлять связь с богом, показывать набожность человека, его ничтожность перед великим божественным началом, следуя традициям и канонам греко-византийской церкви. Рождественская, исследуя древнерусские надписи на стенах соборов, церквей и монастырей, а также на культовых предметах, подтверждает идею Лихачева о наличии «общего литературно-церковного языка, болгарского в своей основе».¹³ Уже к XIV в. черное духовенство, продолжая выделять свою кастовую принадлежность посредством греческого языка, мечтало об отделении от византийского контроля и приобретении самостоятельного статуса. Причем белое духовенство не владело в должной мере познаниями в греческом языке. Литургии заучивались наизусть и читались без четкого понимания содержания. Народ также не воспринимал богослужение на греческом языке. В этой связи можно вспомнить некоторые языковые казусы, когда «из греческого *кирие элейсон* (господи помилуй) он (народ) сделал глагол *куролесить*, греческое *катабасис* (особенный порядок церковных песнопений) превратил в *катавасию*, то есть церковными «святыми» словами обозначил дурачество, озорство, сумбур. Из латинского *хартуляриум* (оглашаемый священником список умерших) русский язык сделал *халтурщика* — недобросовестного, плохого работника».¹⁴ «Внутренним стимулом развития литературно-письменного языка, как об этом свидетельствуют памятники некнижной письменности, служит творческое преобразование образцового текста средствами собственной речевой практики».¹⁵

¹³ Лихачев Д. С. О филологии. М., 1989. С. 132

¹⁴ Чуковский К. Живой как жизнь. О русском языке. М., 1982. С. 78, 60.

¹⁵ Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. С. 23.

Церковь, опасаясь оттока прихожан, решила использовать старославянский язык в качестве альтернативы греческому. Для этого нужны были переводы церковных книг с греческого языка. Начинаясь новая эра профессионального билингвизма, когда в этот социолингвистический процесс было вовлечено среднее по рангу духовенство. Обычно в качестве переводчиков служили монахи, которые хорошо знали греческий, латынь, а некоторые даже болгарский и моравский языки. Монахи переводили различные византийские Жития святомучеников Христовых, порой внося в текст свои комментарии и замечания.

Первоначально греческий язык занимал доминирующую позицию по отношению к русско-славянскому языку. Этим языком владели образованные люди из правящей элиты, церковнослужители высокого ранга. Большая часть населения Древней Руси продолжала пользоваться родным языком, который по своей структуре был неоднороден, поскольку в нем наличествовали в большом количестве диалекты — отголоски прежней племенной жизни нынешнего русского народа. Разрозненность культур внутри единой русской культуры, разнообразие диалектов внутри единого русского языка — все это привело к тому, что греческий язык, как язык литературный, поскольку на нем были созданы множество письменных сочинений, занимает лидирующую позицию по отношению к русскому, развиваемому языку. При таких условиях речи о массовом билингвизме не могло быть и речи. Однако подобные отношения могли возникнуть только в определенных социальных прослойках общества или в узкопрофессиональной сфере. Эта сфера включала в себя только переводчиков и дипломатический корпус.

Укрепление христианства способствовало тому, что посредством религиозных обрядов, литургий и других миссионерских действий греческая лексика стала проникать в народные массы. Первым шагом к появлению альтернативы греческому языку стал новый билингвальный язык, разработанный братьями Кириллом и Мефодием — глаголица. В дальнейшем их учениками была создана азбука — кириллица. По своему составу, расположению и звуковому значению букв кириллица почти полностью совпадает с глаголицей, но резко отличается от нее формой букв. В основе этой азбуки лежит

греческое торжественное письмо — так называемый устав. Однако буквы, необходимые для передачи особых, отсутствующих в греческом языке звуков славянской речи, были взяты из глаголицы или составлены по ее образцам. До создания кириллицы существовали попытки создать свой язык. Так болгарский монах Храбр в своем рассказе «Сказании о письменах» X века описывает проблемы, с которыми столкнулись славяне в своем стремлении записать славянскую речь. Они пытались ее записывать беспорядочно римскими и греческими буквами, но такие попытки были обречены на неудачу, поскольку, ни греческий, ни латинский алфавит не были пригодны для передачи многих особых звуков славянской речи. Это продолжалось многие годы, до появления на Руси кириллицы.

«Русский письменный язык древнейшего периода развивается в двух направлениях. С одной стороны, вырабатывается и эволюционирует, вбирая в себя элементы живой речи восточных славян, русская разновидность старославянского языка — **славяно-русский литературный язык (так называемый церковнославянский язык)**. С другой стороны, старославянской системой письменного изображения, старославянской азбукой пользуется **русский государственно-деловой язык**, тесно связанный с живыми наречиями восточного славянства и почти свободный от церковнославянских элементов в кругу бытовой и государственной практики. Есть вполне определенные указания на то, что уже в XI в. возникло это **двуязычие**».¹⁶ Итак, примерно с XI в. образуется билингвальное общество, которое в рамках одного письменного языка стало создавать два разных по профессиональной направленности языка: один для нужд церкви и литературы в рамках церковной культуры, другой для нужд государства. При этом, совершенно закономерен высокий статус церковнославянского языка как языка греческих переводов, языка культуры, церковного слова и, с другой стороны, «приземленность» другого варианта старославянского языка, т. е. русского языка, который в силу профессиональной надобности служил связующим звеном между народом и властью. Поэтому русский

¹⁶ Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 11.

язык должен был быть максимально доступным для понимания простого народа, но при этом не снижаться до простонародного уровня. Подтверждением билингвизма служит использование монахами в церковнославянском тексте слов из русского языка. Этот факт подтверждают и лексикологи, которые, изучая древнерусские тексты, наблюдают подобное проникновение. Колесов в своей монографии «Древняя Русь: наследие в слове» рассматривает эволюцию церковнославянских слов, которые могли быть кальками с греческих или болгарских слов или имевшими старославянское происхождение, но ставшие архаизмами по причине вытеснения их тождественными эквивалентами из русского языка. Так два слова «семя» и «племя», синонимичных по значению, после продолжительного сосуществования в текстах летописцев «везде после XI в. слово *сѣмя* заменяется словом *плємя* (так что говорится не *от сѣмене царьска, а от плємене царьска, не от сѣменемъ че-ловечьскымъ, но въ плєменехъ чєловѣчьскыхъ, не сѣмя Авраамле, но плємя Авраамле* и т. д.), и особенно в русских редакциях с начала XIII в. Слово *сѣмя* в этом значении становится высоким архаизмом, заимствованным из древнего книжного языка; будучи связанным со значением греческого эквивалента, оно вошло в противоречие с употреблением синонимичных с ним слов у славян и после недолгого использования в специальных текстах угасло...»¹⁷

Другой пример со словом *род*: первоначально оно имело значение греческого слова *γενεα*, но впоследствии под воздействием социально-общественных изменений древнерусского общества его смысловое значение сузилось и стало конкурировать со словом *плємя*, которое пришло в церковно-славянский язык немного позже. Но уже XIV в. происходит сращение этих двух слов *род-плємя*, и в современном языке можно встретить эти слова как единое целое. У Колесова собрано достаточно много примеров, в которых четко прослеживается определенная зависимость: греческой лексеме подбирается идентичная по смыслу лексема из церковнославянского языка, затем происходит ее узусное закрепление в литературном языке. В силу неких социальных изменений в литературный язык

¹⁷ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. СПб., 2000. С. 20, 61.

проникает лексема из русского языка и какое-то время сосуществует совместно с первой; последний этап — ослабление позиции литературной лексемы и закрепление лексемы русского языка. Подобный пример является одним из множества вариантов. Колесов отмечает, что «на древне-книжный язык несомненное влияние оказал греческий язык». Например, слово *дом* первоначально не было полисемичным, поскольку имело происхождение от греческого *dem* (семья). В Древней Руси слово *дом* имело значение семья и хозяйство, т. е. имущество и имение (пример: *и пограбиша дома цълы, мало же даси*); *дом* в значении *здание/жилище* в русском языке появляется с XIII века в «Русской Правде» как законодательный термин. Взаимопроникновение языков в условиях билингвизма дало возможность закрепления за словом *дом* значения здания. Поэтому становится ясна причина использования слова *дом* в значении храм, церковь (в «Слове о погибели Русской земли» говорится «удивлена дома церковными»). Колесов делает вывод: «Влияние чужой культуры, раздвоение смысла между житейским и освященным (разные представления о доме), расхождение своеобразных стилей (стиля литературы и стиля обиходной речи) — все это, так или иначе, отразило в себе суждение смысла старинного корня: здание, форма — вот что такое дом...».¹⁸ У Виноградова можно найти подобные примеры. «Так, переводчик Хроники Георгия Амартола иногда сопоставляет литературные славянские и русские бытовые обозначения: “сѣдмиць рекше недѣли нашѣскы”; “общимъ — нашимъ гласомъ-повознымъ”. Ср. в Хронике Георгия Синкелла: “врачь еже есть цѣлитель”; “епилипсию яже кручиною усушаеть”».¹⁹

Еще один факт является доказательством билингвизма русского общества — это калькирование. В. А. Ткаченко в своей статье «Теоретические и практические аспекты калькирования» соглашается с мнением венгерского лингвиста Л. Гальди, который в свою очередь отмечал период заимствования «новой волной калек». Ткаченко замечает в своей работе, что «кальки интересны как при-

¹⁸ Там же. С. 210, 62.

¹⁹ Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 13.

ем при переводе религиозных, юридических, исторических, лингвистических и литературных текстов из книжнославянского языка и потом из других языков (греческого, латинского и т. д.) как прием создания новых слов и выражений».²⁰ В церковнославянском языке был широко распространен принцип калькирования, буквального перевода греческих слов. Ткаченко определил круг языкового влияния на русский язык. По его мнению, так исторически сложилось, что самое большое количество калек дал греческий язык, на втором месте — латынь, затем французский, немецкий и английский. Обычно «билингвы стремятся мотивированные знаки не заимствовать, а калькировать. Легче всего поддаются калькированию слова с наиболее прозрачной словообразовательной структурой».²¹ В условиях билингвизма резко возрастает роль людей с профессиональной подготовкой — таких, как дипломаты, монахи-переводчики и все, кто владеет двумя языками и может осуществлять практическую коммуникацию в обществе. Письменные языки в период тесного контакта способны подолгу находиться в билингвистических отношениях. Это может продолжаться до тех пор, пока не изменится историко-социальная ситуация в обществе; тогда может произойти смена языков в межкультурной связи или отказ от калькирования и в дальнейшем разрушение билингвальных отношений. Церковнославянский язык литературно обогатился за счет греческих калек, в то же время «русский язык воспринимал старославянские кальки как вполне органические элементы».²²

Рассмотрим примеры калькирования. «Слово *подружие* было сначала всего лишь искусственным словом — калькой с греческого (оно встречается в основном в переводных и церковных законодательных текстах), но впоследствии вступает в синонимические связи со словом супруга (последнее — такая же калька с греческого *sydzygos* и в том же самом значении); это и привело к необходимости выбора: предпочли оставить слово супруги, а не подружие».²³ С по-

²⁰ Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989. С. 181.

²¹ Там же. С. 191.

²² Там же.

²³ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. С. 61.

мощью калькирования язык обогащался множеством отвлеченных понятий и научных терминов. «Например, *беззаконие* (anomia), *бездушие* (apsykhia), *богословие* (theologia), *совесть* (syneidesis), *согласие* (symphonia), *предтеча* (prodromos), *предатель* (prodotes) и др. Эта волна отвлеченной терминологии, передававшая религиозные, нравственные, философские, научные понятия, имела громадное значение для развития русской культуры. Среди сложных слов, образованных по греческому образцу уже в первые века русской письменности, можно отметить множество таких, которые живы и в современном русском языке, например: *крѣстоносьць*, *многообразіе*, *народовластіе*, *плотояднѣ*, *раболѣпнѣ*, *самоличѣно*, *несущѣствнѣ* и многие другие. Уже в первой половине XI в. русские книжники могли свободно владеть общеславянским книжным литературным языком. «Такие блестящие и разнообразные по языку и стилю древнерусские произведения XI в., как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и летопись, такие замечательные памятники каллиграфического искусства, как Остромирово евангелие и Изборник Святослава, говорят о высоте литературно-языкового развития древней Руси XI в.»²⁴ Если лексика церковнославянского языка была ориентирована на обслуживание церковной сферы и литературы (жития и летописания), и поэтому имела в своем составе отвлеченную лексику, то русский язык, будучи административным языком, имел в своем составе больше бытовой лексики, так как постоянно контактировал с устной народной речью. Тем самым административный русский язык был коммуникативным посредником между высоким языком и простонародным. Он должен был быть доступным для простого народа, но при этом не опускаться до уровня простонародного, поскольку он, собственно, как и церковнославянский язык, отражал уровень культуры русского общества и его грамотности. «Русская правда» — памятник литературно-юридической литературы отмечен полным отсутствием церковнославянизмов. Служилые люди из канцелярии разрабатывают новый стиль административного языка, которому предстоит в дальнейшем стать великим русским языком.

²⁴ Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. С. 14.

Греко-русский билингвизм просуществовал до конца X века. Причиной ослабления позиций в религиозной сфере греческого языка послужили те же языковые процессы, которые имели место и в Западной Европе, когда латынь вынуждена была уступить свое место вульгате. В. В. Виноградов отмечает, что «этот общеславянский письменный язык (старославянский) становится не только церковным, но и литературным языком всего славянского мира: в конце X и XI вв. на нем пишут, читают, проповедуют и служат и в Новгороде, и в Киеве, и в Преславе, и в Охриде, и в Велеграде, и на Сазаве. Произведения на этом языке, возникшие на юге славянства, переписываются и читаются и в Чехии, и на Руси, равно как и написанные в Чехии — и на Руси, и на Балканах».²⁵ Период группового билингвизма, когда образованная знать и высшее духовенство владели двумя языками — греческим и русским (возможно, что билингвизм перемежался с диглоссией, поскольку в какой-то момент статус греческого языка был доминирующим и на нем говорили только в определенных ситуациях и в определенном социальном круге), перешел в профессиональный билингвизм в среде духовенства.

²⁵ Там же. С. 9.

3. Батжаргал

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ в Монголии и России

Культурная динамика в современной Монголии во многом похожа на аналогичные процессы в России и характеризуется, прежде всего, тем, что «возвращение к истокам» культуры выступает в качестве формы ее развития. В данной ситуации особое значение приобретает проблема определения содержания и ценности этих истоков, т. е. проблема адекватной интерпретации культурной традиции. Поскольку от решения этой проблемы зависит не только настоящее, но и будущее, как Монголии, так и России, то она требует конкретного теоретического рассмотрения. В связи с этим целесообразно обратиться к работе американского философа Ричарда Рорти «Историография философии: четыре жанра», в которой представлены основные подходы в понимании ценностного содержания традиции. И хотя Рорти рассуждает об истории философии, пытаясь вскрыть основания историко-философского дискурса, но его выводы применимы и к анализу культуры. Рорти интересен еще и тем, что, будучи профессором Принстонского университета, т. е. представляя американскую философию на профессиональном уровне, он сумел отказаться от господствовавших мнений о предметности философского знания и обратился к понятию традиции, придав ей новое звучание. Актуализация традиции привела Рорти к выводу о том, что философское познание всегда культурно обусловлено, и что задачей исследователя в первую очередь должно стать изучение контекста философии, а не ее проблематики. Это значит, что «в настоящее время философия уже не может отрываться от реальной жиз-

ни, а, наоборот, должна подчиниться ее интересам, как бы далеко они ни отстояли от интересов самой философии».¹ Указывая на неполноту субъектно-объектной схемы классического философского познания, Рорти обращает внимание на сферу ценностей, которые не могут быть чисто теоретическими конструктами, а представляют собой точки соприкосновения теории и практики, философии и жизни. Именно ценности, или же смыслы, определяют существо философского знания и задают тематику современного философствования. Смысл, по Рорти, обладает своеобразным онтологическим статусом, который нельзя свести ни к субъективности, ни к объективности, так как он представляет собой некий синтез знания, веры и действия.

Касаясь вопроса обоснования истории философии, Рорти показал, что любая история (history), с ее претензией на научность и объективность, на самом деле является художественным произведением (story) с соответствующим сюжетом. В этом смысле классический историко-философский дискурс отличается от современного, прежде всего тем, что не отражает художественности того идеала научности, которым он руководствуется при изучении истории мысли. Как показывает Рорти, реализация установки на адекватное постижение истины всегда иллюзорна, и в том случае, когда удастся воссоздать убедительную картину прошлого, то это происходит, так как под маской научности действуют законы риторики. Современная философия, по Рорти, стремится вывести риторику из латентного состояния и представить ее не как антипод научности, а как ее действительную форму. Для этого нужно рассматривать history как story, т. е. как творческое создание интеллектуалов данной эпохи, необходимое для решения насущных проблем философии и для совершенствования форм человеческой жизни. При этом вопрос об адекватности использования дефиниций и аргументации оказывается не столь важным — «что важно, так это создание нового повество-

¹ Рыбас А. Е. Элиминативизм Рорти и проблема обоснования новой рациональности // Современная философия как феномен культуры: Исследовательские традиции и новации. СПб., 2001. С. 87.

вания — story, новой языковой игры в надежде на новую форму интеллектуальной жизни».²

Свой анализ историко-философского дискурса Рорти начинается с разбора жанра «рациональной реконструкции», к которому чаще всего прибегают аналитические философы. Суть его в том, чтобы использовать современные философские взгляды и словарь для описания воззрений философов прошлого. В результате рациональной реконструкции великие философы прошлого становятся как бы нашими современниками и коллегами, с которыми можно обмениваться взглядами. Недостатки такого подхода вполне очевидны. Поскольку наш анализ зависит от критериев описания и классификации, которые были недоступны рассматриваемому философу, то выяснить, что «он делал и имел в виду» невозможно. Философу прошлого навязываются такие послышки и темы, которых у него никогда не было. Привлекательность рациональной реконструкции Рорти объясняет следующим образом: «Мы хотели бы быть способными рассматривать историю нашей расы как продолжительный обмен мнениями. Мы хотим быть способными рассматривать ее таким образом, чтобы увериться, что в официальной истории был реальный прогресс, что наше отличие от наших предков зиждется на тех основаниях, которые наши предки могли бы принять. Потребность в уверенности на этот счет также велика, как и нужда в самосознании».³ Естественное желание вести спор с великими людьми прошлого и прояснять общие для всех идеи создает миф о том, что мы лучше и яснее представляем их идеи и поэтому имеем право оценивать и даже исправлять их с высоты нашего времени.

Вторым жанром историко-философского дискурса является «историческая реконструкция», когда мыслителей прошлого рассматривают «в их собственных терминах», стремясь воссоздать интеллектуальную атмосферу того времени и аутентичность дискуссий. Такое освоение исторического знания ведется с целью

² Rorty R. Philosophy in America Today // The American Scholar. № 51. 1982. P. 183–200.

³ Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М., 2001. С. 182.

преодоления анахронизма, в результате чего исследователям приходится пренебрегать собственным, более совершенным знанием. Понимание смысла высказываний мыслителя достигается посредством помещения этих утверждений в его контекст. Так, исследователь хочет детально знать, как жили и говорили древние люди с их современниками, желает проникнуть в их головы и выяснить то, что не знает даже самый образованный современный ученый, а именно, то, что философы прошлого имели в виду «на самом деле». Конечной целью исторической реконструкции является обнаружение различия между тем, что действительно имело место, и тем, что является результатом наших рациональных конструкций и домысла. Однако, как показывает Рорти, эта цель недостижима. «Рациональных конструкций, имеющих целью найти осмысленные истины или важные заблуждения в работах великого философа прошлого, может быть столько, сколько есть важных различных текстов, в которые могут быть помещены его работы».⁴ Понимание значения и смысла утверждения всегда зависит от того, что мы хотим получить из анализа утверждения, опираясь на все более совершенствующееся знание.

Третий вид истолкования философского наследия — это «история духа», и наиболее последовательным представителем этого типа риторики является Гегель. В наши дни также предпринимались попытки написания «истории духа»: это прежде всего работы Хайдеггера, Райхенбаха, Фуко, Блуменберга и Макинтайра. Специфика данного историко-философского жанра заключается в том, что история духа работает скорее на уровне проблематики, нежели на уровне решения проблем. «В *Geistesgeschichte* уделяется большое время вопрошанию “Почему некто мог считать такой-то вопрос центральным для своей работы?” или “Почему некто рассматривал такую-то проблему серьезно?”, чем вопрошанию того, в какой степени ответы или решения великого философа прошлого соответствуют решениям современных философов».⁵ Таким образом, целью в данном случае является определение того, какие

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Там же. С. 184.

именно проблемы должны быть в поле зрения мыслителей «всех времен и народов». Определяя, какие вопросы являются философскими и по-настоящему важными, создатели истории духа производят выбор великих философов прошлого, показывают их роль в развитии философской проблематики. Они делают это, «подбирая исторические фигуры и через драматический пересказ показывая, как мы пришли к вопросам, которые сейчас рассматриваем как неизбежные и основательные. Если эти фигуры оставили после себя сочинения, то их сочинения образуют канон — этакий перечень обязательной литературы для чтения, которое необходимо для оправдания бытия таким, как оно есть».⁶

Наиболее критически Рорти описывает «доксографию» — сомнительный, но самый известный и распространенный вид историко-философского дискурса. Суть доксографии в том, что историки философии работают с традиционным каноном одних и тех же типичных центральных проблем философии, неискренне пытаясь вмести в них новые вопросы и новые открытия. Исходя из того, что они лучше осознают философские проблемы, чем их великие предшественники, доксографы представляют историю философии в виде простой схемы, связывая воедино системы Лейбница и Гегеля, Милля и Ницше, Декарта и Карнапа, Канта и Делеза и т. д., заставляя философов разных эпох говорить на одни и те же темы, причем независимо от того, интересуется ли этими темами сам историк или читатель.

Чтобы преодолеть недостатки всех вышеперечисленных жанров, Рорти предлагает новый подход к истолкованию философского наследия. Вместо истории философии должна утвердиться «интеллектуальная история» — свободная от устоявшихся канонов стратегия осмысления традиции, которая будет учитывать все указанные выше виды риторики. «В картине, которую я хочу представить, интеллектуальная история есть сырой материал для историографии философии, или — если прибегнуть к другой метафоре — почва, из которой произрастают истории философии».⁷

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Там же. С. 194.

Интеллектуальная история — это история о мыслях и деятельности людей в обществе определенной эпохи, это описание того, что значит быть интеллектуалом в данное время и в данном месте. Выходя за рамки истории дисциплины и игнорируя проблемы, которые принято считать важными, а также вопрос о том, кого следует считать великими учеными и философами, интеллектуальная история затрагивает не только историю дисциплины, но и историю языка, социума, экономики, политики, культуры и искусства, позволяя соотнести эти сведения с современными условиями, возможностями, волнениями и надеждами.

Когда мы сможем написать детальную и убедительную интеллектуальную историю, показав условность различия между «великими» и «второстепенными» философами прошлого, тогда, согласно Рорти, станет менее заметным различие между философией, литературой, религией, политикой и социальной наукой. Новый ракурс рассмотрения философского наследия позволит создавать новые каноны великих философов прошлого, и каждый из этих канонов будет соответствовать современным тенденциям развития мысли и модификациям философской проблематики. Таким образом, интеллектуальная история откроет возможность для более сложного описания действительности, утвердив принцип интеллектуальной честности. «Честность здесь заключается в том, что в уме мы не исключаем возможности того, что наш самооправдывающий разговор — это скорее разговор с продуктами нашей фантазии, нежели с историческими персонажами, даже с персонажами, прошедшими идеальную переподготовку».⁸

Идеи Рорти вполне могут быть использованы не только для анализа историко-философского дискурса, но и для изучения того, как складывается ценностная традиция содержания культуры в целом. В частности, они применимы для исследования проблемы соотнесения современности и традиции в Монголии в постсоциалистический период. Глобализация и коренные изменения в стране усилили значимость национального, традиционного и исторического для монголов. Проблемы обострились

⁸ Там же. С. 195.

не только в плоскости пространства, но и на оси времени, остро поставив вопросы самоопределения: кто мы есть сегодня? и куда мы идем? Однако преодоление кризисной ситуации смены парадигм мыслится, как правило, в ответе на другой вопрос: Откуда мы? В настоящее время в Монголии осуществляется конструирование национальной идентичности посредством обращения к истории прошлого и выбирается путь возрождения культурных традиций кочевой цивилизации, который должен согласовываться с персональной идентичностью людей. Представляется, что эта идентичность будет определять монгольскую культуру в будущем. В этой ситуации наиболее важной является проблема синтеза традиции и современности.

Монголия делает выбор в пользу того, чтобы вернуться к истокам, к временам великой империи Чингисхана. Монголия сейчас предстала в мире как государство с самой древней цивилизацией и великой историей, возрождая мифы и эпосы о происхождении и легендарном героическом прошлом монгольского народа. «Подобно любой другой истории, история философии написана победителями. Победители выбирают своих предшественников в том смысле, что они решают, кого из огромного количества предшественников упомянуть, чьи биографии написать, и кого рекомендовать своим последователям».⁹ Образ великого Чингисхана стал присутствовать в ежедневной жизни монголов — от возведения памятника и преобразования главной площади столицы до названий аэропорта, отеля и водки. Символу «9 Белых Знамен Чингисхана» поклоняются, эти знамена выносятся во время главного национального праздника Наадам, конкурируя с государственным сине-красным флагом с Соембо.

Образ Чингисхана стал символом страны — величественной фигурой, вокруг которой формируется национальная идентичность монголов. «Мы не можем вообще обойтись без канонов. Это потому, что мы не можем обойтись без героев. Нам нужны горные пики, чтобы смотреть вверх. Нам нужно рассказывать друг другу детальные истории о могучих фигурах прошлого в надежде пре-

⁹ Там же. С. 193.

взойти их».¹⁰ Именно величие Чингисхана обладает сегодня интегрирующей силой, являясь символом консолидации монгольского народа. Он вызывает чувство национальной гордости и самодостаточности монгольской нации, совершенно не похожей на других. При этом особо акцентируется внимание на цивилизационной роли Чингисхана в истории человечества и его влияние на культуру других народов. Героический образ Чингисхана стал самым главным национальным «брендом» Монголии, настолько современным и ожившим, что способен способствовать процессам глобализации в стране, поскольку в XIII в. Монгольская империя сама была центром, осуществлявшим глобализацию. «Ностальгия о величии империи Чингисхана давно перекинулась из Монголии в приграничные регионы России и Китая... Сегодня уместнее говорить о борьбе за имперское наследие, за право считаться потомками Чингисхана, самыми “чистокровными и последовательными”».¹¹ Как и многие великие люди, Чингисхан отличался многогранностью, величием во всем — так выражается рациональная реконструкция истории, оживляя героев, которые ранее были в забвении.

Наряду с главным героем разворачиваются исторические сюжеты о героических событиях и деяниях воинственного и смекалистого народа, выражающих общность судьбы. Возрождаются культурные традиции и обычаи, обряды и ритуалы кочевой цивилизации, проверенные веками методы ведения скотоводческого хозяйства, ремесла, традиционный образ жизни монголов, которые должны восстановить самоидентификацию и утрату исторической памяти. В системе среднего и высшего образования изучается старомонгольская вертикальная письменность, которая приобрела главенствующее значение в утверждении национальной самобытности. Это стремление придать современной нации историческую глубину с помощью старого письменного языка счита-

¹⁰ Там же. С. 195.

¹¹ Михалев А. В. Советская миссия в Монголии и монгольский национализм: формирование ситуации постсоциализма // Россия — Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие. СПб., 2011. С. 386.

ется одним из действенных факторов культурного развития, в результате чего поддерживается «вера в то, что особый письменный язык дает привилегированный доступ к онтологической истине, и именно потому, что он неотъемлемая часть этой истины».¹² Расширилось изучение и преподавание великой истории монголов, направленные на укрепление национального самосознания.

В искусстве — музыке, живописи, кино, массовой литературе, телевидении и т. д., воссоздаются историческая обстановка и атмосфера героического времени, отражающие национальный характер. Возрождается во всем многообразии и уникальности традиционное народное искусство. Эпическое произведение «Сокровенное сказание монголов», повествующее о жизнедеятельности и взглядах Чингисхана, становится символом национального возрождения. Свой патриотизм монголы выразили и в приверженности к буддизму. Ламаизм получил новый невиданный подъем, освещая религиозной аурой ежедневную жизнь людей и события в монгольском обществе. Подлинная историческая реконструкция обосновывает и оправдывает нынешнюю политику.

То, что черты современной нации определяются именно традиционной культурой, является особенностью развивающегося чувства национальной идентичности в рамках монгольской нации. Для монголов всегда было важно почитать предков и учиться у предков — перенимать, сохранять и передавать традиционные культурные ценности. Таким образом, идеологически заданная, идеализированная история героического прошлого и традиционная культура, которые в настоящее время объединяют и вдохновляют монголов, призваны решить современные проблемы Монголии и легитимировать настоящую и даже будущую деятельность Монгольского государства, его отношение к нововведениям XXI в. Активно используется риторика драматизации истории, задающая сюжет исторического и культурного развития: былое величие — упадок — ситуация кризиса — возрождение и восстановление былого величия, утверждая нынешнее положение. Все в итоге упирается в проблематику истории духа.

¹² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 58.

Итак, в современной Монголии наблюдается тенденциозное истолкование истории с использованием всех видов риторик, о которых было сказано выше. Возникает новая мифология, которая и кладется в основание монгольской культуры. При этом историческая правда и достоверность воспроизведения исторического процесса отходят на второй план и даже вообще не принимаются в расчет. Это говорит об ответственности, которую несут политики перед народом и страной, поскольку именно государство принимает решение о том, какой этап истории выбрать в качестве основополагающего. Как известно, мифотворчество зачастую порождает негативные явления, в том числе национализм, замкнутость и архаизацию общества.

Так, наряду с реабилитацией величия Монгольской империи во главе с Чингисханом, наблюдалась идеализация этого исторического периода, что привело к активной дискредитации семидесятилетнего периода строительства социализма и созданию образа врага в лице СССР. Образ врага усилил драматизирующую риторику сюжетной интерпретации истории и во многом определил вектор культурного развития. В этой ситуации очень важно не допустить буквального понимания сюжетного истолкования истории и стимулировать творческое и критическое мышление. Культурные традиции должны не только возрождаться как достояние прошлого, но и творчески созидаться как ценности, соотносящиеся с современностью, поскольку в действительности «та или иная традиция представляет собой опыт творческого решения проблем, имеющих отношение к современности, а значит, она не возрождается, а созидается».¹³ Только в этом случае можно ожидать того, что в духовной сфере национальной культуры будет реализован мощный, исторически значимый проект ее развития.

В России, после падения биполярного мира, в качестве врагов были представлены большевики, негативно повлиявшие на развитие общества и виновные во всех сегодняшних проблемах страны.

¹³ Рыбас А. Е. Современность и традиция: проблема философского осмысления (на примере России и Монголии) // Россия — Монголия: культурное своеобразие и межкультурный диалог. Улан-Батор, 2011.

Драматизация истории также играет в русской культуре огромную роль, в результате чего происходит необходимая для дальнейшего развития культуры переоценка ценностей. В качестве примера можно указать на эффективность мифа о «белой гвардии», состоящей исключительно из людей высокого духа, готовых в любую минуту отдать свою жизнь во имя спасения Родины. Этот миф получил распространение и в Монголии, особенно после показа десятисерийного телевизионного фильма «Адмиралъ» в переводе на монгольский язык. Идеализируя образ руководителя белого движения, создатели фильма представили Колчака человеком беспримерной любви и мужества, патриотического служения и верности России. И это делалось вполне сознательно, вопреки известным историческим фактам.¹⁴ Стоит упомянуть и романы Солженицына о трагической исторической судьбе России, которые также оказали большое содействие созданию новой мифологии. Как и в Монголии, в России возрождаются державные символы и учреждения прошлого, а также подчеркивается важность религии. При этом архаически звучащие названия как бы восстановленных культурных символов и героев придают особый колорит современной общественно-политической риторике. Но если для самоопределения Монголии актуальна национально-культурная идентичность, то для самоопределения России, которая «всегда представляла “мир миров”, цивилизационное единство культурного многообразия»,¹⁵ будучи изначально полиэтническим, многонациональным и многоконфессиональным образованием, актуальна национально-государственная идентичность.

В заключение следует отметить, что, несмотря на господство сюжетной интерпретации истории, культурная динамика, как в Монголии, так и в России может привести к утверждению качественно новых парадигм. Все зависит от того, насколько творчески и ответственно будет интерпретироваться история.

¹⁴ См.: *Эрлихман В.* Судьба адмирала (интервью с Андреем Кравчуком) // Вокруг света. 2008. № 10.

¹⁵ *Кортунов С. В.* Национальная идентичность. Постигание смысла. М., 2009. С. 41.

О. К. Павлова

РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ, США И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Развитие образования и становление коммерческого образования тесно связаны с экономическим развитием страны. История коммерческого образования в каждой отдельно взятой стране имеет свои особенности, прослеживаются общие закономерности и возникающие поэтапные проблемы. Возникновение профессионального коммерческого образования, прежде всего, связано с развитием торговли до уровня, когда только навыков, «полученных в лавке», становилось недостаточно.

До середины XVIII в. в Европе и России методика ведения торгового дела строилась на основе изучения опыта и обычаев старшего поколения торговцев. Быстрое развитие торговли в Западной Европе потребовало создание первых низших (начальных) коммерческих школ. Начало этому процессу было положено в Венеции в 1497 г. по ходатайству и частной инициативе немецкого коммерсанта. Известно, что в этой единственной к тому времени коммерческой школе преподавались «книговодство» и вычисления. Позднее (в XVII в.) в Лейпциге Иоганном Тобиасом Шторхом было положено начало организации низших и средних коммерческих школ, в 1680 г. он открыл коммерческую школу, успешно работавшую до 1723 г. В этом же XVII в. появились первые учебные пособия. В 1675 г. увидела свет знаменитая в то время книга Франца Савари. Цель книги состояла в том, чтоб «быть самоучителем коммерческих знаний» для тех, кто решил всту-

пить в торговую деятельность. Книга была издана в двух томах и содержала 1800 страниц.

Экономическое развитие требовало развития и расширения коммерческих школ, и в XVIII веке преимущественно по частной инициативе, в европейских странах создаются новые учебные заведения. Наиболее известной среди них была, занимавшая особое место среди коммерческих учебных заведений, торговая академия в Гамбурге, основанная коммерции советником города Вурмбе в 1786 г. В это же время были открыты коммерческие школы в Лиссабоне (1759 г.), Париже (1767 г.), Вене (1770 г.), Москве (1778 г.), Манчестере (1783 г.), Тулузе (1788 г.), Берлине (1791 г.) и в других городах и государствах.

В основном, школы открывались на частные средства, и в этом были свои положительные и отрицательные стороны. К положительным факторам частной инициативы относятся отсутствие давления и излишней опеки со стороны администрации. К отрицательным сторонам можно отнести недостаточность контроля, отсутствие системности в образовании и четких программ, что приводило к снижению или низкому качеству образования, что являлось предметом частых дискуссий общественности.

В XVIII в. появилась тенденция развития многоступенчатого коммерческого образования. Наряду с развитием низших и средних учебных заведений, возникла потребность в высшем коммерческом образовании. Однако эта тенденция не нашла поддержки ни среди представителей частного бизнеса, ни среди правительственных кругов. Только в XIX в. появилось понимание необходимости и важности коммерческого образования. В этой связи в Европе появилась сеть частных, общественных и государственных коммерческих учебных заведений.

Наиболее успешно коммерческое образование развивалось в Германии. Среди учебных заведений подобного рода выделялось открытое в 1831 г. коммерческое училище в Лейпциге, получившее мировую известность, как одно из немногих, созданных на общественные средства.

Проблемы, связанные с развитием коммерческого образования, приобрели международное значение. В 1897 г. в Лондоне

состоялся конгресс по проблемам технического, коммерческого и профессионального образования, созданный по инициативе Общества поощрения искусств, промышленности и торговли. Созыв конгресса свидетельствовал о накопившихся международных проблемах в развитии профессионального, коммерческого образования, который стал рубежом развития образования в Европе, в частности, в Англии. После изучения опыта других стран, в Англии большое внимание стали уделять постановке рациональной школьной подготовки будущих коммерсантов. Были установлены новые испытания для лиц, желающих иметь коммерческое образование. В Лондоне были открыты коммерческие школы, где изучались специальные дисциплины, а также были учреждены школы экономических и политических наук с отделениями коммерческих знаний. При университетах Кембриджа и Оксфорда были открыты курсы по предметам, относящимся к коммерческой деятельности. Кроме того, вводились специальные экзамены для получения академической степени по коммерческим специальностям.

К международным проблемам XIX в. можно отнести проблему о необходимости создания высшего коммерческого образования, которая долгое время носила дискуссионный характер в общественных и правительственных кругах большинства европейских стран. Это объяснялось отсутствием понимания изменения сущности торговли, значимости того, что она превратилась в важную составляющую экономики, отражавшую интересы всего общества. Кроме того, возрастающая конкурентная борьба при развитии рыночных отношений требовала не только ловкости и специального опыта, но и широкого спектра знаний, кругозора, интеллекта. Поэтому происходил процесс развития коммерческого образования и его различных ступеней. При университетах открывались коммерческие отделения и специальные коммерческие институты.

Отношение к высшему коммерческому образованию в США имело общие черты с Европой. В статье, посвященной отличительным чертам коммерческого образования Соединенных Штатов Северной Америки, Т. Богданович писал: «Сознание высшего

образования распространяется все шире в коммерческих кругах. Теперь уже можно редко встретить купцов-практиков, которые с подозрительной враждебностью смотрят на университеты и их питомцев».¹ Далее автор статьи приводил высказывание одного крупного американского коммерсанта, занимавшегося ввозом шелка, который картинно иллюстрировал отношение американцев к образованию: «Было время, повествовал он, когда жители Лиона думали, что они знают все, относящееся к производству шелка, а жители Крефилда и Цюриха тоже думали, что они все это знают. И потому Крефилд не помышлял о том, чтобы учиться у Лиона и Цюриха, Лион у Цюриха и Крефилда, Цюрих у Крефилда и Лиона. Но американские фабриканты шелка знали, что они еще не все знают, что можно еще знать в этой области. Поэтому они садились у ног тех трех и учились у них. Вот причина, почему американцы в такой короткий срок сделали такие большие успехи: они были склонны учиться».²

Признавая пользу научной разработки некоторых практических и деловых вопросов, крупные коммерсанты устраивали при университетах конкурсы для сочинений на избранные ими темы, устанавливая премии за лучшие сочинения. Некоторые из них, считая необходимым осветить ту или другую область коммерческой деятельности, сами поднимались на кафедры, открывали свои частные курсы, издавали свои лекции. Вся подготовка к торговой деятельности в Соединенных Штатах носила чисто теоретический школьный характер. В области самого коммерческого образования, особенно на его высших ступенях, преобладало не узкоспециальное, практическое направление, а стремление связать его с общим образованием, поставить на основу общей научной подготовки. При этом общая научная подготовка ценилась значительно выше той специальной осведомленности, которая давалась высшими коммерческими школами. «Положение купца

¹ Богданович Т. Отличительные черты коммерческого образования в Соединенных штатах Северной Америки // Коммерческое образование. 1908. № 1 С. 4.

² Там же.

в жизни нации погибнет, — сказал один американский экономист, — если купцы не усвоят университетского образования».³

Американские университеты первоначально в своем устройстве сильно отличались от европейских. Они не были разделены на совершенно отдельные факультеты. Все они имели, прежде всего, общеобразовательные четырехгодичный курс («колледж»), дающий общую научную подготовку, так сказать, философского характера. Предметы, входившие в этот курс колледжа не все обязательны, и студент, готовящийся к какой-нибудь специальной деятельности, имел возможность из числа второстепенных предметов избрать такие, которые более подходили к его будущей деятельности. Освоив программу колледжа, студент получал диплом об окончании университета и тогда уже мог поступить на один из специальных факультетов — юридический, медицинский, инженерный и т. п.

Коммерческое образование в США во многом развивалось при активной поддержке, прежде всего — финансовой, на базе материальных пожертвований представителей торгово-промышленных кругов. И всевозможные общества, и частные лица конкурировали между собой, открывая средние и высшие коммерческие школы, устраивая коммерческие курсы, внося пожертвования на организацию новых колледжей или коммерческих факультетов при университетах. Одним из пионеров на этом пути был богатый коммерсант Паккард, который первым положил начало женскому коммерческому образованию; оно не многим уступало в Америке мужскому. В торговых школах Паккарда получали образование до 25000 учащихся. Рядом с этим можно упомянуть торговые школы Броуна, которые были открыты в 15-ти городах.⁴

Заметным фактором развития было участие капиталистов в организации высшего образования. Так, при Пенсильванском университете в Филадельфии было основано отделение финансовых и экономических наук исключительно на средства Жозефа

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 5.

Уартона. Пожертвование в размере 12 миллионов долларов было сделано известным миллиардером Рокфеллером Чикагскому университету.

Крупные коммерческие и финансовые деятели, жертвуя свои капиталы на постановку коммерческого образования, считали себя вправе влиять и на сам характер преподавания. Так финансовый факультет в Пенсильвании, основанный на средства Уартона, должен был стремиться, главным образом, к пропаганде и научному обоснованию системы покровительственного таможенного тарифа. Точно также в Чикагском университете, существовавшем щедростью Рокфелллера, нельзя было и думать о критических высказываниях против трестов. Тем не менее, на всемирной выставке в Сен-Луи коммерческое образование занимало почетное место и вновь показало в блестящем свете развитие частной инициативы в Америке.

Американская молодежь обоего пола получала образование или готовила себя к бизнес карьере в коммерческих колледжах, торговых классах. К числу образцовых частных школ относились Институты Пратта, Дрекслея, Амура, при которых существовали утренние и вечерние классы низшего и среднего коммерческого образования. Наиболее известными были коммерческие колледжи Паккарда. Учащиеся в университетах с коммерческими факультетами получали высшее образование в торговой или политико-экономической области. Коммерческое образование давали коммерческие курсы в общественных или частных нормальных школах (учительской семинарии), курсы торговой корреспонденции.

В системе коммерческого образования США важное место отводилось коммерческим колледжам — частным учреждениям, которые возникли благодаря настоящей потребности в коммерческом образовании. Начав скромную деятельность, они достигли успехов с течением времени в своей внутренней организации и постановке образования, также как в обширности помещений и богатстве пособий. Эти учреждения называют специфически американскими, так как в других странах ничего подобного не имело места. «В них заключается все достоинства и

недостатки национального характера американцев и они знаменуют собой определенный уровень развития народа».⁵

Что касается классов и курсов, то они были преимущественно вечерние и курс продолжался не более трех месяцев. Проводилось обучение торговому счетоводству, ведению бухгалтерских книг, каллиграфии. Имели место и утренние классы с более обширным учебным курсом организованные в различных городах. В учебные курсы в дополнение к перечисленным предметам были введены стенография, письмо на машинке, корреспонденция и торговая практика в разных специальностях. Между классами и курсами была конкуренция, что привело к повышению уровня подготовки. По мере необходимости вносились изменения в учебные программы, были предложены следующие предметы: коммерческая арифметика, торговое право, коммерческая география и история торговли, торговая практика и методы конторского дела, Business English. Обучение было платное. Годовая плата в этих школах в зависимости от их устройства и местных условий колебалась (в переводе на рубли) от 50 до 395 рублей за десятимесячный курс. Курс коммерческого преподавания продолжался 15 месяцев. Школьный день в классах длился от 9 до 4-х часов, а вечерних — с 7 до 9.

Как отмечалось выше, в США получило развитие женское коммерческое образование. В Америке росло применение женского труда в торговых учреждениях, женщины работали приказчиками, бухгалтерами, корреспондентами, библиотекарями, секретарями. Это было отмечено на всемирной выставке в Сен-Луи, в которой участвовали многие колледжи, предоставляющие возможности образованию женщин.

Хотя высшее коммерческое образование в колледжах и университетах США и в Европе получило развитие во второй половине XIX века, тем не менее, большая часть частных и казенных университетов не желали вводить коммерческие факультеты. Причиной этого было отсутствие желания включать в программы высших учебных заведений практических предметов, считая

⁵ Там же. С. 8.

их недостойными. Дело сдвинулось с места только после того, как в 1881 г. промышленник Уартон принес в дар университету в Пенсильвании крупную сумму, предназначенную для постановки высшего коммерческого образования. После этого первоначально было «устроено» двухлетнее отделение, на котором преподавались хозяйственные и государственные науки, политическая экономия и торговое право. Пятнадцать лет спустя советы Чикагского университета, Калифорнийского университета в Беркли и Университета — Колумбия в Нью-Йорке постановили учредить у себя равноправные с другими факультеты в отношении ученых степеней (бакалавр экономических наук) четырехгодичные торговые отделения, где преподавались, главным образом, финансовые и государственные науки.

Молодые люди из обеспеченных семей для приобретения более высокого образования посещали сначала общеобразовательные колледжи и после этого приступали к специальному практическому коммерческому образованию.

История коммерческого образования в России имела свою основу и традиции. Попытка государственного регулирования специального, торгового обучения относится к первой четверти XVIII в., когда значительно возрастают торговые обороты, расширяются внутренние и внешние торговые связи, растет торговый капитал. По инициативе Петра I была сделана попытка отправки купеческих сыновей (за счет их родителей) на обучение за границу. В 1721 г. с этой целью в Италию и Испанию было отправлено 12 детей. Выбор страны был связан с уровнем развития и роли этих государств в международной торговле. Однако практика не оправдала надежд царя, тем не менее, в 1723 г. он приказал постоянно содержать в европейских странах 15 «торговых людей детей». В 1725 г. появился указ Сената, предлагавший первостатейным купцам посылать своих детей на обучение в Ригу и Ревель.⁶

Настойчивость царя нашла поддержку у богатого купечества. Так, московский купец Михаил Евреинов, обладавший значительным капиталом, отправил на обучение своих сыновей в Голлан-

⁶ См.: Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. М., 1996. С. 646.

дию, а в Италии обучались купеческие дети — Алексей и Лев Семеновы. Возвратившись, они служили в Коммерц-коллегии. Обучался за границей сын богатого купца Василий Коротков, получивший по возвращению в 1722 г. от Петра I во владение казенный Богородицкий бумажный завод. Однако такая форма образования не получила широкого распространения. Большинство купцов из-за недостаточности средств и по причине необходимости участия в деле своих сыновей не стремились отправлять на обучение за границу.

Потребность в развитии специального коммерческого образования начинает появляться в России во второй половине XVIII в. По частной инициативе П. А. Демидова, выделившего на образование в 1773 г. капитал в 205.000 рублей, была основана коммерческая школа в Москве при Воспитательном доме, получившая название «Коммерческое воспитательное училище». Основой создания коммерческого училища был план, разработанный И. И. Бецким, утвержденный императрицей Екатериной II в 1772 г. На основе этого плана в круг предметов преподавания входили поэтапно: в младшем возрасте (от 5 до 9 лет) — Закон Божий, чтение на русском и иностранном языках, письмо и цифры, рисование и танцы. В старшем возрасте (от 9 лет до 21 года) преподавались Закон Божий, русский, немецкий, французский и английский языки, математика, механика, навтика (мореплавание), история, география, красноречие, натуральная история, коммерческая корреспонденция на русском и иностранных языках, сведения из государственного права и экономики.

Преподавалось также «совершенствование коммерции с теоретическими и практическими доказательствами, то есть нечто в роде конторских занятий».⁷

Отметим, что купцы, для детей которых было открыто данное училище, не торопились отдавать своих питомцев на обучение. Это особенно странным, так как обучение было бесплатное. Вероятно, срабатывал традиционализм и консерватизм купеческих

⁷ См.: *Сиверс Е. Е.* Профессиональные курсы при Ксенинском Институте // *Коммерческое образование.* 1909. № 8. С.402.

семей. Кроме того, отдав сына на обучение, купец лишался рабочих рук и помощника. Училище открыли только тогда, когда из Санкт-Петербурга были присланы 17 мальчиков из семей купцов и разночинцев. В 1779 г. училище получило название «Демидовское», и произошло отделение его от Воспитательного дома. Оно было переведено в Санкт-Петербург, где в 1798 г. было принято под покровительство императрицы Марии Федоровны и стало называться «Петербургское коммерческое училище». Был изменен Устав учебного заведения, просуществовавший до 1841 г., тогда в документ были внесены некоторые изменения. Новый устав училища, принятый в 1879 г., свидетельствовал, что учебное заведение дает учащимся общее образование и подготавливает к коммерческой деятельности, к должностям бухгалтеров, контролеров, приказчиков в торговых конторах, на фабриках и в других подобных заведениях.⁸

В 1804 г. было открыто еще одно коммерческое училище, наряду с ним был образован частный коммерческий пансион, основанный известным деятелем на поприще коммерческого образования — К. И. Арнольдом. По ходатайству московского купечества императором Александром I пансиону Арнольда было даровано название «Практической коммерческой академии», которое было изменено в 1835 г. на название «Практическая академия коммерческих наук».

К этому времени относится открытие коммерческой гимназии в Одессе, позже переименованной в Ришельевский лицей, и Таганрогской коммерческой гимназии. Кроме этого, было положено начало развития низшей коммерческой школы. Начальное коммерческое образование давали некоторые частные пансионы в Москве и Петербурге.

Процесс развития коммерческого образования в России, как и на западе, был связан с быстрым ростом и развитием капиталистических отношений. Для России это вторая половина XIX в. Первым этапом этого процесса было открытие коммерческих отделений при некоторых реальных училищах. В соответствии

⁸ См.: Там же.

с уставом реальных училищ 1872 г. в 5-х и 6-х классах образовано свыше 30 коммерческих отделений, в которых наряду с общеобразовательными предметами, преподавались специальные предметы — делопроизводство, бухгалтерия, коммерческая география и др. Однако из-за недостатка учащихся многие отделения были закрыты.

Кроме проблем, связанных с набором учащихся, для развития коммерческого образования не хватало средств. Как и в европейских странах, в России специальные учебные заведения основывались на частных, общественных и отчасти на государственных средствах. Так на средства купеческого общества в 1875 г. основана Торговая частная школа в Варшаве, в 1880 г. в Петербурге — Петровское коммерческое училище, а в Москве 1885 г. — Александровское коммерческое училище, которое финансировалось Московским биржевым комитетом. Учебные заведения предназначались для детей купцов, мещан, ремесленников, а также для крестьян, плативших в течение 5 лет гильдейские пошлины.

Особенно следует отметить состояние женского коммерческого образования, которое, как и в европейских странах, развивалось позднее и медленнее. Считается, что начало ему в России положил А. Н. Демидов в 1833 г., учредив приют при Демидовском доме призрения трудящихся в Петербурге. Приют в 1843 г. был преобразован в школу с малолетним отделением. В школе общеобразовательные предметы изучались в объеме городских двухклассных училищ, но главное внимание было обращено на подготовку воспитанниц к разным направлениям игольно-швейного мастерства. По уставу 1882 г. курс общеобразовательных предметов был расширен до уровня женских прогимназий. Училище состояло из трех двухгодичных курсов с профессиональным отделением, с семью подразделениями: белошвейным, портновским, модным вышиванием, вязальным, хозяйственным, прачечным, башмачным. Окончившие профессиональное отделение получали цеховые права. В 1894 г. училищу был определен новый устав, на основании которого, оно являлось закрытым профессиональным учебным заведением, состоящим из приготовительных классов, пяти общих и трех специальных классов с годичным курсом

в каждом. При этом специальные классы подразделялись на два отделения: рукодельное — профессиональную школу для подготовки учительниц рукоделия и мастериц, и училище коммерческих счетоводов — для подготовки к коммерческой деятельности в качестве счетоводов, конторщиц, делопроизводительниц в разных торгово-промышленных учреждениях.

В плане развития женского специального образования представляет интерес Ксенинский институт, учрежденный по императорскому указу в 1894 г., по случаю бракосочетания Великой княгини Ксении Александровны. Институт относился к воспитательно-образовательным учебным заведениям Ведомства учреждений Императрицы Марии. Не считая малолетнего отделения, институт состоял из десяти классов, семь из которых предназначены для прохождения общего институтского курса и три специальных профессиональных.⁹

С 1884 г. в России действовало Положение о вновь открывающихся коммерческих школах, согласно которому они передавались в ведение Министерства финансов (с 1906 г. — Министерству торговли и промышленности). Исключение составляли Московское и Петербургское коммерческие училища

О заинтересованности государства в развитии специального образования свидетельствует представленный С. Ю. Витте Государственному Совету проект положения о коммерческих училищах. Проект был подготовлен В. И. Ковалевским — директором Департамента торговли и мануфактур. В апреле 1896 г. было издано «Положение о коммерческих учебных заведениях», дополненное в июне 1896 г., переизданное в расширенном и дополненном варианте в 1900 г. «Это первый законодательный акт, в котором были указаны общие основания о порядке устройства и управления коммерческими училищами».¹⁰

До этого времени коммерческие школы находились в ведении народного просвещения. «Каждое коммерческое учили-

⁹ См. подробнее: *Сиверс Е. Е.* Профессиональные курсы при Ксенинском институте. С.401–406.

¹⁰ О коммерческом образовании // *Коммерсант*. 1901. № 1. С. 2.

ще имело свой устав, своеобразную организацию и находилось в первобытном состоянии».¹¹

Положение о коммерческих училищах 1896 г. составило поворотный путь в ходе развития коммерческого образования. Закон о коммерческих учебных заведениях выделил этот род школ из ряда других и предоставил ей самостоятельное развитие.

«Существенной особенностью положения о коммерческом образовании служит и то обстоятельство, что этим положением торгово-промышленному классу предоставлено право самому принять значительную долю участия в постановке коммерческих учебных заведений; этот класс, как непосредственно заинтересованный, несомненно, внесет в эти заведения жизненную практическую струю, чем, несомненно, обеспечится их большая жизнеспособность и целесообразность».¹²

Таким образом, положение явилось первым законодательным актом. В нем определялись типы учебных заведений: торговые школы, торговые классы, коммерческие училища, коммерческие курсы нового типа для изучения специальных предметов. Торговые школы и коммерческие училища предназначались для детей, остальные — для взрослых. В дополнении 1896 г. обществам, земствам, сословным организациям, частным лицам разрешалось учреждать коммерческие учебные заведения разного типа исходя из условий и потребностей местной торговли и промышленности.

Выстраивалась система коммерческого образования: низшая ступень — торговые классы, коммерческие курсы, средняя ступень — торговые школы, и высшая ступень — высшие учебные заведения или факультеты с соответствующей направленностью. Очевидно, что к развитию коммерческого образования государство активно привлекает общественность и частный капитал.

Вопросы организации и развития коммерческого образования все более привлекали внимание общественности и представителей государственной власти. Выступая при открытии Тор-

¹¹ Там же.

¹² Коммерсант. 1901. № 2–3. С. 2.

говых классов, Председатель Совета Русского Счетоводческого Общества Е. Е. Сиверс (20 сентября 1907 г.), остановился на Уставе общества, в котором были определены цели по развитию образования. Так в пункте 1 указывалось: «развитие теоретических и практических коммерческих знаний, распространение коммерческого образования, приискание членам общества соответствующих их познаниям и опытности заработка и оказание им и их семействам денежной и материальной помощи». В Уставе, также предоставлялось право учебному отделу (п. 4) учреждать мужские, женские и смешанные коммерческие учебные заведения, учреждать общеобразовательные вечерние и воскресные курсы для приказчиков, и мальчиков торговых и ремесленных заведений, устраивать лекции по предметам из области коммерческих знаний, а также иным, способствующим развитию знаний коммерческих.¹³

Государство поддерживало общественные и частные инициативы в развитии коммерческого образования. Общественные учебные заведения возглавлялись попечительскими советами, которые, например, выбирались среди первогильдийского купечества. Каждый кандидат на эту должность должен был обладать известной честностью, быть богобоязненным, иметь знатные сведения о купеческих делах, относиться с любовью к просвещению, проявить себя в области человеколюбия и благотворительности.

Члены попечительского совета имели право контролировать работу администрации и педагогов, присутствовать на экзаменах и т. п.

Право открытия всех поименно учебных заведений предоставлялось не только общественным и сословным организациям, но и отдельным обществам и частным лицам.

Как считали на рубеже XIX–XX вв. общественные деятели в области образования, коммерческое образование в России ор-

¹³ См.: Речь Председателя Совета Е. Е. Сиверса при открытии Торговых классов Русского Счетоводческого Общества Взаимной помощи. 20 сентября 1907 г. // Коммерческое образование. 1908. № 1. С. 18.

ганизовывалось самим обществом, при весьма слабом участии правительства.

Начало XX в. ознаменовалось в России открытием высших коммерческих школ, первоначально в виде отделений при политехнических институтах (в Риге и Петербурге) и Высших коммерческих курсов (в Москве и Петербурге), а позже самостоятельных институтов и факультетов коммерческих наук.

Краткое рассмотрение истории развития коммерческого образования показывает, что накоплен значительный мировой опыт в развитии специального, как принято было ранее — коммерческого образования. Оно получало поэтапное развитие в соответствии с уровнем развития торговли и экономических отношений. Европа, США и Россия имели примерно одинаковые ступени совершенствования коммерческого образования. Пролслеживаются общие закономерности развития образования и, естественно, имеются свои особенности в каждой стране. В России процесс развития коммерческого образования происходил менее динамично в связи со спецификой экономического развития и особенностей сложившегося менталитета.

Женщины Европы и России получили доступ к экономическому специальному образованию позднее, чем в США. Однако и в Америке женское образование стало развиваться позже. Во всех государствах для развития коммерческого образования требовалась помощь общества и частных лиц, особенно материальная, что поддерживалось и поощрялось государственной властью.

Вполне закономерно более позднее и менее активное развитие высшего образования. Интересно отметить, определенное непонимание в необходимости его возникновения и расширения было характерно для США, Европы и России.

Существовали и общие проблемы в области коммерческого образования: инертность общества (в России в большей степени это относилось к обучению детей и взрослых), неоднозначное отношение к роли частного бизнеса в развитии коммерческого образования. Практически во всех странах имела место длительная дискуссия по проблемам качества образования. Тем не менее,

накопленный мировой практикой опыт развития образования, в частности, экономического (коммерческого) является полезным опытом для современности. Проблемы развития образования на современном этапе, особенно в России, одна из самых важных общенациональных тем, волнующих практически все сознательное общество. Изучение и использование исторического опыта развития образования может помочь в решении ряда современных проблем, а идея развития образования — стать общенациональной, объединяющей идеей для России.

А. В. Полосухина

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ФУТУРИЗМА В РОССИИ И ИТАЛИИ В 1910-Е ГОДЫ

На рубеже XIX и XX вв. во многих странах обозначился определенный перелом в мироощущении людей и их отношении к действительности. В это время была проведена резкая грань между старым искусством и его новыми, ранее неизвестными формами, которые одним казались шагом назад в эстетическом развитии человечества, в то время как другим — прогрессом и шагом вперед.

Неприятие современного мира, нестабильность положения в нем отдельной личности, ее отчуждение от общества, растущая роль абстрактного мышления и одновременно бунт против рационализма в искусстве и стремление отразить в нем некие трансцендентальные и неуловимые стороны действительности — все это и обусловило переход искусства к футуризму. Для футуризма характерны отказ от всего предшествующего искусства, разрушение традиционных представлений о природе художественного, переоценка эстетических ориентиров, зрелищность и декоративность, акцент на индивидуальность художника. Для футуризма неотъемлемым стало увлечение формально-пластическими, композиционными и колористическими проблемами художественного творчества, целью которого признается создание принципиально оригинальных произведений, несущих внутреннюю свободу и новизну выразительных средств изобразительного языка.

Первоначально в футуристическом движении участвовали исключительно литераторы. Однако очень быстро футуризм распространяет свое влияние практически на все сферы художе-

ственного творчества — музыку, живопись, театр, скульптуру, архитектуру, кино.

Выступая против многих норм и традиций предшествующей эстетики, стремясь к новаторству любой ценой, футуризм нередко претендует на революционность и демонстрирует ее в художественной практике. Так, например, в театре футуризм покушается на предметность декораций, на логику развертывания действия. Для авангардистского искусства важна действенность. Его социальная роль — поразить, растормошить, взбудоражить, вызвать активную реакцию у человека со стороны. «Футуризм с самого момента своего появления претендовал не просто на новации в сфере художественной деятельности, но — на создание новой концепции всей культуры, новой логики отношения искусства и жизни и даже новых форм самой жизни».¹

Перед Первой мировой войной в итальянском театре стали появляться авангардистские течения, которые присутствовали в нем до 1930-х годов. Поскольку футуристы так же, как и другие деятели театра, понимали, что сцену следует обновлять, то предлагали средства, рассчитанные больше на то, чтобы эпатировать публику, чем ввести в жизнь театра новые формы. Они старались внедрить на сцену урбанистические ритмы, механизированные конструкции, телеграфный язык, блеск электричества, гул аэропланов и электропоездов.

Итальянский театр и в самом деле нуждался в пополнении выразительных средств, которые бы соответствовали современному образу жизни. Последователи Маринетти требовали от театра искусства ирреального, аморального, асоциального, апсихологического, искусства бездуховного и антиобщественного.

Футуризм поставил под сомнение современную ему театральную систему. Критика начиналась с осуждения драматургии в театральном искусстве; они расценивали это как насилие над сущностью театральной игры — свободной творческой стихии. Законченный текст, согласно футуристическим концепциям, не должен быть доминантой и двигателем театрального процесса.

¹ Бобринская Е. А. Футуризм. М., 2000. С. 14.

В «драматургии» футуристического театра преобладали так называемые пьесы-синтезы, представлявшие собой коротенькие сценки-картинки, иногда совсем не имеющие текста. Они должны были выражать дух современности, но в реальности являлись довольно примитивными бытовыми зарисовками или плоскими аллегориями, характеризующими футуристические лозунги. Такие зарисовки выхватывались из жизни наугад, произвольно соединялись или противопоставлялись друг другу. Таким образом, они должны были передавать впечатление сложности жизни, но, по мнению критиков, убеждали публику только в том, что их создатели совершенно не владеют драматургической формой.

Драматургия футуризма не оставила заметных шедевров, но ее опыт сыграл значимую роль в развитии авангардного театра. «Синтезы» — это продукт нового взгляда на становление сценического и драматургического текста. Театральное представление футуристов — это не вещь, не доктрина, а порождение случайностей и совпадений, шансов и импровизаций.

Футуристы произвели в театре несколько экспериментов по сценографии. Иллюзионистские декорации они заменяли условными станками, абстрактными конструкциями, сочетанием разноцветных лучей и световых пятен, а также пиротехническими эффектами. Но, несмотря на то, что итальянский театр нуждался в сценических новшествах, опыты футуристов не имели широкого распространения. Этому мешало то, что новаторы относились к сценографии только как к набору формальных приемов и отрицали смысловое содержание актерской игры и драматургии. Все это не способствовало созданию нового театра. Футуристы просто попробовали применить несколько приемов, которые у более поздних художников нашли эстетическое и смысловое оправдание.

Футуристы скептически относились и к главному завоеванию начала XX в. — режиссеру. Во-первых, режиссер — это не только творческое призвание, но и профессия. А подходить к искусству с позиций профессионализма для дилетантов, которыми являлись футуристы, было совершенно невозможно. Помимо этого режиссер для них был существом, омертвляющим театральное

действие. Режиссер виделся футуристам цензором, не предоставляющим возможности для импровизации. Более того, футуристы отвергали и главенствующие позиции актера. По их мнению, он не более чем предмет, такой же, как стол, стул или занавес.

Футуристы, однако, занимались не только критикой театра, но и разрабатывали свои театральные концепции. Одним из первых шагов в создании нового театра было изменение роли публики в театральном процессе, которая, как следует из футуристического манифеста Маринетти «*Il Teatro di Varietà*» не может быть созерцателем: роль публики должна стать активной и творческой. Это привело к тому, что стартовой моделью для театральных преобразований авангардистов стал цирк, кабаре, варьете и мюзик-холл. «*Il Teatro di Varietà distrugge il Solenne, il Sacro, il Serio, il Sublime dell'Arte coll'Amaiuscolo. Esso collabora alla distruzione futurista dei capolavori immortali, plagiandoli, parodiandoli, presentandoli alla buona, senza apparato e senza compunzione, come un qualsiasi numero d'attrazione*». ² «Bisogna assolutamente distruggere ogni logica negli spettacoli del Teatro di Varietà, esagerarvi singolarmente il lusso, moltiplicare i contrasti e far regnare sovrano sulla scena l'inverosimile e l'assurdo». ³ Маринетти призывал прерывать певицу, сопровождать пение романса ругательными и оскорбительными словами, заставлять зрителей партера, лож и галереи принимать участие в действии, изображать, например, все греческие, французские и итальянские трагедии одновременно в один вечер, сокращенными и комически перепутанными вместе.

В самом важном театральном документе футуризма, «Манифесте синтетического театра», футуристы заявили о создании

² «Театр Варьете разрушает все торжественное, святое, серьезное в искусстве. Он способствует предстоящему уничтожению бессмертных произведений, изменяя и пародируя их, представляя их кое-как, без всякой обстановки, не смущаясь, как самую обыденную вещь» (*Marinetti F. T. Il Teatro di Varietà*).

³ «Необходимо абсолютно уничтожить всякую логичность в спектаклях варьете, заметно преувеличить их экстравагантность, усилить контрасты и предоставить царствовать на сцене всему экстравагантному» (*Marinetti F. T. Il Teatro di Varietà*).

театра синтетического: «...cioè brevissimo. Stringere in pochi minuti, in poche parole e in pochi gesti innumerevoli situazioni, sensibilità, idee, sensazioni, fatti e simboli»,⁴ динамичного, алогичного, ирреального. Из манифеста следует, что театр должен быть рожден из импровизации. Футуристы предложили отменить все существующие в театре жанры и создать на их месте футуристический театр. В «Манифесте синтетического театра» футуристами был заявлен тип не литературного, а сценического театра, в котором пьеса была лишь свободным сценарием. Слова, текст, значимые элементы академического представления переставали играть главную роль на сцене, самым важным становилось само физическое действие.

Вслед за «Манифестом синтетического театра» в 1915 г. выходит «Манифест футуристической сценографии и хореографии» Энрико Прампполини. Живописцы-футуристы обратились к сцене, чтобы создавать представления для театра художника, используя новые сценографические средства выразительности. «La scena non sarà più uno sfondo colorato, ma una architettura elettromeccanica incolore, vivificata potentemente da emanazioni cromatiche di fonte luminosa generate da riflettori elettrici dai vetri multicolori disposti, coordinati analogamente alla psiche che ogni azione scenica richiede. Invertiamo le parti della scena illuminata, creiamo la scena illuminante: espressione luminosa che irradierà con tutta la sua potenza emotiva i colori richiesti dall'azione teatrale. Nell'epoca totalmente realizzabile del futurismo, vedremo le dinamiche architetture luminose della scena emanare incandescenze cromatiche che inerpiciandosi tragicamente o voluttuosamente esibendosi, desteranno inevitabilmente nello spettatore nuove sensazioni, nuovi valori emotive».⁵

⁴ «...то есть кратчайшего. Сжать в несколько минут, несколько слов и несколько жестов бесконечное количество ситуаций, чувств, идей впечатлений, фактов и символов» (Marinetti, Settimelli, Corra. Il teatro futurista sintetico).

⁵ «Сцена будет неживописным фоном, а электромеханической нейтральной архитектурой, мощно оживляемой хроматическими эманациями светового источника, проводимыми электрическими рефлекторами с разноцветными стеклами, — в соответствии с психической сущностью каждого отрезка сценического действия. Переставим части освещенной сцены, создадим сцену

Прамполини много внимания уделял свето-цветовым эффектам. Он считал, что они могут создавать представление самостоятельно и вызывать у зрителей новые эмоциональные впечатления. Он предлагал свое видение декорации нового, футуристического типа (архитектурно-световой, динамичной), в которой должны играть актеры. Но играть по-новому: они смогут создать неожиданные динамические эффекты, которыми до сих пор пренебрегали или очень мало их использовали, в основном из-за старого предрассудка, призывающего имитировать и показывать реальность. Новая футуристическая модель сценографии по Прамполини это — перенесение в театр проектов итальянских художников, которые они разрабатывали в мастерских и экспонировали на выставках. Такие пластические комплексы были выражением сразу двух тенденций начала XX в.: синтеза разных видов творческой деятельности и выхода за границы станковизма. Создавались пространственные объекты, которые заключали в себе признаки произведения уже не изобразительного искусства, а новой сценографии. Театр художника мыслился как последняя стадия этого процесса, и в нем, по убеждению Прамполини, актерам-людям будет отведена далеко не первая роль. Их заменят те элементы искусства художника-футуриста, которыми он сам сможет управлять, приводить в необходимое движение и создавать из них спектакль, способный выразить такое эмоциональное содержание, какое недоступно театру литературному и актерскому. Доказательством такого «театра-действия» служит «Манифест футуристического аэротеатра», где вместо сцены предлагается небо, а вместо актеров — авиаторы на раскрашенных аэропланах.

Этой же идее посвящен манифест Джакомо Балла и Фортунато Деперо «Футуристическая реконструкция Вселенной», содержавший фотографии их совместных работ, так называемых пластических комплексов — причудливых, абстрактных пластиковых конструкций. Футуристическое миропонимание, по

света, выражение, которого требует действие. В эпоху футуризма увидим динамичную светящуюся архитектуру сцены, которая выпустит хроматический накал, который возбудит неизбежно у зрителя новые ощущения, новые эмоциональные ценности» (*Prampolini E. Scenografia e coreografia futurista*).

мнению авторов, отныне должно было охватывать не только область искусства, но и все сферы человеческой деятельности. Как следует из заголовка, в пластических комплексах они видели возможность воплощения универсальных категорий современного художественного мироощущения, что и пытались осуществлять в своих практических реализациях. Сочиняли и выстраивали пространственные композиции из разнородных материалов: металлическая проволока и сети, пластины, цветное стекло и фольга, бумага и ткани, зеркала, транспаранты, пружины, рычаги, трубы. С помощью специальных механических и электротехнических устройств отдельные части конструкции вращались вокруг оси (горизонтальной, вертикальной, наклонной) или вокруг нескольких осей сразу, в одну или в разные стороны, синхронно или с разной скоростью. Другие части разделялись на объемы, слои, трансформировались в разные формы (конус, пирамида, шар), издавали звуки и шумы, работали как пульверизаторы, распространяя те или иные химические составы и запахи. В действе участвовали вода, огонь, дым, прочие пиротехнические средства, с помощью которых художники создавали всевозможные магические чудеса, которые к тому же возникали для зрителей неожиданно, тем самым многократно активизируя их восприятие.

В 1914 г. Маринетти создает манифест «Динамическая и синоптическая декламация», где подробно в 11 пунктах описывает специальную декламационную технику и жестикуляцию, соответствующие общей стилистике итальянских футуристов. Декламационные эффекты, особая ритмика, различные геометрические фигуры жестикуляции в виде кубов, конусов, спиралей специально разрабатываются Маринетти, как материал для создания тех эфемерных произведений искусства, в которые превращалось исполнение им стихов или простое выступление с лекцией о футуризме. Этот исполнительский стиль и стиль жестикуляции, ставшие одним из символов жесткой и экспрессивной стилистики итальянского футуризма становятся также основой для театральных постановок, как и в Италии, так и в России.

Театральное искусство в России также переживает на рубеже XIX–XX вв. период переосмысления традиционной системы цен-

ностей. Особняком стоят представители русского театрального авангарда, в искусстве происходит смешение различных культурных слоев, определяющих особенности художественного произведения. «Как известно, русские футуристы разрабатывали принципы синтетического искусства, которое, по их мнению, должно было создаваться коллективным методом, что позволяло внести принципы синестезии в рождение материала на самом раннем уровне, и тем самым обеспечить его большую цельность».⁶

Общество футуристов, в лице «Союза молодежи» впервые обратилось к театру: 27 января 1911 г. Русские футуристы осуществил постановку спектакля «Царь Максеньян и его непокорный сын Адольфа». Эскизы к представлению создавали почти все члены общества. В этом спектакле, как это было в Италии, и как это будет позже в России, авторы одной из основных задач ставили перед собой включить зрителей в представление, создать единое целое из актеров, декораций, зрительного зала. «Желающих присутствовать во второй части действия просят принять к сведению следующие правила:

1. Выстрел красной пушки означает: приступить к Хороводным Действиям, после чего в зале могут оставаться только лица, маскированные и одетые (поверх туалетов) в специальные домины, сделанные по рисункам художников «Союза» и выдаваемые бесплатно во время перерыва между первой и второй частями в обрядной комнате.

2. Выстрел зеленой пушки означает начало хоровода...»⁷

В манифесте «Первый всероссийский съезд баячей будущего» русские футуристы заявили о необходимости изменения театра: «Устремиться на оплот художественной чахлости — на Русский театр и решительно преобразовать его. Художественным, Коршевским, Александринским, Большим и Малым нет места в сегодня! — с этой целью учреждается Новый театр «Будетлянин»...Скорее вымести старые развалины и вознести небоскреб,

⁶ Губанова Г. И. Театр русских футуристов: «Победа над солнцем»; комплексный анализ. М., 2000.

⁷ Афиша «Союза молодежи» спектакля «Царь Максеньян и его непокорный сын Адольфа» 27 января 1911 г.

цепкий, как пуля!»⁸ Летом 1913 г. футуристы заявили о постановке оперы «Победа над солнцем» Крученых, «Железной дороги» Маяковского, «Рождественской сказки» Хлебникова и других.

Конечно же, ломка футуристами традиционного уклада жизни не могла не коснуться театра. Как и многие итальянские футуристы, Владимир Маяковский в своем манифесте «Театр, кинематограф, футуризм» рассуждает о возможностях театра, судьбе актера и слова на сцене. «Современный театр обстановочен, но его обстановка — это продукт декоративной работы художника, только забывшего свою свободу и унизившего себя до утилитарного взгляда на искусство. Следовательно, с этой стороны театр может выступить только некультурным поработителем искусства».⁹ Наряду с поработителем искусства классический театр у Маяковского выступает и как поработитель слова и поэта: «...здесь наступление эстетического моменты обусловливается не внутренним развитием самого слова, а применением его как средства к выражению случайных для искусства моральный или политических идей».¹⁰ Маяковский провозглашает необходимость нового театра, где внутренние переживания актера выражаются посредством различных интонаций, ритмом движения человеческого тела, где искусство актера не будет сковываться мертвым фоном декораций.

Русские футуристы готовились показать новое зрелище, движение и звук должны были идти по новому руслу. «Общество “Союз молодежи” видя засилье театральных старичков и учитывая необычайный эффект наших вечеров, решило поставить дело на широкую ногу, показать миру “первый футуристический театр”. Летом 1913 г. Мне и Маяковскому были заказаны пьесы. Надо было их сдать к осени».¹¹

⁸ Матюшин М., Крученых А., Малевич К. «Первый всероссийский съезд баячей будущего» // Русский футуризм / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. СПб., 2009. С. 354.

⁹ Маяковский В. «Театр, кинематограф, футуризм» // Русский футуризм / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. СПб., 2009. С. 357.

¹⁰ Там же.

¹¹ Крученых А. Е. Первые в мире спектакли футуристов. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. М., 2006. С. 96.

Маяковский очень торопился при написании пьесы и даже не успел дать ей название, в цензуру рукопись пошла под заголовком «Владимир Маяковский. Трагедия», хотя первоначально задумывалась как «Железная дорога» или «Восстание вещей». В его трагедии изображены поэт-футурист, с одной стороны, и всяческие обыватели, «бедные крысы», напуганные бурными городскими темпами — «восстанием вещей», с другой. Этот спектакль стал воплощением новой театральной формы: ярчайшие декорации, изображающие город в смятении, необыкновенные костюмы, зрители, откликающиеся на каждое слово, которое стало звучать по-новому. «Крайне недовольны были футуристы, когда их выступления и спектакли рассматривали исключительно как скандал, несмотря на то, что во многих манифестах задача эпатировать публику, превращать каждое действие в представление, скандал была чуть ли не первостепенной. «Мы уверенно делали новое искусство и новую литературу, никогда не затевали скандалов для скандалов и решительно отвергали литературное хулиганство. Между тем, иные “историки” изображают все наши выступления, и в том числе спектакли, как сплошной скандал».¹²

Полгода большой совместной работы на новых началах слова, рисунка и музыки дали оперу «Победа над солнцем». «Наша русская молодежь, не зная никаких попыток нового театра за границей, у нас в Питере показала на сцене в оперном спектакле, полный разлом понятий и слов, разлом старой декорации, разлом музыкальной гармонии, и дала новое свободное от старых условных переживаний творчество — полное в самом себе...»¹³ Декорации Малевича к опере состояли из больших плоскостей — треугольники, круги, части машин; действующие лица — в масках, напоминавших современные противогазы; костюмы, также по рисункам Малевича, были изготовлены из проволоки и картона; артисты двигались, скрепленные и направляемые ритмом художника и режиссера — вся постановка будто бы создана по

¹² Там же. С. 103.

¹³ Матюшин М. В. Футуризм в Петербурге. Спектакли 2, 3, 4 и 5-го декабря 1913 г. // Русский футуризм / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. СПб., 2009. С. 361.

манифестам итальянских футуристов, однако ни «Манифеста синтетического театра» Маринетти, ни «Манифеста футуристической сценографии и хореографии» Прамполини в 1913 г. еще не существовало. Вот что говорили об опере Матюшин и Малевич: «Смысл оперы — ниспровержение одной из больших художественных ценностей — солнца — в данном случае... Существуют в сознании людей определенные, установленные человеческой мыслью связи между ними. Футуристы хотят освободиться от этой упорядоченности мира, от этих связей, мыслимых в нем. Мир они хотят превратить в хаос, установленные ценности разбивать в куски и из этих кусков творить новые ценности, делая новые обобщения, открывая новые неожиданные и невидимые связи. Вот и солнце — это бывшая ценность — их потому стесняет, и им хочется ее ниспровергнуть».¹⁴

Уникальность «Победы над солнцем» изначально была в том, что каждому из соавторов принадлежали еще и теоретические разработки разных видах искусства: М. Матюшин — музыка и живопись, А. Крученых — живопись и поэзия, К. Малевич — живопись, поэзия, музыка. Опера «Победа над Солнцем», которую они создали вместе, была акцией художников — теоретиков, провозгласивших новые принципы искусства и творчества в своем спектакле-декларации. Оба спектакля были первым опытом публицистического театра, однако публика, уже способная слушать доклады и стихи футуристов, еще слабо воспринимала вещи без сопроводительного объяснения, публики этой было еще мало, чтобы изо дня в день наполнять большие театральные залы.

У русских футуристов, как и у итальянских, во всем, что они делали, важное место занимала зрелищность, театральность. Это проявлялось и в их одежде, и в их поведении, и в оформлении их сборников и альбомов. Помимо театральных постановок нельзя не отметить выступления футуристов на диспутах, которые были особым видом их творчества, включавшим, помимо традиционных докладов и чтений произведений, театрализацию костюмов.

¹⁴ Крученых А. Е. Первые в мире спектакли футуристов. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. М., 2006. С. 108

Футуристы часто работали с малыми, мобильными формами зрелища — кафе, кабаре, поэтические вечера.

Как искусственно воспроизводимый феномен, поведение футуристов театрализовано, знаково. Его знаки — экстравагантность, шокирование, скандализм, маркирующие его носителей в качестве новых людей, нарушителей привычных норм и канонов. Чем радикальнее пропагандируемая новизна, тем выше степень экстравагантности, тем значительнее эффект разрушения. Так, например, Малевич носил в петлице пиджака деревянную ложку, Крученых — повешенную на шнурке через шею диванную подушечку, Д. Бурлюк — ожерелье, Маяковский любил яркие — красные или желтые — кофты.

В 1913 г. Выходит манифест М. Ларионова «Почему мы раскрашиваемся», в котором Ларионов заявил, что подобным образом осуществляется вторжение искусства в жизнь. «Мы связали искусство с жизнью. После долгого уединения мастеров, мы громко познали жизнь и жизнь вторгнулась в искусство, пора искусству вторгнуться в жизнь. Раскраска лица — начало вторжения. Оттого так колотятся наши сердца. Мы не стремимся к одной эстетике. Искусство не только монарх, но и газетчик и декоратор. Мы ценим и шрифт и известия. Синтез декоративности и иллюстрации — основа нашей раскраски. Мы украшаем жизнь и проповедуем — поэтому мы раскрашиваемся».¹⁵

«Отечественный авангард явил собой совершенно оригинальное течение, более смело пересматривающее основания творчества и революционизирующее искусство, превосходя в своем радикализме и новаторстве консервативную Европу».¹⁶ Борьба за новые формы предполагалась только при полном отказе от искусства прошлого, а следование логике и эстетическому запросу общества расценивалось как преступление.

¹⁵ Ларионов М., Зданевич И. Почему мы раскрашиваемся. Манифест футуристов // Аргус. 1913. № 12. — Электронный ресурс: <http://vkarp.com/2010/04/26/манифест-футуристов-почему-мы-раскра/>

¹⁶ Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI — начало XX вв.). СПб., 2003. С. 189.

В русской культуре футуризм не оформился в движение с общей программой и стратегией действий. Несколько литературных и художественных группировок, постоянно враждовавших друг с другом и оспаривавших друг у друга звание истинных футуристов, не могли составить единый фронт нового искусства. Не было в России и общепризнанного вождя, идейного вдохновителя, в отличие от Маринетти в Италии. Футуризм в России не достиг и той всесторонности вторжения в культуру и в политику, которая отличала итальянцев. Однако новые открытия в литературном творчестве, где русский футуризм получил свою наиболее последовательную реализацию и четкие формы, новые формы изобразительного и театрального искусства нельзя оставить незамеченными и умалить их значение в истории русской культуры. Театральный футуризм в Италии был достаточно теоретизирован, о чем свидетельствует большое количество написанных манифестов, утверждающих основные принципы развития авангардного театра. Русский же театральный футуризм не оставил похожего количества теоретических работ, однако постановки Маяковского, Крученых и других приобрели всемирную известность.

Глава 4
Феномен культуры
русского зарубежья

И. Д. Осипов

**ПОЛЕМИКА О ПРАВОСОЗНАНИИ В КУЛЬТУРОЛОГИИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: И. А. ИЛЬИН И Н. А. БЕРДЯЕВ***

Проблема определения права, его этических оснований занимала важное место в культурологии русского зарубежья. В этом контексте особое место занимает творчество И. А. Ильина. Он написал многочисленные труды, посвященные главным образом проблемам философии политики и права, но при этом ему принадлежат и оригинальные работы о христианской культуре и русской литературе. В период революции, гражданской и мировых войн Ильин занимал глубоко продуманную и принципиальную позицию, последовательно и решительно отстаивая интересы России и русской культуры в мире. Он писал: «Философ права должен найти свой особый опыт и предмет и вступить с ним в непосредственное исследовательское общение; а для этого он должен выносить верный опытный акт и систематически осуществлять его. Этот акт можно было бы обозначить как здоровое и нормальное правосознание».¹

Концепция нормального правосознания разрабатывалась и теоретически углублялась Ильиным на протяжении всей его жизни, и исходным для этой концепции стало понятие нормы. Именно оно стало предметом первой научной работы Ильина «Понятие права и силы. Опыт методологического исследования» (1910). В ней ставилась важная задача связать нормативное понятие права с вопросом о силе как отражении социальной реальности. Философ пишет о необходимости изучения именно норма-

* Статья написана при поддержке Гранта РГНФ № 10-03-00840(а).

¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 367.

тивных признаков права, не сводимых к политическому, социологическому, этическому рассмотрению. Так в социологическом методологическом ряду право оказывается правовой нормой, которая выступает в качестве формы общественных явлений. В политическом же ряду право мыслится как правовое явление, и это предполагает, что право уже определено как норма и как понятие. В целом Ильин стремится доказать ценность права как суммы логически выверенных норм независимых от власти и силы.

Данные проблемы получили свою конкретизацию в фундаментальной работе Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918), где важное место занимает анализ категории естественное право. В этой работе он показал себя блестящим знатоком философии Гегеля, и его труд стал одной из лучших работ в России, посвященных немецкому философу. Ильин в своём исследовании особое значение придает Понятию как всеобщей Субстанции и одновременно субъекту и Духу. Вслед за Гегелем он отмечает в качестве основного свойства Понятия самодеятельность в самосозидании, «понятие–свободная разумная сила, самодеятельно творящая свою форму и своё содержание». Исходя из этого, Ильин и науку также определяет как систему познаний, но с тем существенным отличием, что знание здесь–не субъективное состояние души и не содержание, усвоенное человеческой мыслью, а объективное состояние самого Понятия. «Самоопределение Понятия, — пишет Ильин, — есть сразу теологический и научный процесс; что каждый научный “закон” есть тем самым способ бытия Божия; что система научной философии как таковая развертывает живую историю божественного страдания и восхождения».²

Важно, что Ильин обращает внимание на духовный и религиозный смысл логического процесса у Гегеля, который получает «значение творческого преобразования мира в его основной сущности». Право у Гегеля не есть обычная юридическая категория и «тесно связано с состоянием человеческого духа, значение ко-

² Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / под ред. И. И. Евлампиева. СПб.: Наука, 1994. С. 175.

торого определяется тем, что оно есть состояние божественного Духа».³ Важной для Ильина была и мысль Гегеля о том, что право есть как бы «нормальное бытие человеческого духа»; право есть правое существование воли, правильный способ её жизни, или правильное состояние человеческой души».⁴ Он считает, что Гегель в праве видит объективно значащее достоинство не в аспекте должностования, а в аспекте бытия, как живое творческое начало. В этой связи Ильин пишет о психологизации Гегелем предмета права для «раскрытия образов права». Эта мысль интересна в контексте психологических интенций русской философии права XX в. Такие понятия как правовая интуиция, правовой образ, правовой мир будут использованы в концепции нормального правосознания Ильина.

Воспринимая много ценного для себя в философии права Гегеля, Ильин при этом не копирует слепо его концепцию. Так в отличие от Гегеля он обращает внимание на противоборство Божественной силы и иррациональной стихии зла. С одной стороны, согласно Ильину, человек — наивысшее творение Бога, а с другой — он предел господства Бога в мире. Ильин полагал, что Гегель слишком приблизил человека к Богу, тем самым, преуменьшая его греховность. Утверждение Ильина имеет принципиальное значение для выявления предпосылок отклонений в правосознании. По его мнению, каждый человек потенциально обладает правосознанием, но у всех оно развито в различной степени, и одна из причин этого заключена в несовершенстве правовой культуры общества. Истоки отклоняющегося правосознания заключаются также и в неисполнении семьей, государством, системой правосудия возложенных на них функций по формированию нормального правосознания. Ильин отмечал, что главная задача права — организовать мирное и справедливое общество, — фактически не выполняется. Искаженное понимание права влечет за собой кризис правосознания, и как его следствие — несправедливые законы, их неверное понимание или игнорирование.

³ Там же. С. 304.

⁴ Там же. С. 306.

На поиски выхода из этого кризиса и направлена мысль Ильина. Он считает, что изменить положение к лучшему может формирование духовности в обществе. Он пишет: «Дух есть дар свободы, данный человеку в зачатке от самой природы; в то же время он есть живая сила самоосвобождения и в заключительной стадии (вероятно, посмертной) — полнота личной свободы».⁵ По его мнению, воля к духу — единая по существу — ведет к праву и к его цели во всех трех возможных своих «тяготениях: предметном, индивидуальном и социальном». Дух — цель права, а право это его необходимое средство, но не всякое право, а лишь духовно-верное, свободное и справедливое право. Так формируется нормальное правосознание, в котором присутствует с необходимостью воля к духу, формирующая также и волю к добру, свободе и справедливости.

В полной мере концепция нормального правосознания раскрывается в работе Ильина «Учение о правосознании», написанной в 1919 г. В этом сочинении он впервые использует понятие нормального правосознания в связи с понятием естественного права. Исходным в данном случае является духовное понимание права. «Право есть, — писал Ильин, — прежде всего, право человека быть независимым духом, право бытия и право свободы, право самостоятельно обращаться к Богу, искать, находить, исследовать и осуществлять узренное и предпочтенное совершенство. Одним словом: право есть атрибут духа, его способ жизни, его необходимое проявление», — пишет он.⁶ Естественное право имеет два истока: инстинкт правоты и предметную духовность. Естественное правосознание противостоит незрелому, раздвоенному на естественное и позитивное право и безвольному «неправому праву», оно целостно, как должна быть целостна и духовная жизнь человека, и в этом заключена её нормальность.

Ильин раскрывает тесную связь нормального правосознания с духовными основаниями культуры: в морали — в чувстве

⁵ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Минск, 2006. С. 30.

⁶ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 144.

справедливости, в науке — в стремлении к истине, в религии — в жажде совершенства, в общественной жизни — в здоровом правосознании. Ильин поясняет, что нормальное правосознание — это «инстинктивная воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру».⁷ Нормальное правосознание есть «знающая воля к праву», оно исходит из стремления человека к совершенству, справедливости и праву. Отсюда следует и необходимость для человека знать и бороться за право как цель и как ценность. Право по существу необходимо человеку для духовного образа жизни; оно является правом человека быть независимым духом, правом бытия и правом свободы, правом самостоятельно обращаться к Богу, правом искать, находить и осуществлять искомое совершенство. Согласно Ильину: «Право как совокупность объективно-значущих правил внешнего социального поведения создается людьми ради единой и универсальной цели, которая состоит в ограждении и организации духовной жизни человечества».⁸ Исходя из этого, для формирования нормального правосознания следует найти то безусловное основание, которое делает его необходимым. И оно существует среди главных присущих каждому человеку жизненных влечений и побуждений, выражающих одновременно и духовную сущность человека.

Ильин раскрывает структуру правосознания. Во-первых, это рациональность, которая предполагает знание объективного содержания права, заложенного в него законодателем. Целостное познание природы права требует самостоятельной работы и логического мышления человека, так как правовые правила облечены в форму логических тезисов. Люди обращаются к созданию правовых формул для того, чтобы сохранить и распространить однажды обретенное верное решение спора и закрепить в законодательстве правильный способ поведения.

К логическому изучению права примыкает предметное исследование юридической нормы, как правила поведения. Не всякая правовая норма бывает установлена в надлежащем порядке. Не-

⁷ Там же. С. 143.

⁸ Там же. С. 148.

которые из них являются произволом внешнего авторитета и не могут быть приняты здоровым правосознанием в качестве нормы поведения. Правосознание должно исследовать данное правило поведения и дать исчерпывающий ответ на вопрос: кем и в каком порядке оно установлено, не противоречит ли оно нормам естественного права? В итоге человек должен сам принять решение о том допустимо или нет использовать это правило в качестве руководства к поведению. Кроме того, для правосознания важно и умение человека самостоятельно находить выход из ситуаций, не получивших закрепление в нормах действующего законодательства. Ильин считает, что ни один правопорядок не может предусмотреть всех способов разрешения конкретных конфликтов и закрепить их в положительном праве. Человек, обладающий развитым правосознанием, может самостоятельно, опираясь на свое внутреннее ощущение права, найти выход из сложившейся ситуации, который согласовался бы с существующим правопорядком.

Важной характеристикой нормального правосознания является также религиозная вера. Согласно Ильину: «религиозность по самому своему существу есть состояние, противоположное всякому духовному безразличию, всякой апатии и душевной экстенсивности»,⁹ христианство воспитывает духовную автономность человека, а христианин: «в саму политическую жизнь вносит начала любви к родине, к нации, к государю. Он требует милости от суда; человечности в обращении с ребенком и солдатом; и умеет жалеть бессрочного каторжника, осужденного за зверство».

Имеется и собственно моральная составляющая нормального правосознания, которое движимое волей к верховной цели и духовной жизни, совершенствует право; оно рассматривает жизнь как посвященную свободному обретению и правовому осуществлению высших безусловных ценностей, как верховное благо. Такое правосознание исходит из воли к духу и к добру, с помощью которых оно неизбежно начинает перестраивать социальную жизнь людей на принципах духовного самоуправления, чувства

⁹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. С. 222.

собственного достоинства, уважения, доверия и справедливости. Право превращает столкновение интересов в предметный спор о достойном способе жизни. При этом государство является единством во множестве субъективных волей, связанных единством цели.

Источник нормального правосознания — национальность. Для нормального правосознания всё человечество входит в правовой порядок, и любовь к своему отечеству не ведет к отрицанию естественного права на существование и на духовный рост у других народов. Ильин пишет: «Каждый народ имеет неотъемлемое, естественное право вести национально-автономную жизнь, ибо автономия составляет самую сущность духа, и каждый народ в борьбе за свою национальную автономию — прав перед лицом Божиим».¹⁰ Поэтому не существует с точки зрения естественного права противоречия между развитием отдельного народа и правовым союзом человечества.

Согласно Ильину, причинами отклонения от нормального развития правоотношений является дефицит духовного развития, который может быть следствием недостатков в воспитании детей в семье, школе, а также результатом распространения в обществе ценностей потребительства, пошлости, цинизма, эгоизма и атеизма. В личности проявляются существенные качества, которые находятся в единстве, но при этом имеют и самостоятельное значение: свобода и воля к духу. Свобода человека простирается только до тех пределов, с которых начинается свобода других людей, она есть право каждого человека жить духовной жизнью, признавая такое же право за другими людьми.

Свободу личности Ильин рассматривает в двух основных её формах: внутренней и внешней. «Свобода, по своему существу своему, есть именно духовная свобода, т. е. свобода духа, а не тела и не души», — пишет он.¹¹ Внутренняя свобода является духовной свободой, а не свободой тела или души, так как тело человека находится во времени и пространстве, и оно всегда подчинено

¹⁰ Ильин И. А. О сущности правосознания. С. 165.

¹¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 169.

законам природы. Во внутренней свободе проявляется способность духа самостоятельно распознать правильный закон и авторитет, признать его силу и исполнить. У свободного человека не произвол ведет душу, а свобода царит над произволом, ибо такой человек свободен и от произвола; он преобразил его в духовное, предметно обоснованное произволение.

Внешняя же свобода, согласно Ильину, — это «естественное и необходимое условие для водворения и упрочения внутренней».¹² Оно касается требований невмешательства других в духовную жизнь человека, в то время как требования внутренней свободы обращены к самому себе. Внешняя свобода — это свобода веры, воззрений и убеждений, в которую другие люди не вправе насильственно вмешиваться, то есть это свобода от принуждения и запрета, от грубой силы, угрозы и преследования. Такая свобода является отрицательной, но духовная любовь и личные убеждения, по его мнению, не могут создаваться путем запретов и угроз. Невозможно подавить мысль или принудить к нравственно-творческому поступку, так как нет жизни без творчества, а вдохновения без свободы. Однако это не означает, что свобода может быть формальной и безмерной, ибо внешняя свобода дана человеку для внутреннего освобождения, от которого она получает свое истинное знание и глубокий смысл. Духовное единство людей может возникнуть только тогда, когда каждый отдельный человек духовно и религиозно самостоятелен и индивидуален, имеет в себе источник духовного опыта. Ильин считает, что свобода никогда не должна превращаться в духовное рабство. Каждый человек должен быть индивидуален, но «ценность оригинальности не в новизне, а в искренности».

Духовность проявляется, согласно Ильину, в свободной воле, т. е. в праве осуществлять выбор между добром и злом. Идея тождества духовности и свободной воли играет принципиальную роль в его философии права. Воля как духовная субстанция входит в единичную волю в качестве её живой сущности и включает в себя все единичные воли в качестве своих живых органов.

¹² Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 170.

Данная мысль легла в основу определения добра и зла Ильиным. Он утверждает, что эти понятия затрагивают исключительно состояние внутреннего мира человека: «Зло начинается там, где начинается человек, и притом именно не человеческое тело во всех его состояниях и проявлениях, как таковых, а человеческий душевно-духовный мир — это истинное местонахождение добра и зла».¹³ Это не значит, что внешнее поведение совсем не важно, но его следует принять во внимание в той мере, в которой это касается внутреннего мира человека. Следовательно, и борьба со злом должна проходить именно во внутренних духовных усилиях человека.

Проблема противостояния злу получает в философии права Ильина особое значение в 1925 г. в связи с публикацией книги «О сопротивлении злу силою», вызвавшей острую полемику в русском зарубежье. По этой проблеме выступили критики Ильина Н. А. Бердяев, З. Н. Гиппиус, Ю. Айхенвальд, а также и его сторонники П. Б. Струве, Н. О. Лосский, митрополит Антоний. Появление книги было обусловлено сложной ситуацией в русском зарубежье, где распространилось «сменовеховство» и идеи признания советской власти, однако в работе имеется несомненная связь с концепцией нормального правосознания Ильина.

Главным предметом работы является критика концепции непротивления злу насилием Л. Н. Толстого, абстрактного гуманизма и религиозного анархизма. Ильин признает их опасными, поскольку они выражают духовную слабость и безволие эмиграции. В этой связи в работе формулируются два вопроса: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и слою?».¹⁴ Отвечая на них, Ильин проводит различие практики несопротивления злу, которую, по его мнению, никто из честных людей принять не может, а также точ-

¹³ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 313.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 304.

ки зрения Толстого, согласно которой борьба со злом необходима, но она существует только во внутреннем мире человека. То есть «непротивление» есть особый вид сопротивления, и учение Толстого «не есть учение о зле, но о том, как именно его не следует преодолевать».

Для начала Ильин дает определение добра и зла. По его мнению, «добро есть одухотворенная (или иначе, религиозно опредмеченная, от слова «предмет») любовь, зло — противодуховная вражда. Добро есть любящая сила духа, зло — слепая сила ненависти».¹⁵ Он подчеркивает, что добро определяется не внешними его проявлениями, а внутренним душевно-духовным миром человека. Зло же противорелигиозно, ибо оно состоит в «слепой, разлагающейся отвращенности от Божественного». Философ делает принципиальный вывод: «вражда ко злу не есть зло», и преобразование зла может быть «осуществлено той силой, в слепом искажении которой зло и состоит: духовно-зрячей любовью». Он пишет и о моральном выборе человека: противостоять злу, либо нет и считает, что второй путь с точки зрения нравственности «абсолютно неприемлем», так как тот, кто видит зло и не противится ему, сам становится его соучастником. И, если такое происходит постоянно, то он рано или поздно начинает находить во зле положительные стороны и постепенно перестает отличать зло от добра. По его мнению, непротивленство есть потворство злу и его приятие. При этом, очевидно и то, что беспринципный человек легче поддается силе зла. И наоборот — чем сильнее развиты в нём чувство долга, совесть, правосознание, тем больше сил у него для борьбы со злом, человек, сопротивляющийся злу, постепенно формирует в своей душе нравственный стержень и укрепляет свою духовность.

Для борьбы со злом, согласно Ильину, необходим путь к очевидности, «зрячее видение» моральной проблемы. Требуются следующие обязательные условия: наличие подлинного зла и его верного восприятия, подлинная любовь к добру, волевое отношение к мировому процессу и неспособность внутреннего «самоза-

¹⁵ Там же. С. 316.

ставления» и психического понуждения удержать человека от злодеяния. В борьбе со злом нужно использовать, прежде всего, душевно-духовное воздействие на человека. Если этого воздействия недостаточно или оно неосуществимо, то тогда можно прибегнуть к «заставлению», «понуждению» — «такому наложению воли на внутренний и внешний состав человека, которое обращается не к духовному видению и любовному приятию заставляемой души непосредственно, а пытается понудить или пресечь её деятельность».¹⁶ «Заставлять» человека можно различным образом. Например, «самопонуждением», когда человек сам «налагает» свою волю на себя, как психически, так и физически. В этом случае он, преодолевая эмоциональное нежелание, выполняет из необходимости какую-либо душевную работу. Возможно также и физическое «самозаставление», и такова природа всякого физического труда совершаемого без увлечения.

Но заставлять психически или физически можно и других. Так психическим понуждением являются приказ, угроза, запрет; оно апеллирует к собственной воле заставляемого и побуждает его прибегнуть к «самозаставлению». По Ильину, эта мера может оказаться и недостаточной, так как человек не всегда осознает необходимость подчинения приказу. В таком случае допустимо физическое понуждение или пресечение, включающие все возможные меры вплоть до заключения в тюрьму и смертной казни.

Особо подчеркнем то, что Ильин противопоставляет «заставление» насилию. «Заставление» — позитивно, и цель его состоит в том, чтобы направить другого (себя) на путь истинный, искоренить в душе зло. Заставляемый человек должен осознать, что ему не следует совершать зло во избежание неблагоприятных последствий для себя. Ильин постоянно оговаривает, что физическое воздействие — лишь вынужденный шаг, и допустимо только в случае, если недействительны все иные меры воздействия на человека.

Насилие же по Ильину «есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное; “насильник” есть человек, пре-

¹⁶ Там же. С. 319.

ступающий все рамки дозволенного, нападающий, притесняющий, — угнетатель и злодей».¹⁷ Насильника не волнуют чувства и переживания жертвы, он руководствуется исключительно собственными эгоистическими целями и побуждениями. Поэтому с насилием необходимо бороться неуклонно и последовательно. Согласно Ильину причина применения насилия заключена также и в том, что общественная жизнь влечет за собой столкновение различных интересов. Люди еще не научились мирно жить в обществе, определяя возможность или невозможность осуществления своих желаний, влекущих за собой ущемление интересов других, не могут определять пределов, до которых возможна реализация притязаний. У многих отсутствует нормальное правосознание. Отсюда следует необходимость регулирующих и контролирующих правовых норм и власти государства.

При этом поддержание дисциплины и правопорядка является задачей не только государства, а зависит также и от каждого человека. Поэтому никакие внешние санкции не могут направить злодея на путь добра, в этой работе огромную роль играет нравственное воспитание и самовоспитание. Если государство воплощает в себе положительное право, то каждый отдельный человек должен поддерживать в себе идею «живого» естественного права. Вопрос о допустимости внешнего понуждения и пресечения ставится правильно только тогда, когда он поставлен от имени подлинного добра. Преодоление зла может быть осуществлено только силой духовной любви, не из ненависти к злу совершается истинная борьба со злом. При этом под любовью Ильин понимает не всепрощающую, сентиментальную любовь, а чувство, заботящееся о том, как сделать самого человека лучше, и при необходимости готовое даже взяться для этого за меч. Как в ходе воспитания, так и в процессе самовоспитания необходима воля к добру, действие, направленное на себя или на другого. И в этом случае совесть является важнейшим началом в самовоспитании и воспитании других, она несет в себе печать божественного присутствия, являясь той ниточкой, которая связывает душу человека с Богом.

¹⁷ Там же. С. 322.

При этом Ильин подчеркивает, что правовые и государственные законы «суть не законы насилия, а законы психического понуждения, преследующие именно нравственную цель и обращающиеся к автономным субъектам права для того, чтобы сообщить их воле верное направление для самовоспитания. В основной своей идее и в своем нормальном действии правовой закон есть «формула зрелого правосознания, закреплённая мыслью, выдвинутая волей и идущая на помощь незрелому, но воспитывающему себя правосознанию».¹⁸ Правосознание является связующим звеном между моралью и правом, и нравственное воспитание человека призвано развить и углубить его правосознание и чувство справедливости, зрелое же правосознание способствует совершенствованию положительного права.

Рассматривая проблему борьбы со злом, Ильин коснулся и темы войны, которую он считал морально оправданной в случае, если она является борьбой за духовную самобытность, но, по его мнению, и в этом случае война «испытывается» нормальным правосознанием как подлинное братоубийство. «Любовь к духу побуждает человека защищать его жизнь, её достоинство и её необходимые условия, а любовь к духу своего народа способна подвигнуть его к принятию на себя тяжкой вины братоубийства, противного по существу и совести, и нормальному правосознанию. Но тогда противник не остается бесправным и в самом сражении; и воин, руководимый нормальным правосознанием, получает в Бою облик рыцаря».¹⁹ Ильин подчеркивает, что даже в случае справедливой войны, после неё воину необходимо пройти покаяние, поскольку он совершил несправедливый поступок.

Концепция Ильина вызвала резкую критику Н. А. Бердяева, и их полемика интересна в контексте разъяснения сути категории нормального правосознания и христианской этики. В методологических подходах имеется сходство (в критике панморализма Толстого), но существует и принципиальное различие в толковании отношения церкви и государства. Сложность решения по-

¹⁸ Там же. С. 332.

¹⁹ Там же. С. 165.

ставленных в полемике проблем заключается в том, что многое здесь определяется смысловой трактовкой религиозных текстов. Это был спор как правомерно полагает Бердяев «о содержании добра, об осуществлении в жизни Христовой правды». Здесь Ильин выступил было в роли юриста-философа и стремился выявить религиозно-этическое и юридическое значение нормально-го правосознания, а Бердяев с позиции религиозного философа критиковал правовые идеи Ильина. Он категорично утверждал: «И. Ильину совершенно чуждо христианское разграничение двух порядков бытия и двух миров, мира духовного и мира природного, мира иного и «мира сего», мира благодати и порядка природы, царства Божиего и царства Кесаря».²⁰ Тезис о том, что Ильин «смешивает государство с Церковью и обоготворяет государство» повторяется Бердяевым часто.

Сам Бердяев исходил из принципиального различия царства Божиего и царства Кесаря, церкви и государства. Он пишет: «Государство должно и может ограничивать проявления зла в мире, пресекать известного рода обнаружения злой воли. Но государство по природе своей совершенно бессильно побеждать зло и такого рода задачи не имеет».²¹ Бороться со злом может только Церковь. Бердяев критикует Ильина за то, что он, понимает свободу «исключительно нормативно», так как свобода для него — «принудительная организация добра в мире через государство». Он делает вывод, что для Ильина сам человек в совокупности своих реальных недостатков и грехов не имеет никакого значения. Любовь же по Бердяеву существует к единичному человеку с «индивидуально неповторимым именем» и его недостатками.

Особое негодование вызвало у Бердяева понятие «заставления». При этом своеобразие его взглядов заключается в том, что он не отрицает применения силы и меча. «Я, например, никогда не был толстовцем и непротивленцем и не только не сомневаюсь в принципиальной допустимости действовать силой и мечом, при

²⁰ Бердяев Н. А. Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою») // Путь. Орган русской религиозной мысли. № 4. 1926, июнь-июль. М., 1992. С. 465.

²¹ Там же. С. 466.

соблюдении целесообразности и духовной гигиены, но и много писал в защиту этого тезиса», — пишет он.²² Он утверждает, что казнь, как трагический и жертвенный акт, совершаемый в жизни, имеет своё оправдание, но «не может иметь оправдание патетическое философствование о казни, не может быть оправдана любовь к такого рода занятию».

Отвечая на эти обвинения можно привести цитаты из работ Ильина, в которых он считает «заставление» лишь крайним средством воспитания и самовоспитания человека и формулирует 26 ступеней «заставления» человека, которые лишь на крайней стадии могут привести к использованию меча. Эта детализация вызывает особую неприязнь Бердяева. Ильин полагает, что: «Понуждение и пресечение необходимы для того, чтобы пробудить и укрепить в дефективной душе правосознание и моральное чувство».²³ Он оговаривает, что понуждение поставлено на должную высоту там, где всегда есть его возможность, но где оно не применяются. И также подчеркивает: «Спротивление злу силой и мечом допустимо не тогда, когда оно «возможно», а когда оно необходимо, но если оно необходимо, то человеку принадлежит не право, а обязанность вступить на этот путь».²⁴ В этом случае человек на себя берет всю ответственность за принимаемые решения, и он не праведен, но он прав. «Практический же вопрос о том, что делать и как поступить человеку, присутствующему при злодеяниях, должен решаться впоследствии и самостоятельно».²⁵ Ильин также ограничивает использование понуждения: «всякая форма понуждения, разлагающая волю, делает свою собственную цель недостижимой и становится бессмысленной, ибо задача понуждения состоит в том, чтобы сделать человека ненуждающимся в понуждении».²⁶ То есть речь идет в данном случае о духовном компромиссе и трагическом парадоксе, когда именно лучшие люди должны вести борьбу со злодеями, критика Ильина направ-

²² Там же. С. 80.

²³ Ильин И. А. Спротивление злу силою. С. 430.

²⁴ Там же. С. 458.

²⁵ Там же. С. 450.

²⁶ Там же. С. 393.

лена на «эстетический нигилизм», который не видит «духовной необходимости и духовной функции правосознания».

В этой связи следует назвать некоторые принципиальные расхождения в мировоззрении двух выдающихся мыслителей России, затрагивающие кардинальные проблемы христианской философии права. Одно из них — это различное решение проблемы взаимоотношения церкви и государства. Для Ильина церковь и государство существуют в единстве в борьбе со злом, он проделал большую и плодотворную работу по «одухотворению» права и государства, выявлению творческих и идеальных моментов правовой и политической культуры. Осмысливая духовные предпосылки права, философ ставил перед собой цель снять противоречие между государством и индивидом, частным и общественным интересом, естественным и положительным правом, внешней и внутренней свободой личности. И категория нормального правосознания в данном случае играет особо важную роль, связывая нравственно-духовный мир человека и правовое государство.

Именно это вызвало неприязнь Бердяева. Его позиция во многом исходит из противопоставления царства Божиего и царства Кесаря, государства и Церкви, религиозной нравственности и права. В этом проявились как персоналистические тенденции его философии, так и определённый «эстетический анархизм». Категория свободы Бердяева отражает уникальность бытия человека — его экзистенциальную сущность, и это уникальная свобода. И естественно, что это понятие свободы кардинально отличается от свободы в законе и праве Ильина, свободы как коммуникации и условия духовного общения.

Важным для разъяснения сути полемики является и отношение к свободе зла. Бердяев пишет: «В действительности и христианская вера, и всякая здоровая этика должны признать не только свободу добра, но и некоторую свободу зла. Свобода зла должна быть внешне ограничена в своих проявлениях, со свободой зла борется духовно благодатная сила Христова, но эту свободу нужно признать во имя свободы добра».²⁷ Следует признать, что здесь он совершает подмену понятия свободы воли понятием свободы зла.

²⁷ Бердяев Н. А. Кошмар злого добра... С. 467.

Действительно, христианство полагает принципиальным предоставить человеку свободу выбора между добром и злом, видя в этом проявление благодатности его духовной природы. На это обращает своё внимание и В. С. Соловьев в «Оправдании добра». Но христианство никогда не «попускало» зла и не давало права на его бытие, тем самым его оправдывая. Зло понимается как некоторая онтологическая данность, с которой необходимо неуклонно бороться. И в этой борьбе государство и церковь едины.

Но Бердяев прав, когда отрицает возможность синтеза христианской любви и наказания. Ведь, появление христианства определяет уход общества от привычной «мстительной» морали талиона и переход к парадоксальной этике прощения врагов своих. Но не Божиих, и здесь прав Ильин. Во многом это соответствует духовным интенциям русского народа, «жалевшего» преступника. В своих последующих работах Ильин большое внимание уделит именно этой стороне нормального правосознания.

В заключение следует отметить, что в полемике мыслителей следует видеть отражение специфики философии права христианства, в которой поставлена сложнейшая проблема духовного преображения общества и человека. В её рамках определяются религиозные, моральные и социальные аспекты взаимоотношения церкви и государства, закона и благодати. В этом случае право стоит на пересечении путей добра и зла, препятствуя злодеянию и давая дорогу добру, любви и духовности. Одновременно право, будучи регулятором свободного поведения человека, является и одной из точек соприкосновения общественного и личного, а также критерием справедливого отношения государства к гражданину. Данная концепция тесно связана с российской духовной традицией, в которой не было жесткой антитезы религии, этики, политики и права.

А. Е. Рыбас

МЕХАНИЗМЫ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Состояние философии в современной России не раз характеризовалась как состояние кризисное. Причины кризиса довольно многочисленны и разнообразны, но наиболее важная из них — это разрушение механизмов самоидентификации и утрата исторической памяти.

Если говорить о русской философии *в целом* — а именно в этом смысле русская философия стремится заявить о себе на международной арене, в современном интеллектуальном мире, — то налицо факт отсутствия этой целостности. Следует подчеркнуть, что утрата целостности представляет сейчас *проблему* для русской мысли, весьма актуальную и требующую решения во что бы то ни стало. Проблематичность ситуации, в которой оказалась русская философия, обусловлена невозможностью найти способ собирания мысли посредством указания на ту или иную парадигму, будь она укоренена в традиции или же отнесена к будущему. И хотя в настоящее время прилагаются большие усилия в этом направлении, все они, скорее всего, обречены на неудачу, поскольку утрата целостности носит не временный и не случайный, а *принципиальный* характер.

Неизбывность кризиса позволяет посмотреть на него с другой стороны. А именно, он может быть понят как необходимый атрибут, даже критерий философской мысли. Действительно, поскольку философия предполагает проблематизацию оснований, а не их догматическое принятие с целью создания непротиворечивой «картины мира», то состояние незавершенности философского знания является необходимым. Это значит, что разрушение

механизмов самоидентификации и историческое беспамятство, как причины кризиса, имеют и свою позитивную функцию.

Последнее утверждение, очевидно, нуждается в доказательстве. Как известно, большинство историков русской философии склоняются к противоположной точке зрения и трактуют современный кризис как нечто преходящее и требующее преодоления, хотя они и расходятся в выборе средств. Как правило, современная ситуация в русской философии характеризуется как «межвременье»¹ — своеобразная буферная зона между традицией, авторитет которой пытаются сохранить, и антиметафизическим вызовом Запада, который нельзя не учитывать, поскольку именно он формирует «задания» русской мысли и ждет от нее положительных решений. Следуя логике такого подхода к осмыслению ситуации философского кризиса, нужно признать, что разрушение механизмов самоидентификации и утрата исторической памяти губительны для русской философии, и поэтому к ним нельзя не относиться критически, то есть нужно воспринимать их как нечто негативное. Эпоха «межвременья» тем и отличается, что на смену одного «времени» (парадигме) приходит другое, и те, кому довелось жить «на сломе времен», вынуждены осуществлять их «связь», расшифровав «логику истории» и восстановив работу механизмов самоидентификации благодаря актуализации исторической памяти.

Как бы ни казалась такая позиция вполне приемлемой для объяснения существующего положения дел, она представляет собой не философское, а *идеологическое* решение проблемы, то есть такое, которое скрывает суть вопроса, совершая его подмену. Главное, что требует объяснения, как раз и упускается здесь из виду, поскольку объявляется преходящим, недолжным и истолковывается как симптом современности — своеобразной болезни духа, утратившего былую силу и целостность и переживающего эпоху «кризиса». В результате внимание концентрируется на прошлом (традиции) или будущем (задании), а настоя-

¹ См.: Хоружий С. С. Несколько замечаний о философской ситуации // Res cogitans. Саратов, 2004.

щее — то, что подлежит объяснению — никак не продумывается, а идеологически фиксируется в качестве точки пересечения этапов развития мысли. Вот и получается в итоге, что речь идет уже исключительно об этапах, а не о мысли. Последняя ускользает от историка философии, и он с известным профессионализмом начинает заниматься реконструкцией философского процесса, представляя его таким, каковым он и является востребованным в настоящее время совсем не философскими инстанциями.

Следует, однако, остановиться на рассмотрении кризиса без изначально предвзятого отношения к нему. Если сейчас действительно наблюдается невозможность самоидентификации русской философии, ее неспособность к памятованию своей проблематики и истории, то разве это дает основание для вывода о ее ущербности или отсталости? Разумеется, такой вывод был бы поспешным. Вполне может оказаться так, что как раз налаженная работа механизмов самоидентификации будет свидетельствовать об утрате философского содержания мысли, о превращении ее в идеологию. И, напротив, именно в беспамятстве будет выражаться действие фундаментальных механизмов памяти, которые функционируют независимо от того, насколько они осознаны историками философии. В результате может получиться так, что поиски способов восстановления исторической памяти и активное внедрение соответствующих философских мнемотехник приведут к забвению актуального, а значит — к нарушению работы объективных механизмов культуры, обуславливающих ее подлинное единство и целостность.

Современная русская философия представляет в этом отношении хороший и поучительный пример. Пожалуй, никогда раньше вопрос об исторической памяти не ставился с такой силой, как в настоящее время, и никогда так много внимания не уделялось его разрешению, однако философская амнезия прогрессирует с каждым днем все больше и больше. Можно даже сказать, что чем сильнее старается русская философия сейчас себя вспомнить, тем сильнее она себя забывает. И как только философам удастся достигнуть согласия относительно сущностных моментов содержания русской мысли или судьбоносных вех ее

развития, это согласие сразу же оказывается формальным, или фиктивным, иллюзорным.

В этой связи уместно указать на две основные стратегии восстановления исторической памяти, которые находят сейчас наибольшее число сторонников и считаются вполне приемлемыми для разрешения кризиса, хотя на самом деле они всего лишь являются его следствиями. Речь идет, во-первых, об апелляции к *традиции* с целью обосновать преемственность и своеобразие философских поисков и, во-вторых, об актуализации единого проблемного поля философии *как таковой*, безотносительно к специфике исторического развития философской мысли. Очевидно, что эти стратегии противоположны друг другу: первая предполагает доказательство возможности и важности особого пути развития русской философии и акцентирует внимание на конструктивной роли «русской идеи», а вторая нивелирует особенности философствования в России и на первое место ставит значимость если не «вечных», то, во всяком случае, «интеркультурных» вопросов, решение которых не зависит от места и времени. Как в случае обращения к традиции, так и в случае актуализации «собственно» философских проблем рассчитывают достичь единства русской философии и выработать приемы ее идентификации. Результат, однако, оказывается прямо противоположным.

Прежде всего следует рассмотреть стратегию реанимации традиции, поскольку именно такой подход можно назвать сейчас доминирующим. Исходным пунктом здесь является *создание истории* русской философии. Разумеется, нет ничего удивительного в том, что история всегда создается, то есть представляет собой продукт творческого осмысления так называемых исторических фактов, или, точнее, субъективных ценностей и предпочтений, и что она ни в коем случае не «соответствует действительности». Важно, однако, обратить внимание на то, с какой целью и какими средствами утверждается та или иная интерпретация (тем более, если она подается в качестве историко-философского *знания*), а также на статус этого знания. Если это знание наделяют характеристиками знания объективного, или научного, со всеми присущими ему атрибутами (доказательностью, универ-

сальностью, непротиворечивостью и т. д.), то это свидетельствует, скорее всего, об идеологизации истории философии, то есть о превращении ее в удобную объяснительную схему существующего положения дел или же в способ легитимации официально утвержденных ценностей. Косвенно на это же могут указывать соответствующие риторические приемы изложения и аргументации, такие как излишняя пафосность, драматизм, сюжетность, апелляция к патриотическим чувствам, спекуляция на чувстве неполноценности, обратной стороной которого является пресловутый мессианиззм, и так далее.

Можно привести множество примеров подобной идеологизации — они представлены обширной историко-философской литературой последних десятилетий. Если обобщить наиболее известные интерпретации, то описание истории русской мысли предстанет в следующем виде. Начинается она непременно с «фундаментальных» трудов великого философа, например с «Философических писем» П. Я. Чаадаева или же с трактатов В. С. Соловьева. Затем следует «расцвет» самобытно-русского любомудрия — «знаменитая метафизика Серебряного Века», когда «русская мысль имела цветущую философию с созвездием выдающихся имен», находясь «в стадии бурного подъема»². Этот метафизический подъем прерывается, однако, грубым вмешательством нехороших и далеких от философии людей, совершивших «октябрьский переворот» и сделавших невозможным дальнейшее развитие русской мысли, в результате чего почти все выдающиеся философы вынуждены были эмигрировать. Центральным и наиболее драматическим моментом является здесь эпизод с «философским пароходом», который вывез из России Россию, то есть все то, что было в ней ценного, мыслящего и собственно русского, способного традировать отечественную культуру в целом. После изгнания философии из России (факт, который получает отдельное историософское осмысление) образуется философская диаспора, объединенная «миссией» и «духовным заданием»,

² См.: Хоружий С. С. 1) Шаг вперед, сделанный в рассеянии; 2) Русская мысль и поиски обновления европейской философии.

которые она, разумеется, выполняет, несмотря на все трудности и несчастья, переживаемые «в рассеянии». Наконец, счастливый финал: победоносное возвращение философии в Россию, тотальное признание отверженных когда-то философов, полное издание их сочинений и как результат — реанимация традиции, «восстановление неких сущностных черт православного образа мышления, Восточно-христианского дискурса». Теперь перед русской философией открываются задачи вселенской значимости — например, она должна найти средства обновления европейской философии, указать ей правильный путь развития, воссоздав «единство европейского разума» и определив сущностные моменты, или «положительные начала», новой парадигмы философского мышления.

Что можно сказать о такой истории русской философии? Очевидно, что она скорее соответствует весьма популярным сюжетам о «спасении мира», которые рассчитаны на широкую публику и предполагают увеличение кассовых сборов, чем описанию действительного развития русской мысли. Последняя предстает в предельно упрощенном виде, поскольку редуцируется до одного из ее направлений, причем совсем не магистрального, а именно до религиозной, или православной, философии. В результате именно православная философия интерпретируется как собственно русская философия, а все другие, альтернативные воззрения лишаются философского статуса или объявляются второстепенными, нехарактерными для России.

Вряд ли нужно доказывать ошибочность такого подхода, поскольку отождествление православной философии с русской философией является очевидной натяжкой, идеологическая обусловленность которой видна невооруженным взглядом. Важнее указать на тот факт, что в результате культивирования *сюжетной* истории русской философии добиваются прямо противоположного результата: а именно, изначально стремятся установить преемственность философской проблематики, показать связь с традицией и найти выход на уровень универсального признания, а в итоге замыкаются в узком кругу сектантских представлений. Дело в том, что как только русская философия осмысливается

в контексте ее «миссии» или «духовного задания», она персонифицируется, становится героем трагического повествования, обретает «судьбу» и т. д. Очевидно, что судьба — это не просто история, и поэтому описывается она уже с помощью риторических, а не историко-философских средств. Повествование о судьбе предполагает и требует заинтересованного, или «участного», слушателя, а не «холодного» исследователя. Слушатель этот отличается тем, что всегда готов закрыть глаза на ряд допущений и деталей, поскольку они способны отвлечь внимание или даже исказить логическое разворачивание сюжета. Таким образом, осуществляется полное погружение в пространство повествования, и граница между условностью художественного текста и исторической реальностью постепенно стирается, а потом исчезает, в результате чего сюжет начинает трактоваться уже как история. Реальность элиминируется, и запускаются механизмы ее забвения.

Следствием сюжетной интерпретации является также утверждение единства проблематики русской философии и ее «самобытности». Сторонники самобытно-русской философии, как правило, воспроизводят в основном известные доводы славянофилов, хотя и придают им современное звучание. Настаивая на том, что своеобразие русской философии определяется духовной средой, а она, в свою очередь, обусловлена православием, они выделяют следующие особенности русского любомудрия.

Прежде всего, это *онтологизация истины*, то есть истина становится не только элементом мышления, но и элементом бытия. Это обусловлено тем, что в традиции русского православия проблема спасения решается не «юридически», как на Западе, где человек рассчитывает на возможность оправдаться своими хорошими делами, а исходя из идеи «обожения», что предполагает подражание Христу, а значит, жизнь в Истине, поскольку подражать Христу теоретически нельзя, а необходимо принять его учение как реальность и тот единственный путь, по которому и следует идти.

Во-вторых, русскую философию характеризует установка на обретение *цельного знания*, которое представляет собой синтез веры, разума и воли и противопоставляется западному

идеалу знания как гармонии веры и разума. Именно поэтому русская философия не выделяется, в отличие от философии западной, в отдельную, автономную сферу знаний, а сохраняет свою диффузность, то есть институциональную и тематическую неопределенность, которая оберегает русских философов от сухого профессионализма и ограниченности специалистов. Русская философия, таким образом, не отрывается от жизни и находит в ней свое последнее оправдание, а значит, не нацелена на ее изменение согласно своим теоретическим выводам. Появившаяся в конце XVIII в. противоположная тенденция в русской мысли, нацеленная на утверждение идеалов рационализма и атеизма и отстаивающая активную позицию в отношении к действительности, является, по мысли адептов православной философии, случайной в России и не может рассматриваться как отрицание отечественной традиции.

В-третьих, русская философия отличается своеобразным *эстетизмом*, вытекающим из принятия новозаветной заповеди о любви к ближнему, которая понимается в том числе и как любовь к миру, как творению Бога. На Западе, наоборот, усваивается ветхозаветная идея владычества человека над природой и культивируется утилитарное отношение к окружающей среде, что приводит в итоге к торжеству техницизма и прагматизма. Что же касается русской мысли, то господствовавший в ней эстетизм становится основанием для известного литературоцентризма, им же объясняется ее эволюция в сторону космизма.

В-четвертых, особым является в русской философии и отношение к личности. Ничто не является таким чуждым для отечественных мыслителей, несовместимым с их философскими взглядами, как индивидуализм и эгоизм, нашедшие признание на Западе. Изначально русская мысль ориентируется на иное понимание человека и ценности его существования, подчеркивая принцип *соборности* как наиболее правильное выражение существа человека. Разумеется, соборность, выступающая в качестве альтернативы индивидуализму, не тождественна коллективизму и так же противостоит ему, ибо индивидуализм и коллективизм одинаково уничтожают личность: с одной стороны, она

утверждается как автономная ценность и тем самым лишается действенной основы своего существования, отрывается от других личностей и превращается в ничто, а с другой, в коллективе, представляющем собой механическое сочетание индивидуумов, личность нивелируется, поскольку единство достигается при помощи внешних, второстепенных факторов. Соборность, как она продумывается в русской философии, это указание на возможность обрести единение в подлинном, духовном основании человеческой жизни, причем так, чтобы личность человека, растворяясь в «мы» и теряя свое «я», стала совершенной и ценной уже не в относительном (земном), а в абсолютном (вечном) смысле.

В-пятых, русская философия выступает как поиск *церковности*. Ей свойственна троичная полнота — достоинство, принципиально отличающее ее от западной философии, которая является «тринитарно ущербной». Если проблематику западной философии так или иначе определяет кантовская парадигма — эффективно работающая форма неполноты с ее антиномизмом и рационализацией веры, то русская философия, опираясь на церковь, развивает троичное мышление и призвана обеспечить надежность и непротиворечивость выводов — положительных утверждений, в которых диалектически будет схвачена суть бытия в ее формальной невыразимости.

Наконец, в-шестых, фундаментальной темой русской философии является Россия, и это неслучайно. Россия как проблема метафизики была тематизирована еще П. Я. Чаадаевым и с тех пор стала необходимым элементом всех философских систем, определяя их своеобразие и преемственность. В известном смысле можно сказать, что Россия — это и есть русская философия, потому что никакая другая национальная философия не сосредоточена так на самой себе, на осмыслении пространства собственного присутствия, как философия русская. Обладая полнотой, она не является, однако, завершенной, поскольку проясненным оказывается главное и остается необходимость разработки деталей. Вот почему не русская философия должна включаться в мировую философию на правах составной ее части, а, наоборот, вся мировая философия должна быть включена в русскую фило-

софию: западный рационализм, например, поможет разобраться с частностями, упорядочить их и прояснить их конкретное содержание. Перспективы развития русской философии сторонники ее самобытности видят в уяснении своеобразия отечественного любомудрия и в сохранении религиозной доминанты русской мысли. Таким образом, заранее необходимо исключить возможность альтернативных позиций и других, альтернативных векторов развития русской мысли.

Нетрудно заметить, что содержательная характеристика русской философии, представленная выше, является результатом не столько ее изучения, сколько искусственного моделирования. И целью этого моделирования является цель, прямо противоположная той, которая афишируется. Так, утверждается, что содержательная дескрипция русской философии необходима для того, чтобы зафиксировать конститутивные элементы философской проблематики и таким образом сохранить ее, сделать актуальными достижения русских философов предыдущих столетий и т. д., однако на деле сущностное определение русской философии приводит к ее догматизации, и в результате активное памятование «основ» запускает механизмы забвения их философского содержания. Неудивительно, поэтому, что сторонники «самобытно-русской» философии очень нуждаются сейчас в великих классиках, которых можно было бы канонизировать, а не в философах, с которыми можно было бы спорить; им необходима трагическая судьба русской философии, подчеркивающая ее особый статус или миссию, а не история, сопоставимая с историями философии других народов. В результате определения четких критериев принадлежности к русской философии сама русская философия делается невозможной: в лучшем случае, она превращается в знание того, о чем говорили в свое время некоторые из философов, и в умение повторять сказанное; в худшем — в профессионально сделанное препятствие для развития или даже присутствия философской мысли.

Итак, первая стратегия восстановления исторической памяти, а именно апелляция к традиции с целью обоснования философской самобытности, стимулирует работу противоположных

механизмов — механизмов забвения. В настоящее время «религиозная русская философия» представляет собой всего лишь бренд, указывающий на наличие совсем не философской корпорации, которая заинтересована в сохранении «идейного богатства» традиции исключительно потому, что его эксплуатация позволяет получать сейчас реальные прибыли. Полагать, что «религиозная русская философия» исчерпывает собой или же как-то представляет философскую проблематику, которая продумывается в современной России, это значит поверить в ту иллюзию, которая создается государственной идеологией. Это значит полностью забыть о философии в России.

Что касается второй стратегии философской памяти, предполагающей актуализацию единого проблемного поля философии как таковой, безотносительно к специфике ее исторического развития, то она тоже, как было сказано выше, приводит к противоположному результату.

Известно, что в России критика оправославливания философии довольно широко представлена и не раз высказывалась теми философами, которые видят в религиозности и других особенностях русской философии не преимущества, а недостатки, мешающие ее дальнейшему развитию. Их аргументация строится на основе критики партикуляризма и выражается примерно в следующем.

Прежде всего, обращают внимание на факт сознательно-го противопоставления русской философии, как особой и даже уникальной традиции, философии Запада. Отсюда возникает известный вопрос: что же в действительности имеет место — русская философия или философия в России? Разумеется, поскольку философия представляет собой универсальное знание, то она не может быть национальной, партикулярной. Или философия есть — и тогда она одна для всех, или ее нет — и тогда она может быть какой угодно: русской, французской, итальянской и т. п. Следовательно, факт наличия русской философии, как такой философии, которая противостоит западной и настаивает на своей уникальности, доказывает не превосходство русской мысли, а свидетельствует ее недостаточной развитости. Специфически

русские вопросы, такие как «Кто мы?», «Что делать?» и «Кто виноват?», вообще имеют маргинальный статус и не могут считаться собственно философскими вопросами, а тезис о «русской идее» носит сугубо идеологический характер.

Причины появления «собственно русской» философии объясняют, как правило, следующим образом. Дело в том, что отечественные мыслители, находясь в ситуации фактического отсутствия философии как института, не имея возможности открыто выражать свои мысли и постоянно испытывая на себе давление государственной идеологии, были вынуждены, с одной стороны, заниматься разработкой частных вопросов и практически не затрагивали проблем универсального значения, а с другой, не могли оставаться в стороне от реалий неустроенной российской жизни. Такая сосредоточенность на «больных вопросах», доходящая до пренебрежения к академическому, «сухому» знанию с его установкой на объективность, имела свое историческое оправдание и была необходима в свое время, однако сейчас, говоря о русской философии, не следует выдавать желаемое за действительное и «делать из порока добродетель». Гораздо полезнее будет признать, согласившись с А. И. Введенским, Г. Г. Шпетом, Б. В. Яковенко и другими авторитетами, что русская философия существует пока что всего лишь как проект, а не как факт и тем более не как традиция самобытного мышления. Показательной и поучительной является в данном случае судьба учения В. С. Соловьева. Известно, что он не рассматривал свою систему как начало собственно русской философии, полагая, что занимается решением проблем, имеющих значение для всего мыслящего человечества, однако сейчас его «философия всеединства» стала одной из наиболее действенных идеологем, активно использующихся как раз для обоснования особого статуса русской мысли, ее превосходства над всеми остальными формами философского творчества.

Теоретическая неразвитость русской философии обусловила, с одной стороны, ее зависимость от философских течений Запада, а с другой, тенденцию к идеологизации. Вот почему возникает странный, на первый взгляд, синкрет православия, науки, мессианизма и дилетантизма, который и называют обычно русской фи-

лософией. Подобно тому, как русская литература XIX в., скрывая свою молодость, с юношеским максимализмом взялась решать глобальные вопросы и таким образом создала себе имидж литературы мирового значения, так и русская философия, вместо того чтобы учиться у Запада, постаралась перепрыгнуть его и спрятать за личиной внешнего презрения собственную неполноценность. Феномен русского марксизма является в данном случае наиболее ярким доказательством этого тезиса. Известно, что, зародившись в России как творческая интерпретация классического марксизма и инициировав целый ряд философских споров, русский марксизм, по мере своего развития, эволюционировал в сторону идеологии, а с изменением политического режима превратился в «единственно верное» учение, исключающее инакомыслие и философское творчество. В советское время официальный марксизм играет ту же роль, что и церковное православие в дореволюционной России, причем характеризуется такой же замкнутостью и нарциссизмом, а также догматизмом и формализмом.

Общий вывод сторонников универсальной философии заключается в следующем: чтобы выйти из состояния кризиса и наладить работу механизмов самоидентификации, необходимо теоретически признать философию, ориентировать ее на научность и объективизм, с тем чтобы не замыкаться в решении специфически русских вопросов, которые ни в коем случае не могут быть вопросами универсальными; нужно также отказаться от привычной позы учительства в философии и признать свое ученичество, не стесняться им и относиться к философской мысли Запада с должным уважением и вниманием.

Казалось бы, этот вывод трудно оспорить. Однако его теоретическая истинность ни в коем случае не гарантирует правильности применения на практике. А на практике получается все иначе: претензия на научность и объективизм играет такую же роль, как и провозглашение самобытности русской философии. И в том и в другом случаях запускаются сходные механизмы забвения.

В истории русской философии можно найти много примеров объяснения невозможности однозначного решения проблемы соотношения партикулярного и универсального. В частности,

Н. С. Трубецкой, теоретик евразийства, размышляя о культурной и философской экспансии Европы, доказывал, что универсализм — это тот же партикуляризм, но только добившийся превосходства в мире и утвердивший систему своих ценностей в качестве ценностей общечеловеческих. «Стоит пристальнее всмотреться в шовинизм и в космополитизм, — писал Трубецкой, — чтобы заметить, что принципиального, коренного различия между ними нет, что это есть не более, как две ступени, два различных аспекта одного и того же явления»³. Действительно, универсализм — это закономерное развитие эгоцентристской логики партикуляризма, и характеризуется он такими же качествами, а именно агрессивностью, утверждением собственной исключительности и истинности, постепенной утратой чувства реальности и способности философского ее осмысления.

Следует заметить также, что универсализм, провозглашающий вечную истинность своих положений, их аисторичность, сам оказывается историческим явлением. Стоит вспомнить о том, что наиболее важные и, казалось бы, безупречные проекты универсальной философии, представленные системами Декарта, Гегеля или Гуссерля, с течением времени утрачивали свое значение и подвергались критике именно за их ограниченность, или партикулярность. Кроме того, был отвергнут сам идеал чистой рациональности, а господство европейского рационализма стало объясняться как результат принятия «картины мира», время которой ограничено и обусловлено спецификой развития европейской метафизики. Интересно, что Хайдеггер в прогрессе метафизики видел регресс философии и акцентировал внимание на *забвении* вопроса о бытии, определяющего горизонт философского вопрошания. Осмысляя историю метафизики, он показывал, что чем отчетливее удавалось определить рамки философской проблематики, чтобы заявить о научности и объективности философии, тем эффективнее работали механизмы забвения.

Таким образом, реализация претензии на причастность к философии как таковой с необходимостью приводит к философско-

³ Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София, 1920.

му сектантству. Известно, что существенным атрибутом всякого сектантства является установка на универсализм, и в этом отношении оказываются тождественными стратегии как утверждения самобытности философии, так и превращения ее в строго научное знание. Однако философское сектантство, инициированное пафосом объективизма и научности, все-таки более губительно для мысли, поскольку оно культивирует предельно упрощенный взгляд на предмет философии, представляя его как своего рода «алиби в бытии», освобождающее мыслителя от ответственности и подменяющее философское творчество процессом обучения профессии «философ». Неудивительно, поэтому, что установка на ученичество в современной русской философии породила еще один негативный феномен, а именно ее *обезьянство*. А основная функция обезьянства заключается как раз в том, чтобы посредством поверхностного усвоения «модных» доктрин, их тиражирования и популяризации создать благоприятные условия для забвения философской проблематики. В настоящее время обезьянство в русской философии представлено широким спектром позиций, от русского гуссерлианства до русского постмодернизма.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать такой вывод: ни один из известных механизмов исторической памяти философской проблематики в России сейчас не работает, и активная деятельность по восстановлению традиции или по «собираанию» русской мысли в единое целое лишь усугубляет существующие беспамятство и раздробленность. Что можно сделать в такой ситуации? Ответить на этот вопрос можно следующим образом. Поскольку любое действие, направленное на преодоление кризиса, обусловлено соответствующим пониманием этого кризиса, а понимание является всегда неполным и не может, поэтому, гарантировать правильности действия, то лучше заранее отказаться от активного вмешательства в работу механизмов исторической памяти. Это значит, что в настоящее время именно бездеятельность может оказаться самой правильной стратегией активного поведения и участия в интеллектуальной жизни современности. Следует согласиться с тем, что невозможно удерживать в памяти

то, что подлежит забвению, как нельзя и забыть то, что в силу объективных причин должно остаться. Любые попытки «возродить возрождение» или наложить анафему на целую эпоху в истории мысли заранее обречены на провал. Ничего, кроме негативных результатов, они не дадут.

Современная ситуация кризиса в русской философии не может расцениваться как свидетельство ущербности русской философии или ее вторичности по отношению к философии Запада. Напротив, именно такая ситуация и является оптимальной для философии. Тот факт, что в настоящее время нет точно зафиксированной философской проблематики, доказывает, скорее, наличие философской мысли, а не ее исчезновение, потому что философия возможна только в открытом пространстве, которое одновременно требует как своего определения, так и преодоления этого определения. Целостность русской философии достигается вследствие отказа от утверждения целостности, это результат памятования нецелого как принципиально нецелого, которое предполагает наличие противоположной позиции как необходимого условия для сохранения собственных взглядов. Задача восстановления исторической памяти русской философии разрешима, только если будет осознана важность философского плюрализма, выработаны и закреплены в традиции такие требования к философствованию, которые исключали бы претензии на «последнее слово» в философии и тем самым гарантировали бы ее перманентное развитие.

С. А. Троицкий

**ПРОЦЕССЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

После 1917 г. среди миллионов бывших граждан российской империи в эмиграции оказалась значительная часть русской интеллигенции. И хотя уехавшие русские принадлежали к самым разным социальным группам от крестьян до членов императорской семьи, «культурная элитарность являлась доминантной в эмигрантской среде первой волны, где почти все имели начальное образование, приблизительно 2/3 — среднее, каждый седьмой — университетское. Согласно данным анкетирования в 1931 г. в эмиграции находилось около 500 ученых, в том числе около 150 профессоров».¹

Они были объединены общими культурными, этическими установками, полученными благодаря воспитанию в одной культурной среде, но расходились в политических, эстетических и др. взглядах, обусловленных различиями в социальной среде и профессиональной принадлежности. Важной для дальнейшего существования в условиях «русского зарубежья» было ощущение временности нахождения в эмиграции и того, что русские образованные люди являются в эмиграции единственными хранителями классической русской культуры (по сравнению с варварской большевистской), эти ощущения себя временными хранителями культуры повлекло за собой и стремление не только законсервировать язык, литературу, искусство, образованность, но и куль-

¹ *Ситниченко К. Е.* Поиск национальной идентичности в условиях эмиграции первой волны // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 12. 2006. № 47. С. 28.

тивировать, развивая и передавая от поколения к поколению. Желая заявить себя хранителями традиций русской литературы, эмигранты-литераторы еще тщательней, чем до эмиграции, соблюдали нормы «великорусского языка» (И. Бунин), отказываясь от новой орфографии, возвращались к дворянским сюжетам, а эмигранты-философы продолжали дискуссии, начатые до эмиграции. Названия изданий и кружков напоминали о продолжении истории, но в новых обстоятельствах, — «Возрождение», «Новое время», «Новый град», «Современные записки», «Зеленая лампа» и др. Эмиграция «для русского народа и во имя русского народа [...] может и должна продолжать его духовную традицию, то есть помогать ее сохранению и продолжению».²

С 1917 по 1924 г. эмигрантами было издано не менее 3500 выпускались несколько сотен газет и журналов на русском языке, с 1930 по 1941 г. это количество увеличилось до 1000 наименований газет и журналов.

Развивается просветительская и образовательная деятельность внутри эмиграции. Были образованы учебные заведения начального и среднего образования. Во всех крупных центрах русской эмиграции существовали высшие учебные заведения, например, в 1920-е гг. восемь в Париже, шесть в Харбине, пять в Праге, которую за научную и образовательную активность эмигрантов из России вообще называли русским Оксфордом³; работали научные институты (в Белграде и Берлине) и «русские академические группы», из которых парижская и пражская имели право присуждать ученые степени.

Усилением интеллектуального потенциала русского зарубежья стала высылка советским правительством из России виднейших философов, социологов, публицистов в 1922 г. Явление, которое получило название в литературе «философский пароход». Среди высланных были С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. А. Соро-

² Арсеньев Н. С. О русской эмиграции (с 1920 по 1971 г.) и о духовном ее служении // Русское Возрождение. Нью-Йорк; Москва; Париж, 1992–1993. № 60–61. С. 215.

³ Советско-чехословацкие отношения между двумя мировыми войнами. 1918–1939. М., 1968. С. 46.

кин, Л. П. Карсавин, М. М. Карпович, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, М. А. Осоргин и др.

Складывается странная ситуация, когда русская культура может развиваться в изгнании преимущественно в том направлении, которое было задано до 1917 г., более аутентично, нежели на территории бывшей российской империи, где господствовал большевизм. Русские эмигранты в большинстве своем совершенно не собирались ассимилироваться в той среде, в которой они оказались. Процесс самоидентификации происходит параллельно для многих с поиском экономической и политической стабильности, вопрос о собственном месте, роли и нужности в мире приводит одних — к самоубийству, других — к постепенному вынужденному приспособливанию, а третьих — к изоляционизму. В ситуации экономической неустроенности, психологического дискомфорта, политической нестабильности необходима была опора, которой и стала идентификация себя как русского, т. е. ощущения постоянной связи с прежней Россией со всеми ее формальными характеристиками (монархия, русская культура, империя, православие, патриархальный уклад дворянской деревни и т. п.). Для ощущения единства некой общностью людей достаточно какого-либо одного фундаментального основания, например, принадлежность их всех к трансцендентному общему, общая надежда (общая устремленность к будущему), общая история или принадлежность к общей высшей идее. В русской эмиграции были все эти основания, поэтому ощущение себя русским придавало сил преодолевать тяготы изгнания, будучи притесняемым, ощущать себя выше притеснителей. Неудивительно, что основные идейно-политические течения в русской эмиграции стремятся найти свое основание на связи с Россией и с теми стереотипами, которые связаны с представлением о ней. Философы пытаются обосновать существование русской философии, описывая историческую традицию, в которую она вписана. Важное место в эмигрантской литературе занимают труды по истории русской философии В. В. Зеньковского, Н. О. Лосского, Б. П. Вышеславцева и др.

Русская философия в новых условиях стремится к тому, чтобы быть максимально полезной, помочь в осмыслении сложившейся ситуации, ответить на наиболее насущные для эмигран-

тов вопросы. Таким образом, складывается несколько идеологем, ставших основой для самоидентификации русской диаспоры. Среди таких идеологем, общих для большинства русских эмигрантов, наиболее универсальными являются идея великой России, национальная идея, идея спасения общей высокой культуры, идея православности как русскости.

Одной из самых эффективных идей для установления единства русских эмигрантов стала идея сильного государства. Основанные на ней лозунги и программы в условиях русской эмиграции, помнящей о разрушении государства при безвольном монархе, были политически беспроигрышными. Их использовали различные политические силы русской эмиграции от социалистов до фашистов. Используемое с XVI в. словосочетание «Великая Россия», прежде обозначавшее территорию европейской части русского государства, приобрело политический характер и значение сильного государства, обладающего жесткой вертикалью власти, всеми признаками империи и внутренней силой выживать в любых условиях. Правые партии указывали на необходимость монархического правления для идеи Великой России, а левые — на неприемлемость возвращения к прежней политической системе. Более того, для некоторых мыслителей надежда на построение Великой России была гораздо больше, чем неприятие новой власти. «Какова бы ни оказалась организация государственной власти России в результате переживаемого сейчас хаоса, — писал Н. В. Устрялов, — ясно одно: основной задачей этой власти будет задача воссоздания великого русского государства».⁴ Неудивительно, что построение СССР в 1920–1930-е годы воспринималось некоторыми авторами русского зарубежья как реализация идеи Великой России, что, в свою очередь, приводило их к соглашательству с советской властью, а иногда к покаянию перед ней, к стремлению идти «в Каноссу», тем более это стало заметно в ситуации «крушения «белой мечты»».⁵

⁴ Устрялов Н. В. Судьба Петербурга // Накануне. 1918. № 1 (7 апреля (25 марта)). С. 5.

⁵ Кара-Мурза А. А. Георгий Петрович Федотов // Кара-Мурза А. А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006. С. 107.

В 1921 г. в Праге вышел сборник «Смена Вех», претендовавший на то, чтобы стать руководством к действию русским эмигрантам, и положивший начало сменовеховскому движению. Сборник посвящен осмыслению роли интеллигенции в произошедшей в 1917 г. трагедии и миссии, которую должна на себя взять интеллигенция. Переосмысление положений сборника «Вехи» 1909 г., несогласие со многими из них, с одной стороны, и продолжение интеллигентской тематики, с другой, обусловило то, что назван сборник был, как и статья Ю. В. Ключникова, «Смена вех». Помимо нее в сборнике были помещены статьи Н. В. Устрялова, С. С. Чахотина, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, Ю. К. Потехина, ставших в дальнейшем центром сменовеховства. Авторы соглашались с тезисами «Вех» о национальном характере революции, о максимализме, нигилизме и революционности (большевистскости) русской интеллигенции, о ее отщепенстве, но более важным оказывается вопрос о ее задачах в дальнейшем, после революции.

«В процессе философского самоуглубления в русской интеллигенции впервые выработается единая и прочная “научная традиция”, покоящаяся на новом сознании и на смирении. Интеллигенция не захочет больше искусственно заменять народ или принудительно навязывать ему свои воззрения... В ней просто сосредоточится богоискательство русского народа — то самое, которое в ней проявлялось и раньше, но которое порою шло дурными, уродливыми путями... Тогда из внегосударственной и антигосударственной она сделается государственной и чрез ее посредство государство — Русское Государство — наконец-то станет тем, чем оно должно быть: “путем Божиим на земле”... Таким образом, интеллигенция окажется нужной для России как сила мощного социального прогресса в прочном социальном мире».⁶

Новая власть не смогла «с наскока» победить мировое зло в лице капитализма, поэтому должна к нему постепенно приспособляться, «немедленный коммунизм не удался»⁷ и «начался отлив революции»,⁸ подтверждением чему является объявлен-

⁶ Ключников Ю. В. Смена вех // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 250–251.

⁷ Устрялов Н. В. Patriotica // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 261.

⁸ Там же. С. 267.

ная НЭП. Революция — это важный и неповторимый исторический опыт для страны, но революция же омолодила государство, позволяя ему стать более великим, чем прежде. Не принявшие революции и «пролетарской власти» интеллигенты оказались выброшены и из процесса возвышения государства. Сейчас, в условиях нового государственного строительства они едва ли не больше нуждаются в России, даже большевистской, чем сама Россия в них. В связи с этим, нужно «полюбить Россию красной»⁹ и идти «в Каноссу» вымаливать прощение. «Мы идем в Каноссу, т. е. признаем, что проиграли игру, — пишет С. С. Чахотин от имени интеллигенции, — что шли неверным путем, что поступки и расчеты наши были ошибочны».¹⁰

Молодая советская власть всеми силами стремилась утвердить позитивное восприятие нового государства в глазах политической элиты других стран, с одной стороны, и в среде русской эмиграции, с другой. Для этого при финансовой поддержке Москвы стали издаваться некоторыми сторонниками сменовеховской идеологии журналы «Новая Россия» («Россия»), «Смена Вех», газета «Накануне», издания, претендовавшие на продолжение традиции: еженедельник «Смена Вех» был продолжением одноименного сборника, а газета «Накануне» наследовала газете, издававшейся в 1918 г. С помощью этих изданий среди русских эмигрантов активно пропагандировались, как минимум, идея примирения с революцией, а как максимум, мысль о возвращении.

Так, свой отъезд в СССР, внесший раскол в среде русского зарубежья, А. Н. Толстой мотивировал, кроме всего прочего, стремлением «помочь последнему фазису русской революции пойти в сторону обогащения русской жизни, [...] в сторону укрепления нашей великодержавности»,¹¹ именно такие формулировки характерны для сменовеховской печати.

⁹ Потехин Ю. К. Физика и метафизика русской революции // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 357.

¹⁰ Чахотин С. С. В Каноссу // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 352.

¹¹ Костилов В. Не будем проклинать изгнание // Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. С. 115.

Благодаря пропаганде возвращенчества и перенесению на советское государство идей великодержавности, создавался определенный образ СССР в среде русского зарубежья, способствовавший возвращению из эмиграции.

Русская идея как комплекс мировоззренческих установок, в основе которых лежит положение о своеобразии русского народа, его историческом предназначении, была особенно актуальна для русского зарубежья, позволяя преодолевать государственные, политические и социальные границы, являясь универсальным механизмом объединения. Впервые словосочетание «русская идея» было употреблено Ф. М. Достоевским в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 г., с тех пор это словосочетание приобрело характер научного понятия, свои работы так называли В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев и др. Согласно их мнению русская идея является продолжением или синтезом идей других народов, находится в тесной связи с ними. Русская идея близка понятиям «русская душа» (И. А. Ильин), «дух русского народа», «характер народа» (Н. О. Лосский), «народный характер» (Б. П. Вышеславцев), «национальный характер» (Н. А. Бердяев). Однако в отличие от них русская идея должна поддаваться рациональному объяснению и/или описанию. В некотором смысле эта идеологема продолжает национально-идентификационный процесс, проявившийся, например, в XVIII в. в полемике о национальном характере, в XIX в. — в славянофильской теории, и др.

Единство нации обусловлено единством языка, исторической памяти, одинаковой веры и заложено во всех ее представителях. Оно исходит «из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, их сходной любви к единому и общему, из единой судьбы», — пишет И. А. Ильин.¹² Философы русского зарубежья стремятся осмыслить это единение через описание национальных черт русских. Н. А. Бердяев набор устойчивых общих для представителей нации качеств, сложившихся под воздействием различных факторов называл национальным характером. Национальный характер проявляется в одинаковом строе мысли, поведении, образе жизни, целях, нравах, поэтому он

¹² Ильин И. А. Основы христианской культуры: в 10 т. Т.1. М., 1996. С. 232.

определяет историческое развитие нации. Для подтверждения своей концепции Н. А. Бердяев использует конкретные исторические примеры. При этом описание национального характера сталкивается с глубокой антиномичностью русского духа. В противоположность Н. А. Бердяеву, акцентировавшему внимание на национальном характере как сверхиндивидуальном, Н. О. Лосский отмечает невозможность описания национального характера в целом без рассмотрения души «отдельных русских людей», так как «характер души общественного целого может иногда или в некоторых отношениях глубоко отличаться от характера, входящих в него».¹³ Именно через выявление общих свойств характера (души) конкретных русских людей можно прийти к представлению о характере (душе) нации в целом.

Для философов русского зарубежья было несомненным наличие какой-то основы для психологического единения русских, наличие русскости, заложенной, по мнению одних, природой, по мнению других, воспитанием, по мнению третьих, Провидением. Но как бы то ни было можно выделить четыре основных фактора, повлиявших на формирование этого единства и упоминающиеся большинством философов-эмигрантов: природные условия, особенности социальной жизни, православие, особенности национального воспитания.¹⁴

В 1920 г. в Софии вышла книга Н. С. Трубецкого «Европа и человечество», положившая начало евразийскому движению в эмигрантской среде. Первоначально вокруг Трубецкого собираются согласные с основными положениями книги Г. В. Флоровский (отделился в 1923), П. П. Сувчинский, П. Н. Савицкий, выпустившие уже в 1921 г. первый евразийский коллективный сборник статей «Исток к Востоку». Следом выходят сборники «На путях» (1922), «Россия и латинство» (1923). Постепенно идеи евразийцев становятся популярными, и из маленького кружка евразийство перерастает в крупное международное движение. В 1923 г. появляется

¹³ Лосский Н. О. О русском характере. М., 1990. С. 2.

¹⁴ См.: Ситниченко К. Е. Поиск национальной идентичности в условиях эмиграции первой волны // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 12. 2006. № 47. С. 34.

собственное издательство, где публикуются книги Н. С. Трубецкого «Наследие Чингисхана», П. Н. Савицкого «Россия — особый географический мир», Г. В. Вернадского «Евразийское начертание русской истории» и др., начинают выходить периодические издания «Евразийский временник» (1923, 1925, 1927), журнал «Евразийские хроники» (с 1923), газета «Евразия» (с 1928 г.). Крупнейшие ученые примкнули (Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Р. О. Якобсон, Л. П. Карсавин, В. Э. Сеземан, Д. П. Святополк-Мирский и др.) или сотрудничали (П. М. Бицилли, А. В. Карташев, С. Л. Франк, Л. И. Шестов и др.) с евразийством. Во второй половине 20-х годов евразийство — это уже крупная международная сеть организаций с отделениями во всех европейских государствах (крупнейшие в Праге и Париже), для координации деятельности этой сети в 1926 г. был создан Совет евразийства. Постепенно евразийство стало политизироваться, появляются левое и правое направления в рамках движения, в связи с чем в 1928–1929 г. произошел раскол, приведший к распаду. Попытка возродить евразийское движение в начале 1930-х годов в виде Евразийской партии не привела к прежнему успеху, и к 1938 г. евразийство исчезло.

Содержательная часть евразийства основывается на идеях поздних славянофилов, из которых, по мнению самих евразийцев, наибольшее влияние оказал труд В. И. Ламанского «Три мира азийско-европейского материка». Как и Ламанский, евразийцы определяют Россию как евразийское государство, т. е. имеющее признаки и европейского и азиатского государства, но не являющейся ни тем ни другим. Не верно делить материк только на две части света, Россия занимает территорию третьей, условно названной Евразией. Евразийцы развивают геополитические идеи поздних славянофилов, утверждая, что культурная самобытность обусловлена, прежде всего, географическими особенностями, так, специфика Евразии обусловлена тем, что большая ее часть расположена на равнине, это порождает определенный тип политического и культурного мышления — имперскость. Исторически и географически, а, следовательно, и культурно евразийскому самосознанию ближе не западные славяне, а «туранские» народы, поэтому необходимо обратить взоры не на Европу, а на Азию, создав

федеративное евразийское государство в границах СССР, добавив еще и Монголию. В отличие от славянофилов, евразийцы отказываются от идеализации общины, которая как этап экономического и культурного развития страны должна быть преодолена. Должна поощряться частная инициатива, но не в форме капитализма, а в форме совмещения частного и государственного.

Основоположником евразийства по праву считают Н. С. Трубецкого. В своем основополагающем труде Н. С. Трубецкой выступил с критикой европоцентризма. На современном этапе любое упоминание о европейской или общечеловеческой культуре в своей основе подразумевает культуру романо-германскую. «Европейская культура не есть культура человечества. Это есть продукт истории определенной этнической группы».¹⁵ В основе такой замены лежит национально-культурный эгоцентризм. Под европоцентризм подведена научная основа — учении об эволюции, однако, это учение так же проникнуто национально-культурным эгоцентризмом, так как высшей точкой развития является европеец. «Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих низшими — произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо».¹⁶

При рассмотрении национального своеобразия Н. С. Трубецкой пишет о невозможности приобщения целого народа к культуре, созданной другим народом. Поэтому последствия европеизации настолько тяжелы и ужасны, что ее приходится считать не благом, а злом. Чтоб бороться против давления Европы, неевропейским народам нужно либо европеизироваться, и тогда эта борьба бесполезна, либо отринуть принцип эгоцентризма и европейскую культуру считать одной из возможных, равных между собой.

Большое внимание Н. С. Трубецкой уделяет происхождению культуры, языка и психологии русского народа и генетическим связям его с другими этническими, языковыми и культурными образованиями. В частности, ученый указывает на влияние туранских народов на славян.

«Под именем “туранских” или “уралоалтайских” народов разумеют следующие пять групп народов:

¹⁵ Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 81–82.

Народы угрофинские, которые по признакам языкового родства подразделяются на западных финнов (эстов, карелов, собственно финнов и ряд мелких племен), лопарей (в Швеции, Нормандии, Северной Финляндии и в России на Кольском полуострове), мордву, черемисс, пермских финнов (зырян и вотяков) и угров (мадьяр или венгерцев в Венгрии и Трансильвании и “обских угров” — т. е. вогулов и остяков в северозападной Сибири); к той же группе угрофинских народов принадлежали и вымершие (точнее, вполне обрусевшие) древние племена — меря (по языку родственные черемиссам), весь (по языку западнофинское племя), мурома и мещера, упоминаемые русскими летописями.

Самоеды, делившиеся на несколько племен, ныне почти вымершие и сохранившиеся лишь в незначительном количестве в Архангельской губернии и северо-западной Сибири.

Тюрки, к которым принадлежат турки-османы, разные татары (крымские, казанские, азербайджанские, тобольские и т. д.), мещеряки, тептяри, балкарцы (карачаевцы, урусбиевцы и проч.), кумыки, башкиры, киргизы-кайсаки, кара-киргизы, туркмены, сарты, узбеки, алтайцы, якуты, чуваша и целый ряд древних, исчезнувших народов, из которых наиболее известными являются хазары, болгары (волжско-камские и “аспаруховы”), половцы (иначе куманы или кипчаки), уйгуры и проч.

Монголы, к которым принадлежат в пределах России калмыки и буряты, а за ее пределами — собственно монголы в Монголии. Манджуры, к которым кроме собственно манджуров принадлежат еще гольды и тунгусы (ныне почти поголовно вымершие или обрусевшие)».¹⁷

Поскольку «туранский психический облик», по мнению Трубецкого, наиболее ясно проступает у тюрков, и они из туранцев играли наибольшую роль в истории Евразии, описание влияния туранских народов на славян сводится к описанию влияния тюрков. «Во всем духовном творчестве тюрков господствует одна основная психическая черта: ясная схематизация сравнительно небогатого и рудиментарного материала... Типичный представи-

¹⁷ Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 59–60.

тель туранской психики в нормальном состоянии характеризуется душевной ясностью и спокойствием. Не только его мышление, но и все восприятие действительности укладывается само собой в простые и симметричные схемы». ¹⁸ Такая обыденная психология «сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству». ¹⁹ Эти качества были переданы тюрками и другим находившимся под их властью народам. У русских это отразилось на основополагающих для мировоззрения областях, прежде всего, на политике и религии, что, по мнению Н. С. Трубецкого, положительно сказалось на истории и культуре России. Следовательно, считает ученый, необходимо отдать должное туранскому влиянию, признав его по значению для русского мировоззрения равным византийскому и собственно славянскому.

В рамках евразийской теории, Н. С. Трубецким была разработана теория евразийского языкового союза, для которой большое значение имело утверждение влияния на язык и культуру географического фактора. Это положение получило дальнейшее развитие во второй половине XX в. в концепции советского ученого Л. Н. Гумилева.

Важной идеологемой, позволяющей сохранять русской эмиграции единство и независимость от влияния социальной и культурной среды, в которой диаспора существовала, была идея о мессианском предназначении русского зарубежья, состоящее в сохранении высокой русской культуры для будущего. Как пишет Г. П. Федотов, нация «это категория прежде всего культурная, а во вторую очередь политическая. Мы можем определить ее как совпадение государства и культуры». ²⁰ Культура формируется в процессе исторического развития, но в дальнейшем определяет направление этого развития. Культура венчает идею государства, свидетельствует о его самодостаточности и позволяет объединять жителей не по внешнему признаку юридической принадлежности

¹⁸ Там же. С. 69, 78.

¹⁹ Там же. С. 79.

²⁰ Федотов Г. П. Новое отечество // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2. СПб.; София, 1991. С. 183.

(гражданства), а на основе идеи внутреннего духовного единства каждого индивидуума со всем общественным организмом (идеи нации). Таким образом, для государства важной задачей является сохранение и развитие культуры. Представители русского зарубежья в связи с этим ощущали ответственность за сохранение государственности в том числе и в виде культуры, противопоставляя классическую русскую дворянскую дореволюционную культуру формирующейся новой большевистской культуре, зачастую, правда, отказывая ей даже в том, чтобы называть культурой.

Существование в условиях культурного изгнания привело к переосмыслению радикального отношения к советской культуре и, если в первые годы эмиграции писатели указывали на невозможность компромисса, то уже перед началом Второй Мировой войны, а тем более после нее, отношение к культуре СССР значительно смягчилось, а в условиях выбора того, кто более близок Европа, Азия или Советский Союз, чаще склонялись к последнему. Противопоставление Европы и Азии, Запада и Востока, свойственное, в первую очередь, славянофильствующему разуму, и приятие скорее Азии, чем Европы, доведенное до крайней своей точки евразийцами, кажется другим деятелям русского зарубежья путем ошибочным. «Русью быть хорошо, но еще лучше Россией».²¹ Россия неразрывно связана с Европой, с Западом. «Тяга на Запад связана с исконными традициями русской истории, и путь Европы, как и путь в Европу, — исторический русский путь»,²² единственный путь России. «Запад, некогда спасший нас, потом едва не разложивший, должен войти своей справедливой долей в творчество национальной культуры».²³ «Россия должна заново осознать себя Европой и Россией, стать Европой и Россией. Это и будет для всех русских, где бы они ни жили, где бы ни умерли они, возвращением на родину».²⁴ Так, для В. В. Вейдле,

²¹ Вейдле В. В. Петербургские открытки // Вейдле В. В. Безымянная страна. Paris, 1968. С. 15.

²² Устрялов Н. В. Судьба Петербурга // Накануне. 1918. № 1 (7 апреля (25 марта)). С. 6.

²³ Федотов Г. П. Три столицы // Версты. Париж, 1926. № 1. С. 152.

²⁴ Вейдле В. В. Возвращение на Родину // Вейдле В. В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 29.

Россия становится собой только через Европу, через осознание себя Европой. При этом, американизм в европейской культуре, ставший особенно заметным после окончания второй Мировой войны, по В. В. Вейdle, — «это такой же «вывих» и «болезнь» Европы, как и советский большевизм».²⁵

Европеизм, характерный для многих представителей русско-го зарубежья, сочетался с учением о национальной самобытности. «Единство Европы, — пишет В. В. Вейdle, — не отделимо от ее множественности, — национальной, прежде всего, но и еще более дробной, связывающей и внутри отдельных наций». Абсолютизация стремления к самобытности, превращение ее в «квасной патриотизм» так же вредны для национальной идентификации, как и «низкопоклонство перед Западом» Только через понимание частей можно утвердиться в знании целого, в то же время постижение целого приводит к тому, чтобы понимать части. Европа как целое неотделима от России как части, а Россия — от Европы. «Давно пора понять, что Россия так же единственна в европейском целом, как Англия или Италия. Причем значение части для целого как раз и определяется ее несходством с другими частями».²⁶ Отход от Запада в последней четверти XIX в. означал для России снижение культуры, то же произошло и после октября 1917 г. Замкнутость мешает развитию, изолированность народа приводит к потере национального самоопределения, которое и возможно через соотнесение с Западом.

Религиозная сторона идентификационных процессов нашла отражение в творчестве представителей религиозной философии русского зарубежья. «Только в религиозном движении русские в России и русские за границей составляют единый духовный организм».²⁷ Именно религиозное основание, по их мнению, и яв-

²⁵ Кара-Мурза А. А. Владимир Васильевич Вейdle // Кара-Мурза А. А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006. С. 117.

²⁶ Вейdle В. В. Возвращение на Родину // Вейdle В. В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 25, 26.

²⁷ Бердяев Н. А. Духовные задачи русской эмиграции (От редакции) // Путь. 1925, сентябрь. № 1. С. 5.

ляется действительным и единственным основанием единства всех русских, независимо от местонахождения. По словам Н. А. Бердяева, «Россия единственное православное царство и в этом смысле царство вселенское, подобно первому и второму Риму. [...] В духовных стихах Русь — вселенная, русский царь — царь над царями, Иерусалим та же Русь, Русь там, где истина веры»,²⁸ поэтому пребывание человека вне России нисколько не лишает его света истины, не делает его менее православным. Однако это верно только в том случае, когда существует «обитель православия — Русь Святая», когда на ней происходит какая-то духовная жизнь. Исключительно духовное начало полностью соответствует русской идее, которая «всегда была религиозной идеей. Это есть идея Святой Руси, а не империалистическая идея Великой России».²⁹ В ситуации революции, когда православие оказалось в СССР фактически объявлено вне закона, русская эмиграция приняла на себя функции временного носителя истины русского православия, но без России, которая соответствовала бы идее православного государства, период сохранения русской идеи вне государства не сможет быть долгим, — эмиграция тесно связана с почвой, на которой она выросла. Поэтому воссоздание России как государства православного является единственным возможным путем развития. «Мы должны всеми силами стремиться к возрождению России, но возрождению ее в Христовой правде».³⁰ Этой цели и было подчинено большинство религиозных эмигрантских кружков.

Период социального, культурного, политического, экономического кризиса в России совпал со временем особого интеллектуального напряжения, активного религиозного поиска, получивших с легкой руки Н. А. Бердяева название русского духовного ренессанса, пришедшегося на конец XIX — начало XX в. Вызванная кризисной ситуацией революция 1905–1907 г. оказала большое влияние на изменение мировоззренческих установок многих

²⁸ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 49.

²⁹ Бердяев Н. А. Духовные задачи русской эмиграции (От редакции). С. 5.

³⁰ Там же. С. 8.

русских философов. Осмысление роли христианства и различных политических теорий на происходящие в культуре и истории государства приводит к появлению различных синтетических теорий, одной из которых является христианский социализм.

Близость экономических и этических идеалов социализма и христианства позволяет органично совмещать в себе черты и того и другого. Появившись в Европе в нач. XIX в., русскими философами он был своеобразно осмыслен, исходя из православной доктрины. Православие нуждается в социальной теории, а правильно понятый социализм непосредственно связан с христианством, эти предпосылки позволяют объединить христианство и социализм.

Идеи христианского социализма получили развитие в России, прежде всего, благодаря С. Н. Булгакову. Для него самого христианский социализм был лишь одним из этапов его философской эволюции. Этап этот можно датировать достаточно точно по датам выхода статей, посвященных этому вопросу — 1905–1918 г. В дальнейшем от некоторых положений С. Н. Булгаков отказался, некоторые трансформировались, например, в положения его варианта учения о всеединстве, но все они были результатом осмысления современного положения государства и Церкви, понимания необходимости религиозного, политического, культурного и социального обновления.

По мнению философа, христианский социализм проистекает из соборного духа православия, общей идеи Церкви и опирается при этом на авторитет и духовный опыт проповедников «социального христианства», к которым Булгаков относил славянофилов, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова. Необходимо различать социализм «христианский» со свойственным ему «вдохновением любви и социального равенства» и механический (безбожный) с его максимой «единым хлебом живет человек». При этом в отличие от других русских христианских социалистов, Булгаков не отрицает значения последнего.

«Внешний механический социализм сам по себе, конечно, вовсе не имеет того перерождающего значения, которое приписывается ему сторонниками экономического материализма..., он

есть только отрицательное средство, но и чисто отрицательное, освободительное значение его настолько велико, что задачи его должны быть признаны весьма существенны».³¹

Для С. Н. Булгакова, большое значение в социализме имеет единственный способ освобождения личности — труд. «Социализм... есть апофеоз труда, как нравственного начала, святыню труда кладет он в основание хозяйственного строя».³²

Однако труд должен быть наполнен смыслом, который способна дать лишь религия, христианство. Восстановление утерянной связи между мирским и религиозным возможно, с одной стороны, при освобождении труда от сложившихся социально-экономических отношений господства над трудящимся и установления экономической свободы, а с другой — при наделении труда его изначальным религиозно-этическим смыслом, т. е. важно чтобы не только государство стремилось к Церкви, но и Церковь сделала шаги навстречу государству. Только в этом случае возможно восстановление баланса между внутренним и внешним.

К русскому христианскому социализму в эмиграции примыкал Г. П. Федотов, по мнению которого подлинная задача России состоит в возрождении социализма. Социализм — это развитие духовной стороны жизни человека и государства. Духовное начало возможно лишь в христианстве, которое должно обновиться социализмом. В русской истории произошли трагические для России государственные отречения от традиции, приведшие к искажению сущности христианства, к революции и кризисному состоянию. Федотов выделяет три отречения. Первое связано с именем Ф. Псковского, который придал христианству национальный характер. Второе — с деятельностью Петра I, насаждавшего западные ценности. Третье — с революционными идеями большевиков. Христианство и социализм неотделимы, а в марксизме (большевизме) они разведены. Атеизм, на котором основана социальная теория Маркса-Энгельса, Ленина-Сталина, не ориентирован морально, т. е. не имеет духовной основы, следовательно, атеистический социализм невозможен.

³¹ Булгаков С. Н. Неотложная задача // Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 35.

³² Там же.

В. М. Михайлова

НАУЧНЫЙ ВКЛАД В. А. ЛЕФЕВРА В КОНФЛИКТОЛОГИЮ США

Владимир Александрович Лефевр (Lefebvre) — российский и американский психолог и математик. Родился он в 1936 г. Лефевр ребёнком пережил блокаду Ленинграда в 1941–1943 гг., затем жил и учился в Москве. До 1974 г. работал в Центральном экономико-математическом институте АН СССР; с 1974 — в США.¹ С 1974 по 1975 г. Лефевр был научным сотрудником кафедры психологии в Калифорнийском Университете в Лос-Анджелесе (UCLA), с 1975 по 1977 г. — преподаватель русской программы Гуманитарной Школы в Калифорнийском Университете в Ирвине (Humanities School at UCI). Ранее научный консультант Международной Программы Прикладного Назначения (Applications International), из Корпорации Рант (Rand Corporation), он служил в лаборатории физических наук в Нью-Мексико и в настоящее время является старшим консультантом института Феникс Математического Моделирования Систем (Phoenix Mathematical Systems Modeling) в Центре Передовых Исследований Оборона (CADS).²

Сквозь призму теории Лефевра рассматривается не только конфликтология, но и философия, психология, политика. Теория рефлексии интересна своей многомерностью, нестандартным подходом. Необходимо отметить её необычность в сравнении с традиционными теориями — математический метод в кон-

¹ См.: Сайт. Российский Гуманитарный Интернет Университет. Доступно из: <http://www.i-u.ru/biblio/persons.aspx?id=987> (23.06.2011).

² См.: Сайт. Center of Advanced Defense Studies. Доступно из: <http://c4ads.org/vladimir.lefebvre> (перевод с английского мой) (23.06.2011).

фликтологии относительно устоялся (теория игр, к примеру), однако всё ещё кажется любопытным и по-своему удивительным способ определять поведение субъекта, руководствуясь свойствами золотого сечения или этической системы. Это, скорее всего, связано с тем, что такой метод редко применялся, он непривычен, в России попытки применить его, если и были, то были немногочисленными.

Итак, если изучается поведение субъекта с точки зрения его мотивов, его этических представлений, то можно в некоторой степени сказать, что речь идёт о психологии. И Лефевр имеет свои взгляды на психологию. В. А. Лефевр считает, что психология, направленная на изучение внутреннего мира человека, прекратила своё существование ещё в начале XX в. В психологии этого периода не было теоретических моделей, которые содержали бы абстрактные аналоги субъективных процессов. Лефевр утверждает, что «глубокое научное проникновение в сущность человеческой психики может быть достигнуто лишь на пути редукции психологических феноменов к физическим».³ Лефевр говорит, что ранее психология воспринималась как скорее вспомогательная наука, а при новом подходе перед психологией открываются перспективы стать фундаментальной наукой.⁴

Главный принцип метода, предложенного Лефевром, заключается в том, что, согласно ему, строится не модель функционирования мозга, а модель работы психики человека, возникает стремление установить связь между психическими процессами и актами поведения человека при полном отвлечении от физиологического аспекта.

Как уже говорилось, Лефевр использует альтернативный подход к изучению психологии человека. Этот подход можно обозначить как математический. Наиболее часто он упоминается как «теория рефлексии» или теория «исчисляемой психофеноменологии», что может быть связано с «рефлексивной» природой принятия во внимание субъектами «образов себя» и с методом, который положен в основу изучения поведения субъекта.

³ Лефевр В. А. Формула человека. М.: Прогресс, 1991. С. 9.

⁴ Там же.

Владимир Лефевр строит математическую модель работы психики человека и вводит ряд переменных, которые соответствуют чувственному восприятию мира; обобщённому образу мира; модели субъекта, на который направлена активность субъекта; субъекту; образу себя данного субъекта.

При помощи определенных уравнений, которые отражают зависимости одних переменных от других, Лефевр указывает на три аксиомы:

1. Аксиома Свободы Воли. Если мир плох и воспринимается субъектом как плохой, то любая субъективная интенция превращается в объективную готовность.

2. Аксиома Незлонамеренности. Если мир подталкивает субъекта к совершению хорошего поступка, то тот всегда соглашается (и никогда не совершает плохого).

3. Аксиома Доверчивости. Если мир представляется субъекту идеальным (с точки зрения субъекта, мир никогда не подталкивает его к совершению плохих поступков), то субъект готов претворить в действие любое требование мира совершить плохой поступок.⁵

Используя приведённые выше переменные и аксиомы, считает В. А. Лефевр, можно с большой вероятностью предопределить поведение субъекта в определённой ситуации. Значит, что этот метод может быть использован при изучении конфликта, в частности — в предсказании поступков субъекта.

При помощи метода, предложенного Лефевром, можно строить модели поведения не только единичного субъекта, но и модели взаимодействия нескольких субъектов, в том числе конфликтного взаимодействия.

Лефевр различает два подхода, две категории предметов, подлежащих изучению при исследовании процессов принятия решения в конфликтах. Первый — правила выбора оптимальной стратегии поведения в заданных условиях в зависимости от качества и количества информации о противнике, где определением правил занимается *исследование операций*, широко использую-

⁵ Там же. С. 14–18.

щее теоретико-игровые модели конфликтных ситуаций. Второй связан со спецификой осознания человеком конфликтной ситуации. Модель конфликта, охватывающая этот процесс осознания, и в книге «Алгебра конфликта» («Конфликтующие структуры»). Эта модель даёт возможность фиксировать процессы имитации рассуждений одного противника другим, а также анализировать явления взаимного управления между конфликтующими сторонами. Участников конфликта можно определить как игроков, вступивших в своеобразную рефлексивную игру. Термин «рефлексивный» подчеркивает, что игроки отражают в мышлении рассуждения друг друга.

Вводится понятие «рефлексивная система», которая, по словам Лефевра, хорошо приспособлена к отражению феноменов, в которых задействованы как социально-психологические, так и физические процессы конфликтного взаимодействия. Для большей ясности приводится следующая метафора: «Представим себе “комнату смеха”, в которой под некоторыми углами друг к другу расставлены зеркала. Пусть в этой комнате со стола упал карандаш. Падение карандаша будет причудливо отражаться в зеркалах, зеркала будут отражаться друг в друге. Уже искаженные траектории падения будут отражаться с различными искажениями. В комнате просверкнет лавина искаженных изображений. Рефлексивная система — это система зеркал, многократно отражающих друг друга. Каждое зеркало—это аналог “персонажа”, наделенного своей особой позицией. Весь сложный поток отражений зеркал друг в друге будет аналогом рефлексивного процесса».⁶

Следуя своему методу, Лефевр приходит к новому понятию — «рефлексивное управление». Рефлексивное управление — это информационное воздействие на объекты. Термин “рефлексивное управление” может пониматься в двух смыслах. Во-первых, как искусство манипуляции людьми и объединениями людей. Во-вторых, как специфический метод социального контроля».⁷

⁶ Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973. С. 6.

⁷ Сайт. Владимир Лефевр. Где искать истоки демографического кризи-

В своей книге «Алгебра конфликта» В. А. Лефевр приводит многочисленные иллюстрации рефлексивного управления.

Отмечается, что методология рефлексивного анализа позволяет объективно исследовать поведение не только индивидуумов, но также и массовые решения, основанные на одинаковых (или сходных) процедурах принятия решения многими лицами. «Рефлексивное управление массовыми решениями является задачей некоторых государственных и общественных институтов, специально занятых этой проблемой. Осознание механизмов принятия массовых решений ведет, как правило, к успехам в работе органов пропаганды и средств воспитания масс. Раздувание массовых психозов в тоталитарных государствах Запада и Востока, превращение в идолов всякого рода рекордсменов, поклонение одушевленным и неодушевленным кумирам, творимым беспощадной машиной рекламы, — все это продукты рефлексивного управления массами людей»,⁸ — пишет Лефевр.

Следуя своему методу, Лефевр выделил ещё один важный аспект своей теории — наличие этических систем. Этические системы и богатые выводы, которые можно сделать из их существования, были подробно описаны в едва не самой важной книге В. А. Лефевра — «Algebra of conscience»,⁹ которая на русском получила название «Алгебра совести».

Книга начинается с небольшой легенды, которая ярко демонстрирует наличие двух этических систем, их свойств, а также отношений этих систем между собой. Легенда служит простым и доступным объяснением тех выводов, которые были обнаружены Владимиром Лефевром в результате непростых вычислений.

Вообразим игрушечный замок, где живет бумажный человек со своими друзьями. Внезапно, огнедышащий дракон прилетает к замку, грозя сжечь его. Бумажный человечек бесстрашно выходит из замка и пытается пробудить в драконе человеческие

са? // Независимая газета. 22.11.2000. Доступно из: http://www.reflexion.ru/Library/Lefebvre_2000_1.htm (23.06.2011).

⁸ Лефевр В. А. Алгебра конфликта. М.: Знание, 1968. С. 52.

⁹ Conscience (англ.) — сознание, осознание, совесть.

чувства. Дракон изрыгает пламя, и человечек превращается в горстку пепла. Через время тот же дракон подлетает к другому замку, где живет другой бумажный человечек со своими друзьями. Этот человечек ведет себя иным образом. Он выходит из замка со шпагой в руке, готовый, несмотря на различие сил, к схватке. Дракон вновь изрыгает пламя, маленький человечек гибнет. Каждый замок канонизирует своего героя. Проходят столетия, жители замков обнаруживают существование друг друга и сразу же вступают в конфронтацию. Жители первого замка считают своего человечка истинным героем, а другого — слабым, потому что у него не хватило храбрости выйти к дракону без оружия. Жители второго замка считают героем именно своего человечка и полагают, что первый человечек побоялся взять в руки шпагу и заискивал перед драконом. Кто из них прав, а кто ошибается? Видно, что нет никаких рациональных оснований отдать предпочтение одной из этих точек зрения, но принять их обе одновременно тоже нельзя.¹⁰

В первой этической системе, в которой герой протягивает руку дружбы дракону, соединение добра и зла оценивается как зло, т. е. ложка дегтя портит бочку меда. Во второй этической системе, в которой герой выходит к дракону со шпагой в руках, соединение добра и зла оценивается как добро, т. е. ложка меда облагораживает бочку дегтя. То есть в первой этической системе человек поднимается в собственных глазах, когда выбирает отношение союза с другим человеком. Во второй этической системе человек поднимается в собственных глазах, когда выбирает конфронтацию.

В одной из своих статей, которая повествует о наличии двух этических систем, Лефевр иллюстрирует свою модель уже на примере из жизни, непосредственно связанном с конфликтологической наукой.

«Рассмотрим в этой связи то, что можно было бы назвать “парадоксом талибов”. Как известно, молодежная организация талибов возникла в лагерях афганских беженцев в Пакистане.

¹⁰ См.: Лефевр В.А. Алгебра совести. М.: Когито-центр, 2003. С. 33.

Эти лагеря были созданы, в значительной степени, благодаря американской помощи. Считалось само собой разумеющимся, что талибы станут верными союзниками Соединенных Штатов. Это убеждение играло ключевую роль при подготовке стратегических решений, затрагивающих Центральную Азию. Антиамериканский поворот талибов стал полной неожиданностью для большинства политиков. Глубинная причина этого поворота состоит отнюдь не в специфике Ислама, а в том, что организация талибов, если рассматривать ее в качестве макро-субъекта, принадлежит ко второй этической системе. Любой компромисс такого макро-субъекта с другим макро-субъектом унижает его в собственных глазах, независимо от материальных благ, которые сулит этот компромисс».¹¹

Зная о наличии двух этических системах и об их свойствах, политики США не допустили бы таких серьезных просчётов. Однако возможности этого метода не исчерпываются лишь его предсказательной силой. Лефевр создаёт такую модель, в которой субъект включает в себя иерархию образов самого себя и другого, который вступает в отношения с данным субъектом. Таким образом, модель позволяет не только отражать выбор субъекта, но и связывать его с синхронно протекающими процессами оценки самого себя и другого, а также отражениями этих оценок на следующих этапах рефлексивной иерархии. Это означает, что модель биполярного выбора может использоваться далеко за пределами морального выбора.

В. А. Лефевр не останавливается на теоретической части, он стремится подтвердить свою теорию на практике, проводя различные исследования и анализируя их. Кроме того, он интерпретирует различные исторические события.

Так, в своём интервью одной русской газете¹² Лефевр анализирует историю России и показывает, какое место этические системы играли в её развитии. Там же он рассматривает Дж. Буша

¹¹ Лефевр В. А. Стратегические решения и мораль // Рефлексивные процессы и управление. Т. 2. № 1. 2002. С. 26.

¹² Сайт. Новая Газета. № 84 от 01.11.2007 г. Доступно из: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/84/13.html> (23.06.2011).

и В. Путина как героев первой и второй этической системы, соответственно. Любопытно отметить, что в этом интервью Лефевр изложил свой взгляд на будущее России, который пока не противоречит действительности.

Таким образом, Владимир Лефевр исходит в своей теории не из модели функционирования мозга, а из модели работы психики человека, в которой установлена связь между психическими процессами и актами поведения человека при полном отвлечении от физиологического аспекта. Построение такой модели возможно с помощью математического метода, который учитывает наличие у субъекта обобщённого образа мира, образа другого субъекта, на который направлена активность данного субъекта, и образа себя данного субъекта.

При взаимодействии нескольких субъектов строится модель «рефлексивной системы», благодаря которой можно предсказывать ход развития взаимодействия субъектов, а также управлять им.

Немаловажным аспектом в теории Лефевра является утверждение о наличии двух этических систем, которые различаются своей оценкой факта компромисса с противником (со злом). Принадлежность к той или иной системе предопределяет поведение субъекта в конфликте, его принятие или непринятие компромисса. Именно наличием двух этических систем Лефевр объясняет невозможность России и США прийти к плодотворному взаимодействию, так как они являются представителями разных этических систем.

Безусловно, теория конфликта В. А. Лефевра вносит существенный вклад в развитие конфликтологии. Благодаря формализации (математизации) метода, предложенного Лефевром, теорию можно применять для изучения самых разнообразных ситуаций, возникающих при взаимодействии субъектов, в особенности — конфликтных ситуаций.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачкасов Валерий Алексеевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных политических процессов факультета политологии СПбГУ.

Батжаргал Загасбалдан — преподаватель кафедры философии Монгольского государственного университета.

Болдырева Елена Леонардовна — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений ИМОП.

Гельм Юлианна Сергеевна — сотрудник кафедры международных отношений ИМОП.

Иманов Гейдар Мамедович — академик, Президент научно-образовательного комплекса «Смольный университет».

Кирвель Чеслав Станиславович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета (Республика Беларусь).

Климин Иван Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений ИМОП.

Ковалёва Татьяна Викторовна — кандидат философских наук, ассистент кафедры прикладной этики философского факультета СПбГУ.

Кучумова Екатерина Валентиновна — кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений ИМОП.

Матвеевская Анна Сергеевна — кандидат географических наук, старший преподаватель факультета международных отношений СПбГУ.

Михайлова Виктория Михайловна — студентка философского факультета СПбГУ.

Мукбил Мансур Хасан — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений ИМОП.

Мусаев Вадим Ибрагимович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений ИМОП.

Осипов Игорь Дмитриевич — доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений ИМОП, профессор философского факультета СПбГУ.

Павлова Ольга Константиновна — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений ИМОП.

Погодин Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений ИМОП.

Полосухина Анна Владимировна — студентка философского факультета СПбГУ.

Посадский Александр Владимирович — профессор Смольного института РАО.

Рыбас Александр Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент философского факультета СПбГУ.

Рябова Анна Львовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений ИМОП.

Троицкий Сергей Александрович — кандидат философских наук, ст. преподаватель философского факультета СПбГУ.

Тростинская Валентина Петровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений ИМОП.

Ягья Талие Саидовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений ИМОП.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

<i>Матвеевская А. С., Погодин С. Н.</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИММИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ.	5
<i>Ачкасов В. А.</i> «СЦЕНАРИИ» И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.	25
<i>Савчук В. В.</i> МЕДИАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ЖЕРТВЫ.	39
<i>Ягья Т. С.</i> О РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.	55
<i>Тростинская В. П.</i> ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.	61
<i>Болдырева Е. Л., Гельм Ю. С.</i> ДЕМОКРАТЫ ШВЕЦИИ ПОСЛЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2010 ГОДА. .	83
<i>Рябова А. Л.</i> АКСИОЛОГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.	95

ГЛАВА 2. РОССИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

<i>Иманов Г. М.</i> РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 21 ВЕКЕ: НА ПУТИ К ФОРМИРОВАНИЮ ЕВРАЗИЙСКОГО ПОЛЮСА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.	117
<i>Кирвель Ч.</i> «МОДУС ПЕРЕХОДНОСТИ» КАК ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПАРАДОКС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО МИРА.	123

Кучумова Е. В.

РЕЦЕПЦИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВА КАК ФОРМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ В МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО. 168

Климин И. И.

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ: ПОЛЕМИКА ПО ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ
НЕЗАВИСИМОСТИ АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ. 190

Мукбиль М. Х.

КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. 214

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Посадский А. В.

ПАТРИОТИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В СВЕТЕ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА. 221

Мусаев В. И.

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОГО ШКОЛЬНОГО ДЕЛА В АВТОНОМНОЙ
И НЕЗАВИСИМОЙ ФИНЛЯНДИИ. 240

Ковалева Т. В.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БИЛИНГВИЗМА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ. 261

Батжаргал З.

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В МОНГОЛИИ
И РОССИИ. 275

Павлова О. К.

РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ, США И РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. 286

Полосухина А. В.

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ФУТУРИЗМА В РОССИИ И ИТАЛИИ
В 1910-Е ГОДЫ. 302

ГЛАВА 4. ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Осипов И. Д.

ПОЛЕМИКА О ПРАВОСОЗНАНИИ В КУЛЬТУРОЛОГИИ РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ: И. А. ИЛЬИН И Н. А. БЕРДЯЕВ. 317

<i>Рыбас А. Е.</i> МЕХАНИЗМЫ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ.....	334
<i>Троицкий С. А.</i> ПРОЦЕССЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ.....	350
<i>Михайлова В. М.</i> НАУЧНЫЙ ВКЛАД В. А. ЛЕФЕВРА В КОНФЛИКТООЛОГИЮ США.....	367
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	375

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КУЛЬТУРА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

К 1150-летию российской государственности

Под ред. *И. Д. Осипова, С. Н. Погодина*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3004 — научная и производственная литература

Подписано в печать 17.10.2012. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 23,75. Тираж 500. Заказ 366.

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного авторами,
в типографии Издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.